

**Кертман Л.Е. География, история и культура Англии
М.: Высшая школа, 1979.**

ПРЕДИСЛОВИЕ

В пособии сделана попытка систематического изложения географии, истории и культуры Англии с древнейших времен до наших дней. Некоторые общие принципы построения книги кратко могут быть охарактеризованы следующим образом: автор стремился рассматривать гражданскую историю Англии в органической связи с развитием экономики и национальной культуры. Поскольку история культуры есть прежде всего история одной из форм классовой борьбы, освещение ее в виде определенного дополнения к гражданской истории неизбежно приводит к отрыву данной (идеологической) формы от других форм классовой борьбы, что обедняет представление как о гражданской истории, так и об истории культуры. По этим соображениям сведения по истории культуры, как и географические сведения, не выделены в отдельные главы или разделы (типа «Английская культура периода феодализма»), а включены в общее историческое повествование. Тем не менее, внимательный читатель может проследить основные тенденции развития отдельных сфер духовной жизни, преемственность различных сторон историко-культурного процесса.

При отборе материала автор стремился избегать дублирования с другими дисциплинами. Вопросы, изучающиеся в курсах всеобщей истории, истории КПСС, истории зарубежной литературы затронуты в данном пособии лишь в той степени, в какой это необходимо для понимания общего хода событий гражданской истории и процессов, происходивших в культурной жизни.

Экономическая, социальная, политическая, духовная жизнь сегодняшней Великобритании прочными нитями связана со всей историей страны, включая и самые ранние периоды становления англо-саксонского общества. Но, разумеется, непосредственные истоки сегодняшних проблем следует искать в новейшей истории Великобритании, далее - в особенностях британского империализма и, наконец, в истории становления и развития английского капитализма. Поэтому основное внимание в книге уделено новой и новейшей истории, причем история отдельных этапов развития страны излагается тем детальнее, чем ближе она к нашим дням. При освещении событий и процессов историко-культурного характера автор стремился показать наиболее значительные достижения английской национальной культуры в общественной мысли, философии, естественных науках и в искусстве. Соответственно в рамках каждого периода освещаются те области духовной жизни, в которых именно на этом этапе были достигнуты результаты, обогатившие мировую культуру. В книге характеризуются и такие явления духовной жизни, которые, не обладая высокой научной или эстетической ценностью, наиболее полно выражают идеалы, ценностные ориентации, нравственные нормы, тип мышления различных классов английского общества.

Глава 1

ФЕОДАЛЬНАЯ АНГЛИЯ

Становление феодальных отношений

Большая часть территории Великобритании характеризуется пересеченным рельефом. В северной части острова (Шотландия) возвышаются горы высотой от 840 до 1340 м над уровнем моря. Северо-Шотландское нагорье отделено от Южно-Шотландского Средне-Шотландской низменностью - эта область наиболее благоприятна для заселения. Она представляет собой, однако, довольно узкую полосу (шириной менее 100 км), и в древнейшие времена связь между жившими здесь родами и населением собственно Англии (к югу от Южно-Шотландского нагорья) была крайне затруднена.

Горные массивы покрывают почти всю западную часть острова, в особенности Уэльс и Корнуэлл. Среднюю часть Северной Англии занимают Пеннинские горы, которые отделяют Ланкаширскую низменность на западе от Йоркширской на востоке.

Южная половина Великобритании представляет собой равнины, разделенные холмами и возвышенностями. Поэтому передвижение населения на юго-восток и вдоль восточного побережья, омываемого Северным морем, не было связано с такими трудностями, как в Шотландии, Уэльсе и Корнуэлле.

Почти всю территорию островов в древности покрывали труднопроходимые леса и кустарники. При помощи грубых каменных орудий эпохи палеолита расчистить участки земли из-под леса для поселений было почти невозможно. Более совершенные неолитические орудия несколько облегчили вырубку лесов, но человек еще не мог освободить от лесного покрова значительные участки и использовать их для земледелия. В то же время в лесах было достаточно дичи для охоты, так что у древнейших людей Британии не было особого стимула для перехода к животноводству.

Кроме того, немалое место в рационе занимала рыба, которой богаты омывающие Великобританию моря. В V тысячелетии до н. э., после отделения от континента Великобритании, ее островное положение начало сказываться на всех сторонах жизни населения, обитавшего преимущественно в южной и юго-восточной частях острова. В частности, рыбная ловля в Ла-Манше, Северном и Ирландском морях, Атлантическом океане обеспечивала пропитание племенам, жившим вблизи от побережья. Но и в сравнительно отдаленных от моря районах также не было недостатка в рыбных богатствах. Полноводные реки Великобритании покрываются льдом лишь в самые холодные зимы, и то на короткое время. Хотя истоки большинства крупнейших рек находятся в горах, реки протекают по равнинам и низменностям, где и селились люди времени палеолита. Самая длинная река - Северн (338 км) берет начало в горах Уэльса и впадает в Бристольский залив (на западном побережье), Ланкаширскую низменность пересекает Мерсей, впадающий в Ливерпульский залив. Главная река восточного побережья - Темза (336 км) течет по наиболее густозаселенным

районам юго-восточной Англии. Средне-Шотландская низменность также богата реками; наиболее важные из них - Клайд (157 км), берущий начало на Южно-Шотландском нагорье и впадающий в залив Фёрт-оф-Клайд (западное побережье), и Форт, впадающий в залив Фёрт-оф-Форт (восточное побережье).

Если в эпоху палеолита развитие населения Британских островов проходило в основном синхронно с развитием его в других районах, то на неолитической стадии можно отметить некоторое отставание, выразившееся прежде всего в том, что охота, рыбная ловля, собирательство все еще оставались главным занятием населения. Но и в Великобритании новокаменный век был связан с огромным прогрессом в усовершенствовании орудий труда, организации общества, быте и культуре.

На период неолита падает расцвет первобытной общины. Основы материальной и духовной культуры человечество заложило на базе коллективного труда и общественной собственности на средства производства.

Эпоха неолита на Британских островах затянулась до начала II тысячелетия до н. э., когда племена Британии - скотты и пикты - вступили в век меди и бронзы, а затем и в железный век.

С вступлением в век металла впервые приобрело значение богатство английских недр, прежде всего наличие цветных металлов - меди, бронзы и, особенно, олова. Их месторождения имеются во многих районах страны, но в древнейшие времена разработки велись главным образом в юго-западных и западных горных районах, в особенности в Корнуэлле. Залежи олова здесь так велики, что местные племена торговали им с мореплавателями из далекой Финикии. Торговле с финикийцами способствовали благоприятные географические условия. Окружающие Великобританию моря не замерзают благодаря теплоте Северо-Атлантического течения, а берега ее изобилуют удобными заливами и бухтами.

Климат Британии, определяющийся главным образом влиянием моря, в целом благоприятен для земледелия, но при условии значительных трудовых затрат. Благодаря теплым влажным ветрам, дующим с Атлантического океана преимущественно в зимнее время, в Англии, как правило, очень мягкая зима; температура здесь на 12-15° выше, чем в странах континента Европы или в Канаде, лежащих на тех же 50-59 параллелях. Но этими же ветрами объясняется пасмурная погода, частые дожди и туманы; в среднем на территории Британии бывает 209 дождливых дней в году. Сельское хозяйство страны никогда не страдает от засухи, но обилие осадков и, в особенности, непродолжительность солнечного сияния создают особые трудности, равно как и сильные ветры, от которых иногда полегают посевы. В западных горных районах осадков так много (примерно 1500 мм в год), что зерновые нередко вообще не вызревают. Наиболее благоприятные климатические условия на юго-востоке и, в меньшей степени, на востоке страны, защищенном от атлантических ветров горами. Осадков здесь не больше 600-700 мм в год, среднесуточная продолжительность солнечного сияния достигает 4,5 часа (в западных и северных - от 3 до 3,9 часа). Юго-восточный район и Средняя Англия в известной степени благоприятны для земледелия, поскольку южные

склоны гор и холмов хорошо прогреваются солнцем, но обработка земли на пересеченной местности требует больших усилий.

Переход к скотоводству и земледелию в начале века металла привел к некоторому социальному расслоению. Вторжение в Британию кельтских племен, стоящих на более высокой стадии развития, ускорило этот процесс. В VI в. до н. э. началось заселение Британии кельтскими племенами, продолжавшееся вплоть до начала I в. до н. э. Кельты смешались с местными племенами пиктов и скоттов и кельтизировали их. Это смешанное население, в основном кельтского происхождения, принято именовать бриттами; видимо, так называлось одно из кельтских племен.

Кельтское вторжение совпало со вступлением Британии в железный век. Железный топор облегчил вырубку лесов, а это ускорило освоение равнин юго-восточной и центральной Англии, которые вскоре стали житницей страны.

Кельты Британии жили на стадии патриархально-родового строя, но с известными пережитками матриархата: у отдельных племен сохранялось многоженство. Общинная собственность на землю была основой хозяйства до конца кельтского периода истории Англии, несмотря на сравнительно высокое развитие производительных сил и довольно далеко зашедшее имущественное расслоение.

В процессе продвижения на Британские острова, в ходе войн с пиктами и скоттами возросло значение кельтских племенных вождей. Нередко кельтские племена вступали во временные союзы для ведения боевых операций. Военные предводители таких союзов приобретали особенно большую власть и время от времени подчиняли себе огромные территории. Возникли племенные центры, которые впоследствии превратились в города (например, Лондиниум, ныне - Лондон). По мере накопления богатств родовая и племенная знать все больше стремилась использовать военную силу племени для ограбления других племен. Войны подрывали единство кельтских племен, создавали почву для союза части знати с иноземцами. Все это облегчило порабощение Британии могущественным противником - Римской империей.

Начиная с 58 г. до н. э. Юлий Цезарь воевал в Галлии и в ходе этой продолжительной войны дважды совершал походы в Британию, но превращение Британии в римскую провинцию произошло спустя почти столетие. Римляне, начав завоевание (43 г. н. э.), опирались не только на военную силу, но и на поддержку проримских группировок в самой Британии.

Кельты оказывали ожесточенное сопротивление, но превосходство военной силы римлян и отсутствие единства среди бриттов неизменно приводили к поражению восставших. Все же римлянам не удалось полностью подчинить всю территорию Британских островов. Непокоренными остались племена Ирландии и Шотландии, а Уэльс и другие западные районы удерживались в повиновении лишь методами военной оккупации. Не имея возможности покорить северные и западные племена, римляне руками рабов возвели огромной протяженности валы на границах Шотландии (так называемые римские валы).

Хотя римское владычество повлияло на общественные отношения

британских кельтов, ускорив выделение знати и развитие имущественного неравенства, в целом романизация мало затронула подавляющее большинство племен. Полностью сохранилась родовая организация в Ирландии и Шотландии.

Во II - III вв. начался кризис Римской империи.

Племена Ирландии, добившись прочного объединения, начали вторгаться в пределы римской Британии и расселяться в северной и центральной части провинции. Вторжения сопровождалось боями с римскими гарнизонами, разграблением и уничтожением вилл и ликвидацией римских порядков. Римские войска могли замедлить этот процесс, но не в силах были уже остановить его, тем более что в конце III в. и с Востока начались набеги северогерманских племен - саксов, англов, ютов и фризов; в 410 г. римское владычество в Британии было официально прекращено.

Но германские племена англов, саксов и ютов, жившие между Рейном и Эльбой и на Ютландском полуострове, уже не ограничивались пиратскими набегами, а начали завоевывать земли Британии и поселяться на них. Сопrotивление бриттов было таким упорным, что процесс англосаксонского завоевания Британии затянулся больше чем на полтора века и завершился лишь в начале VII в. Более того, даже на этом этапе не только Ирландия, но и Шотландия, и западные районы страны (Уэльс и Корнуэлл) полностью сохранили кельтский характер. Местные племена и оттесненные с Востока бритты создали племенные объединения и долго еще отстаивали свою независимость. Но огромные территории страны, ставшие впоследствии собственно Англией, были завоеваны и заселены англосаксами.

Англосаксонское общество отставало в своем развитии от многих обществ континента примерно на два столетия. У англосаксов все еще преобладала общественная собственность на землю и соответствующий ей характер общественных отношений. Правда, это была уже не родовая собственность, а собственность свободной сельской общины. Основную массу населения составляли члены общины - керлы. Они получали от общины гайду - надел примерно в 120 акров земли. Но керл не мог распоряжаться землей по своему усмотрению. Четкие нормы обычного права обязывали его подчиняться принудительному севообороту. Когда заканчивался сбор урожая, все поле становилось выгоном для овец и крупного рогатого скота. Керлы составляли основную военную силу англосаксов - народное ополчение. Все дела общины решались на сельском сходе (галимоте); здесь избирался староста, рассматривались споры между соседями, обсуждались хозяйственные вопросы и т. д.

Однако уже в ту пору (VI - начало VII в.) существовала и родовая, и общинная знать - эрлы. Эрлы были знатнее и богаче керлов, но никакими особыми правами по отношению к массе общинников они не обладали.

В процессе освоения территории Британии англосаксы создали семь королевств: на севере - королевство Нортумбрия; южнее, в центре страны, - Мерсия, к востоку от нее - Восточная Англия и Эссекс, к югу от Эссекса - Суссекс, граничивший с востока с небольшим королевством Кент и с запада - с

Уэссексом.

Однако власть короля над населением королевства была довольно прозрачной: традиционная общинная система ограничивала не только эрлов, но и самого короля. С каждой гайды община должна была выставлять по одному вооруженному воину - этим, в сущности, исчерпывались повинности населения по отношению к королю.

Сельские общины объединялись в округа - так называемые сотни, которые управлялись собраниями представителей общин. Здесь же избирался сотенный старшина, председательствовавший на собраниях сотни. Более крупные территориальные единицы - графства - возникли из племенных объединений и управлялись собраниями представителей сотен преимущественно из среды родовой и общинной аристократии во главе с эльдорменом - главой графства.

Как видим, управление делами англосаксов на раннем этапе завоевания ими Британии было не управлением сверху, со стороны короля и его аппарата, а самоуправлением общин. Этот строй, обеспечивавший свободу и личное достоинство основной массы населения, надолго остался в памяти народа, видевшего в раннем англосаксонском обществе идеал равенства и свободы. И все же свободная сельская община не была общиной равных; в ней проходило имущественное и социальное расслоение. Некоторые крестьяне и вовсе лишались наследственного надела и оказывались на положении зависимых от крупных землевладельцев людей. Получив от них земельный надел, крестьянин обязывался платить оброк либо работать на барщине.

В то же время крупное землевладение быстро росло как за счет общинных земель, так и путем расчистки от лесов новых территорий. Кроме эрлов крупными землевладельцами становились также дружинники короля либо эльдормены. Крупное и среднее землевладение феодального типа достигло значительного развития уже в VII-VIII вв. Короли семи королевств оформляли земельные пожалования специальной грамотой - боклом. Если выросшие в процессе разложения общины крупные владения (фолкленд) были еще долгое время составной частью общинных земель и владелец вынужден был считаться с общинными порядками, подчиняться принудительному севообороту и т. д., то полученная по грамоте земля (бокленд) становилась ничем не ограниченной земельной собственностью владельца.

О чем думал, какими духовными интересами жил англосаксонский крестьянин тех столетий, когда рушился вековой уклад общинной жизни, рвались родовые связи, когда вчерашний сосед-общинник превращался в крупного землевладельца, а он сам оказывался перед угрозой порабощения? С грустью наблюдая, как стяжательство, насилие, несправедливость убивают лучшие человеческие качества, присущие коллективу рода или общины, он все больше ценил великолепные моральные достоинства человека прошлых веков: мужество, готовность пожертвовать собой ради счастья коллектива, помочь родственнику или соседу, глубокое чувство справедливости. Именно эти черты героев прошлого более всего привлекали его симпатии, и талантливые люди из народа слагали о них песни. Желанными гостями в каждой деревне были глеоманы - певцы и музыканты, которые могли долгими часами петь либо

скандировать стихи о благородных и самоотверженных героях. Крупнейший дошедший до нас памятник устного народного творчества - знаменитая «Поэма о Беовульфе» - был создан в конце VII в. Эта поэма повествует о подвигах могучего и справедливого Беовульфа, который после множества подвигов гибнет, спасая свою родину от страшного дракона. Поэму о Беовульфе скандировали и при королевских дворах певцы из среды дружинников - скопы. Искусство песни было широко распространено среди простых крестьян. Хоровые свадебные, застольные, погребальные, военные, рабочие песни, связанные нередко с языческими культами, сопровождали англосакса в труде и накануне боя, во время пира, в радости и в горе.

Вся эта народная песенная стихия была глубоко враждебна новым социальным тенденциям, так как отражала систему взглядов и чувствований, типичных для доклассового общества. И отнюдь не случайно идеология европейского феодализма - христианская религия - уже в те времена противопоставила себя полнокровному языческому народному миропониманию.

Христианизация англосаксов продолжалась почти целое столетие - с 597 г., когда присланные папой миссионеры убедили креститься короля Кента, до конца VII в. Общинники сопротивлялись этой чуждой им вере. Языческие культы и обряды были привлекательны не только своей привычностью, но и тем, что с ними ассоциировались взгляды и порядки общинного строя.

Христианство уже в то время наложило отпечаток на быт, нравы, культуру англосаксонского общества. Монастыри, построенные в различных районах страны, возникшие при них монастырские школы стали важными центрами культуры и образованности средневековья. Здесь развивалась латинская письменность, которая в те времена носила международный характер и способствовала культурным и иным связям со странами континента. До этого времени немногие образованные англосаксы пользовались руническим письмом. В VII в. возникла древнеанглийская письменность.

В монастырях жили и творили наиболее образованные люди той эпохи, оставившие немалый след в истории английской культуры. Наибольшую известность в Англии и других странах приобрел Беда Достопочтенный (673-735), который провел всю свою жизнь в монастыре Ярроу в Нортумбрии. Перу Беды, как и многих других монастырских книжников, принадлежат руководства по самым различным наукам - метеорологии и медицине, физике и грамматике. Европейскую известность принесла Бедо «Церковная история народа англов».

Как ни велико было значение латинской образованности с точки зрения общего прогресса культуры, все же это была христианская культура верхушки англосаксонского общества. Несколько большее влияние на массы должна была оказывать религиозная поэзия на англосаксонских диалектах. Именно она вступила в прямое соревнование с героическим эпосом англосаксов. Так сталкивались два мировоззрения или, точнее, мироощущения: христианско-аскетическое, предполагавшее отказ от земных благ, видевшее своих героев в мучениках и святых, пронизанное страхом перед «страшным судом», и

народно-языческое, здоровое, не знающее других ценностей, кроме героизма, благородства, мужества, высоко ставящее реальные радости бытия. Даже в христианскую поэзию пробивались традиционные мотивы героического эпоса, и один поэт из Нортумбрии в VII в. писал о Христе: «Молодой герой, всемогущий бог, силен и храбр», как можно было бы написать, например, о Беовульфе. Это противоречие проявляется и в изобразительном искусстве, которое было христианским по тематике и символике, но поскольку непосредственными исполнителями оставались безымянные мастера из народа, нередко отражало мотивы народной фантазии языческого периода. Таковы, например, придорожные кресты, которые уже с VII в. сооружаются в различных районах Британских островов. Наиболее известен большой крест у деревни Разуэлл (Шотландия), покрытый орнаментом из виноградных лоз, изображениями птиц и листьев, а также и сцен из Ветхого завета и житий святых.

В монастырях Англии, Шотландии и Ирландии большого искусства достигли мастера книжной миниатюры. Особенно тщательно украшались евангелия, древнейшее из которых - «Книга из Дурроу» - было выполнено около 700 г. в одном из монастырей Нортумбрии.

Художники тщательно разрисовывали крупный инициал первой страницы рукописей, занимающий обычно более половины страницы. Простые геометрические формы этой буквы заполнялись тончайшим и очень сложным орнаментом с преобладанием животных либо растительных мотивов.

С конца VIII в. в Англии усилилось стремление к государственному единству, что было связано с ростом сопротивления общинников феодалам и с появлением опасного внешнего врага - норманнов, или датчан, как их называли в Англии. Дружины норманнов с VIII в. начали совершать пиратские набеги на Британские острова.

Расположение Уэссекса, лежавшего сравнительно далеко от районов датских набегов, дало ему известные преимущества в борьбе за первенство с другими королевствами, и в 829 г. большая часть страны объединилась под главенством уэссекского короля. Объединенное государство с этого времени стало называться Англией.

В 60-х годах IX в. датчане перешли от пиратских набегов к завоеванию страны, как за четыре века до этого сами англосаксы. Крупные силы датчан высадились в Англии, разгромили дружины и ополчение Нортумбрии. Мерсии, Восточной Англии и вскоре основали свои независимые королевства в Нортумбрии и Восточной Англии.

В это время королем был крупный государственный деятель той эпохи Альфред, называемый в Англии Альфредом Великим (871-899 или 900). После многих сражений, ШРДШИХ с переменным успехом, он выплатил датчанам дань и тем обеспечил возможность провести необходимые реформы и подготовиться к дальнейшей борьбе.

Ему удалось перестроить армию, создать флот для обороны берегов и нанести противнику серьезные поражения, в результате которых в конце 80-х годов IX в. был достигнут компромисс: юго-западная часть страны оставалась

за англосаксами, северо-восточная - за датчанами. Эти районы стали называться «Областью датского права». В течение X и первой половины XI в. войны с датчанами нередко приносили победы уэссекской династии. Правда, с конца X в. новая волна нашествий со Скандинавского полуострова опять изменила соотношение сил в пользу датчан, и с 991 г. англосаксонские короли, чтобы сохранить корону и избежать опустошительных набегов, систематически выплачивали дань, для чего был введен специальный налог - «датские деньги» (Danegeld). К середине XI в. было достигнуто объединение всех англосаксонских земель под властью короля Эдуарда Исповедника (1042-1066). Датские набеги ускорили процесс феодализации. Достаточно было датской дружине пройти по той или иной местности, чтобы тысячи керлов навсегда лишились возможности восстановить свое хозяйство. Росли королевские поборы, а когда были введены «датские деньги» (от 1 до 4 шиллингов - по тому времени весьма значительная сумма), общиннику нередко приходилось отдавать остатки своего имущества.

Наконец, в условиях постоянных войн крестьянину необходим был сильный «покровитель», человек, который мог защитить его от датских либо англосаксонских банд, бродивших по стране. Свободный общинник вынужден был отказываться от своей независимости и свободы, переходя вместе со своей землей под «покровительство» эрла и обязуясь выполнять разнообразные повинности.

Войны и объединение государства способствовали выделению крупных, средних и мелких землевладельцев феодального типа. Теперь не король вооружал и кормил дружинников за счет военной добычи, а сам дружинник становился землевладельцем и за счет труда своих крестьян приобретал тяжелое вооружение, коня, содержал оруженосцев и слуг, окружал роскошью себя и свою семью. Так окрепло возникшее еще до датских набегов военнотрудовое сословие тэнов.

Королевская власть, представляющая интересы формирующегося класса феодалов, не ограничивалась раздачей земель; законом, властью государства она закрепляла зависимость крестьян от землевладельцев, которые назывались глафордами (впоследствии - лордами)

Власть феодала над крестьянами усиливалась также в результате того, что глафорду предоставлялось право суда над ними, т. е. ему передавалась часть государственных функций. Право суда, называвшееся сокой (в других странах - иммунитетом), в то время получили лишь наиболее крупные и влиятельные феодалы.

Процесс укрепления феодальных отношений сопровождался изменениями в организации управления. Сотенный старшина, который раньше избирался на собрании сотни, постепенно превратился в королевского чиновника, подчинявшегося не собранию, а старшему начальнику по административной лестнице. Таким начальником был для него скиргерета (отсюда впоследствии возникло слово «шериф») графства, назначенный королем. Собрания сотен и графств сохранились, но они стали теперь собраниями самых крупных и влиятельных землевладельцев. В собрании сотни принимали участие также

старосты общин, священники и наиболее зажиточные крестьяне.

Высшая государственная власть сосредоточилась в руках короля и уитенагемота («Совета мудрых»). В уитенагемот объединенного англосаксонского королевства входили крупнейшие земельные магнаты: эльдормены графств, некоторые тэны, епископы. Являясь советниками короля, они одновременно ограничивали его власть, так как все важные государственные решения король должен был согласовывать с уитенагемотом.

Развивающемуся феодальному государству нужны были образованные люди не только для того, чтобы оказывать соответствующее идеологическое влияние на массы, но и для аппарата управления, для общения со странами континента. Значительный след в истории английской культуры и просвещения оставило царствование Альфреда, которого Н. Г. Чернышевский называл «распространителем просвещения». Изучив латынь, Альфред сам занялся переводом на англосаксонский (древнеанглосаксонский) язык латинских сочинений философского и теологического характера и поощрял к этому членов небольшого кружка образованных людей, приближенных к королю. Альфреда не без основания считают основателем литературной прозы англосаксов. Особое значение имел перевод «Церковной истории англов» Беды Достопочтенного на англосаксонский язык. Благодаря переводческой деятельности Альфреда и его кружка были введены в обращение среди крайне узкой образованной верхушки также произведения античной и христианской литературы.

При Альфреде были восстановлены многие монастырские школы, разрушенные в период датских нашествий, и созданы новые. Для своих детей Альфред учредил светскую школу, а затем такие школы появились и для детей знати.

Победу феодальных отношений, подготовленную всем ходом истории англосаксов, ускорил приход на Британские острова новых завоевателей - феодалов Нормандии. Созданное норманнами в начале X в. герцогство Нормандия по составу населения было преимущественно французским; пришельцы быстро растворились в основной массе местных жителей.

В 1066 г. герцог нормандский Вильгельм предъявил свое право на английскую корону, ссылаясь на то, что Эдуард Исповедник будто бы завещал ему свой престол. Собрав армию из нормандских баронов и рыцарей из различных частей Франции, Вильгельм в сентябре 1066 г. переплыл Ла-Манш и вскоре разгромил англосаксонские войска в битве при Гастингсе. Армия Вильгельма успешно продвигалась в глубь английской территории, и отрезав Лондон от непокоренных северных районов, вступила в столицу. Уитенагемот, заседавший под контролем нормандских рыцарей, «избрал» Вильгельма королем; 25 декабря он был коронован в Вестминстерском аббатстве под именем Вильгельма I. В Англии и в других странах его стали называть Вильгельмом Завоевателем. По праву завоевателя Вильгельм считался собственником всей земли и, нуждаясь в поддержке нормандских феодалов, раздавал им земли, конфискованные у англосаксонских эрлов, тэнов, епископов и аббатств. Посты епископов и аббатов были переданы французским

церковникам. Новый господствующий класс состоял почти исключительно из феодалов французского происхождения, не знавших англосаксонского языка и обычаев, чуждых традициям завоеванной страны.

В 1086 г. была проведена первая в истории Англии перепись населения и его имущества - мера выдающегося экономического, социального и культурного значения. Так как сведения для переписи давали самые уважаемые, т. е. зажиточные, люди общины и за ложную информацию полагались наказания, как на «страшном суде», это послужило основанием для распространения уже тогда неофициального названия переписи - «Книга страшного суда». Во все населенные пункты были разосланы специальные уполномоченные, которые собрали и записали данные о земельных держаниях, количестве скота, инвентаре и т. д. При этом в категорию крепостных - вилланов были занесены многие из тех крестьян, которые до этого считались лично свободными. В результате только 21% всего населения оставался свободным после переписи; но в эту цифру входили также феодалы, купцы, ремесленники, монахи, составляющие примерно 9% населения, так что на долю свободных крестьян оставалось 12%. Впоследствии свободных крестьян стали именовать фригольдерами; эта группа была распространена главным образом в бывшей «Области датского права». Вилланы по переписи составляли 38% населения. Кроме того, перепись засвидетельствовала существование многочисленных мелких крестьян-коттариев, которые имели ничтожные наделы (1-2 акра), не входившие в систему общинных полей; они составляли 32% населения. Наконец, 9% составляли сервы-рабы, чаще всего использовавшиеся в качестве домашних слуг, пастухов и, частично, для работы на барщине вместе с вилланами и коттариями. В течение XII в. различия между этими группами стерлись. Сервы получили наделы земли и перешли на положение вилланов, различие в земельных наделах большинства вилланов и коттариев стало незначительным. К началу XIII в. почти все сельское население слилось в однотипную массу вилланства.

Основной производственной единицей развитого феодального общества в Англии стало феодальное поместье - манор, которое начало складываться еще до нормандского завоевания, но лишь в XII-XIII вв. получило законченную форму. Возглавлял манор лорд, владевший землями в одной или - чаще - нескольких общинах, за которые он был обязан определенными повинностями одному или нескольким крупным феодалам - баронам, аббатам или епископам. Лорд манора был заинтересован в том, чтобы получить как можно больше плодов труда крестьянина. Управляя поместьем через своего управляющего - бейлифа, лорд манора присваивал плоды вилланского труда различными путями: он мог заставить крестьянина работать непосредственно на своем поле, либо платить ренту продуктами труда, полученными на вилланском наделе, либо, наконец, требовать денежных платежей.

Феодальный строй на этом этапе обеспечивал рост производства и развитие производительных сил общества и, следовательно, носил прогрессивный характер. В области земледелия возможность сосредоточить большие массы людей под контролем бейлифа способствовала рационализации

хозяйства: расчищались новые земли, расширялись посевные площади, улучшалось качество пахоты, широко применялись органические удобрения. Лорд манора вводил известное разделение труда, используя часть крестьян в качестве пастухов, а по мере развития овцеводства - для стрижки овец и первичной обработки кожи. Сравнительно быстро развивалось ремесло в деревне и особенно в городах.

Одним из последствий нормандского завоевания было ускорение развития торговли, ремесла и городов. Из Англии вывозились, как и в кельтские времена, свинец, и олово, но появились и новые предметы экспорта, которые вскоре заняли ведущее место, - скот и шерсть. Овцеводство получило новый толчок и стало еще быстрее развиваться, и английская шерсть прочно завоевала первое место на европейском рынке.

Городское население не оторвалось еще в то время от сельского хозяйства, но главным занятием горожан стало ремесло - ткачество, производство сукна, оружейное дело, ювелирное и т. д. Постепенно оформилась типичная для средневекового города социальная иерархия.

Купленные у феодалов городские привилегии давали купцам и верхушке ремесленников, организованных в торговую гильдию, возможность контролировать всю жизнь города и держать в узде городскую бедноту - наемных рабочих, учеников, подмастерьев и даже часть мастеров.

Рост городов способствовал активизации внутренней торговли, развитию внутреннего рынка. Ремесленники покупали сырье (шерсть) у монастырей, светских феодалов, фригольдеров; даже вилланы могли продавать шерсть и продукты животноводства, что впоследствии дало возможность некоторым из них выкупиться на волю. Многие мелкие и крупные торговые сделки проводились на ярмарках, которые стали обычными с конца XI в. Усилилось общение между различными районами страны, и местные диалекты начали постепенно сближаться: на основе лондонского диалекта стал складываться английский язык. Потомки феодалов, прибывших с Вильгельмом Завоевателем, вынуждены были в интересах торговли и общения с местным населением научиться говорить на этом языке; в то же время англосаксы восприняли немало французских слов и выражений, которые постепенно вошли в развивающийся английский язык.

Централизация английского государства и образование феодальной монархии с сословным представительством

Нормандским завоевателям, составившим верхушку господствующего класса Англии, была необходима сильная государственная машина для защиты своих привилегий. Этим объясняется, в частности, одна важная особенность английского феодального государства - его ранняя централизация и относительная прочность королевской власти. Пришельцы вынуждены были, в особенности на первых порах, сохранять строгую дисциплину и верность королю, так как только в единстве завоевателей заключалась гарантия прочности завоевания. Вильгельм Завоеватель (1066-1087) сумел

воспользоваться этими объективными обстоятельствами для укрепления своей власти не только над покоренным населением, но и над крупными феодалами нормандского происхождения. В отличие от феодальных государств континента, в Англии все рыцари - вассалы баронов, епископов, державшие от них земли, были одновременно непосредственно вассалами короля и давали ему присягу в верности (1086).

Все феодалы были заинтересованы в создании мощного государственного аппарата для подавления крестьянских масс. Но как должен быть организован этот аппарат? На основе централизации либо путем передачи баронам основных государственных функций в рамках их владений? Бароны, разумеется, предпочитали второе решение вопроса; королевская власть, а во многом и рыцари, богатые горожане, фригольдеры - первое. В сложной борьбе победила централизаторская тенденция. Место уитенагемота занял королевский совет, состоявший из светских и духовных магнатов и приближенных короля, чиновников, ведавших двумя основными отраслями управления - финансовой и судебной. Государственное казначейство называлось Палатой шахматной доски, так как в зале ее заседаний в Вестминстере, куда дважды в год прибывали шерифы для отчета в расходах и сдачи собранных налогов, стол был покрыт клетчатым сукном.

Таковы были основные черты государственного управления Англии, окончательно сложившиеся к концу XII в., во время правления короля Генриха II Плантагенета (1154-1189). Это был крупный французский феодал, граф Анжуйский, имевший огромные владения во Франции. Получив английскую корону, он стал одним из самых богатых и могущественных монархов Европы. Но когда он попытался подчинить централизованному государству и церковных феодалов, это ему не удалось.

Христианская идеология была господствующей во всем феодальном обществе Европы, в том числе и в Англии. Весь класс феодалов был заинтересован в том, чтобы у масс не возникало сомнений в истинности христианского вероучения. Великолепные соборы и монастырские церкви, на строительство которых не жалели средств церковные и светские магнаты, должны были символизировать величие церкви и веры.

Огромная впечатляющая сила искусства была поставлена на службу религиозной идеологии, но искусство, как особая форма общественного сознания, так или иначе отражало объективный мир и удовлетворяло эстетические запросы общества. В эпоху средневековья именно архитектура занимала ведущее место среди всех пространственных искусств, в значительной мере подчинив себе живопись и скульптуру.

В конце XI и XII в. в архитектуре Англии, как и западной части континента, господствовал стиль, условно называемый романским, чему в немалой мере способствовали тесные связи с Францией. Архитекторы и ремесленники из Франции, приглашенные епископами и аббатами нормандского происхождения, возвели при помощи английских крестьян и ремесленников 95 соборных и монастырских строений, разбросанных по всей территории Англии - от шотландской границы до южного побережья. Храмы

строились долго - десятилетиями, причем многие из них впоследствии достраивались, перестраивались в соответствии с менявшимися вкусами и ростом церковных богатств. Высокая и массивная центральная башня как бы связывала воедино различные части здания, придавала ему законченность и гармоничность. Огромные размеры собора, высота сводов, роскошь убранства должны были подчеркнуть ничтожество человека по сравнению с величественной святостью «божьего храма».

Однако ни величие храмов, ни вообще влияние христианской идеологии, ни прямое насилие не могли остановить нарастающее недовольство крестьянских масс.

Повинности крестьян становились все тяжелее, особенно в майорах, принадлежавших крупным земельным магнатам. Если в XII в. магнаты склонны были переводить вилланов с барщины на денежный оброк (этот процесс назывался коммутацией), то в XIII в., в связи с ростом цен, они предпочитали восстанавливать барщину, и притом в увеличенном размере, иногда до пяти дней в неделю. Возврат к барщине был невыгоден виллану в экономическом отношении и унижал его достоинство. Естественно, что вилланы боролись против дальнейшего порабощения и нередко всей деревней отказывались выходить на барщину.

В таких условиях баронам уже не было смысла отстаивать независимость от центральной власти, требовать, чтобы она вовсе не вмешивалась в дела манора. Наоборот, государственный аппарат нужен был им для подавления крестьянского протеста. Крупные феодалы отказались от старых принципов феодальной раздробленности и теперь добивались лишь усиления своего влияния на централизованное государство.

В ином положении находилось рыцарство - самый многочисленный слой господствующего класса. С конца XII в. королевская армия стала в основном наемной и постоянной; рыцари же постепенно превращались в мелких и средних землевладельцев, все существование которых зависело от их поместья. Продукция этих хозяйств в основном шла на рынок, и рыцари постепенно втягивались в торговые операции, ездили на ярмарки, связывались с купцами из ближайших городов и даже из Лондона. Само развитие экономики порождало некоторую общность интересов рыцарей и городской верхушки, и между этими слоями в Англии не было такой непроходимой грани, как в странах континента.

Рыцари страдали от произвола крупных феодалов, которые пользовались своими богатствами и влиянием, чтобы захватывать земли, скот, инвентарь, принадлежавший мелким и средним землевладельцам, облагать их штрафами и подвергать наказаниям. Поэтому они были заинтересованы в организации государства, способного ограничить права баронов и обеспечить развитие рыцарского хозяйства и торговли. Здесь интересы рыцарей совпадали со стремлениями купеческой и ремесленной верхушки городов.

Королевская власть, резко усиливавшаяся при Генрихе II Плантагенете, в конце XII и в начале XIII в. вызывала недовольство не только широких крестьянских масс, но и всех слоев господствующего класса. Сыновья Генриха II - Ричард I Львиное Сердце (1189-1199) и особенно Иоанн (Джон)

Безземельный (1199-1216) рассматривали страну как свою вотчину, из которой они вправе извлекать доходы, не ограниченные никакими нормами. Не считаясь ни с законами, ни с обычаями, они собирали всевозможные чрезвычайные поборы с феодалов различных рангов, а также с городов.

В начале XIII в. бароны нередко оказывали открытое неповиновение Иоанну Безземельному: не являлись по его призыву для участия в походах, не платили требуемых королем денег и т. д. В 1213 г. бароны решились на активные действия. Собрав армию, в которой ведущую роль играли рыцари, бароны стали захватывать королевские крепости. Активное содействие оказали мятежникам и города. Специальные посланцы от городской верхушки Лондона сообщили баронам, что столица готова поддержать их, и, действительно, бароны без боя вступили в Лондон. Теперь уже Иоанну ничего не оставалось кроме полной капитуляции. Подчиняясь силе, Иоанн 15 июня 1215 г. издал подготовленный баронами документ - «Великую хартию вольностей».

Большинство параграфов хартии трактуют вопросы неприкосновенности баронских и церковных владений; король обещает не взимать незаконных податей, не захватывать земли, не накладывать произвольных штрафов, а также вернуть все захваченные им замки и земли. Специальный параграф хартии устанавливал: «Все те вышеназванные обычаи и вольности, какие только мы соблаговолили признать подлежащими соблюдению в нашем королевстве, насколько это касается нас в отношении к нашим (вассалам), все в нашем королевстве, как миряне, так и клирики, обязаны соблюдать, поскольку это касается их в отношении к их вассалам». Иначе говоря, известным ограничениям подвергся не только королевский произвол по отношению к баронам, но и баронский - по отношению к рыцарям. Хартия утверждала введение единых мер веса по всей стране, что укрепляло позиции купцов и связанных с рынком рыцарей и монастырей. Против беззакония со стороны короля и его чиновников был направлен и 39-й параграф хартии, провозгласивший, что «ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо иным способом обездолен иначе, как по законному приговору его пэров и по закону его страны». Классовый характер этого принципа неприкосновенности личности и имущества очевиден, поскольку в параграфе специально подчеркивается, что этот принцип распространяется только на свободных людей. Но и рыцари не получили никаких реальных гарантий своих прав. Воспользовавшись тем, что на престол после смерти Иоанна Безземельного вступил его малолетний сын Генрих III (1216-1272), бароны фактически захватили власть, управляя от имени короля. Установилась баронская олигархия, к которой давно стремились духовные и светские магнаты и которая никак не устраивала рыцарей и городскую верхушку.

Когда Генрих III взял в свои руки управление страной, он попытался вернуться к политике отца.

В политической литературе того времени незаконные притязания короля и папы на неограниченное господство осуждались влиятельными учеными и мыслителями, наиболее крупной фигурой среди которых был Роберт

Гроссетест - епископ линкольнский, видный общественный деятель и ученый. В трактате «Основы королевской власти и тирании» он отрицал право на произвол как короля, так и папы. Идеи Гроссетеста оказывали влияние не только на духовенство, но и на светских феодалов, на горожан, и особенно - на студентов Оксфордского университета.

Этот старейший английский университет был основан еще в 1167 г. и в течение XIII-XIV вв. оставался главным центром науки в Англии. Кембриджский университет, основанный в 1209 г., долго не мог соперничать с Оксфордом, славившимся ученостью своих преподавателей и влиянием на развитие всей английской культуры. Контроль за средневековыми университетами находился в руках церкви, которая и основывала эти учреждения преимущественно для подготовки церковников. Церковь назначала профессоров, бдительно следила за тем, чтобы преподавание не выходило за пределы христианской догматики, душила всякое проявление свободной мысли.

Оживление политической жизни в XIII в., падение престижа папской и королевской власти, необходимость решать насущные политические проблемы влили в атмосферу Оксфордского университета новую жизнь. Сам Гроссетест, занимавший одно время пост канцлера университета, сделал попытку вырваться из порочного круга схоластических построений.

Здесь же, в Оксфорде, занимался научными исследованиями и читал лекции ученик Гроссетеста, гениальный английский мыслитель и ученый Роджер Бэкон (ок. 1214-1294). Не сумев полностью вырваться из цепких когтей схоластики, Бэкон настолько ненавидел ее научную бесплодность, что называл Фому Аквинского - энциклопедически образованного вождя схоластов - «невежественным мальчишкой». Ссылка на авторитет, говорил Бэкон, не может быть доказательством истины, и даже разум сам по себе не может отличить истинное от ложного. В основе познания, утверждал он, лежит опыт и только опыт. Роджеру Бэкону принадлежат ценные исследования в области оптики, химические открытия (в частности, он первым в Европе составил рецепт изготовления пороха) и в особенности - гениальные научные догадки: он предвидел изобретение телескопа, летательных аппаратов, мощных двигателей и т. д.

Даже те ученые, которые не проявляли интереса к изучению природы и не выходили за пределы умозрительных рассуждений, стали высказывать мысли, опасные для господствующей идеологии. Профессор богословия Дунс Скот доказывал, что понятия, которыми оперируют люди, представляют собой лишь обозначения объективно существующих вещей, т. е. предметы, материя являются первичными, а понятия, идеи - вторичными. Это было попыткой попятить мир с материалистических позиций. Как отмечал К. Маркс, Дунс Скот «заставлял самое теологию проповедовать материализм».

Студенты Оксфорда, слушавшие лекции Роджера Бэкона, Дунса Скота и других профессоров, в популярной форме распространяли идеи своих учителей в различных слоях населения. Многие монахи, ученики монастырских школ, студенты без всякого почтения относились не только к догматам церкви, но и к

христианскому аскетизму. Бродячие школяры распевали шуточные песни, сатирически высмеивая монахов, церковь и ее служителей. Кто-то когда-то придумал мифический образ епископа Голии, который будто бы сочинял антицерковные сатиры, и школяры называли себя «голиардами». Они создавали и исполняли свои отнюдь не безобидные песенки, с насмешкой отзывались о небесных тайнах, апостолах, пророках и прославляли земные радости.

«Голиарды» пели о весне, о любви, о женщинах, и их песни становились серьезными конкурентами скучным и монотонным проповедям деревенских священников.

Церковники видели опасность, которую несли с собой новые веяния; соборы осуждали голиардов и отлучали их от церкви. Роджера Бэкона объявили колдуном, отстранили от преподавания и на 14 лет заточили в тюрьму. В атмосфере острой идеологической борьбы подготавливались новые политические бури.

Постоянно нуждавшийся в деньгах Генрих III время от времени собирал съезды светских и духовных магнатов. Теперь их начинают называть парламентом. Бароны и епископы, близкие потомки тех, кто заставил Иоанна Безземельного издать Великую хартию вольностей, жившие в атмосфере споров о власти короля и папы, все чаще заявляли протест против нарушений своих прав королем, утечки английских денег в Рим, своеволия чиновников. Недовольство нарастало и среди рыцарей, городской верхушки, среднего и мелкого духовенства. Но все эти слои перешли к активным действиям лишь тогда, когда возникла реальная угроза их привилегиям.

В 1257 г. на английское крестьянство обрушилось бедствие: из-за дождливого лета был снят невиданно малый урожай, и в стране начался голод. Феодалы не могли в таких условиях получить обычный доход со своих земель. Именно в этой обстановке Генрих III потребовал от своих вассалов уступить ему третью часть всей движимой и недвижимой собственности Англии.

Бароны и церковные магнаты не только отвергли неслыханное требование короля, но предъявили ему ультиматум: подчиниться специально избранному комитету баронов. В июне 1258 г. магнаты съехались в Оксфорд для выработки новой системы управления государством. Бароны явились вооруженными, в сопровождении рыцарей, решившись принудить короля к подчинению. Неистовые речи, произносившиеся на заседаниях этого парламента, и характер принятых решений («Оксфордские провизии») дали основание современникам назвать его «бешеным парламентом».

В «Оксфордских провизиях», утвержденных королем и наследным принцем Эдуардом, была разработана сложная система высших государственных органов, дававшая всю полноту власти магнатам. Стремясь отстоять свои особые интересы, рыцари выработали дополнения к «Оксфордским провизиям» - так называемые «Вестминстерские провизии». В этом документе рыцарство ограничивало права баронов по отношению к их вассалам. Часть баронов согласилась с требованиями рыцарей: компромисс между различными слоями господствующего класса был достигнут.

Однако ни король Генрих III, ни принц Эдуард не намерены были

примириться с ролью марионеток в руках баронов. Внимательно следя за наметившимися расхождениями в лагере баронов, они смогли привлечь часть магнатов на свою сторону. Это сделало неизбежной гражданскую войну. Вся страна разделилась на два лагеря.

Во главе сторонников реформы стоял крупный магнат, выходец из Франции, Симон де Монфор - видный политический деятель, друг Гроссетеста, смело, хотя и весьма непоследовательно выступавший против Генриха III уже в течение многих лет. Военные действия начались в 1263 г. Симон де Монфор во главе большой армии двинулся из Оксфорда к границам Уэльса, а затем прошел с запада на восток через всю Англию, беря королевские крепости и без боя вступая в города. Лондон встретил армию Монфора торжествами и колокольным звоном. Незадолго до решающего сражения к армии Монфора примкнули студенты Оксфордского университета, который был временно закрыт королем. Весной 1264 г. Монфор одержал победу. Король и принц Эдуард оказались в плену. Правда, уже через год армия Монфора была разбита, и сам он погиб в сражении. Но в начале 1265 г., являясь фактическим диктатором Англии, Монфор впервые в истории страны созвал парламент не из числа одних только магнатов; кроме них, были приглашены по два представителя от графств (т. е. рыцари) и от городов (т. е. городская верхушка). После поражения Монфора Генрих III, а затем и Эдуард I (1272-1307) в течение 30 лет созывали парламенты в прежнем баронском составе. Но в 1295 г. Эдуард I вновь собирает парламент с участием рыцарей и горожан, и с тех пор этот порядок уже не нарушается. Поэтому парламент 1295 г. называли «образцовым парламентом», хотя сам он был сформирован по образцу парламента 1265 г. Английская монархия стала феодальной монархией с сословным представительством.

Обострение классовой борьбы в XIV в. Восстание 1381 г.

Майориальная система в Англии в XIV в. переживала период, глубокого кризиса. Подневольный труд крепостных крестьян становился все менее производительным, лорды маноров в большинстве районов страны решительно стали на путь коммутации, хотя на юго-востоке бароны и монастыри все еще стремились сохранить барщину. Крупные феодалы, а также рыцари и фригольдеры широко применяли наемный труд. Появление массы батраков особенно ярко отражает кризис манора.

Разбогатевшие вилланы нередко выкупались на волю и превращались в лично свободных земельных держателей - йоменов. Вилланы, лишившиеся земли, бежали в города либо в другие районы страны, где нанимались к купцам или феодалам, т. е. становились городскими черноработными или сельскохозяйственными рабочими. Сельская община быстро разлагалась, и пользуясь этим, бароны захватывали общинные земли.

Как разбогатевший виллан, который приобретал личную свободу, так и совсем разорившийся крестьянин, ставший наемным работником, уже не были крепостными. Личная свобода начала рассматриваться как одно из высших

благ, и в сознании народа героями были те мужественные люди, которые отстаивали свою свободу даже ценой потери собственности, ухода с насиженного места, бегства в леса, где формировались отряды вольных стрелков. Если в XI-XII вв. вилланская мечта о свободе воплощалась в старинных песнях и сказаниях, прославлявших свободную общину (и героями были родовые вожди типа Беовульфа), то теперь народ создает песни и баллады о легендарном Робине Гуде - предводителе вольных стрелков.

Цикл баллад о Робине Гуде, написанных на понятном всем народном языке, - без латинских либо французских слов и речевых оборотов - создавался самим народом и был широко известен и в крестьянской хижине, и на городских улицах, где ютились беднота, и в среде бродячих монахов и школяров. Эти великолепные творения народной поэзии полны здорового оптимизма, любви к природе и - прежде всего - к справедливости и свободе.

Сопrotивление крестьян было настолько мощным, что феодалы все реже могли собственными силами заставить их подчиниться и все чаще вынуждены были прибегать к государственным органам. Развитие государственных органов было необходимо господствующему классу и для осуществления захватнической внешней политики.

В 1282-1283 гг. король Эдуард I, разгромив кельтских феодалов, завершил начатое еще в XII в. покорение Уэльса, окончательно включив его в состав английского государства. Уэльс был объявлен владением наследного принца, который с тех пор получил титул «принца Уэльского».

В 1286 г. умер король Шотландии Александр III, не оставив наследников. Около десятка крупных шотландских феодалов предъявили претензии на престол; воспользовавшись усобицей, Эдуард I вторгся в Шотландию и заставил магнатов признать его «верховным правителем» страны. Однако уже в 1296 г. в Шотландии началось восстание, переросшее затем в войну за независимость. Война проходила с переменным успехом и завершилась лишь в 1314 г. крупной победой шотландской армии во главе с Робертом Брюсом. Англия признала его шотландским королем, и Шотландия, народ которой героически сражался, сохранила свою независимость.

С 1337 г. начинается так называемая Столетняя война с Францией (до 1453 г.). До 1360 г. война развивалась успешно для Англии. В битве при Креси (1346) английские войска нанесли жестокое поражение французам, а спустя 10 лет при Пуатье были взяты в плен король Франции и множество представителей знати и рыцарства. В 1360 г. был заключен мир, по которому Англия получила всю Юго-Западную Францию, а также важный в стратегическом отношении район Кале. Кроме того, за короля Франции и других феодалов был получен огромный выкуп. С 1369 г. французы возобновили военные действия и в течение пяти лет освободили почти всю территорию страны (за исключением Кале, Бордо и некоторых других районов). Теперь уже французская сторона перешла к нападениям не только на английские гарнизоны во Франции, но и на саму английскую территорию.

Для ведения войн, а главное - для подавления нараставшего сопротивления крестьян, феодалам необходимо было совершенствовать парламент как орган,

представлявший интересы всех сословий господствующего класса. Уже в 1297 г. парламент приобрел право контролировать налоги: иначе говоря, каждый новый налог вводился с санкции парламента. Постепенно парламент превращался в законодательный орган.

По образцу парламентов 1265 и 1295 гг. города и графства посылали в парламент по два представителя; к середине XIV в. это стало уже обычаем, и от короля практически не зависели норма и характер представительства. Но баронов, епископов, аббатов король приглашал по собственному выбору; это считалось правом короля, которое лишь постепенно ограничивалось традицией. Так, традицией стало приглашение архиепископа Кентерберийского, епископов, канцлеров университетов, представителей самых знатных фамилий; но никто не мог помешать королю вызвать в парламент любого удобного ему феодала. В 1343 г. парламент разделился на две палаты. Верхняя палата состояла из лиц, приглашенных королем, т. е. никем не избранных; поскольку это были, как правило, крупные землевладельцы, ее назвали палатой лордов. В нижнюю палату входили избранные представители графств и городов, т. е. рыцари и крупные торговцы. Решающий голос в парламенте принадлежал палате лордов. Но и роль средних и мелких помещиков - сквайров, сельских джентльменов, так называемых джентри, в государственном управлении постепенно возрастала.

Сквайры держали в своих руках управление графствами. Именно они представляли «общину» в парламенте, к ним же постепенно перешли и судебные функции. В 1360 г. была проведена судебно-административная реформа, по которой часть судебных дел была передана мировым судьям, назначаемым из числа местных сквайров и выполнявшим свои обязанности бесплатно.

Феодалы и верхушка купечества использовали государственную машину для усиления эксплуатации трудящихся. Особенное значение внеэкономическое принуждение приобрело после того, как «черная смерть» (эпидемия чумы в 1348-1349 гг.) унесла не менее трети населения страны. Ни цеховым мастерам, ни землевладельцам не хватало рабочих рук. Работники теперь не соглашались на нищенскую оплату. В 1349 г. король Эдуард III издал ордонанс, положивший начало жесточайшему кровавому законодательству, направленному против рабочих. Каждый, кто не имел земли или других источников существования, обязан был наняться на работу за ту плату, которую обычно получал рабочий до эпидемии. С 1351 г. бароны, сквайры и купцы, заседавшие в обеих палатах парламента, стали издавать парламентские статуты, каждый из которых усиливал наказание за отказ работать за старую нищенскую плату, вплоть до клеймения каленым железом и объявления вне закона. Подчеркивая классовый характер этих статутов, Маркс отмечал, что в них «государство устанавливает лишь максимум заработной платы, но отнюдь не ее минимум».

Как это было и в XIII в., обострение борьбы между крестьянами и феодалами осложнялось и борьбой внутри самого господствующего класса. Примерно треть земель королевства находилась в руках церкви, и как лорды,

так и сквайры непрочь были завладеть хотя бы частью этих богатств. Однако у светских феодалов, как и у определенной части духовенства, были и другие, не менее серьезные основания выражать недовольство чрезмерным обогащением церкви, роскошью, в которой жили епископы и аббаты, безнравственностью, царившей в монастырях. Ведь религия была основным идеологическим оружием господствующего класса, и падение авторитета церкви и ее служителей представляло опасность для самого феодального строя.

Влияние церкви на разум и чувства как верхов общества, так и трудящегося населения все еще было очень велико. Весь строй мышления средневекового человека был сугубо религиозным, и даже самый решительный социальный протест обычно выражался в форме обращения к принципам раннего христианства либо к библейским легендам. Ненавидя возникшее социальное неравенство, английский крестьянин задумывался над тем, что «бог создал всех людей равными». Недаром в те годы широкую известность приобрело двустишие: «Когда Адам копал землю, а Ева пряла, кто был тогда помещиком?» Сохранить религиозный характер мышления, направить его на путь догматического повторения наиболее соответствующих феодальной системе формул, не допустить использования библейских текстов для обоснования антифеодальной борьбы - такова была задача церкви в эту бурную эпоху, когда впервые зашаталась устои феодального строя. Как и прежде, церковь пыталась использовать могучие силы искусства.

Еще в конце XII в. английские архитекторы стали переходить от сооружений романского стиля к готике.

Для готического стиля характерны поиски синтеза архитектуры, скульптуры и живописи, причем ведущее место остается за архитектурой. Особенно широко английские архитекторы использовали скульптуру для украшения западных фасадов соборов. К этой передней стене необходимо было привлечь внимание зрителя. Высокие порталы, небольшие башни со шпилями, и в особенности - скульптура служили этой цели. Например, фасад собора в Личфилде покрыт в четыре яруса статуями в узких стрельчатых обрамлениях.

Украшая скульптурами западные фасады соборов, мастера давали волю своей фантазии и, наряду с сюжетами, заимствованными из библии, нередко использовали фольклорные мотивы. Элементы реализма пробивались сквозь христианскую символику и в скульптурных портретах, которые помещались на надгробных плитах в тех же соборах. Вместо условной фигуры - скорее символа, чем образа, - появляются изображения людей в непринужденной позе, с чертами если не портретного сходства, то все же какой-то индивидуальности.

Здоровая народная тяга к реализму более всего проявилась в живописи, которая достигла известных успехов в XIII-XIV вв. главным образом в области книжной миниатюры.

Блестящим образцом мастерства миниатюристов XIV в. является «псалтырь королевы Марии»; в этой рукописи проявились все характерные черты английской школы миниатюристов той эпохи. Здесь 60 больших миниатюр и свыше 600 рисунков, в том числе свыше 200 - раскрашенных. Это, по существу, целый цикл миниатюр, в которых встречаются одни и те же

персонажи, поставленные в различные ситуации. Именно в этих бытовых сценках (работа вилланов под бичом бейлифа, состязания в стрельбе из лука, прядильщица за работой и т. д.) особенно ярко проявились начавшееся освобождение умов от церковной догматики, известный протест против христианского аскетизма.

Таким образом, хотя и в XIV в. искусство, как и идеология, в целом, по-прежнему контролировалось церковью, в нем значительно усилились светские и реалистические черты. Однако социальная и политическая борьба, как и в другие эпохи, более непосредственно проявлялась в политической и философской литературе.

Во второй половине XIV в. наиболее видным сторонником реформы существующей церкви был профессор Оксфордского университета Джон Виклиф (1320-1384). Основной его тезис в области богословия сводился к тому, что духовенство, вопреки установившимся представлениям, не должно быть посредником между человеком и богом, что оно не обладает «благодатью», дающей ему возможность «отпускать грехи» мирян.

Люди сами должны читать Священное писание, утверждал он, а для этого надо перевести Библию на общепонятный английский язык. Сделанный под его руководством перевод Библии частично лишил клириков монополии на толкование основных положений христианства, так как несколько расширился круг лиц, которым стало доступно чтение этого, по мнению Виклифа, единственного источника вероучения. Вместе с тем Виклиф осуждал роскошную жизнь клириков, монастырский разврат, пышность церковных обрядов. Городским богачам учение Виклифа давало надежду на создание «дешевой церкви», стремление к которой всегда было характерно, как отмечал Энгельс, для ереси городов. Перед магнатами и сквайрами оно открывало перспективу расширения земельных владений за счет церкви, тем более что Виклиф прямо высказывался в пользу права короля на секуляризацию церковных земель.

Внутриклассовая идеологическая и политическая борьба, разгоревшаяся вокруг Виклифа и его идей, отнюдь не затрагивала основ феодального строя. Но идеи Виклифа приобрели немалое значение в борьбе крестьянства и городской бедноты, направленной против самих коренных принципов феодальной эксплуатации. Хотя последователи Виклифа - лолларды - вели пропаганду среди всех слоев общества, наибольшее распространение эта «ересь» получила в массах крестьянства и городской бедноты. По всей стране пешком и на лошадях путешествовали «бедные священники» - люди духовного звания, но не имевшие ни должностей в церковной или светской администрации, ни приходов. К их проповедям жадно прислушивались деревенские и городские бедняки, которым давно уже надоело бессмысленное латинское бормотание их приходских священников. Проповедуя основные идеи Виклифа, лолларды шли гораздо дальше своего учителя. Они не ограничивались критикой папства и пороков служителей церкви, но говорили и о несправедливости господ, о произволе чиновников и гнете барщины, о бесчинствах лордов и бесправии крестьян. Не следует забывать, что лоллардов

слушали те же люди, которые распевали песни о Робине Гуде, смотрели веселые представления жонглеров, высмеивающих церковные и рыцарские обряды, знали на память или хотя бы слышали отрывки из популярной поэмы Уильяма Ленгленда «Видение о Петре Пахаре».

Эта поэма принадлежит к числу наиболее значительных явлений английской культуры XIV в. Написанная бывшим крестьянином, который получил образование в монастырской школе, бедняком, прожившим жизнь в среде лондонских низов, поэма Ленгленда сочетает реалистические сцены из жизни всех слоев английского общества с характерными для средневекового мышления религиозно-мистическими представлениями и образами. Наряду с реальными персонажами - простолюдинами и рыцарями, судьями и монахами, ремесленниками и купцами, в поэме фигурируют Церковь, Правда, Совесть, Обман и т. д., причем эти аллегорические фигуры также наделены реальными чертами. Но в центре поэмы - образ простого крестьянина, Пахаря Петра, который олицетворяет все лучшие человеческие черты. Когда огромная толпа, включающая людей всех званий и профессий (английский народ), решает пуститься на поиски Правды, обнаруживается, что только Петр Пахарь может указать к ней дорогу. Прославление простого и честного труженика, который поднимается на такую нравственную высоту, что ведет за собой все слои населения, было подлинным художественным и этическим открытием. И сатирические образы продажных судей, лицемерных клириков, развратных монахов, надменных рыцарей, и, особенно, привлекательный образ Петра Пахаря, были широко известны английскому народу; в сельских церквях даже появились изображения Христа в виде простого пахаря.

С конца 70-х годов XIV в. ко всем бедствиям английского народа добавилось еще одно - резкое увеличение налогового гнета. Возобновившаяся война с Францией потребовала новых пополнений королевской казны.

В 1377 г. парламент ввел подушный (поголовный) налог: обложению подвергались все лица, начиная с 14-летнего возраста, независимо от имущественного и социального положения. Этот несправедливый принцип налогообложения вызвал волну возмущения, тем более что в 1379 г. налог был взыскан вторично, а в 1380 г. его размер был утроен.

Новые налоги заставляли крестьян и горожан еще больше задумываться над несправедливостями общественного строя и - коль скоро приходилось отдавать так много государству - искать пути сокращения повинностей и платежей феодалам. Во многих деревнях возникали тайные крестьянские союзы, ставившие своей целью сопротивление феодалам и королевским чиновникам. Нарастал протест и среди городской бедноты, учеников, подмастерьев. Между крестьянскими союзами начали устанавливаться некоторые связи; благодаря близости к движению бедных сельских священников возникла возможность переписки и распространения воззваний.

Особую популярность приобрел в эти годы народный проповедник Джон Болл, один из армии «бедных священников». В течение десятилетий бродил он по деревням, ярмаркам, городам и, вопреки угрозам церковных властей, отлучению от церкви и неоднократному тюремному заключению, проповедовал

идеи социального равенства и справедливости. В листовках, которые переписывались его сторонниками и распространялись среди членов крестьянских союзов, он прямо призывал к восстанию.

Вот один из образцов таких посланий: «Джон Пастух, некогда священник церкви св. Марии в Йорке, а ныне в Колчестере, приветствует Джона Безымянного и Джона Мельника, и Джона Возчика и просит их, чтобы они помнили о коварстве, господствующем в городе, и стойко держались во имя божие, и просит Петра Пахаря приняться за дело и наказать разбойника Хоба и взять с собой Джона Правдивого и всех его товарищей и больше никого - и зорко смотреть на одну только голову и ни на какую больше». Как бы странно ни выглядел этот текст сегодня, английский крестьянин XIV в. прекрасно понимал, что все перечисленные Джоны - это трудящиеся, к которым обращается Джон Болл, что Петр Пахарь - собирательный образ земледельца, что разбойник Хоб - казначей королевства Роберт Хелс, ненавистный всем глава сборщиков налогов. Читатель этой листовки знал, что его призывают хорошо подбирать себе товарищей - надежных людей («Джона Правдивого») и подчиняться избранному руководителю, сохраняя единство («смотреть на одну голову»).

Когда в конце мая 1381 г. сборщики налогов попытались арестовать в одной из деревень Эссекса крестьян, отказавшихся платить недоимку, восстание вспыхнуло почти мгновенно. Первое небольшое сражение с отрядом сборщиков произошло 20 мая, а уже к началу июня все графство стало ареной массового восстания. Вслед за Эссексом восстание охватило Кент, а затем в течение первой половины июня - более 20 из 40 графств Англии. Восставшие были вооружены дубинками, кинжалами, самодельными шпагами и, главное, луками, этим традиционным оружием английских крестьян.

В то время как более половины страны было охвачено одновременным, но не имеющим общего руководства восстанием, в Кенте и Эссексе движение приобрело более организованные формы. В первые дни восстания из тюрьмы был освобожден Джон Болл; он стал одним из признанных руководителей движения. Но военным вождем был кентский ремесленник Уот Тайлер, способный организатор, бывший солдат, сумевший сплотить разрозненные отряды в большую армию. Поскольку он стоял во главе главных сил, все движение принято называть восстанием Уота Тайлера. Уже 12 июня повстанцы стали лагерем под стенами Лондона и готовились к захвату города, где находился король и почти все государственные деятели. Благодаря помощи столичной бедноты 13 июня повстанческая армия без боя вошла в Лондон. Король и двор с небольшой охраной всего в 600 человек укрылись в крепости Тауэр. Централизованная государственная власть была, по существу, парализована, и хозяевами положения в столице стали восставшие. Они разгромили район судебных учреждений Темпл, разрушили несколько тюрем, казнили некоторых чиновников, смотрителей тюрем, спекулянтов, а также архиепископа Кентерберийского, канцлера Сэдбери и лорда-казначей Хейлса. Но повстанцы не взяли в свои руки дела управления, надеясь получить все требуемое от короля. 14 июня состоялась встреча повстанцев с королем в

Майл-Энде, на одной из зеленых окраин Лондона. Здесь Уот Тайлер вручил королю заранее подготовленные петиции, и на глазах у вооруженных крестьян король принял все требования восставших. Впоследствии эти требования получили название Майл-Эндской программы. Вилланство и любые иные формы личной зависимости, сказано в программе, должны быть отменены, а вместо всех видов повинностей устанавливается денежная арендная плата в размере не выше 4 пенсов с акра, т. е. крайне низкая рента.

Богатые крестьяне начали расходиться по домам, унося с собой тут же, на поле Майл-Энда, составленные грамоты, даровавшие им все, из-за чего они взялись за оружие. Наивная вера в королевские обещания была так велика, что получение этих грамот рассматривалось крестьянами как абсолютная гарантия победы.

Разошлись, однако, не все. Были среди восставших и более дальновидные люди, которые отнюдь не считали дело законченным. Свои новые требования повстанцы предъявили во время второй встречи с королем и его свитой 15 июня в Смитфилде - в открытом поле за стенами города. Смитфилдская программа в гораздо большей степени посягала на основы феодального строя, чем Майл-Эндская, и, главное, выражала интересы не только крестьянской верхушки, но и бедноты. Все церковные земли должны быть отняты у церкви и «разделены в соответствии с нуждами народа в каждом приходе» - так формулировалось требование, истоки которого нетрудно найти в учении Виклифа и лоллардов. Но если Виклиф имел в виду передачу церковных земель королю и светским феодалам, то Смитфилдская программа предполагала раздел части феодальных земельных владений (именно той, которая находилась в руках церкви) между крестьянами. В Смитфилдской программе фигурировал пункт и о возвращении общинных угодий.

Хотя король и на Смитфилдском поле из тактических соображений заявил, что принимает все требования, именно здесь, во время смитфилдского свидания, мэром Лондона был предательски убит Уот Тайлер. Находившиеся довольно далеко отряды восставших не могли разглядеть, что произошло в группе, окружавшей короля и Ричарду II удалось успокоить крестьян и убедить их разойтись. Вскоре придворная клика уже не находила нужным скрывать убийство. Голову Уота Тайлера, насаженную на пику, показали восставшим, и они, деморализованные, потрясенные вероломством, обманутые вновь повторенными обещаниями, лишенные вождя, покорно разошлись.

Как только отряды восставших отошли на несколько миль от Лондона, в городе началась кровавая расправа над городскими участниками восстания. Королевские войска и присоединившиеся к ним магнаты и рыцари направились в графства и, ломая очаги сопротивления, громили и уничтожали крестьянские отряды, вешали, четвертовали, сжигали повстанцев, мстя за дни унижительного страха. 15 июля в присутствии короля был казнен Джон Болл. Вплоть до осени 1381 г. продолжалась зверская расправа.

Итак, великое крестьянское восстание было подавлено. Хотя крестьянство было настроено революционно, оно лишь на непродолжительное время смогло сплотиться в большую армию для сколько-нибудь регулярных военных

действий. Основные же массы крестьян ограничивались нападениями на своего помещика, на близлежащий монастырь, на шерифа своего графства. Во время восстания не было и речи о создании своего правительства, своих революционных органов управления. Наивная вера в «доброе короля», естественная для психологии средневекового крестьянина, также была серьезным препятствием на пути к успеху.

Однако если крестьянство как класс собственными силами не могло добиться победы, оно своей борьбой подтачивало основы феодализма и подготавливало переход к новому социальному строю. Феодализм в Англии выстоял, не рухнул под ударом крестьянской армии, но один из важнейших элементов феодального строя - крепостное право, и без того расшатывавшееся на протяжении XIV в., после восстания Уота Тайлера пришло к быстрому концу. Лорды и сквайры все реже решались отказывать крестьянам в праве выкупа на волю. Как отмечал Маркс, в Англии крепостная зависимость исчезла фактически в конце XIV столетия, хотя самостоятельное хозяйство свободных крестьян скрывалось еще за различными «феодальными вывесками».

Политическая и идеологическая реакция в XV в. Предпосылки развития капиталистических отношений

Вынужденные после восстания пойти на некоторые уступки, феодалы в то же время стремились политически и идеологически подчинить себе массы. Даже в выступлениях Виклифа феодалы стали усматривать опасность для всего строя. Не реформа церкви, а всяческая ее поддержка - вот что, по мнению сторонников политической реакции, должно было спасти существующие порядки.

Сразу же после разгрома восстания Виклиф, несмотря на то что он решительно отмежевался от крайних взглядов «бедных священников» и осуждал их, был изгнан из Оксфордского университета, а вслед за ним и другие сторонники реформы церкви.

Сила реакции обрушилась на лоллардов. В 1401 г парламентский статут установил, что упорствующие еретики подлежат сожжению на костре; действительно, этот последний аргумент, который церковь применяла в теоретических спорах, стал широко использоваться. Представители высших классов, на первых порах поддерживавшие лоллардов, отреклись от их воззрений, и секты, уйдя в глубокое подполье, приобрели сторонников в среде йоменов, мелких джентри, ткачей Восточной Англии.

Политическая реакция выразилась также в том, что господствующие феодальные клики, в известной мере подчинившиеся было правопорядку централизованного государства, вновь выступили как самостоятельные политические и военные группировки.

В 1399 г. Ричард II - последний король из дома Плантагенетов - был свергнут кликой северных феодалов и к власти пришла Ланкастерская династия (1399-1461). В 1415 г. возобновились военные действия во Франции, прерванные еще в конце XIV в. Первые успехи принесли английским феодалам

новые земли, военную добычу, выкуп за пленных. Разбогатевшие лорды получили еще больше возможностей строить замки и нанимать воинов, почувствовали себя еще независимее от королевской власти. Однако военные успехи сменились жестоким поражением английских войск, как только война со стороны Франции приобрела народный, патриотический характер. В 1453 г. она завершилась победой французов. Только порт Кале остался в руках англичан.

Истошив до предела ресурсы Англии, Столетняя война способствовала дальнейшему усилению произвола и бесчинства крупных феодалов. Лишившись военной добычи во Франции, знатные семьи с еще большим ожесточением принялись грабить друг друга и в особенности - государственную казну.

Такой же ареной борьбы феодальных клик стала и палата лордов. Что касается палаты общин, то она в период политической реакции XV в. почти полностью утратила значение самостоятельного органа, отражающего интересы сквайров и горожан. В 1430 г. впервые в истории парламента был установлен ценз для избирателей: 40 шиллингов годового дохода (после уплаты всех налогов). Тем самым основная масса населения была отстранена от участия в выборах. Эта система сохранялась в течение четырех веков.

Всевластие феодальных клик, беззаконие, произвол чиновников, действовавших по указке знати, опустошительные феодальные войны вызывали сопротивление не только крестьянства и городской бедноты, но и богатых фригольдеров, сквайров, купцов. Однако все эти слои не могли объединиться для совместной борьбы с силами реакции: слишком велики были противоречия между средним землевладельцем и крестьянином, купцом и городским бедняком. Только однажды, летом 1450 г., они действовали сообща в восстании против феодальной анархии. Восстание началось в графстве Кент и охватило южные - наиболее развитые - районы страны. Во главе восстания стал Джек Кэд, один из вассалов герцога Йоркского.

Правящая клика ответила на восстание кровавым террором, собрав обильную «жатву голов» - именно так народ назвал карательные экспедиции 1450 г. Феодальная реакция на этот раз одержала полную победу и еще больше усилилась в последующие годы, что было связано с борьбой за власть различных группировок знати; эта борьба переросла в междоусобную войну Алой и Белой розы, длившуюся (с перерывами) 30 лет (1455-1485). Крупнейшие феодалы севера, привыкшие к политической самостоятельности и выдвинувшие в 1399 г. Ланкастерскую династию, отстаивали своих ставленников, в гербе которых была алая роза. Знать южных и восточных районов страны поддерживала Йорков, претендовавших на королевский престол (их герб был украшен белой розой). Победители убивали побежденных не только в бою, но и из-за угла, не только воинов, но и женщин, и детей - надо было навсегда лишить тот или иной род надежд на престол, уничтожить наследников замков и земель, чтобы захваченное навсегда перешло в новые руки; старая феодальная знать была почти полностью истреблена; погибли и обе династии. Остатки их примирились благодаря династическому браку

дальнего родственника Ланкастеров Генриха Тюдора и Елизаветы Йорк - дочери одного из королей этой династии. В 1485 г. Генрих Тюдор, положивший начало новой династии, был провозглашен королем под именем Генриха VII (1485-1509).

Глубокая политическая реакция XV в. тормозила развитие английской экономики, но не смогла остановить тот прогресс производительных сил, который был подготовлен предшествующей эволюцией хозяйства и социальных отношений. Ликвидация крепостничества создала благоприятные условия для развития сельского хозяйства.

В экономике деревни произошли также серьезные сдвиги, связанные с перенесением наиболее важной отрасли промышленности - сукноделия - в сельские округа. Возник тип предпринимателя-суконщика, который эксплуатировал массы деревенских кустарей. Именно купцы-суконщики, чтобы быть ближе к источникам сырья, обычно покупали земли в овцеводческих районах, женились на дочерях сквайров и входили в состав нового дворянства. Широкое распространение получили ручная колесная прялка, горизонтальный ткацкий станок (более совершенный, чем применявшийся ранее вертикальный станок), сукновальная мельница - эти крупнейшие достижения мастеров-текстильщиков. Как в текстильном производстве, так и в других отраслях промышленности применялось водяное колесо. В частности, оно заняло значительное место в горном деле, что дало возможность создавать глубокие угольные шахты, не ограничиваясь добычей угля, лежавшего на поверхности. Сила падающей воды использовалась при помощи водяного колеса и для приведения в движение тяжелых молотов (иногда весом до тонны) для обработки железа. В металлургии начали появляться доменные печи (в 2-3 м высоты), и теперь уже можно было получать большие массы железа и стали. Все это сопровождалось созданием разнообразных механических приспособлений, усовершенствованием инструментов, введением технических новинок и «секретов производства».

В связи с ростом сукноделия развиваются элементы территориального разделения труда. Для географии хозяйства в предшествующие века была характерна однотипность производства в различных районах, хотя были известные исключения, связанные главным образом с добычей полезных ископаемых. Кроме того, ремесленное производство было более развито на юге - от Лондона до Бристоля.

В XV в. суконщики предпочитали такие районы, где было меньше городов, а значит, и цеховой регламентации. Центрами ремесленного суконного производства, которое вскоре превратилось в рассеянную мануфактуру, стали Восточная Англия, юго-западные графства, а несколько позднее - Йоркшир. В Восточной Англии важнейшими районами стали северо-восток Норфолка, Южный Суффолк и Северный Эссекс.

Примерно в этот же период начинается перемещение центров черной металлургии (что было связано с истощением в первую очередь лесных ресурсов в старых давно эксплуатируемых районах, богатых железной рудой) из Уилда и Форест-оф-Дина в Южный Уэльс и в район Бирмингема и

Шеффилда.

Английские сукноделы достигли высокого мастерства, в течение XV в. почти непрерывно повышался спрос на английские сукна на европейских рынках. Вскоре Англия заняла первое место по экспорту сукна. Это привело к увеличению внешней торговли уже не только с Францией, Фландрией, Италией, но и с портами Северного и Балтийского морей; английские сукна достигали далекого Новгорода. Заморскую торговлю вели компании «предприимчивых купцов», получавшие хартии от правительства. Первая такая компания была основана в 1406 г. Система торговых компаний устраивала короля, поскольку облегчала ему взимание пошлин; кроме того, за хартию, т. е. за монопольные права, компании выплачивали значительные суммы королю.

Рост торговли способствовал развитию английского торгового флота и судостроения. Еще в середине XIV в. был издан первый Навигационный акт - закон, согласно которому английские купцы были обязаны перевозить свои товары только на английских кораблях.

Значительное развитие внутренней торговли усилило контакты между различными районами страны. Когда сукноделы начали покидать города, это привело к значительной передвижке населения. Ткачи устремились в те районы, где получило распространение производство сукна; многие мелкие города обезлюдели. В результате этого диалектные различия в языке начали ослабевать, все больше формировался общенглийский язык.

Выдающуюся роль в формировании общенационального языка сыграла литература - художественная, политическая и научная. Особое место занимает творчество великого английского писателя Джеффри Чосера (1340-1400). Высокообразованный человек, владевший латинским, французским и итальянским языками, путешествовавший по Франции, Фландрии, Италии, видевший рукописи Данте, Боккаччо, Петрарки, он, однако, решительно отверг возможность писать по-латыни или по-французски, как поступали многие его образованные современники. Корни его творчества так глубоко уходили именно в английскую жизнь, что вопрос о языке решился без внутренней борьбы: Чосер стал английским национальным писателем, создателем (на основе лондонского диалекта) английского литературного языка. Его знаменитые «Кентерберийские рассказы» - великолепная галерея образов людей всех классов, сословий, возрастов, причем, хотя сюжеты Чосера часто заимствует у Боккаччо и других писателей, его образы - чисто английские.

Общенациональный язык формировался и развивался не столько в художественной литературе, сколько в политических и научных трактатах. Сквайру, занятому хозяйством, купцу, разъезжающему по стране, нужны были сочинения, которые помогали бы ему в практической деятельности. Именно на этого читателя, а не на знатного или монастырского книжника рассчитаны были трактаты о сельском хозяйстве, разведении плодовых садов, домоводстве, коммерческие справочники, географические и экономические сочинения и даже поваренные книги.

Вопреки сознательному сопротивлению церкви и фактической оппозиции знати, английский язык настолько вошел в быт и достиг такой степени

развития, что, когда переводчик и книгоиздатель Уильям Кэкстон в 1477 г. привез из Фландрии печатный станок, он сразу же приступил к печатанию книг на английском языке. В 70-х годах XV в. книгопечатание в Англии начинает быстро развиваться. В типографии Кэкстона в Вестминстере и возникших по ее примеру типографиях в Лондоне, в Оксфорде и других городах до конца века удалось напечатать около 400 книг.

Победа английского языка была закреплена тем, что с середины XV в. он был признан единственным языком, допускающимся на заседаниях палаты общин.

Складыванию английской нации способствовало также усиление светских тенденций в культуре; появилось много новых баллад о Робине Гуде. В честь популярного народного героя устраивались весенние празднества, торжественные процессии: наряженные в зеленые одежды, украшенные цветами и зелеными ветвями, сотни крестьян с песнями и танцами шли за тем, кому выпала честь играть Робина Гуда. На лесных полянах разыгрывались сцены из его жизни, и даже сквайры охотно присутствовали на таких подлинно народных празднествах.

XV век - время расцвета народного песенного творчества. Место старых обрядовых песен стали занимать carols - песни, рассчитанные на два, три и больше голосов. Многоголосие как разновидность музыкальной выразительности возникло именно в английской народной музыке и отсюда впоследствии распространилось на континент. Сюжеты песен были самыми разнообразными: здесь и прославление военных подвигов, и залихватский народный напев, и любовное томление, и наслаждение теплым майским днем, и солдатская дружба. Многоголосие английской народной песни повлияло и на выдающегося композитора XV в. Дж. Данстейбла, создателя полифонических произведений. Популярность музыкального искусства во всех слоях английского общества была так велика, что во второй половине XV в. Кембридж, а затем и Оксфорд ввели ученые степени доктора и бакалавра музыки.

Песня и музыкальное сопровождение (лютни, цитры, виолы, простые дудки) были неотъемлемым элементом театральных зрелищ, которые приобрели широчайшее распространение. В течение долгих столетий церковь старалась использовать народную жажду зрелищ, музыки, искусства для усиления своего влияния на массы. В английских соборах устанавливались великолепные органы, и музыка входила составной частью в мессу. Еще раньше церковники начали драматизировать церковную службу - литургию, что привело к возникновению так называемой литургической драмы. Но постепенно литургическая драма стала отрываться от религиозной первоосновы. Условные жесты персонажей сменились реальными бытовыми деталями, и герои христианской мифологии начали поразительно напоминать современных английских рыцарей, плотников, паломников. Стремясь усилить воздействие литургической драмы, церковники перенесли ее из храма на паперть, где ее могли смотреть тысячи людей, а это в свою очередь повлекло за собой дальнейшее усиление жизненных, бытовых элементов. Сюжеты драмы

стали заимствоваться уже не из Библии и Евангелия, а из «житий святых», т. е. жизнеописаний вполне реальных людей, совершивших в обыденной бытовой обстановке «чудеса». Эти пьесы с чудесами назывались мираклями (miraculum - чудо).

Наконец, в XIV и особенно в XV в. основным видом театрального зрелища становятся мистерии - грандиозные представления на городских и ярмарочных площадях. Организацию этих представлений берут на себя купеческие и ремесленные гильдии, которые постепенно оттесняют церковь на второй план и предпочитают использовать профессиональных актеров и сотни горожан, любителей самодеятельного искусства. В мистериях слились элементы литургической драмы и народного искусства жонглеров. Хотя сюжеты мистерий по-прежнему заимствовались из Библии и Евангелия, светский, бытовой элемент становился в них преобладающим. Актерам представлялась возможность изменять текст своими вставками, которые всегда носили современный характер и еще больше «приземляли» священные эпизоды. Вифлиемские пастухи напоминали обычных английских пастухов, с их речью, повадками, внешним видом; Иосиф становился английским плотником, бедным ремесленником, и в одной из реплик произносил такие, отнюдь не библейского происхождения слова: «Я, бедный плотник, делал только то, что можно было сделать с этими вот инструментами, и если теперь у меня ничего не остается, то все же я и последнее должен отдать королю». В этом массовом искусстве прогрессивные тенденции явно одерживали верх над сковывающей догматикой христианства. Это же относится и к другому драматическому жанру - «моралите», в котором действующими лицами были воплощенные в сценических образах абстрактные понятия либо черты характера: Милосердие, Жестокость, Корыстолюбие, Дружба, Смерть, Сила, Красота и т. п. Как в «Сказании о Петре Пахаре» Ленгланда, эти образы приобретали вполне реальные бытовые характеристики, и в их столкновениях решались философские и морально-этические проблемы той эпохи.

Не менее очевиден и прогресс в области пространственных искусств, также достигнутый в борьбе с господствующей идеологией. Церковь стремилась нивелировать всех людей, деля их на праведников и грешников. Отсюда бесплотность и условность церковной стенописи, отсутствие индивидуальных характеров в литургической драме. Всякая индивидуализация образа, раскрывающая черты именно данной личности, будь то в литературе, на сцене театра, в музыке или портрете, противоречила этой главной особенности христианского мировоззрения в искусстве. Между тем в конце XIV и в XV в. английская портретная живопись делает крупный шаг вперед именно в передаче индивидуальных черт. Портрет Ричарда II, написанный в 90-х годах XIV в., - это не условный портрет короля - могучего рыцаря, а конкретный образ царствующего юноши, не испорченного, по мысли автора, властью и страстями. Выполненный во второй половине XV в. женский портрет уже может служить доказательством проникновения в глубины человеческого характера.

Автор сосредоточивает наше внимание не на одежде и внешней

обстановке, а на позе и, главное, лице изображенной Маргарет Бофорт - скорбном лице молящейся женщины.

Итак, в ожесточенной борьбе, которая пронизывала все сферы экономической и политической жизни, социальных отношений, идеологии, быта и культуры, вопреки сознательному и стихийному сопротивлению духовной и светской знати, силы прогресса пробивали себе дорогу. Несмотря на политическую реакцию XV в., в Англии складывались предпосылки для свержения феодального строя, победы капиталистических отношений и формирования английской нации.

Развитие капиталистического уклада. Подъем экономики и культуры в XVI в.

В течение XV в. в Англии сложились предпосылки для развития капиталистических отношений. Производственные отношения феодальной эпохи, в течение нескольких столетий способствовавшие развитию производительных сил, теперь уже стали задерживать технический прогресс. Например, в сельском хозяйстве в феодальную эпоху широкое применение получила трехпольная система, представлявшая в свое время серьезный шаг вперед по сравнению с переложным земледелием и двухпольем. Однако в рамках феодальной организации производства перейти к более эффективной многопольной системе было невозможно.

Еще более серьезным препятствием для технического прогресса была феодально-цеховая организация производства промышленной продукции. Цехи сыграли немалую роль в развитии индивидуального мастерства работников, во введении всевозможных технических усовершенствований. Но в то же время достигнутый технический уровень требовал новых социальных условий.

Средства производства становились все дороже, и ремесленник не мог их купить или построить, так как для этого у него не было денег. Возникла необходимость в дальнейшем разделении труда, специализации, при которой мастер осуществлял одну определенную операцию производственного цикла; следовательно, производство должно было быть организовано вне рамок цеховой системы. Нужны были люди с достаточными средствами, которые могли бы наладить производство в широких масштабах и использовать наемный труд в нем. Необходим был также обеспеченный рынок сбыта той или иной продукции - иначе вложенные капиталы могли омертветь, не дав прибыли.

Таким образом, объективные потребности прогресса производства требовали возникновения нового, капиталистического уклада. В нем было заинтересовано все общество, за исключением феодалов, которые черпали свои доходы из старых источников и видели в сохранении системы феодальной ренты гарантию богатства и своего господствующего положения в государстве. Поэтому становление и развитие капиталистического уклада проходило в ожесточенной борьбе прогрессивных и реакционных сил, проявившейся в экономике, политике, культуре Англии XVI в. Этот же процесс проходил и в

других странах Западной Европы, но нигде не приобрел такой интенсивности, таких «классических» форм, как в Англии, вся предшествующая история которой создала предпосылки для экономического подъема в XVI в. Бурному развитию капиталистического уклада содействовали и события, происходившие за пределами Англии, и прежде всего - великие географические открытия XV-XVI вв. Открытие Америки (1492), морского пути в Индию (1498), кругосветное путешествие Магеллана (1519-1522) были вызваны прежде всего торговыми интересами итальянских городов, Испании, Португалии. Но результаты этих открытий и последовавшего за ними ограбления народов Америки, Африки и Азии самым эффективным образом сказались на судьбах зарождающегося английского капитализма. Основные пути мировой торговли передвинулись со Средиземного моря на Атлантический океан, и теперь преимущества Англии как островной державы проявились во всей полноте.

Развитие капиталистического уклада шло параллельно в сельском хозяйстве и в промышленности. Землевладельцы - джентри, фригольдеры, скупившие землю горожане, и даже некоторые представители знати, стремясь повысить свои доходы, уже не удовлетворялись сравнительно невысокой феодальной рентой, уплачиваемой копигольдерами. Значительно больший эффект можно было получить организовав производство на большом массиве с применением наемного труда. Но немалая часть земли находилась в руках крестьян. Лендлорды прежде всего стали захватывать общинные земли - пустоши, выгоны, которые по традиции принадлежали всей общине - землевладельцам и крестьянам. Систему «открытых полей», существовавшую еще со времен родового строя, они стремились заменить «закрытыми полями», для чего огораживали рвом, забором или искусственными насаждениями как свои, так и захваченные земли общины. Но это был лишь первый шаг; главным препятствием к созданию крупного капиталистического производства были мелкие крестьянские держания, и лендлорды, ссылаясь на то, что вся земля номинально принадлежит им, стали массами сгонять копигольдеров с земли, разрушать их дома, перепахивать межи и огораживать полученные таким образом земельные массивы. Эта операция получила у современников название «огораживаний». Лишь незначительная часть огороженных земель превращалась в центры интенсивного земледелия (не более 10%). Подавляющее же большинство захваченных общинных угодий и пахотной земли крестьян землевладельцы использовали под пастбища для овец, так как овцеводство стало необычайно выгодным занятием, приносящим невиданные доходы.

Изгнанные с земли крестьянские семьи лишались не только источника существования, но и крова, места, где можно было бы поселиться. Участок земли, который раньше обрабатывался несколькими сотнями людей, давал теперь пропитание лишь десятку пастухов. Английская промышленность отнюдь еще не достигла такого масштаба, чтобы она могла поглотить эти массы обездоленных людей. Тысячи семейств бродили по дорогам страны, перебиваясь случайными заработками, нищенствуя, умирая от голода и болезней. И, конечно, этих людей видел перед собой гениальный Шекспир,

когда устами обезумевшего Лира, бродящего в бурю по степи, говорил:

Вы, бедные, нагие несчастливцы,
Где б эту бурю ни встречали вы,
Как вы перенесете ночь такую,
С пустым желудком, в рубище дырявом,
Без крова над бездомной головой.

Знаменитому английскому философу-гуманисту, автору первой социалистической утопии Томасу Мору принадлежит летучее выражение, отражающее всю чудовищную жестокость огораживаний. «Ваши овцы, - писал он, - которые были такими покорными и ручными и так мало ели, теперь, как говорят, стали настолько прожорливыми и дикими, что они поедают даже самих людей». «Овцы поедают людей» - таково было первое слово и первое «достижение» английского капитализма. Крестьяне писали жалобы королю или его чиновникам, обращались в парламент, наконец, пытались отстаивать свои права с оружием в руках. Крестьяне стремились превратить свои клочки земли из феодальных держаний, за которые надо было платить ренту, в собственность, не отягощенную никакими платежами. Иначе говоря, борьба шла прежде всего за превращение копигольда во фригольд, а зависимого копигольдера в свободного йомена.

Выступая против огораживаний, крестьянство боролось не против перехода к более прогрессивным социальным отношениям, а против того пути перехода к капитализму, который избрало в соответствии со своими интересами новое дворянство. Крестьянство шло вместе с новым дворянством против крупных феодалов, феодальных методов эксплуатации, поскольку это новое дворянство само стало на путь капиталистических отношений. Но крестьянство шло против нового дворянства в вопросе об огораживании, отстаивая свой, подлинно народный путь изменения земельных отношений.

Процесс развития капиталистического уклада в промышленности проходил менее болезненно, чем в сельском хозяйстве, хотя и здесь рост крупного производства сопровождался разорением свободных ремесленников. Сукноделие приобрело характер главной отрасли английской промышленности. Во второй половине XVI в. шерстяные изделия составляли более 80% английского экспорта; английские сукна имели отличный сбыт и продавались не только в странах Западной Европы, но и в России и даже в Иране. Торговлю английскими товарами вели теперь, в отличие от более ранних веков, не иностранцы, а крупные английские купеческие компании, созданные по образцу компании «купцов-авантюристов». Получив от правительства монопольное право торговли в определенных районах, Московская, Восточная, Левантская и другие компании стали могущественными корпорациями, имевшими свой флот, фактории, солдат, нередко ведшими переговоры в других государствах. В 1600 г. была создана Ост-Индская компания уже на новых, акционерных началах.

Огромные барыши стали стекаться в подвалы Лондонского Сити - центра

столицы, где были сосредоточены купеческие дома и торговые конторы. Купцы, накопив капиталы в торговых и ростовщических операциях, охотно помещали их в суконную промышленность, становились предпринимателями-мануфактуристами. Суконщик из графства Девоншир Питер Блондел оставил, например, своим наследникам 40 000 ф. ст. - колоссальный по тем временам капитал; ведь годовые поступления в королевскую казну исчислялись в начале XVI в. примерно в 130 000 ф. ст.

Наряду с рассеянной мануфактурой начали возникать и централизованные мануфактуры - непосредственные предшественницы капиталистической фабрики. Под одной крышей собирались сотни рабочих, а предприниматель получал возможность еще шире применить разделение труда, дробление операций, что способствовало росту производительности. Рабочие обычно жили в грязных бараках рядом с мануфактурой и, постоянно находясь под контролем надсмотрщиков, вынуждены были работать, в сущности, непрерывно, исключая лишь время, отводимое на скудную еду и короткий сон.

Мануфактуры появились и в других отраслях промышленности: производстве шелка, кожи, стекла, мыла, металлических изделий (замков, ножей и пр.). Развивались, хотя и значительно медленнее, металлургия и угледобыча; значительные успехи были достигнуты в кораблестроении. Рост внешней торговли потребовал создания могущественного торгового флота, а также вооруженных судов, способных защищать английские корабли от пиратских нападений и, конечно, совершать эти нападения на суда других стран. Именно в связи с потребностями флота в Англии возникло первое учебное учреждение нового типа, дающее не только чисто классическое образование, но уделяющее немалое внимание и естественным наукам. Это был Грешем-колледж, основанный в 1579 г. на деньги лондонского купца Т. Грешема. Лекции читались здесь и на латинском языке, и по-английски, причем программа предусматривала такие предметы, как геометрия, астрономия, навигационные приборы. Непосредственная задача Грешем-колледжа заключалась в подготовке моряков, но постепенно он превратился в крупный научный центр: быстро растущая промышленность начинала исподволь предъявлять свои требования науке, а сама наука получила в связи с развитием промышленности мощный толчок.

Рост производства сукон, а также других отраслей промышленности привел к возникновению новых городов, выраставших из деревень (Манчестер, Шеффилд и др.), и к упадку некоторых старых городов и местечек. Постепенно определились районы сукноделия, добычи полезных ископаемых, производства хлопчатобумажных тканей и т. д., т. е. возникает территориальное разделение труда, зачатки которого сложились еще в предшествующие века.

Ремесленное производство в той или иной степени развивалось во всех частях страны, но уже в XII-XIII вв. основным его центром стали графства, расположенные южнее линии Лондон - Бристоль. В этих более развитых районах быстрее шло разложение феодальных отношений, росло товарное производство как сельскохозяйственной, так и ремесленной продукции с преобладанием цеховой организации ремесленников в городах. В этом и

заклучалась одна из причин того, что мануфактурное производство в XVI в. и впоследствии сосредоточилось преимущественно в других районах: мануфактуристы предпочитали такие графства, где было меньше старых городов с цеховой регламентацией. Но в то же время им нужны были районы, где в ходе аграрной революции обезземеливались массы крестьянства и было много свободных рабочих рук. Существенное значение при выборе места для рассеянной и особенно централизованной мануфактуры имели и традиции, сложившиеся в данном районе.

Этим требованиям удовлетворяли графства Восточной Англии - Норфолк, Суффолк, Эссекс, которые и стали важнейшим центром шерстяной мануфактуры: здесь, как и на юге, сравнительно рано развилось товарное производство и было немало опытных ткачей. Много шерстяных мануфактур появилось также на Юго-Западе, в графствах Уилтшир, Девоншир, Дорсетшир и в районе Бристоля. В XVII-XVIII вв. сложился и третий район сукноделия - Западный Йоркшир с центром в Лидсе. Льняные мануфактуры сосредоточились почти исключительно в Ланкашире, с центром в Манчестере, и в средней полосе Шотландии.

Постепенно происходило перемещение черной металлургии. Она развивалась раньше главным образом на Юге, где леса, необходимые для получения древесного угля, были расположены поблизости от залежей железной руды. Но по мере выжигания лесов в этом районе производство железа падало, и на первое место выдвинулся другой металлургический центр, где природные условия тоже были благоприятны: срединная часть страны (Мидленд). Здесь металлургическое производство сосредоточилось в районе Бирмингема и, в меньшей степени, - Шеффилда. Эти два города заняли ведущее положение и в производстве изделий из металла. Кроме того, металлургия развивалась в Южном и - несколько позже - в Северо-Восточном Уэльсе.

Таким образом, в ходе развития мануфактурного производства падало промышленное значение Юга Англии и возросла роль Востока, Мидленда, Юго-Запада, Уэльса. Экономическое развитие шло неравномерно, приводя к упадку одних районов и к быстрому обогащению других.

Производственные отношения, в которые вступали мануфактуристы, фермеры, землевладельцы, пользующиеся наемным трудом, с одной стороны, и рабочие рассеянной и централизованной мануфактур и сельскохозяйственные рабочие - с другой, были производственными отношениями нового, капиталистического типа. Капиталистический уклад сосуществовал с господствовавшим еще феодальным укладом, но именно капитализму принадлежало будущее.

Развитию капиталистического уклада способствовала и политика династии Тюдоров (1485-1603). Придя к власти в обстановке острейшей борьбы феодальных кланов, она нуждалась в поддержке буржуазии и нового дворянства, которые, в свою очередь, были заинтересованы в ликвидации усобиц, в создании крепкого централизованного государства. Только оно могло обеспечить развитие внутреннего рынка и отстоять интересы английских промышленников и торговцев в борьбе с иностранными конкурентами. Таким

государством, способным держать в узде народные массы и в то же время обуздать произвол крупных феодалов, могла быть в XVI в. только абсолютная монархия.

Английский абсолютизм, начало которому положил основатель династии Генрих VII (1485-1509), имел ряд особенностей по сравнению с «классическим» абсолютизмом французского или испанского типа. Как и на континенте, он в конечном счете выражал интересы прежде всего феодальной знати. Но это была уже не старая знать, опиравшаяся на свои наследственные вотчины. Генрих VII приказал разрушить феодальные замки, распустил феодальные дружины, а земли, конфискованные у побежденных противников, раздавал своим сторонникам - рыцарям и джентри. Становясь крупными землевладельцами, они формировали новую знать, окружавшую короля и составлявшую его двор. Между этой новой знатью и низшими слоями нового дворянства, все более тесно смыкавшимися с буржуазией, не было вплоть до конца XVI в. значительных противоречий. Поскольку новое, быстро обуржуазивающееся дворянство поддерживало королевскую власть, а именно оно господствовало в палате общин, Генрих VII и его преемники продолжали созывать парламент, ставший - тоже до конца XVI в. - их покорным орудием. Все же сохранение органа сословного представительства было важной особенностью английского абсолютизма; на континенте абсолютные монархи не желали идти даже на чисто формальные ограничения своей власти и фактически ликвидировали сословные учреждения.

Пользуясь поддержкой дворянства в графствах и буржуазии в городах, английский абсолютизм не нуждался в сильном и разветвленном бюрократическом аппарате, подобном тому, который был создан во Франции. Выборные мировые судьи, сквайры, городские власти обеспечивали проведение в жизнь королевских указов и парламентских актов. Не требовалась королю и постоянная армия: в случае необходимости он мог собрать ополчение или привлечь наемников.

Несмотря на все эти отличия от континентального абсолютизма, тюдоровская монархия была все же абсолютной, что особенно ярко обнаружилось при короле Генрихе VIII (1509 - 1547). Становясь все более деспотичным, он отправлял на эшафот каждого, кто осмеливался ему перечить. Едва ли не самой опасной должностью в государстве стала должность канцлера; став неудобными, канцлеры, включая Томаса Мора, неизменно приговаривались к смерти.

Двор Генриха VIII во многом стал напоминать блестящие дворы абсолютных монархов континентальных стран. В этом сказывался не столько личный характер короля - любителя развлечений, роскоши, лести придворных, сколько трезвый расчет: надо было привязать знать ко двору, создать «высший свет», который привлекал бы аристократию балами, флиртом, возможностью блеснуть остроумием и ученостью и - что особенно важно - близостью к королю, шансами на карьеру. Бега, турниры, охота, игры оставались главным развлечением новой знати. Но при дворе Генриха VIII появилось и нечто новое, чего не было да и быть не могло в более ранние времена. Теперь даже верхи

знати не могли пройти мимо тех общественных и культурных веяний, которые возникали в связи с зарождением капиталистических отношений.

С конца XV в. и особенно с начала XVI в. в Англии, вслед за Италией и другими странами, начинается бурная ломка старого мировоззрения феодальной эпохи. По мере развития нового, капиталистического уклада начала формироваться и новая идеология, новая оптимистическая и жизнеутверждающая культура Возрождения. В центре интересов блестящей плеяды мыслителей, ученых, писателей, художников той эпохи находился человек, его мысли и страсти, его разум и тело, безграничные возможности совершенствования личности. Не безликая масса стереотипно, по указке церкви мыслящих и чувствующих людей, а бесконечное разнообразие индивидуальностей привлекало пристальное внимание деятелей Возрождения. Достижения технической мысли, географические открытия, совершенные художественные ценности - все это создавалось людьми, и мыслителями, сосредоточившими внимание на человеке, принято называть гуманистами (homo - человек), а все культурное движение той эпохи - гуманизмом. Этот термин гораздо точнее отражает сущность умственных и художественных устремлений, чем слово «Возрождение», которое фиксирует внимание лишь на одной, хотя и очень важной, стороне культурной жизни XV-XVI вв. Стремясь к познанию природы и человека, люди этого времени обратились к ценностям античной культуры, забытым либо извращенным в течение веков господства схоластики, стали возрождать эти ценности, изучать их, по-своему перерабатывать достижения античной мысли и искусства.

Разыскивая, скупая, коллекционируя греческие и древнеримские рукописи, изучая великолепные произведения искусства, обнаруженные в развалинах итальянских и греческих городов, погружаясь в мир античной истории, гуманисты находили в древности то, что искали, - мысль, свободную от схоластических оков средневековья. Но для того чтобы прикоснуться к сокровищам античной мысли, необходимо было знание латинского и греческого языков. Это была не средневековая латинская ученость, препятствовавшая развитию национальных языков и культуры, а новая гуманистическая (или, как стали впоследствии говорить, - гуманитарная) образованность, сыгравшая глубоко прогрессивную роль в борьбе со схоластикой и в формировании нового, буржуазного мировоззрения.

Самым выдающимся представителем раннего английского гуманизма был гениальный мыслитель, родоначальник утопического социализма нового времени Томас Мор (1478-1535). Сын крупного юриста, Мор после классической школы и нескольких лет службы в доме одного из просвещенных епископов поступил в Оксфордский университет. Знакомство с кружком гуманистов, которые привили ему любовь к изучению античности, во многом определило направление занятий и круг интересов Мора.

Генрих VIII, склонный в первые годы царствования поддерживать гуманистов, привлек Мора ко двору, а затем назначил канцлером. Жизнь его, полная трудов, тревог, административных обязанностей, общения по долгу службы с людьми самых различных слоев, от лондонских бедняков до знати и

короля, - эта жизнь давала ему несравненно больше материала для раздумий, чем его ученые занятия. И главное произведение Мора, сделавшее его имя бессмертным, отражало всю сложность социальных отношений этого бурного века. Это была знаменитая «Утопия», или, как она пространно называлась, «Полезная и приятная книга о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии» (1516).

Уничтожающей критике подвергается в «Утопии» не только уходящий феодализм, праздность феодальной знати, произвол королей, жадность и сластолюбие монахов. «Утопия» идет неизмеримо дальше. Мор видит и осуждает пороки складывающегося нового общества, он далек от иллюзии, что капитализм обеспечит достойные условия существования народу. «Где частные владения, где все и всеми измеряется деньгами, там едва ли возможно счастье и справедливость», - такова главная мысль «Утопии»; только уничтожение частной собственности «есть один и единственный путь к общественному благу».

Иначе говоря, Мор отвергает оба уклада, которые существовали в его время, - феодальный и капиталистический. Тем самым он выражает не только прогрессивные тенденции своего века, но и становится предвестником тогда еще очень далекой эпохи социализма. Идея общности имущества, смутно бродящая в самых низах общества, во многом связанная в среде деревенской и городской бедноты с опосредованными воспоминаниями о родовой общине и представлениями о раннехристианской общине, впервые превратились у Мора в стройное учение.

Даже сегодня, перечитывая «Утопию», мы находим в ней, наряду с наивными предположениями о характере будущего строя, гениальные догадки, в принципе подтвердившиеся дальнейшим ходом истории и развитием социалистической мысли. Принцип «с каждого по способностям, каждому по потребностям», стирание грани между умственным и физическим трудом, между городом и деревней, общественное самоуправление, трудовое воспитание детей и молодежи - все эти идеи впервые были изложены в «Утопии».

Описывая идеальное общество будущего, Мор не смог ответить на вопрос о том, каким образом оно будет установлено. Свойственную большинству гуманистов веру в «просвещенного монарха» Мор отбросил еще в юности, и чем ближе он становился к Генриху VIII, тем менее склонен был питать эту иллюзию. Его мечта о социалистическом строе оставалась фантазией гения; вот почему и остров, где это общество победило, назван Утопией, т.е. (по-гречески) несуществующим местом. Со времен Мора слово «утопия» вошло во все европейские языки, и то направление социалистической мысли, которому Мор положил начало, впоследствии было названо утопическим социализмом.

Несмотря на то что кружок ученых и мыслителей гуманистического направления был очень невелик, его взгляды, интересы, вкусы получили довольно широкое распространение в среде образованных джентри, верхушки буржуазии, чиновников. Грамматические школы и университеты, проповеди части священников, близких идейно гуманистам, знакомство с их

произведениями оказывали влияние на состояние умов растущих общественных сил, так как антифеодалная направленность гуманизма вполне соответствовала интересам буржуазии и обуржуазившегося дворянства. А поскольку эти слои были опорой абсолютной монархии Тюдоров, то и двор при Генрихе VIII воспринимал наиболее безобидные стороны гуманизма.

Генрих VIII выписывал архитекторов и декораторов из Италии. При его дворе много лет прожил выдающийся немецкий живописец Ганс Гольбейн Младший, оставивший немалый след и в истории английской культуры. Реалистические портреты Гольбейна, сочетающие детализированный внешний образ с отражением внутренней сущности изображаемого лица, оказали влияние на английских портретистов XVI и начала XVII в. Портреты появились теперь на стенах дворцов короля и знати, а затем в дворянских и купеческих домах. С тех пор портреты предков стали обязательным украшением богатых домов.

Используя элементы новой культуры гуманизма, превращая свой двор в известный образец, Генрих VIII укреплял абсолютную монархию. В то же время распространение идей гуманизма и искусства Возрождения приводило к тому, что просвещение, наука, искусство приобретали все более светский характер и идеологическое влияние католицизма падало. Тем самым подготовлялись предпосылки для нового шага в укреплении тюдоровского абсолютизма - проведения Реформации. Для того чтобы сквайры и купцы из палаты общин, заседавшие в «реформационном парламенте» (1529-1536), безоговорочно отдали свои голоса в пользу разрыва с Римом, за секуляризацию монастырской земли, имущества и другие реформационные законы, они должны были десятилетиями находиться под влиянием идей гуманизма.

Непосредственным поводом к разрыву с Римом послужил бракоразводный процесс Генриха VIII. Его жена - Екатерина Арагонская, испанская принцесса, не имела сыновей, и король решил жениться на ее фрейлине - Анне Болейн. Отказ папы санкционировать развод, которого требовал Генрих VIII, вызвал прямой конфликт. Специальным актом парламента король получил право на развод, а в 1534 г. был принят чрезвычайно важный «Акт о королевской супрематии», т.е. о верховенстве короля над английской церковью (с этого времени ее именуют англиканской). Отныне папа утрачивал все права на Англию, главой церкви становился король, церковь превращалась в составную часть государственного аппарата. Были закрыты все монастыри. Номинально вся земля перешла к королю, но была роздана его приближенным из новой знати и распродана по низким ценам джентри и капиталистам. Таким образом, Реформация в Англии была проведена сверху, в соответствии с интересами новой знати, джентри и крупной буржуазии. Тем не менее она способствовала дальнейшему укреплению абсолютной монархии, консолидации государства на национальной основе, что в свою очередь ускоряло процесс формирования английской нации и развития национальной культуры.

Однако английская Реформация была половинчатой. В самом деле, церковь не получила той демократической организации, к которой стремились наиболее радикальные реформаторы. Она сохранила строгую централизацию -

на церковные должности клирики по-прежнему назначались; только в самом высшем звене папу заменил король. Не стала церковь и дешевой, так как в основном сохранилась католическая пышность обрядов и служб. Наконец, почти ничего не изменилось и в самом вероучении. Правительство Генриха VIII в равной мере карало смертью как тех, кто не признавал короля главой церкви, так и протестантов, отрицавших основные догматы католицизма. Англиканская церковь была ни католической, ни протестантской, а заняла промежуточное положение между ними.

В течение десятилетия, последовавшего за смертью Генриха VIII, феодальная реакция пыталась взять реванш, особенно когда на престол вступила дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской Мария Тюдор (1553-1558).

И до этого знаменем и идеологическим прикрытием феодальной реакции был католицизм. Теперь же в лице ревностной католички, оказавшейся на троне, реакция получила вождя и могучую поддержку. Мария Тюдор взяла новый внешнеполитический курс - на союз с Испанией, не без основания рассчитывая на помощь фанатичного защитника старины и католицизма испанского короля Филиппа II. Династический брак между Марией Тюдор и Филиппом II оформил этот союз, и над Англией нависла опасность превращения в одно из многочисленных испанских владений. Мария Тюдор восстановила католицизм, и вся страна покрылась кострами, на которых сжигали протестантов; методы инквизиции переносились на английскую почву.

И все же антикатолическое движение в стране нарастало, и после смерти Марии протестантская часть знати провозгласила королевой дочь Генриха VIII и Анны Болейн Елизавету I (1558- 1603). Так началось почти полувековое ее царствование - «елизаветинский век» - век бурного развития капиталистического уклада, внешнеполитических успехов и успехов английской культуры Возрождения.

Первые же шаги новой королевы были направлены на восстановление протестантизма. Был разработан англиканский символ веры, представлявший собой смесь католических и протестантских догматов, упорядочен аппарат англиканской церкви и особенно поднята роль приходского священника, который наряду с помещиком (сквайром) и мировым судьей стал главной опорой правительства в деревне. Надежды северных феодалов и всех реакционных сил на мирный приход к власти при помощи «христианнейшего короля» провалились. Тогда они нашли в лице шотландской королевы Марии Стюарт - претендента на английский престол - опору для дальнейшей борьбы.

Династия Стюартов, занимавшая шотландский престол, фактически не располагала реальной властью в стране. Соотношение сил между Англией и Шотландией было таково, что Шотландия могла противостоять давним захватническим устремлениям английских феодалов только при поддержке извне. В 1551 г. прибывшие в Шотландию французские войска вытеснили англичан, и Шотландия фактически оказалась под властью Франции. Мария Стюарт стала женой французского короля Франциска II, и католическая Франция получила формальные права на Шотландию.

Купечество и феодалы южной части страны были недовольны господством иностранцев, наличием французских гарнизонов, утечкой доходов казны во Францию. Знаменем борьбы против французского господства стал протестантизм, причем более радикального, чем английский, кальвинистского толка. Последователи Жана Кальвина выступали против католической догматики и обрядности, за дешевую церковь, организованную по республиканскому принципу. Во главе кальвинистской общины стояли пресвитеры - выборные старшины, и министры-проповедники. Съезды министров руководили кальвинистами различных областей или целой страны. Таким образом, кальвинизм отрицал верховенство над церковью не только папы, но и короля, епископа и любого другого лица.

Купечество шотландских городов, как и часть южных феодалов, увидело в кальвинизме как раз такую веру, которая соответствовала их задачам борьбы за независимость против католической Франции и англиканской Англии. Они создали свой союз - «Ковенант» и в 1559 г. начали военные действия против французов.

Елизавета оказала кальвинистам военную помощь, надеясь таким образом не только подготовить завоевание Шотландии, но и нанести удар Марии Стюарт. В 1560 г. шотландские кальвинисты при помощи англичан одержали победу. В стране была введена пресвитерианская (т. е. кальвинистская) церковь, а церковные богатства секуляризованы. Победа, однако, была еще не окончательной. Вскоре Мария Стюарт возвратилась в Шотландию (после смерти Франциска II), где попыталась восстановить католицизм. Именно в это время усилились ее связи с английскими северными феодалами, считавшими Марию единственной законной королевой Англии. Но победоносное восстание шотландских кальвинистов в 1567 г. вынудило королеву бежать в Англию и просить убежища у Елизаветы, на престол которой она претендовала. Убежище ей было предоставлено - в крепости, откуда она почти через двадцать лет взойшла на эшафот.

Судьба капиталистического уклада в Англии, развитие которого пыталась остановить реакция внутри и вне страны, решалась с этого времени уже почти исключительно в сфере внешней политики. Окрепший союз английской буржуазии и сквайров мог справиться с любой внутренней опасностью. Но могущественные зарубежные противники - Испания, Рим, Франция - все еще представляли серьезную угрозу.

Помимо чисто политических и религиозных мотивов, борьба с этими странами имела для английской буржуазии и связанного с нею нового дворянства особое значение. Для развития капиталистического производства необходимы были деньги, и они добывались не только за счет ограбления крестьян в ходе огораживаний, внутренней торговли, эксплуатации рабочих мануфактур. Огромную роль в так называемом первоначальном накоплении капитала играла внешняя торговля и прямое или замаскированное ограбление народов Азии, Африки, Америки, и на этом поприще английские купцы, пираты, авантюристы сталкивались с конкуренцией именно тех стран, которые теперь под знаменем католицизма и «династических прав» пытались вмешаться

во внутренние английские проблемы.

Правительства Тюдоров поддерживали мощные купеческие компании, покровительствовали пиратам и работорговцам. Английские мореплаватели шли в основном по следам итальянских, португальских и испанских моряков. Слава первооткрывателей доставалась другим, но золото, серебро, драгоценности в огромных количествах оседали в Англии.

Английские пираты, поддерживаемые мощными купеческими компаниями, знатью и самим правительством, нападали на груженые американским золотом испанские корабли, грабили испанские владения в Южной Америке и привозили в Англию несметные богатства. Своими пиратскими «подвигами» особенно прославился Френсис Дрейк, который, впрочем, был и выдающимся мореплавателем. В 1578-1580 гг. он совершил второе (после Магеллана) кругосветное путешествие, сопровождавшееся пиратскими налетами. Большие доходы приносила английским купцам-пиратам работорговля, начало которой было положено судовладельцем из Плимута Джоном Хаукансом. В 1562 г. он захватил большую группу негров в Гвинее и затем продал ее в рабство испанским колонистам на Гаити. Военные столкновения между английскими пиратами и испанскими королями, грабительские набеги на испанские владения все более обостряли обстановку. Правительство Елизаветы оказывало помощь восставшим против испанского господства Нидерландам, шотландским кальвинистам, французским гугенотам. Быстро рос английский военный флот, который начал строиться еще при Генрихе VIII.

В течение многих лет шла необъявленная война. Но после того как был раскрыт новый заговор с участием Марии Стюарт, включавший широкие планы внутренних мятежей и испанской интервенции, силам реакции был нанесен мощный удар. Заговорщики, а затем (в 1587 г.) и сама Мария Стюарт были казнены. Маска была сорвана, и папа открыто призвал католиков к войне с Англией. Война с Испанией затянулась на много лет (1587- 1604), но наибольшее значение имел ее ранний этап. Стремясь взять инициативу в свои руки, английская эскадра под командованием Дрейка уже в год объявления войны напала на Кадис и уничтожила находящиеся там корабли. Все же на следующий год Филиппу II удалось направить к берегам Англии огромный флот, названный «Непобедимой Армадой».

События 1588 г., когда над Англией нависла угроза потери независимости, имели огромное значение не только для утверждения ее внешнеполитических позиций, но и для направления ее социально-экономического развития. Все прогрессивные силы страны были заинтересованы в победе. И действительно, победа была завоевана на этот раз не одной только королевской армией или наемниками, а усилиями народных масс, буржуазии, джентри. На верфях, в арсеналах и мастерских рабочие и ремесленники срочно оснащали флот для будущих боев. Купцы, купеческие компании, города предоставили в распоряжение правительства свои суда с орудиями и командой. Для борьбы с десантными войсками создано массовое ополчение. Это был первый в истории Англии подлинный патриотический подъем, и он сыграл немалую роль

в развитии чувства национальной общности, в складывании английской нации.

Испанский флот в июле 1588 г. появился в английских водах в районе Плимута, намереваясь пройти через Ла-Манш к Дюнкерку. Быстроходные английские корабли в конце июля атаковали испанцев. Избегая генерального сражения, английские моряки под командованием опытных мореходов и пиратов Дрейка, Рэли, Хаукинса и др. расстреливали из бортовых орудий грузные, неповоротливые испанские суда. Двухнедельная битва закончилась полным поражением испанцев. Потерявшая немало кораблей, сильно поредевшая армада была вытеснена в Северное море; зайти в Дюнкерк ей так и не удалось. Поэтому отступающий флот направился в обход берегов Шотландии и Ирландии. Жестокий шторм довершил уничтожение армады; много кораблей пошло ко дну, а на западное побережье Ирландии было выброшено бурей около 5 тысяч испанцев. В этих решающих событиях конца июля и первой половины августа 1588 г. Англия потеряла всего 100 человек. Окончательная победа над внутренней феодально-католической реакцией была теперь закреплена победой над силами международной реакции. После событий 1588 г. значительно усилились международные позиции Англии, для которой открылись пути к морской гегемонии. Продолжая войну с Испанией, английский флот совершил нападение на испанские порты - Корунью, Кадис и на американские колонии Испании (Вест-Индию).

Продолжая пиратские экспедиции, единственной целью которых было получение добычи, английские купцы, судовладельцы, мануфактуристы уже в конце XVI в. начали переходить к политике прямых территориальных захватов. При этом наметилось два пути. Торговые компании, получившие права монопольной торговли в определенном районе мира, создавали там свои фактории, которые стали опорными пунктами для дальнейшей колонизации. Особенно активной была Ост-Индская компания, имевшая около 10 000 пайщиков с капиталом более 1,5 млрд. ф. ст. (по данным 1617 г.). Столкнувшись с конкурентами - голландскими и португальскими колонизаторами, Ост-Индская компания снарядила несколько экспедиций, носивших одновременно торговый и военный характер. Потерпев неудачу в борьбе с голландским флотом, охранявшим интересы своего купечества на Молуккских островах, англичане направили главный удар против Португалии. Это были первые шаги борьбы за сказочно богатую Индию. Корабли Ост-Индской компании разбили португальскую эскадру, и это дало компании возможность в 1612 г. учредить первую факторию в Сурате, а несколько позже - в Мадрасе и в районе Калькутты. Капитализм далеко еще не победил в самой Англии, но он создавал уже свою колониальную систему.

Кроме организации торговых факторий, подготовивших в последующем порабощение народов Индии и других стран, новоявленные колонизаторы заселяли также заморские территории англичанами, что сопровождалось истреблением или изгнанием аборигенов.

Первые переселенческие колонии англичан возникли в Северной Америке. После нескольких неудачных попыток, предпринятых в 80-х годах XVI в., в 1607 г. была основана первая колония - Виргиния. Богатые лондонские купцы

перевозили туда бедняков, которые соглашались запродать себя в долговое рабство, либо «бродяг», осужденных по кровавым тюдоровским законам.

Однако заморские колонии в то время играли еще второстепенную роль по сравнению с первой английской колонией - Ирландией. Завоевание ее было начато в XII в., и номинально английский король считался правителем (сеньором) Ирландии. Но фактически только небольшой район Дублина (Пэль) находился в руках английских землевладельцев, охраняемых сильными гарнизонами. Систематическое покорение Ирландии не случайно падает именно на XVI век - период первоначального накопления.

Генрих VIII в 1541 г. объявил себя королем Ирландии и потребовал, чтобы вся земля ирландских феодалов рассматривалась как держания, пожалованные им королем. Важным орудием колониальной политики стало и проведение Реформации. Конфискуя монастырские земли и раздавая их английской знати, грабя богатства церкви, Тюдоры укрепляли свои позиции в Ирландии. Именно потому, что колонизация проводилась под флагом Реформации большинство ирландцев сохранило католическую веру.

На протяжении XVI в. ирландская знать не раз возглавляла массовые восстания против английского господства.

Наиболее крупным было восстание 1594-1603 гг. в Ольстере (Северная Ирландия). Восстание получило поддержку от Испании, все еще находившейся в состоянии войны с Англией. Почти 10 лет шли военные действия, нередко англичане терпели поражения от героически сражавшихся ирландцев, но абсолютное финансовое превосходство и мощь военной техники дали возможность Англии в конце концов победить.

Почти вся земля у ирландцев Ольстера была конфискована и передана английским крупным и мелким землевладельцам, которых правительство обязало привезти и английских крестьян. Эта мера имела двоякий смысл: создавая компактную массу английского населения, Англия приобретала прочную опору своего владычества; с другой стороны, на землю Ирландии можно было выселить экспроприированных английских крестьян, избавиться от этого «горючего материала» в самой Англии. На протяжении XVI и начала XVII в. основной земельный фонд перешел в руки английских лендлордов. Ирландия стала превращаться в аграрный придаток к быстро развивающейся английской промышленности, в ее сырьевую базу и рынок сбыта английских товаров.

К концу XVI в. значительно возросло и английское влияние в Шотландии, поскольку после восстания 1567 г. там у власти оказались проанглийские кальвинистские элементы. В 1586 г. Елизавета заключила союз с шотландским королем Яковом VI Стюартом. Он обязался не поддерживать Испанию и католиков Англии и Шотландии, получив взамен обещание, что он будет признан наследником Елизаветы, поскольку прямых наследников у королевы не было. Союз с Шотландией, в котором Англия играла ведущую роль, еще более укрепил ее международные позиции. На беспокойной северной границе был достигнут мир, Ирландия - в основном покорена, берега Англии надежно охранялись английским флотом, главный морской соперник - Испания явно

отступал под натиском более сильного противника, началось создание колониальной империи, резко повысился международный престиж Англии - таковы были результаты политики английской абсолютной монархии и тех классов, которые ее поддерживали. Казалось бы, союз буржуазии и обуржуазившегося дворянства с абсолютной монархией должен был быть прочен как никогда. Но в действительности именно в этот период в этом союзе наметились первые трещины, которые постепенно расширялись и наконец разделили страну на два враждебных лагеря.

Пока капиталистический уклад был относительно слаб, он мог развиваться в рамках господствующего феодального строя, тем более что политика абсолютной монархии в целом способствовала его успехам. Но по мере его укрепления все четче обнаруживалось, что феодальные отношения и стоящий на страже их абсолютизм сковывают дальнейшее развитие производительных сил.

Наряду со старыми цеховыми правилами и обычаями городов, все еще ограничивавшими свободу торговли и предпринимательства, при Тюдорах было введено государственное регулирование торговли; бесчисленные статуты и указы предписывали купцу, где и какими товарами ему торговать, по каким ценам, на каких условиях. Широко применялась выдача патентов на право монопольной торговли тем или иным товаром внутри страны и особенно - за границей. Это покровительство небольшой группе купцов не только препятствовало росту буржуазии, но и приносило серьезный ущерб английской внешней торговле в целом. В начале XVII в. английский экспорт был меньше импорта, т. е. внешнеторговый баланс стал пассивным.

Еще резче сковывающие рамки феодальных отношений проявились в деревне. Большинство (примерно 60%) крестьян продолжали платить феодальную ренту, и хозяйство их носило полунатуральный характер. Но даже там, где хозяйство велось на капиталистической основе, феодальные путы задерживали его развитие. Новые дворяне, как и все землевладельцы, считались не собственниками, а держателями земли. Собственником же был король, что и давало ему возможность собирать незаконные налоги, использовать передачу земли по наследству или продажу ее для того, чтобы получить от наследника или нового владельца специальный взнос.

Все то, что король отнимал у землевладельцев, шло на содержание двора, на пенсии и подарки знати, окружавшей короля, т. е. эти средства изымались из производства. Это же относится и к десятине, по-прежнему уплачиваемой в пользу церкви. Следовательно, для развития производительных сил общества необходимо было уничтожить не только все еще господствовавший феодальный уклад (старая феодальная рента, особенно на севере и на западе страны, десятина, цеховой строй), но и его политическую надстройку - абсолютную монархию, охранявшую феодальные отношения.

Революционные настроения все более охватывали широкие массы трудящихся Англии - крестьян, работников мануфактур и городскую бедноту. Массы крестьян-копигольдеров продолжали многовековую борьбу за землю, за превращение копигольда во фригольд. Требование превращения держания в

собственность совпадало в принципе с требованием нового дворянства. Но только в принципе. А на практике крестьяне «держали» землю не только у старого, но и у нового дворянства, которое отнюдь не намерено было лишиться владений и источников дохода. То, что было общего в крестьянской программе и программе «нового дворянства», сделало возможным их совместное выступление против старой знати и короля. Но коренное расхождение по вопросу о земле, о путях развития сельского хозяйства, которое обнаружилось уже в ходе огораживаний, создавало глубокое внутреннее противоречие в формирующемся революционном лагере.

На протяжении XVI в. крестьяне в различных графствах неоднократно восставали, борясь и против старых форм феодальной эксплуатации, и против огораживаний. Наиболее крупными были восстания 1536 г. в северных графствах и 1549 г. в Девоншире, Корнуэлле и Норфолке. В конце XVI и начале XVII в. восстания участились, охватывая то Оксфордшир, то Кент, то Восточную, то Западную Англию.

Господствующий класс Англии не ограничивался кровавым подавлением восстаний. Приобретая в сложных перипетиях политической жизни все больший опыт, правящие круги пытались найти средства, которые могли бы ослабить классовую борьбу. При Елизавете впервые были установлены законом обязательные формы «помощи бедным и нетрудоспособным». В 1601 г. был введен статут «О призрении бедных», предусматривавший как принудительный труд в исправительных домах, так и вспомоществование со стороны прихода. Для этих целей вводился специальный налог. Основным смыслом этого законодательства, сохранявшего силу вплоть до XIX в., заключался в том, чтобы, с одной стороны, смягчить остроту классовых противоречий, а с другой стороны, создать для «призреваемых» такие условия, которые вынуждали бы их соглашаться на самую низкую плату и на самые тяжелые условия труда на мануфактуре или в поместье сквайра.

Крестьянство и городская беднота не имели возможности организовать в общегосударственном масштабе для активных действий в защиту своих интересов. Они были настроены революционно, готовы были самоотверженно бороться с несправедливостями социального и государственного строя, но, как показали результаты бесчисленных крестьянских восстаний, эта борьба могла стать эффективной лишь при руководстве со стороны прогрессивного класса, способного сплотить и возглавить революционные силы по всей стране. В авангарде этих сил в то время могла выступить только буржуазия и буржуазная по своей социальной сущности часть дворянства.

К началу XVII в. английская буржуазия уже сформировалась как класс, осознающий свои интересы и рвущийся к власти. Только политическое господство союза буржуазии и джентри могло обеспечить такую политику государства, которая соответствовала бы их интересам. Немалое влияние на настроение буржуазных кругов в Англии оказала победоносная буржуазная революция в Нидерландах в конце XVI в. Освободившись от феодальных пут и создав независимое государство на севере страны - Голландию, нидерландская буржуазия намного опередила английскую по развитию производства и

торговли, а в области мореплавания и создания колониальной империи была опасным соперником Англии. Пример этой первой буржуазной революции наглядно показал, сколь могучие силы прогресса проявятся, если капиталистические отношения придут на смену феодальным. Но для того чтобы этот великий переворот мог совершиться, необходимы были массы революционно мыслящих людей, освободившихся от средневекового духовного рабства.

И действительно, революции социальной и политической предшествовала революция в сознании.

В бурных социальных сдвигах и политических событиях XVI в. (аграрный переворот, рост промышленности и торговли, Реформация, победа над внутренними и внешними силами феодально-католической реакции) менялись и взгляды, верования, обычаи различных слоев английского народа. Если в первой половине XVI в. гуманизм был культурным движением, охватившим сравнительно узкий круг образованных людей, то в «век Елизаветы» под влиянием культуры Возрождения оказались довольно широкие круги народа, прежде всего городского населения.

Ценности науки и искусства, созданные «мастерами культуры» той эпохи, несут на себе печать сложнейших социальных и политических противоречий, ломки общественных отношений. Самыми значительными были успехи в тех сферах культуры, которые оказались наиболее непосредственно связанными с экономическим и общественным подъемом, с запросами и вкусами широких масс народа, с их техническим и художественным творчеством.

Казалось бы, происхождение, общественное положение и род занятий Фрэнсиса Бэкона (1561 - 1626) создавали глубокую пропасть между ним - сыном елизаветинского вельможи, кабинетным ученым и экспериментатором и народными массами Англии. Но именно этот величайший английский мыслитель эпохи Возрождения в своих философских и политических трактатах наиболее полно выразил революционные сдвиги в сознании народа. Расковать человеческую мысль, открыть безграничные возможности познания природы, поставить это знание на службу практическим нуждам общества - таково главное направление философской мысли Бэкона.

Только на базе технического прогресса, творимого руками сотен тысяч непосредственных производителей, могли родиться гениальные идеи главного труда Бэкона «Новый органон». Ведь сам Бэкон, как бы он ни преклонялся вместе со всеми гуманистами перед античностью, более всего ссылаясь на великие изобретения своего времени - книгопечатание, компас и др. Не в догматах религии, не в схоластическом оперировании цитатами путь к познанию природы, а в наблюдении и опыте. Не ссылка на Библию или Аристотеля может послужить доказательством справедливости той или иной научной теории, а ее проверка на практике. «Полезность и дело служит порукой и свидетелем верности теории» - такова главная - и новая для того времени - мысль Бэкона в области теории познания.

Философия Бэкона была глубоко материалистична. Для него, в сущности, не было вопроса, что первично - общественное сознание или бытие.

Материальный мир - основа всего сущего, и задача науки заключается в том, чтобы его познать. Маркс и Энгельс называли Бэкона истинным родоначальником английского материализма и вообще опытных наук новейшего времени. «Естествознание, - писали они, - является в его глазах истинной наукой, а физика, опирающаяся на чувственный опыт, - важнейшей частью естествознания... Наука есть опытная наука и состоит в применении рационального метода к чувственным данным». Хотя материализм Бэкона носил метафизический характер, хотя Бэкону при том уровне естествознания и общественного развития не удалось разрешить сложных проблем теории познания с диалектических позиций, его труды были вершиной философской мысли эпохи Возрождения.

Материалистическая философия Бэкона не только оказала влияние на философскую мысль и развитие естественных наук в его время и в последующие века, но имела и широкое общественное значение. Вера в безграничные способности человека, решительная борьба против всякого ограничения научной мысли церковной догмой или схоластическим использованием трудов Аристотеля расковывала не только мысль естествоиспытателя, но и общественную мысль вообще.

Наиболее мощное воздействие на революцию в сознании, ставшую одной из важнейших предпосылок надвигавшейся буржуазной революции, оказали литература и искусство елизаветинской Англии, и прежде всего театр. Ни в одной сфере культуры английское Возрождение не добилось таких выдающихся успехов, как в области театрального искусства. В театр во второй половине XVI в. ходили все, и именно здесь торжественно прорвалось к массам жизнерадостное, полнокровное, антифеодалное по своей социальной сущности искусство Возрождения.

Уже в первой половине XVI в. в мистерии и моралите - эти массовые самодеятельные спектакли - властно ворвалась политическая борьба. Условные образы моралите становятся уже носителями не тех или иных абстрактных понятий или человеческих качеств, а реальных противоборствующих сил. Таков был один поток, который впоследствии влился в бурное море великолепного театра конца века.

Второй поток возник в связи с развитием гуманизма и первоначально стоял в стороне от народной традиции. В грамматических школах преподаватели-гуманисты ставили силами учеников пьесы античных авторов, способствуя тем самым возрождению и освоению драматического искусства Древнего Рима. Студенты университетов и члены юридических корпораций ставили главным образом античные трагедии. Затем возникли английские комедии, написанные в подражание Плавту и Горацию. В этих подражаниях вскоре появились и мотивы, заимствованные из моралите, и наряду с реальными персонажами в них фигурируют весьма условные герои типа Порока или Плутовства из моралите. Так началось слияние античной и народной традиций, обогащавшее и ту и другую.

Построенные по античным канонам пьесы, впитывая в себя элементы народной драмы, трактовали нередко коренные проблемы государственного

управления, социального строя, роли церкви и т.д.

Чем больше проникали на подмостки политические мотивы, тем больше озлобленности проявляли власти. Их не беспокоили, конечно, школьные латинские спектакли; но попытки создания профессиональных театров наталкивались на сопротивление властей. Небольшие коллективы бродячих актеров, игравшие в городских и придорожных гостиницах, подвергались репрессиям. Например, парламентский статут 1572 г., предусматривавший самые суровые кары против «бродяг», специальным пунктом подчеркивал: «Все вожаки медведей, актеры и менестрели, не принадлежащие какому-нибудь барону королевства или какой-нибудь особе высшего ранга, ...все такие лица должны быть почитаемы за бродяг или строптивых нищих, предусмотренных настоящим актом». Именно при дворах королей и крупнейших лордов возникли первые постоянные актерские труппы, преимущественно из ремесленников. Имея соответствующие удостоверения, они могли играть и в провинции. Вскоре появились и специальные театральные помещения на окраинах Лондона. Первый театр был построен самими актерами, многие из которых имели и ремесленные профессии, в 1576 г., а к началу XVII в. в Лондоне было уже 20 театров, причем бывали дни, когда одновременно давались спектакли в И из них. 200-тысячное население Лондона, множество прибывающих в столицу купцов, моряков, чиновников, сквайров обеспечивали постоянную аудиторию.

Наибольшее значение имели массовые, так называемые публичные театры, которые актеры содержали па паях. Простой помост, не отделенный от зрителей занавесом, огромный партер (более чем на тысячу человек) без сидячих мест и без крыши, крытые ложи с более дорогими местами по бокам - так выглядели эти простые сооружения. Но именно здесь были созданы великолепные творения английской драматургии, составившие славу английского театра. Задолго до спектакля партер наполнялся ремесленниками, мелкими торговцами, моряками, случайно приехавшими в Лондон йоменами. Эта аудитория - люди труда, жаждущие ярких чувств, страстей и, главное, ответа на острые вопросы современности - предъявляла свой «социальный заказ» актерам и драматургам и, вмешиваясь в действие, выражала свои мысли и чувства. У этой аудитории драматурги и актеры должны были искать успеха. Поэтому расцвет английского театра основывался не только на его давних народных традициях, но и па постоянном контакте театров со зрителями. Труппы публичных театров завоевали столь прочный авторитет, что их нередко приглашали и в придворный театр, и в так называемые частные театры, которые посещались более изысканной публикой. Впрочем, и на представления публичных театров охотно приходили аристократы и даже сама Елизавета, спрятав лицо под маской. Но язык общения публичных театров с придворными родился синтез двух стилей актерского мастерства и двух типов драмы - античной, насыщенной ученостью Возрождения, и народной, насквозь пропитанной самим духом Возрождения.

Исторические сдвиги колоссального значения и масштаба, глубокие противоречия, линия которых проходила не только между людьми, классами,

группировками, но и через сердце и разум каждого мыслящего человека, - все это нашло воплощение в драмах гениального Вильяма Шекспира (1564-1616). В творчестве Шекспира культура английского Возрождения достигла своей вершины. Его образы грандиозны, как сама эпоха, породившая их. Отелло и Лир, Гамлет и леди Макбет, Шейлок и Клеопатра - в какой бы среде, стране, эпохе ни жили эти люди, они полны тех страстей и раздумий, которые в той или иной мере тревожили самого Шекспира и его современников. И в то же время это люди, живущие во вполне реальной исторической обстановке, действующие в соответствии со своими характерами, а не по воле авторского замысла. В этом и заключался могучий реализм Шекспира, реализм, имеющий глубокие народные корни: не во внешнем правдоподобии, не в копировании деталей быта, а в самой сущности характеров и обстоятельств, в которые они поставлены.

Политические взгляды Шекспира были типичными для большинства гуманистов: он не выступал против монархии и считал идеалом просвещенного короля. Но все творчество Шекспира восстает против феодализма, губящего личность, любовь, человеческое достоинство; против тех сил, которые сковывают способности человека - Шекспир, как и Бэкон, верил, что они безграничны, - против всяческой регламентации и канонов. Свободная стихия шекспировской драматургии и сама не укладывалась ни в какие каноны; в ней искусно и с величайшим художественным тактом все перемешано - трагическое и смешное, возвышенный монолог и грубый фарс, философский афоризм и непристойная шутка.

Выйдя из театра Шекспира на шумящие улицы Лондона, зритель встречался здесь с той же бурей страстей, противоречий, сталкивающихся судеб, которую только что переживали герои трагедии. Он - этот зритель - умел уже лучше видеть, понимать, оценивать происходящее, он еще больше освобождался от пут догматического мышления, а значит, мог и яснее определить свою политическую позицию.

Ни в одном из искусств Англия не достигла таких высот в эпоху Возрождения, как в театре. Только музыка в известной мере приближалась к нему по своему значению в жизни различных слоев общества и по своим достижениям. Крупнейшим музыкантом и композитором английского Возрождения был Джон Доуленд (1562-1626), автор многочисленных песен на слова второстепенных поэтов. Его сборники выдерживали по пять изданий и быстро раскупались любителями музыки. Это были лирико-философские и любовные песни, как мажорные, так и эгегические. Человеку Возрождения эта музыка была близка, она отражала и его тревоги, и жажду любви и счастья, РИ радость жизни.

В начале XVII в. благодаря деятельности выдающегося архитектора Айниго Джонса (1573-1652) в Англии появились сооружения, характерные для эпохи Возрождения. Стремясь освободить английскую архитектуру от отжившей «поздней готики» и от безвкусного смешения стилей, Джонс пытался перенести на английскую почву стиль высокого итальянского Возрождения, сочетая его с английскими национальными традициями. Это был

высокообразованный архитектор-гуманист, поклонник античности, знаток искусства нового времени. Между прочим, Джонс оставил значительный след и в истории английского театра, выступая в роли не только художника, но и постановщика. Из поездок в Италию он привез отличное знание новейших достижений итальянского искусства, и особенно многочисленных дворцов и загородных вилл знаменитого архитектора и теоретика архитектуры Палладио. Джонс, однако, не просто копировал итальянские образцы, отдавая себе отчет в том, что английские традиции, образ жизни, климат требуют других творческих решений. Но следование античным образцам, спокойные строгие формы, торжественная монументальность, отражавшая светлое мироощущение гуманистов, - этому Джонс учился у Палладио. Ему удалось осуществить лишь немногие из многочисленных замыслов. Политические бури века не способствовали созданию монументальных ансамблей, а именно к ним стремился Джонс, видя в них лучший способ выразить идею гармонии, единства человека и мира. Тем не менее, сохранившиеся проекты Джонса оказали значительное влияние на дальнейшее развитие английской архитектуры.

В портретной миниатюре, имевшей глубокие корни в английском искусстве средневековья, также сказались перелом в сознании, вкусы и художественные принципы Возрождения. Хотя миниатюра была разновидностью придворного портрета, из-за своих размеров она все же не носила столь официального характера, как станковые портреты. Поэтому художники-миниатюристы были более свободны в изображении особенностей именно данного лица, в выборе позы, жеста и т. д. Правда, и здесь значительное место уделялось декоративному обрамлению портрета, деталям обстановки и туалета, но все же на первый план выдвигается индивидуальное, неповторимое лицо изображаемого. Это относится к творчеству как Николаса Хиллпарда (1547-1619), так и его ученика Исаака Оливера (1562-1617). Если в миниатюре Оливера «Портрет Ричарда Сэквилла» закрыть лицо, то перед нами будет типичный портрет знатного человека, со всеми атрибутами богатства и аристократизма. Но умное, жизнерадостное, пронизательное лицо Сэквилла - это и обычное лицо человека эпохи Возрождения, и в то же время - отражение глубоко индивидуального характера. В горячих политических, философских, научных, богословских спорах, в бурной реакции зрителей шекспировского театра, во всем многообразии бытовых и психологических сдвигов исчезали святость королевского престола, незыблемость религиозных представлений, прочность сословных граней. Однако в процессе развития культуры Возрождения не сложилось стройной революционной теории, которая могла бы стать непосредственным «руководством к действию» для масс крестьян, ремесленников, рабочих, для буржуазии и нового дворянства.

Революционной идеологией английской буржуазии стало пуританство - религиозное течение, требовавшее полного очищения церковной организации и символа веры от остатков католицизма, т. е. завершения Реформации. В борьбе с католической реакцией даже весьма ограниченный протестантизм, введенный Генрихом VIII, способствовал распространению Библии, изданной на

английском языке. Чтение Библии в семейном кругу вошло в обычай среди йоменов, сквайров, купцов. Но если англиканские семьи, безоговорочно принявшие новую религию, видели в этом домашнем чтении лишь дополнение к церковным службам и «таинствам», то пуритане вообще не видели смысла в посещении церкви. Библия была для них единственным источником вероучения, между собой и богом они не признавали никаких посредников, и, следовательно, англиканская церковь была, с их точки зрения, столь же ненужной и греховной, как и католическая.

Пуританское учение в принципе не отличалось от кальвинизма, который уже сыграл в Нидерландах роль революционной идеологии и был теперь основой официальной церкви в Голландии. Господствовал он, как отмечено выше, и в Шотландии. Его влияние на формирование английского пуританизма было очень велико. Требуя отделения церкви от государства, выборности церковных служителей, введения свободной проповеди, не связанной каноническими текстами, пуритане тем самым выступали против абсолютистского государства, его официальной идеологии. Они отвергали всяческую регламентацию (по крайней мере, в религии) и этим - но только этим - были близки культуре Возрождения. В самом деле, во всем остальном - в религиозных доктринах, в осуждении искусства, особенно театра, развлечений, мирских наслаждений, в ханжеской проповеди аскетизма, стяжательства и скупости пуританская идеология в такой же мере противостояла официальной идеологии абсолютизма, как и культуре Возрождения.

Чем объясняется этот кажущийся парадокс? Почему революционная идеология передовой буржуазии приходит в конфликт с передовой культурой гуманизма? Ведь экономический базис, на котором покоится и гуманизм и пуританство, один и тот же - растущий капиталистический уклад.

Английская буржуазия рвалась к власти, и свободная стихия Возрождения, расковыливающая умы, подрывающая авторитеты, отстаивающая права человеческой личности, приходила в противоречие с интересами класса, который должен был вскоре стать господствующим. Идеология пуританства была революционной, но она была буржуазно-ограниченной, в то время как титаны науки и искусства Возрождения были, по выражению Энгельса, чем угодно, только «не буржуазно-ограниченными». Поэтому пуританство, сыграв свою историческую роль и оставив известный след в национальном характере англичан, не создало великих культурных ценностей, а творения Мора, Бэкона, Шекспира навсегда вошли в сокровищницу мировой культуры. Острие пуританской идеологии было направлено против феодально-абсолютистского строя. Из убеждения, что между человеком и богом нет посредников, следовал вывод, что вся общественная организация создана людьми, выполняющими волю бога. Королевская власть непосредственно учреждена не богом, т. е. имеет не божественное происхождение, а сформирована в результате договора между народом и королем. Так в рамках пуританизма родилась чисто политическая теория «общественного договора», согласно которой народ имеет право и даже обязан свергнуть короля, если он нарушает договор, правит во вред обществу. Восстание против «тирана» становилось в представлении

пуритан богоугодным делом, и их теория приобрела характер фанатичной веры в справедливость революционного действия.

Впрочем, умеренное крыло пуритан, состоявшее в основном из крупнейших финансистов и купцов, а также части нового дворянства, склонно было ограничиться мирным давлением на короля. Сторонники этого крыла хотели, очистив церковь от пережитков католицизма, ликвидировать епископат и передать власть пресвитерам - выборным старшинам из числа наиболее богатых прихожан. Отсюда и название этого течения - пресвитерианство. Пресвитериане, в сущности, стремились создать буржуазно-дворянское управление церковью, т. е. повысить роль «средних классов» в государственном управлении и в идеологическом влиянии на массы. В этом случае, полагали они, можно будет направить монархию целиком в русло буржуазной политики, превратить короля феодалов и придворной знати в короля буржуазии и нового дворянства.

Значительно дальше шли сторонники полного самоуправления церковных общин, их независимости от каких-либо, пусть даже пресвитерианских, церковных властей. Отсюда и название сторонников этого течения - индепенденты (independence - независимость). В 1581 г. в г. Норидже образовалась первая индепендентская община, и с тех пор эти независимые общины, стоявшие в открытой оппозиции к официальной церкви, стали возникать по всей стране. Средние слои буржуазии, сквайры, йомены - такова была основная социальная база этого течения. Индепендентское требование самоуправления в церковных делах было прямо направлено против короля как главы англиканской церкви и соответствовало лозунгу ограничения королевской власти вообще в делах сугубо мирских.

По мере усиления оппозиции абсолютной монархии буржуазия и новое дворянство начинают по-новому смотреть на парламент. Этот средневековый орган сословного представительства, благодаря своеобразию английского абсолютизма, продолжал существовать при Тюдорах, хотя и был на протяжении почти всего XVI в. покорным регистратором их воли. Когда же прочный союз между буржуазно-дворянским блоком и абсолютной монархией начал давать трещину, буржуазия и новое дворянство нашли в лице парламента исторически сложившийся орган, который можно было использовать против реакции. Уже в 1571 г. при утверждении парламентом англиканского символа веры пуритане впервые выступили с протестом против незавершенности Реформации. С начала 90-х годов между парламентом и Елизаветой стали возникать конфликты по вопросу о том, какие права принадлежат парламенту и каковы прерогативы короны. Споры эти не приобрели еще большой остроты, но они подготавливали превращение парламента в центр антиабсолютистской оппозиции. В 1601 г. парламент заявил протест против того, что королева раздаст и продает патенты на монопольную торговлю и различные привилегии крупнейшим лондонским купцам. Это уже был открытый конфликт, в котором буржуазия отстаивала требование свободной торговли. Правительство предпочло уступить, раздача монополий была ограничена; парламент, таким образом, начал становиться силой, с которой приходилось считаться.

Глава 2 АНГЛИЙСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVII в.

Обострение политической борьбы. Революционная ситуация

К началу XVII в. в Англии созрели экономические, политические и идеологические предпосылки буржуазной революции. Буржуазия и новое дворянство, вооруженные революционной идеологией пуританства, все чаще вступали в конфликты с королевской властью. Конфликты стали обостряться в связи с политикой первых королей из династии Стюартов. В 1603 г., после смерти Елизаветы, на английский престол вступил шотландский король Яков VI; в Англии он был Яковом I (1603-1625). Два государства оказались объединенными династической унией, хотя у каждого из них сохранились свои правительства и парламенты; это было некоторым шагом на пути к мирному объединению двух государств.

Яков I и его сын Карл I (1625-1649) оказались перед выбором: либо отказаться от положения абсолютных монархов, подчиниться диктату буржуазии и нового дворянства и пожертвовать интересами светской и духовной знати, либо стать на путь феодальной реакции. Выбор, который сделали первые Стюарты, - в пользу феодальной реакции - определялся прежде всего тем, что интересы феодалов для абсолютной монархии всегда были выше интересов буржуазии и обуржуазившегося дворянства. Конечно, некоторое значение имело и то, что у Стюартов не было традиции искать опору в «средних классах», и даже то, что Яков I - сын казненной Марии Стюарт - принадлежал к группировке, тесно связанной с международной католической реакцией.

Всю мощь государственного аппарата новый король направил не против оппозиции справа - католических элементов, а против пуритан - носителей буржуазно-революционной идеологии. Гонения на пуритан, имевшие по форме религиозный характер, по существу, были репрессиями, направленными против политических противников. Яков I и сам отдавал себе отчет в этом. Пуритане, говорил он, «не столь отличаются от нас (англиканской церкви. - Л. К.) религиозными убеждениями, как своей разрушительной политикой и требованиями равенства; ведь они недовольны существующим правительством и не желают терпеть чье бы то ни было превосходство, что делает их секты невыносимыми ни в каком хорошо управляемом государстве». Эти слова были произнесены в 1603 г., почти одновременно с вступлением Якова I на престол, и во многом определили характер его политического курса. В следующем году он выразился еще яснее, когда большая группа священников-пуритан поставила вопрос о ликвидации епископата, т. е. о введении пресвитерианской церкви. «Нет епископа - нет и короля» - этот афоризм исчерпывающе объясняет позицию Стюартов по отношению к пуританству.

На пуритан обрушились жесточайшие репрессии. Покорные королю и епископам судьи приговаривали пуритан к тюремному заключению, жестоким

пыткам, отрезанию ушей, пригвождению к позорному столбу. Звездная палата, созданная еще Генрихом VII для борьбы против политических противников из числа крупных феодалов, теперь стала органом расправы с буржуазной оппозицией. Особенно свирепствовала Высокая комиссия - высший судебный орган англиканской церкви, имевший право суда и над светскими лицами, совершившими «преступления против религии и нравственности». В стране была введена жесточайшая цензура, но пуританская литература, печатавшаяся в Голландии, конспиративно доставлялась в Англию и распространялась в пуританских кругах. За эту деятельность в 1637 г. подвергся публичному бичеванию и был выставлен к позорному столбу 20-летний Джон Лильберн - впоследствии один из самых блестящих английских публицистов и деятелей революции. Расправа над политическими противниками не только обостряла противоречия, но и приносила экономический ущерб государству. Нашедшие в Англии приют протестанты из Нидерландов, Германии, Франции - преимущественно ремесленное и торговое население - теперь массами покидали страну. Более того, не менее 60 тыс. английских пуритан-йоменов, ремесленников, купцов покинули Англию. Именно за счет этих эмигрантов началось массовое заселение Виргинии и других североамериканских колоний - будущих Соединенных Штатов Америки.

И внешняя политика Стюартов противоречила национальным интересам Англии. Традиционной борьбе против Испании Стюарты предпочитали союз с этой католической державой. Именно опираясь на международную реакцию, новая династия выступала против растущих прогрессивных сил. Король задумал даже укрепить союз с Испанией путем династического брака и женить наследника престола на испанской инфанте. Когда этот план встретил решительное сопротивление, Яков I женил Карла на французской принцессе Генриэтте-Марии - католичке, тем самым обеспечив себе поддержку французского абсолютизма. Этот поворот во внешней политике был непосредственно связан с политической и идеологической реакцией внутри страны. Хотя официальной религией оставался англиканский протестантизм, католики получили фактически свободу вероисповедания, приблизились ко двору, а окружение Генриэтты-Марии открыто служило мессу.

Уже при Якове I и особенно при Карле I английский двор всячески стремился подражать французскому и испанскому: расточительность, огромные пенсии и подарки королевским фаворитам, роскошные балы и празднества создавали видимость благополучия и прочности монархии.

При дворе Карла I много лет работал знаменитый фламандский живописец Антонис Ван-Дейк, и созданная им галерея портретов короля и знати великолепно отражает облик аристократа того времени. В этот «английский» период своего творчества Ван-Дейк, выдающийся реалист, все же в известной мере подчинился вкусам и «социальному заказу» придворных Карла I. Его портреты, оказавшие впоследствии немалое влияние на английскую портретную живопись, дают скорее собирательный образ, идеал аристократа, как он представлялся заказчикам, чем неповторимо-индивидуальный облик того или иного лица. Преувеличенно-элегантные пропорции, высокомерие,

неприступность, возвышающая над толпой аристократа, пышность костюма и торжественность обстановки - этого желали заказчики и это давал им художник. Но в тех случаях, когда Ван-Дейка не сковывали несколько условные каноны, он создавал портреты глубоко индивидуальные, отражавшие духовный мир изображаемого. Какая отрешенность от суеты, напряжение духовных сил и, может быть, момент рождения нового художественного замысла запечатлены в портрете крупнейшего архитектора эпохи Айниго Джонса!

Двор Карла I забавлялся, причем отнюдь не невинно. Его бьющая в глаза роскошь, всевозможные слухи о развращенности придворных, не щадившие и блиставшую в центре этого изысканного круга «священную» особу королевы, подрывали престиж монархии. Но ничто не вызывало такого возмущения в широких слоях народа, в среде буржуазии и сквайров, как экономическая политика первых Стюартов. Пенсии и празднества, содержание огромного штата духовенства стоили очень дорого, и монархия изыскивала все новые и новые источники доходов. Изредка созываемые парламенты систематически отказывали королю в ассигнованиях и ставили предоставление денег в зависимость от всей внутренней и внешней политики. Тогда парламент распускался, и король усиливал продажу патентов и привилегий, взимание штрафов за нарушение бессмысленных ограничений в торговле и промышленности и т. д.

Подхлестываемые массовыми выступлениями городских и деревенских низов, подрывавшими прочность монархии, члены парламента становились все более решительными. В марте 1628 г. парламент заявил, что не согласится ни на какие ассигнования или новые налоги, пока король не признает некоторые принципы государственного устройства, изложенные в «Петиции о праве». Это был первый четко сформулированный документ, отражавший требования оппозиции: ликвидация королевского произвола и некоторое ограничение королевской власти - такова суть требований. Петиция запрещала аресты без суда, т. е. была направлена против незаконных репрессий. Не меньшее значение имел пункт, запрещающий взимание налогов, «даров», займов без санкции парламента. Тем самым король ставился в полную зависимость от парламента, который получал возможность ежегодно решать вопрос - отпускать или не отпускать те или иные суммы. Наконец, два пункта петиции были рассчитаны на то, чтобы не допустить создания постоянной королевской армии, которая могла бы стать орудием деспотизма. Самый факт выдвижения этих требований означал, что в парламенте уже сформировалась организованная сила буржуазной оппозиции. Карлу I настолько нужны были деньги, что он согласился на все условия. Петиция была принята, деньги отпущены, но король не намеревался выполнять данные обещания. В 1629 г. он распустил парламент и в течение 11 лет управлял страной бесконтрольно. Именно в этот период, когда, казалось бы, абсолютизм полностью победил, в стране начала складываться революционная ситуация.

Жестокости Звездной палаты и Высокой комиссии в период «беспарламентского правления» были чудовищными. Ближайшими

советниками короля стали граф Страффорд - перебежчик из лагеря парламентской оппозиции и архиепископ Уильям Лод. Оба они заслужили всеобщую ненависть. Фанатичный Лод - умный, твердо идущий к своей цели, каким он запечатлен Ван-Дейком, отправлял на дыбу и к позорному столбу пуритан. Страффорд, зажавший в тиски террора всю Англию, особенно кровавый след оставил в Ирландии, куда он был в 1633 г. назначен лордом-наместником. Уверенные в том, что они смогут подавить любую оппозицию, король и его приближенные шли напролом. Вопреки постановлениям парламента, королевские чиновники взыскивали таможенные пошлины. В 1635 г. король возобновил взимание давно забытого налога - так называемых корабельных денег, которые выплачивались «на борьбу с пиратством» в прибрежных графствах. Теперь, при наличии мощного английского флота, о пиратах давно уже и не слыхали, и налог, распространенный к тому же на всю Англию, вызвал бурю возмущения. Сквайр Джон Гемпден отказался платить и потребовал судебного разбирательства, но покорные судьи признали налог законным и осудили его. Однако этот процесс привлек внимание всей страны и, конечно, усилил оппозицию. Сторонники феодально-абсолютистской реакции все более утрачивали понимание реального положения, считая, что им все дозволено. Наконец, они предприняли шаг, который оказался для них роковым.

Фанатичный противник пресвитерианской церкви Лод давно уже придумывал средство для подчинения себе шотландской церкви. Хотя Шотландия, связанная с Англией с 1603 г. династической унией, полностью сохраняла самостоятельность, в 1637 г. Лод, окрыленный «успехами» абсолютизма, объявил, что в Шотландии вводится англиканское богослужение. Это был первый шаг к ликвидации пресвитерианской организации церкви. Но до следующего шага дело не дошло. Шотландские кальвинисты отказались подчиниться этому распоряжению, заключили, как в XVI в., ковенант и стали готовиться к вооруженной борьбе. Народные массы Шотландии, не раз в прошлом отбивавшие английские захватнические армии, пошли за дворянством и буржуазией, поскольку они видели в этом конфликте не столько церковный спор, сколько борьбу за независимость своей страны.

Борьба Шотландии за независимость, начатая под лозунгом сопротивления англиканской церкви, очень близким и понятным пуританам, встретила сочувствие в широких слоях английского народа. Собранная Карлом армия не желала воевать против шотландцев, и король, стремясь выиграть время, предложил противнику перемирие. Это первое поражение ненавистного короля вызвало бурю восторга в Англии; лондонские купцы даже устроили праздник в честь поражения Карла I.

Между тем реакционная экономическая политика Стюартов к концу 30-х годов привела страну на грань катастрофы. Производство сокращалось, тысячи ремесленников и рабочих мануфактур лишились работы. Это вызвало массовые волнения в Лондоне и в других районах страны. Большинство населения прекратили выплату «корабельной подати», и чиновники уже не могли справиться с этим массовым движением. Долго сдерживаемый народный гнев, наконец, прорвался, и это, наряду с шотландским примером, подхлестнуло

вождей оппозиции.

Когда в апреле 1640 г. Карл впервые после «Петиции о праве» созвал парламент, потребовав субсидий на войну с Шотландией, члены палаты общин заговорили иным языком. Категорически отказав в субсидии, парламент обрушился на короля и его советников с резкой критикой. Но даже и в этой обстановке Карл I, Страффорд, Лод не пошли на уступки. Парламент был распущен через три недели после созыва; его назвали Коротким парламентом.

Возобновившаяся война с Шотландией принесла английской армии, во главе которой теперь стал Страффорд, новые поражения. Шотландцы оккупировали северные графства. Монархия оказалась бессильной как перед лицом внешнего противника, так и в борьбе с внутренней оппозицией. Удержаться у власти, управляя по-старому, т. е. в духе абсолютизма, верхи феодального общества уже не могли.

Именно такая ситуация сложилась в Англии к лету 1640 г.

Мирный период революции

Положение королевской власти в этот период стало критическим. Государственный аппарат был бессильно принудить страну к выплате налогов. У короны не было денег, а война с Шотландией требовала огромных средств. Карлу I ничего не оставалось, как вновь созвать парламент и попытаться примириться с ним. Парламентские выборы проходили осенью 1640 г. в обстановке острейшей классовой борьбы. Выборы принесли пуританам абсолютное большинство в палате общин. Почти все депутаты были мелкими или средними помещиками - джентри и сквайрами, хотя многие из них избирались от имени городов.

Парламент собрался 3 ноября 1640 г.; на этот раз он просуществовал 13 лет и вошел в историю под названием Долгого парламента. Хотя борьба между парламентом и королем в течение первых двух лет проходила в основном в мирной «конституционной» форме, тем не менее она с самого начала приобрела революционный характер. Это была, по существу, борьба за власть, а вопрос о власти является центральным вопросом всякой революции. Выраженная в форме конституционной проблемы: кто - король или парламент - осуществляет верховную власть в государстве, эта борьба в конечном счете велась по другому вопросу, а именно какой класс будет господствовать в Англии. Если королевская власть представляла интересы феодальной верхушки, то парламент стал органом буржуазно-дворянского блока. На этом мирном этапе революции собственно социальные проблемы еще не выдвинулись на первый план. Все парламентские билли, все столкновения с королем затрагивали именно политические вопросы, проблемы государственного устройства, т. е. проблемы власти.

Состав парламента был, конечно, неоднородным. В нем были и сторонники англиканской церкви (хотя их было немного), и умеренные пуритане - пресвитериане, рассчитывавшие на компромисс с королевской властью, и радикальные круги индепендентов. Но даже самые умеренные

парламентарии были возмущены королевским произволом последних лет и вместе с большинством депутатов голосовали за политические преобразования. Революционная обстановка в стране вынуждала Карла I идти на уступки, подписывать и придавать силу закона принятым в парламенте биллям, а если он иногда колебался и пытался оттянуть решение, в дело вмешивались массы лондонской бедноты, которая толпами собиралась у здания парламента, и ее голос поддерживал наиболее радикальных депутатов и пугал умеренных. Именно широкие слои народа в столице и провинции были той решающей силой, которая обеспечила проведение прогрессивного законодательства в первый год Долгого парламента.

Уже в первые дни работы парламент принял решение об аресте ненавистного народу графа Страффорда, а через месяц - архиепископа Лода. Оба они содержались в Тауэре как государственные преступники. Карл I не мог спасти своих фаворитов и советников, хотя в тот период еще надеялся, что сможет исподволь подготовить разгром парламента. Те министры, которые избежали ареста, поспешили эмигрировать. Сразу была ликвидирована цензура, из тюрем были выпущены пуритане-жертвы террора последних лет, в том числе - Джон Лильберн. Пуританские проповедники произносили гневные речи, осуждая преступления короля и призывая к коренному переустройству церкви и государства. Появились сотни политических памфлетов, отражавших - почти всегда в богословской форме - рост демократических идей.

В течение года (до осени 1641 г.) парламент принял и король подписал целую серию биллей, которые подорвали абсолютистскую систему и ее государственный аппарат. Все незаконные налоги, включая корабельные деньги, были отменены; впредь запрещалось взимать какие-либо налоги без санкции парламента. Иначе говоря, парламент взял в свои руки контроль над финансами страны и получил мощный рычаг для давления на корону. Отменены были также патенты на монополии и привилегии. Были упразднены Звездная палата, Высокая комиссия и другие органы политического террора. Вопреки традиции, согласно которой созыв и роспуск парламента полностью зависел от воли короля, Долгий парламент в мае 1641 г. принял билль о нераспусчении парламента. Этот документ впервые в истории Англии поставил парламент если не над королем, то в независимое от него положение. Как раз в эти майские дни толпы демонстрантов окружили здание парламента, требуя радикального законодательства, и даже угрожали разгромить королевский дворец - Уайт-холл. Это и решило дело. Карл I подписал билль. Парламент потому и стал «долгим», что народ вынудил короля подписать закон, резко ограничивавший его права.

Одновременно решался вопрос о судьбе арестованного Страффорда, который был обвинен в государственной измене. До того времени политических преступников обычно обвиняли в измене королю, поскольку понятия «король» и «государство» практически не различались в правовых нормах. Сама постановка вопроса о государственной измене как об измене не королю, а законам государства, означала принципиальное новшество, отражавшее элементы нового взгляда на государство как на результат

общественного договора. Такой подход вполне соответствовал пуританской политической теории и всячески отстаивался в публицистике первых лет революции. Как ни оттягивала решение палата лордов, как ни сопротивлялся Карл I, билль о государственной измене был принят и сам король подписал смертный приговор крупнейшему сановнику абсолютистского периода. 12 мая 1641 г., через два дня после подписания королем билля о нераспусчении парламента, Страффорд был казнен в присутствии двухсоттысячной толпы. Не удивительно, что в ночь на 12 мая по всей Англии были зажжены торжественные факелы - это была крупная победа революции, лишняя раз показавшая, что решающей силой в стране стал парламента, опирающийся на народные массы.

Но именно эта опора и вызвала беспокойство умеренной, пресвитерианской части депутатов. Вынужденные использовать поддержку народа в борьбе с королем за свои политические и экономические интересы, эти крупные землевладельцы, банкиры, торговцы боялись того, что народ поведет революцию дальше удобного им предела. Глубокая противоречивость буржуазной революции, при которой к власти рвется прогрессивный, но эксплуататорский класс, видящий в массах трудящихся лишь необходимых временных союзников, прежде всего и проявилась в этих колебаниях пресвитерианской верхушки буржуазии и «нового дворянства». Обеспечив прочные позиции парламента, создав известные гарантии против абсолютистского произвола, эти слои буржуазно-дворянского блока, в сущности, считали революцию законченной. Теперь они стремились к соглашению с королем, к компромиссу, который не допустил бы дальнейшего развития революции, остановил бы ее на самом раннем этапе. Единодушие, с которым парламента проводил первые революционные законы, осталось позади.

Уже с зимы 1641 г. в стенах парламента и за его пределами шла борьба по поводу билля «О корнях и ветвях». Под этим поэтичным названием в январе 1641 г. в парламента была внесена петиция, направленная против епископата, т. е. основного принципа организации англиканской церкви. Под петицией стояли подписи 15 тыс. лондонских горожан, убежденных пуритан. Впоследствии на основе этой петиции группа депутатов разработала билль. Законопроект предусматривал ликвидацию епископата. Вся церковная власть передавалась комиссии из лиц, не имеющих духовного звания и назначенных парламентом. Среди активных защитников билля был сквайр из Кембриджшира Оливер Кромвель (1599-1658), ставший впоследствии одним из наиболее выдающихся вождей революции, а еще позже - ее душителем.

Это был типичный представитель нового дворянства, и в частности той ее группы, которая разбогатела в период конфискации церковных земель. Как и другие сквайры, Кромвель был не чужд капиталистического предпринимательства и весьма мало значения придавал тому, будет ли он владеть своей наследственной землей (что очень важно было для старой знати) или разбогатеет иными путями. Он покупал и арендовал земельные участки и, когда это было выгодно, продал свои наследственные владения. Плоть от плоти своего класса, Кромвель обладал и его достоинствами - пренебрежением к

знатности, предприимчивостью, склонностью к использованию достижений науки, и его пороками - стяжательством, почтением к собственности, пуританской ограниченностью. Один из знатных членов парламента оставил описание внешности Кромвеля - типичного богатого деревенского пуританина: «Как-то утром я, хорошо одетый, явился в парламента и увидел произносившего речь джентльмена... в весьма заурядном одеянии, ибо на нем был самый простой костюм, сшитый, казалось, простым деревенским портным; его белье было просто и не отличалось чистотой; ... у него была крупная фигура, и меч его плотно прилегал к боку, лицо было красное и одутловатое, голос резкий и немелодичный, а речь отличалась крайней пылкостью».

В этой заурядности, близости к внешнему и духовному облику среднего землевладельца была сила Кромвеля, так как новое дворянство, возглавлявшее вместе с буржуазией революцию, считало его своим и впоследствии охотнее подчинялось его приказам, чем воле политических деятелей и военачальников из аристократической среды. Но Кромвель, конечно, отличался от средних представителей своего сословия незаурядной энергией, силой воли, целеустремленностью, ораторскими и особенно организаторскими способностями.

Несмотря на ограниченность билля, который не вводил последовательно индипендентского принципа отделения церкви от государства, он все же встретил сопротивление как сторонников англиканской церкви, так и части пресвитериан. Борьба вокруг билля «О корнях и ветвях» вступила в решающую фазу уже после майских выступлений 1641 г., после казни Страффорда. Умеренные пресвитериане, напуганные активностью масс, предпочли провалить билль, и это было первым симптомом намечавшегося раскола палаты общин.

Обстановка в стране резко осложнилась в связи с восстанием в Ирландии, которое вспыхнуло в октябре 1641 г. Это была борьба ирландского народа за независимость, хотя она велась главным образом под знаменем «истинной» католической веры. Для реакции в этом восстании был некий шанс, которого она не желала упустить. Играя на религиозных чувствах протестантов, и особенно пуритан, а главным образом учитывая, что буржуазия и новое дворянство ни в коем случае не захотят потерять первую английскую колонию - один из источников накопления богатства, Карл I надеялся, что внутренняя борьба отойдет на второй план и страна объединится под его знаменем. В одном он не ошибся: даже самые крайние пуритане, вожди революции, действительно считали необходимым подавить восстание и сохранить английское господство над Ирландией. Депутаты парламента решили не только добиться нового покорения Ирландии, но и в очередной раз разграбить эту колонию, отнять у ее населения новые земли. Заранее было решено конфисковать у восставших 2,5 млн. акров земли, и под залог этих богатств был выпущен заем, охотно раскупавшийся богатеями Лондона. Буржуазия шла к власти, чтобы угнетать не только свой народ, но и другие народы.

Однако когда король потребовал у парламента разрешения на создание армии для похода в Ирландию и соответствующих ассигнований,

обнаружилось, что стремление сохранить колонию не лишило разума пуританских лидеров. В акте о создании армии были точно названы лица, которым поручается вербовать солдат, назначать офицеров и т. д., и, конечно, это были не приближенные короля, а пуританские деятели, пользовавшиеся доверием парламента. Иначе говоря, в связи с ирландским восстанием борьба против остатков абсолютизма усилилась.

Парламент, раньше взявший в свои руки контроль над финансами, налоговой политикой, законодательством, фактически осуществлявший с лета 1641 г. власть в государстве, теперь начинал контролировать и его вооруженные силы.

Для того чтобы обосновать недоверие к королю, невозможность отдать армию в его руки, более радикальные парламентские лидеры - Пим, Гемпден, начинавший выдвигаться Кромвель - разработали длинный перечень королевских злоупотреблений, совершенных в период беспарламентского правления. Этот документ - так называемая Великая ремонстрация - состоял из 204 параграфов и представлял собой развернутый вариант той программы революции, которую выдвинула буржуазия и новое дворянство. Если, например, в Великой ремонстрации в качестве злоупотребления короля называлось его вмешательство в дела промышленности и торговли, то из этого следовало, что программа предполагает запрещение такого вмешательства в будущем. Это же относилось к пунктам о произвольном налогообложении, непоследовательной внешней политике, которая плохо отстаивала интересы торгово-промышленных кругов, и т. д. Программой предусматривалось также установление контроля парламента над деятельностью министров, т. е. нечто вроде принципа ответственного министерства - этого важнейшего элемента буржуазно-демократических конституций последующих веков.

На этом этапе революции сквайры и буржуазия не выдвинули еще столь важного для них социального требования - отмены рыцарских держаний, т. е. превращения земельного держания дворянина в его полную собственность.

И все же даже эта ограниченная программа не встретила поддержки значительной части парламентариев. Только постоянное давление со стороны революционных масс позволило индипендентским вождям добиться принятия Великой ремонстрации ничтожным большинством в 11 голосов.

Голосование окончательно показало, что в парламенте нет прежнего единства, и реакция решила действовать энергично, чтобы не упустить благоприятный момент и нанести удар по силам революции.

План Карла I сводился к тому, чтобы, используя колебания п явное поправение значительной части палаты общин, арестовать лидеров наиболее революционного крыла парламента, обезглавить революцию и затем восстановить свою власть. Исподволь собирал он силы, заменил охрану парламента своими отрядами, а орудия Тауэра были направлены на Сити - торговый центр Лондона и твердыню пуританства. Над парламентом нависла опасность разгрома, роспуска, отмены всех его решений.

Но и силы революции не дремали. Почти ежедневные демонстрации под стенами парламента, а иногда и королевского дворца заставляли реакцию

медлить. Многие лорды и епископы перестали посещать парламент, боясь народного гнева.

Решающие дни наступили в январе 1642 г. Король потребовал ареста пяти депутатов парламента, наиболее деятельных пуританских вождей, в том числе Пима и Гемпдена. Когда парламент отказался их выдать, король, окруженный отрядом вооруженных людей, лично явился в парламент (4 января). Это было нарушением древней привилегии парламента, согласно которой король не имел права присутствовать на заседании палаты общин. Однако предупрежденные заранее Пим и его коллеги были в это время уже в безопасном месте - в Сити. Но даже если бы они оказались в палате, трудно сказать, чем окончилась бы попытка арестовать их. С королем было всего несколько сот человек, в то время как здание парламента окружала многотысячная толпа, в которой было немало вооруженных ремесленников и рабочих.

Попытка контрреволюционного переворота сорвалась благодаря тому, что массы народа отстаивали первые завоевания революции. Вся столица превратилась в вооруженный лагерь. Под охраной лондонского ополчения парламент в полном составе перешел в одно из общественных зданий в Сити. Тысячи вооруженных крестьян, сквайров, ремесленников из близлежащих городов пришли в Лондон спасать парламент, что в тех условиях означало - спасать революцию.

Расчет Карла I на колебания и слабость пресвитерианских вождей был безошибочным, но король и двор не учли в своих планах, что реальную силу в столице представляют народные массы, и именно перед ними реакции пришлось отступить.

Убедившись в том, что справиться с революцией предательским ударом не удалось, король 10 января бежал из столицы на север, в город Йорк, под защиту старой феодальной знати, сохранившей в этих районах свои позиции. Это был открытый разрыв с парламентом; реакция решила начать гражданскую войну, правда, лишь осенью 1642 г. Первый, мирный, период революции закончился. Однако даже на этом этапе, когда центром революционных сил был парламент и преобразования совершались путем парламентских биллей, ход борьбы определялся прежде всего активностью масс.

Гражданская война 1642—1646 гг.

Бегство короля окончательно разделило Англию на два лагеря. В те весенние и летние месяцы 1642 г., когда король и парламент готовились к гражданской войне, по всей стране развернулась борьба между силами революции и контрреволюции; линия размежевания проходила не по географическому, а по классовому принципу, и во многих графствах и даже в отдельных населенных пунктах революционеры и роялисты старались захватить оружие, стратегические пункты, установить контроль над дорогами. Прежде всего на стороне парламента был народ - копигольдеры, фригольдеры, ремесленники, рабочие. В поддержку парламента выступало подавляющее большинство крупной, средней и мелкой буржуазии, и только часть купцов-

монополистов оказалась в роялистском лагере. Наконец, новое дворянство и даже часть оппозиционной по отношению к Стюартам знати тоже были на стороне парламента. Правда, немало сквайров по религиозным, личным, семейным или иным соображениям все-таки сохранили верность королю. Его безоговорочно поддержала также старая знать, особенно феодалы Севера, которые привели за собой в королевскую армию многочисленных вассалов, слуг, наемных солдат. Современники называли сторонников короля кавалерами, а парламентскую армию - круглоголовыми (имея в виду простую пуританскую прическу).

К концу лета определились результаты внутренней борьбы в графствах. Хотя на Севере и Западе было немало сторонников парламента, в целом эти районы стали роялистскими. Развитый Юго-Восток, большинство городов во главе с Лондоном поддерживали парламент, хотя и в этих районах были сторонники короля. Размежевание по классовому принципу и вытекающее из него распределение опорных географических районов предопределило и соотношение сил между двумя лагерями.

Кавалеры располагали первоклассной конницей - традиционным дворянским войском. Кавалерия, объединенная под командованием принца Руперта - племянника короля, была грозной силой, и она обеспечила королевской армии первые крупные успехи. Но это была армия рыцарского типа - без строгой дисциплины и не способная к длительным операциям. Король постоянно испытывал недостаток в средствах для набора и снаряжения армии. Королева с группой придворных отправилась на родину - во Францию, надеясь толкнуть французский двор на активную поддержку Карла I, вплоть до прямой интервенции. Надежды эти не сбылись, но спустя два года королеве удалось получить крупную сумму денег и небольшой отряд для пополнения армии кавалеров.

В отличие от короля парламент почти не испытывал денежных затруднений. Контролируя самые развитые и богатые районы страны, парламент имел возможность обеспечить систематическое финансирование армии. Налоги в зонах господства парламента повысились по сравнению с предреволюционным периодом в четыре раза, но буржуазия видела в этом «необходимое самообложение» и не протестовала, хотя и старалась перенести основную тяжесть налогов на плечи трудящихся. Людские резервы парламентской армии были практически неисчерпаемы, так как революционный энтузиазм приводил в ряды армии множество лондонских подмастерьев и рабочих, и особенно йоменов. Промышленные центры находились в руках парламента, и это обеспечивало бесперебойное снабжение армии оружием. Таким образом, соотношение сил явно складывалось в пользу революционных армий, тем более что активность народа нарастала по мере развития революции. Никогда раньше не знала Англия такой массовой политической самостоятельности и инициативы. На местах образовывались революционные комитеты, которые брали на себя административные функции, отстраняя от управления старые органы власти. Кроме собственно политических организаций широкое распространение получили всевозможные

религиозные секты, которые были отнюдь не только организациями церковного типа. Это были объединения единоверцев, проводившие систематические собрания, хотя и сопровождавшиеся молебнами и пением псалмов, но посвященные прежде всего политическим проблемам и ведению войны.

Если знать (в том числе и пресвитерианская) с ужасом реагировала на то, что толпа портных, сапожников и других «представителей механических ремесел» осмеливается думать, учиться, искать истину, то великий поэт и революционный памфлетист Джон Мильтон (1608-1674) именно в этом усматривал главное завоевание революции. В типичном для того времени возвышенном стиле, полном пафоса и почти средневековой образной структуры, он писал о Лондоне периода революции: «Взгляните теперь на этот огромный город, город - убежище, центр свободы. В кузнице войны не больше наковален и молотов, кующих орудия вооруженной справедливости для защиты осажденной истины, чем есть в этом городе перьев и голов, занимающихся при свете ламп, размышляющих, ищущих, обдумывающих новые понятия и мысли, которые они могли бы дать близящемуся преобразованию вместе с клятвой верности; другие с такой же быстротой читают, испытывают все вещи, уступают силе разума и убеждения. Чего еще можно потребовать от нации, которая так стремится искать истину?»

Итак, главной опорой парламента был революционный народ; в этом, наряду с чисто материальными факторами (финансы, порты, промышленность), был залог победы революции. Но лагерю революции была свойственна и одна коренная слабость, которая едва не привела к поражению. Пресвитерианское большинство парламента, боявшееся народа, смотрело на развязанную королем войну с точки зрения крупных землевладельцев и богатейших купцов, которые вовсе не желали ликвидации монархии и решительной победы над королем. Для них война была лишь необходимым и нежелательным этапом на пути к компромиссу с королем. Парламентские генералы во главе с главнокомандующим графом Эссексом были весьма близки к роялистам. В процессе войны, на самом раннем ее этапе, эти умеренные и склонные к сговору парламентарии оформились в политическую группировку, в сущности - в партию, которую по принятому тогда обычаю называли пресвитерианской. В ее руках был контроль над парламентом и армией, а более радикальная партия индипендентов, отражавшая интересы средней буржуазии и средних и мелких представителей нового дворянства, оказалась в меньшинстве и в начале войны не имела решающего влияния на ход событий.

Война началась в августе 1642 г., и в первом же крупном сражении (при Эджилле - 23 октября 1642 г.) Эссекс упустил возможность нанести кавалерам решительный удар. Это была типичная полупобеда: парламентская армия не отступила, но и не разгромила противника. Кавалеры во главе с королем укрепились в Оксфорде, т. е. в 50 милях от столицы, и над центром революции нависла серьезная опасность. Положение стало угрожающим летом 1643 г., когда роялисты нанесли крупное поражение круглоголовым на Севере, почти полностью уничтожили армию генерала Уоллера на Западе (причем сам командующий бежал, бросив остатки армии на произвол судьбы), взяли

крупнейший после Лондона порт - Бристоль и осадили Глостер. Король готовился к походу на Лондон, причем кроме главных сил Руперта с Севера и с Запада должны были подойти армии кавалеров. Пресвитерианские вожди парламента, генералы и даже заправила Сити считали поражение неизбежным и заговорили о почетном мире. Но если даже на мирном этапе революции народные массы своим вмешательством заставляли парламент проявлять решительность в критические минуты, то в условиях войны активными действиями народ сорвал план компромисса и спас дело революции.

Уже в первых сражениях 1642 г. наряду с наемными войсками, составлявшими тогда основные силы парламента, участвовали отдельные отряды добровольцев из лондонского ополчения и йоменов. Оливер Кромвель создал кавалерийский отряд йоменов, и их смелые операции блестяще продемонстрировали разницу между революционными войсками и продажными наемниками. Именно в этих схватках начала складываться подлинно революционная армия. Они же впервые прославили имя Кромвеля - скромного капитана парламентской армии, до того времени известного лишь ограниченному кругу лиц в связи с его парламентскими выступлениями против короля и пресвитериан. Главный принцип, которым он руководствовался в своем отряде, - сочетание сознательной революционной дисциплины и личной инициативы каждого солдата. Отряд Кромвеля рос за счет таких же преданных революции йоменов, фанатичных пуритан, искренне веривших в свою божественную миссию.

В критические летние месяцы 1643 г. кавалеристы Кромвеля успешно вели бои в восточных графствах и осенью очистили от кавалеров весь Линкольншир. В это время Кромвель укрыл плечи и руки своих воинов железными латами, в связи с чем их стали называть «железнобокими»

Великолепный художник-миниатюрист Сэмюэл Купер, продолжатель традиций Н. Хиллиарда и И. Оливера, написавший серию портретов вождей революции, запечатлел Кромвеля в воинских доспехах. Сильная воля, решительность, пронзительный ум, крупные черты лица явно неаристократического типа - таким предстает перед нами Кромвель Купера. Несколько иначе выглядит Кромвель на портретах другого крупного мастера, ученика Ван-Дейка - Р. Уокера. В них, несмотря на те же доспехи, скупыми красками подчеркнуты скорее государственный ум и властность, чем сила и мужество. Подъем демократических сил периода революции способствовал усилению реалистической линии в изобразительном искусстве.

«Железнобокие» были, однако, в то время еще не главной силой, избавившей Лондон от вторжения кавалеров, хотя операции в Линкольншире отвлекли часть королевской армии. Решающую роль сыграло наступление лондонской милиции, которая быстрым маршем пересекла всю страну с востока на запад, подошла к Глостеру, сломив сопротивление конницы Руперта, и разбила осаждавшие город войска. Эти победы революционных армий еще не изменили хода войны не выбили инициативу из рук короля, но они резко ослабили кавалеров и вынудили их отказаться от похода на Лондон. В таких условиях пресвитериане еще больше, чем в начале войны, боялись давать

оружие в руки народа. Поэтому они договорились с верхушкой шотландских пресвитериан о совместных действиях. Шотландия выделяла 20-тысячную армию, расходы которой целиком покрывала Англия, а англичане обещали установить у себя пресвитерианскую церковь шотландского образца.

В начале 1644 г. шотландская армия перешла границу и начала наступление на юг. В это же время Кромвель со своими «железнобокими» с боями продвигался на север. Здесь же действовали войска видного парламентского полководца Ферфакса. 2 июля состоялось одно из решающих сражений гражданской войны - при Марстон-Муре. Впервые в большом бою столкнулись две кавалерии - королевская конница, гордость контрреволюционной армии, и йомены - кавалеристы Кромвеля. Наголову разгромив прославленную конницу кавалеров, Кромвель ударил по пехоте и нанес ей полное поражение. Победой при Марстон-Муре революционная армия окончательно вырвала инициативу у короля.

Эта победа оказала огромное влияние и на соотношение сил внутри лагеря революции. Факты убедительно подтвердили давно отстаиваемую Кромвелем истину, что воевать надо не силами наемников, а революционной армией. Кромвель, с его огромным авторитетом, еще больше возросшим после Марстон-Мура, и его индепендентские друзья, опираясь на поддержку широких слоев народа, осенью 1644 г. добились от парламента соответствующих решений. Специальным биллем все члены парламента были отозваны с командных постов в армии. Исключение было сделано только для Кромвеля, который стал фактическим руководителем армии «нового образца», хотя формально главнокомандующим был назначен Томас Ферфакс.

Армия нового образца состояла из добровольцев - йоменов и частично городской бедноты. Солдаты получали хорошее содержание из парламентских средств, были сыты и не грабили население, как это делали наемники. Но главной особенностью революционной армии был ее революционный дух, высокая дисциплина, талантливые военачальники, выдвинувшиеся в ходе боев из самой солдатской массы. Люди, бывшие еще недавно сапожниками, котельщиками, извозчиками, стали полковниками (Хьюсон, Фокс, Прайд и др.).

Вот эта-то армия и решила исход войны. В битве при Нэзби 14 июня 1645 г. она одержала великолепную победу. Сам король еле спасся бегством, но вся артиллерия и обоз попали в руки круглоголовых. В течение последующих месяцев революционная армия освобождала одно графство за другим, и противник не в силах был оказывать сколько-нибудь организованное сопротивление. Карл I решил сдаться шотландцам, но те вскоре выдали его англичанам, получив за это солидную компенсацию (400 тыс. ф. ст.). Правда, они запросили 700 тысяч, но англичане не так дорого ценили голову своего короля.

Таким образом, к 1646 г. контрреволюция была сломлена и навязанная королем гражданская война закончилась победой революционных сил. Руководившие революцией буржуазия и новое дворянство воспользовались как самой войной, так и победой для упрочения своей власти и для обогащения. Во время войны парламент проводил в огромных масштабах конфискацию земель

короля, епископов и роялистской знати. Эта земля распродавалась большими участками и попала в руки сквайров, джентри, купцов. Например, из огромного фонда епископских земель 50% попало в руки нового дворянства, 41 % - купцов и адвокатов (преимущественно лондонских) и только 9% - йоменов и фермеров. Осмелев после разгрома королевской армии, парламент в начале 1646 г. принял чрезвычайно важный закон об отмене рыцарских держаний; теперь земли, находившиеся в вассальной зависимости от короля, становились собственностью держателей, за которую они не были обязаны никакими повинностями. Все, чего желали крупные землевладельцы и верхи буржуазии, они получили, а военный разгром и пленение короля давали надежду на сговор с ним на основе сохранения всех завоеваний новых хозяев Англии.

Однако народные массы, вынесшие на своих плечах всю тяжесть гражданской войны, не получили ничего. Пресвитерианский парламент не принял ни одного закона, который облегчил бы положение народа. Феодальные основы землевладения были ликвидированы лишь в одном звене - в отношениях между королем и его бывшими вассалами. Но другое, неизмеримо более важное звено сохранилось: копигольдер был по-прежнему не собственником, а лишь держателем земли у сквайра или лорда и был обязан ему платежами феодального типа. Превращения копигольда во фригольд не произошло. Не была отменена также церковная десятина, которая уплачивалась отнюдь не только церкви, но и лицам, купившим церковные земли. Кроме того, закон 1644 г. строжайше предписал платить этот феодальный сбор. Сохранение монархии, к чему явно стремился парламент, могло бы лишь увековечить эти феодальные поборы. Поэтому если для буржуазно-дворянских верхов революция была закончена, то для народа она только начиналась.

Углубление революции и установление республики

Политическое течение, по существу, партия, которая стала выразительницей чаяний народа и сыграла выдающуюся роль в развитии революции, зародилась еще в ходе гражданской войны. В бурных дискуссиях, происходивших в различных сектах, на собраниях индипендентов, на улицах городов и в лагерях армии нового образца уже тогда стали формироваться и высказываться взгляды, выходящие далеко за пределы не только пресвитерианской, но и официальной индипендентской программы. Вопрос о том, что получит народ в результате победы, какой строй должен быть установлен, какова должна быть организация церкви, породил размежевание политических сил. Не случайно парламент в 1643 г. принял закон о введении предварительной цензуры, а наиболее радикальные публицисты и политические деятели заточались в тюрьмы. Сам Долгий парламент в начале 1641 г. приказал освободить из тюрьмы Джона Лильберна, мужественного борца против абсолютизма, но в 1645 г. его, теперь уже заслуженного ветерана парламентской армии, вновь упрятали в тюрьму, так как его выступления в пользу свободы слова и равенства были направлены на этот раз против «новых тиранов» - пресвитерианских и даже индипендентских вождей. «О, англичане, -

взывал он из тюрьмы в одном памфлете, - где ваша свобода? Что стало с вашими вольностями и привилегиями, за которые вы сражались в течение столь долгого времени и за которые вы так щедро проливали свою кровь и не жалели своего имущества, надеясь, что это приведет вас к полной свободе? А вместо этого вы оказались еще более связанными рабством и угнетением, чем прежде... Поднимитесь как один человек и на основе права и законов призовите к ответу тех людей, которые хотят погубить вас и похитить обманом ваши вольности и свободы...».

Главным требованием новой партии, признанным теоретиком и вождем которой стал Лильберн, было требование равенства: равенства правового, политического, сословного, равенства во всем, впрочем, - кроме собственности. Сторонников этой партии называли левеллерами (от английского to level - уравнивать). Особенно много левеллеров было среди ремесленников Лондона. Здесь и возникли первые организации левеллеров, хотя главным центром их деятельности была армия. Революционные стремления воинов давно беспокоили парламентских вождей, и, ссылаясь на окончание войны и необходимость экономии средств, парламент в феврале 1647 г. принял решение о роспуске армии.

Однако такое решение было гораздо легче принять, чем осуществить. Армия была закаленной в боях силой, ее солдаты вместе сражались и придерживались одних взглядов, а парламент представлял собой несколько сот джентльменов, не имевших прочной опоры и реальной силы. Солдатская масса, сумевшая в период войны выдвинуть крупных военачальников, смогла теперь выделить и политических руководителей, так называемых агитаторов. Это были радикально настроенные, близкие к левеллерам люди, которых избирали на солдатских собраниях. Они пользовались доверием масс и не ограничивались деятельностью в своих полках, а создали общевойсковую организацию.

Хотя командование по-прежнему находилось в руках Ферфакса и Кромвеля, армия постепенно превратилась в политическую силу, противопоставившую себя парламенту. Индепендентские вожди вынуждены были примкнуть к солдатской массе, чтобы сохранить хотя бы видимость единства армии. В начале июня, т. е. как раз в те дни, когда по плану парламента должен был начаться роспуск армии, она открыто выразила недоверие парламенту, захватив пленного короля и поместив его в своем лагере. 5 июня на армейском смотре армия торжественно поклялась не расходиться до тех пор, пока не будет обеспечена свобода и права народа. Что понималось под этой общей формулой, было пока неясно. Но именно потому, что каждый мог вкладывать в нее любое содержание, она оказалась приемлемой и для Кромвеля и грандов, и для агитаторов. В августе армия двинулась на Лондон и, не слишком заботясь о каком-либо правовом обосновании, изгнала из парламента пресвитерианских вождей. С этого времени вся власть фактически сосредоточилась в руках Совета армии, в который входили как агитаторы, так и гранды, включая всех полковников и генералов.

Конечно, при таком составе внутри Совета неизбежно должно было обнаружиться различное толкование смысла клятвы 5 июня. Кромвель и гранды, мечтавшие о свертывании революции, стремились к соглашению с королем, которое положило бы конец «смуте».

Монархическая программа грандов была составлена зятем Кромвеля генералом Айртоном и называлась «Главы предложений». Левеллерская программа излагалась в документе «Народное соглашение». При наличии некоторых совпадений в частных вопросах, что объясняется вынужденной уступкой грандов, позиции двух партий решительно противостояли друг другу, что ярко проявилось на заседаниях армейского Совета в Пэтни - предместье Лондона 28 октября - 11 ноября 1647 г.

Полковник Рэнборо, один из немногих грандов, примкнувших к агитаторам, заявил: «Представляется очевидным, что каждый человек, живущий под властью правительства, должен прежде всего выразить свое согласие подчиниться этому правительству, и я полагаю, что самый бедный человек в Англии вовсе не обязан подчиняться власти того правительства, в образовании которого он не участвовал; я уверен, что не найдется человека, который бы сказал, что источник всего права не лежит в народе... Ни один человек, рожденный в Англии, не может и не должен быть ни по закону божьему, ни в силу естественного права лишен права избирать...» Не в боге, не в традиции, а в общественном договоре, «свободном соглашении народа» усматривают левеллеры источник власти. Именно эта мысль высказана и в самом названии их документа - «Народное соглашение».

Итак, левеллеры - за всеобщее избирательное право, индепенденты - за цензовое. Правда, Кромвель искал компромисса. «Если говорят, что избирательная система носит слишком ограниченный характер, почему не предоставить право голоса весьма значительному числу наследственных копигольдеров?..», - предложил он. В этом случае принцип цензового избирательного права сохранялся.

По второму важнейшему вопросу - о судьбе монархии - среди левеллеров не было полного единодушия. В «Народном соглашении» ни король, ни палата лордов не упоминаются, т. е. молчаливо предполагается установление республики с однопалатным парламентом. На конференции в Пэтни некоторые левеллеры не возражали против сохранения монархии при условии, что король будет обязан подписывать все законы, принятые парламентом. Айртон и другие гранды, разумеется, отстаивали монархию и двухпалатную систему. Итак, левеллеры, хотя и не совсем последовательно, за республику, индепенденты - за монархию, хотя и ограниченную. Левеллеры выступали также за переизбрание парламента раз в два года (потом они требовали даже ежегодных выборов), уничтожения сословных привилегий, десятины, отмены акцизов и т. д. Их программа носила прогрессивный буржуазно-демократический характер, хотя они и не поставили главного для крестьянства вопроса о превращении копигольда во фригольд.

Конференция в Пэтни обнаружила, как далеко зашли расхождения внутри армии; попытки достичь соглашения остались безрезультатными. Тогда гранды

пошли на открытый разрыв. 11 ноября конференция была прервана, агитаторы разъехались по полкам, а через несколько дней, когда левеллеры попытались поднять солдатское восстание, организаторы его были тотчас арестованы, а один из солдат расстрелян перед строем.

Таким образом, в конце 1647 г. казалось, что революция действительно не двинется дальше, что индепенденты окончательно победили. Но обстоятельства сложились совсем по-иному. Окрыленный известиями о разладе в армии, имея на своей стороне не только пресвитериан, но и, как ему казалось, верхушку индепендентов, Карл I бежал из-под контроля армии на остров Уайт и вновь стал собирать силы для борьбы. На сторону короля перешли вожди шотландских пресвитериан, но их армия оказалась единственной реальной силой, на которую могла опереться реакция.

Новый мятеж кавалеров, пользовавшихся тайными симпатиями пресвитерианского парламента, поставил перед Кромвелем и индепендентами сложную дилемму. Ведь в конце 1647 г. было ясно, что Кромвель и индепенденты не намеревались ликвидировать монархию; их главными противниками стали народные массы, возглавляемые левеллерами. Но в то же время разбогатевшие индепендентские представители буржуазии и нового дворянства не желали и восстановления абсолютизма. Они были за монархию, но за такую монархию, которая выполняла бы их волю. Следовательно, против короля надо было опять воевать, чтобы заставить его согласиться на ограничение власти монарха, в противном случае те результаты революции, ради которых буржуазия взялась за оружие, могли быть утрачены. Однако воевать без поддержки левеллеров было невозможно, поскольку солдатская масса шла за ними. А левеллеры продолжали требовать принятия «Народного соглашения» в качестве основы будущей конституции, т. е., по существу, требовали республики. Бегство короля и новый мятеж вызвали возмущение народных масс, и те, кто колебался между ограниченной монархией и республикой, теперь сделали выбор в пользу республики.

Этот же выбор - с народом против короля - оказалась вынужденной сделать и индепендентская верхушка.

Восстановив единство армии обещанием принять основные положения «Народного соглашения», Кромвель двинул ее против роялистских и пресвитерианских мятежников, по частям разбил их и повернул войска против главного оплота короля - перешедших на его сторону шотландцев. Победа в этой кампании, которую принято называть второй гражданской войной, досталась сравнительно легко. 17 августа 1648 г. Кромвель смелым и неожиданным ударом под Престоном наголову разгромил 20-тысячную шотландскую армию, взяв половину ее в плен. Теперь уже последняя карта короля была бита. Для него эта катастрофа была тем более ощутимой, что в апреле 1648 г. совещание руководителей армии под нажимом агитаторов приняло решение: «Карл Стюарт, человек, запятнанный кровью, должен быть призван к ответу за пролитую им кровь и за тягчайшие преступления против дела божьего и этой бедной нации».

Теперь, после победы над мятежниками, надо было осуществить это

решение. Захваченного на острове Уайт короля под охраной поместили в надежном месте. Но предстояло еще сломить сопротивление пресвитерианского большинства парламента. Это оказалось делом нетрудным, так как соглашатели-пресвитериане, продолжавшие переговоры с королем, не располагали никакой силой, кроме формальных прав членов парламента. В условиях революции эта правовая сторона дела не имела существенного значения. Армия опять, как это было в 1647 г., вступила в столицу, а 6 декабря 1648 г. полковник Прайд с небольшим отрядом не пропустил в здание парламента около 150 пресвитериан. Хотя часть пресвитериан была оставлена в палате, после «прайдовой чистки» индепенденты имели прочное большинство. Долгий парламента 4 января 1649 г. провозгласил себя верховным органом государства, т. е. превратился из органа сословного представительства при абсолютном монархе в республиканский парламента. Назначенный им верховный суд под давлением армии вынес Карлу I смертный приговор, и 30 января 1649 г. король был казнен. Это был кульминационный пункт революции, ее победа, достигнутая, как отмечал Энгельс, «исключительно благодаря вмешательству... йоменри и плебейского элемента городов».

Установление республики с однопалатным парламентом было пределом индепендентских уступок. Одновременно они использовали сосредоточенный теперь в их руках государственный аппарат для подавления, а затем и окончательного разгрома левеллерского движения. Именно в ходе этих событий буржуазно-дворянский блок, даже в лице своей более решительной, индепендентской части, переродился из революционного в контрреволюционный. Когда Лильберн обрушился на новых хозяев страны с гневным памфлетом «Новые цепи Англии», он - борец за республику - был брошен правительством республики в тюрьму. В борьбу за последовательное проведение в жизнь принципов «Народного соглашения», в частности - за всеобщее избирательное право, включились армейские левеллеры. Не менее шести полков восстало в конце апреля - начале мая 1649 г., но это восстание было жестоко подавлено Кромвелем.

Это был конец левеллерского движения, которое распалось не столько из-за неблагоприятного соотношения сил, сколько из-за своей внутренней слабости и противоречивости: движение, не сумевшее подняться до защиты интересов крестьянской массы копигольдеров, было обречено на поражение; оно само лишило себя опоры. Как раз в разгар борьбы весной 1649 г. Лильберн и другие вожди движения отмежевались от сторонников действительно демократического решения аграрного вопроса. А такие сторонники в Англии были, причем именно в начале 1649 г., в первые месяцы республики, они проявили тенденцию к самостоятельной борьбе. Это были «истинные левеллеры», или диггеры-копатели. Они представляли интересы самых низов английского общества - рабочих, батраков, коттариев, о судьбе которых не желали думать мелкобуржуазные демократы - левеллеры. В последнем варианте «Народного соглашения» левеллеры даже исключили их из числа лиц, которым должно быть предоставлено избирательное право. Между тем, по весьма приблизительным подсчетам исследователей, из 5,5 млн. населения

Англии свыше 2,5 млн. относились именно к этой категории.

Диггеры были единственной группировкой той эпохи, требовавшей не только правового и политического равенства, но и равенства экономического. Их идеолог Джеральд Уинстенли, излагая в 1649 г. взгляды своих сторонников Совету армии, говорил: «Мы знаем, что Англия не может стать свободной республикой, пока все бедняки не будут свободно пользоваться землей... Нельзя упразднить и королевскую власть, пока она является орудием в руках лордов маноров». В это же время группа диггеров опубликовала декларацию; в ней подчеркивалось, что «установление, называемое частной собственностью», является «причиной всех войн, кровопролитий, краж и порабощительных законов, которые держат народ в нищете». Исходя из того, что свобода не будет достигнута, пока «земля не будет бесплатно освобождена от собственников и не сделается общим сокровищем для всех ее детей», группа диггеров во главе с Уинстенли вспахала пустошь на одном из холмов графства Серри. Движение было быстро подхвачено как в этом, так и в соседних графствах. Деревенские бедняки копали землю (отсюда их название - копатели), намереваясь коллективно обрабатывать ее. Как своими практическими действиями, так и в особенности их идеологическим обоснованием диггеры поставили себя наголову выше всех партий и группировок того времени. Они заглянули далеко вперед - в будущее без эксплуатации и частной собственности. Свои идеи Уинстенли изложил в утопическом произведении «Закон свободы». Именно потому, что диггеры в своих мечтах выходили далеко за пределы буржуазной революционности и буржуазной демократии, они стали наиболее последовательными выразителями интересов крестьянской и плебейской массы, боровшейся за превращение копигольда во фригольд, за доведение до конца буржуазно-демократической революции.

Вся мощь аппарата индипендентской республики обрушилась на диггеров. Весной и летом 1649 г., а также на протяжении 1650 г. диггеры подверглись жестокому разгрому, их посевы были уничтожены, хижины разрушены, сами они оказались в тюрьмах либо были разогнаны. Все категории собственников - от крупного землевладельца и купца до мелкого фригольдера, дрожа за свои земли, капиталы, привилегии, видели в движении диггеров главную опасность, и даже левеллеры от них отмежевались. Вот почему Кромвель без особых затруднений справился и с левеллерскими восстаниями, и с движением диггеров.

Попытки народных масс, представленных левеллерами и диггерами, добиться дальнейшего развития революции, таким образом, не увенчались успехом. Победивший буржуазно-дворянский блок повернул оружие против народа, силами которого и под давлением которого революция победила. Весна 1649 г. была и периодом наивысшего подъема революции, и началом ее конца.

Буржуазия и новое дворянство у власти

В течение 11 лет после установления республики власть безраздельно находилась в руках буржуазно-дворянских группировок. «Охвостье» Долгого

парламента, продолжая дискуссии и оформляя парламентскими актами волю господствующих классов, фактически передоверило управление страной Государственному совету и верхушке армии во главе с Кромвелем.

Парламент раздавал имения роялистов высшим офицерам армии и чиновникам. Бешеная спекуляция землей ускоряла процесс формирования новой знати и сопровождалась усиленными огораживаниями; так обеспечивалось обогащение джентри и развитие чисто капиталистических форм эксплуатации. Захватнические походы Кромвеля в Ирландию и Шотландию в 1649-1651 гг. должны были передать в руки новых хозяев Англии огромные земельные фонды и таким образом удовлетворить алчность буржуазии, сквайров и джентри. В известной мере эти походы были связаны и с борьбой против роялистской опасности, поскольку католические вожди ирландских кланов поддерживали контакты и с Карлом I, и, после его казни, с агентами его сына-эмигранта. Еще решительнее стала на сторону Стюартов пресвитерианская знать Шотландии, которая уже во время второй гражданской войны выступила как основная сила реакции. Потерпев поражение в 1648 г., шотландские пресвитериане отнюдь не смирились, и когда король был казнен, наследник престола был коронован в шотландском городе Эдинбурге под именем Карла II. Восстановив таким образом свой престиж в Шотландии, Карл II превратил ее в основную базу для подготовки реставрации старых порядков в Англии.

Наконец, ирландский и шотландский походы Кромвеля были специфической формой борьбы против народных масс Англии, против развития революции. Несмотря на поражение левеллеров и диггеров, недовольство масс создавало постоянную угрозу новых революционных выступлений. Но массы крестьян и ремесленников не имели своих политических организаций. Левеллерские настроения, традиции агитаторов 1647-1648 гг. живы были только в армии. Превратить ее из революционной в захватническую, грабительскую, разложить сознание солдатской массы грубым насилием над ирландцами и шотландцами значило лишить потенциальные силы новой революции их военной опоры и организационного центра.

Еще в 1641 г. пресвитерианский парламент в ответ на восстание ирландцев постановил конфисковать в Ирландии 2,5 млн. акров земли и под залог ее выпустил заем. Держатели этого займа, а также другие кредиторы парламента - дельцы Сити, офицеры армии, которым давно не выплачивалось жалованье, рассчитывали на то, что новое покорение Ирландии станет источником их обогащения.

В августе 1649 г. Кромвель высадился в Дублине и начал систематическое завоевание страны. Беря крепость за крепостью, английские войска по приказу командования уничтожали гарнизоны, погибало немало и мирных жителей. Сжигая посеы, убивая католических священников и монахов, вынуждая к эмиграции тысячи людей, завоеватели вдвое сократили население «зеленого острова». «Можно было проехать двадцать верст и не встретить ни одного живого существа, - рассказывал один английский офицер, - ни человека, ни животного, ни птицы». Перед солдатами армии нового образца были теперь не

кавалеры, не классовые враги, а крестьяне и арендаторы, простые труженики. Жестокое их истребление и грабеж земли и имущества постепенно превращали некогда революционную армию в банду головорезов. Уже весной 1650 г. Кромвель покинул Ирландию, оставив Айртона и других генералов завершать завоевание, которое и закончилось к началу 1652 г.

Тем временем Кромвель с лета 1650 г. повел войну против Шотландии. После первых блестящих успехов наступил краткий период шотландского контрнаступления. Карл II во главе шотландской армии вторгся на английскую территорию, но в сентябре 1651 г. в битве при Вустере Кромвель окружил и взял в плен почти всю армию противника, хотя самому претенденту на английский престол удалось бежать. К началу 1652 г. и Шотландия была полностью завоевана. Победы, еще выше подняв престиж Кромвеля как одного из выдающихся полководцев своей эпохи, в то же время способствовали внутреннему разложению республики.

12 августа 1652 г. парламент принял «Акт об устройении Ирландии» - чудовищный документ, которым определялся характер дальнейших репрессий против участников восстания, т. е. практически против всего ирландского народа, и придавалась видимость законности разграблению ирландских земель. Кредиторы парламента, офицеры армии стали крупнейшими лендлордами в Ирландии; в их руки перешли земли крестьян и крупных землевладельцев, замки, охотничьи угодья и т. д. Огромная и постоянная дань поступала с тех пор из Ирландии за счет труда ее голодных и забитых крестьян в карманы новой земельной аристократии.

В меньших масштабах производилась конфискация земель у той части шотландского дворянства, которая воевала против Англии. Старые аристократические семейства лишились части своих земель, перешедших в руки английских и шотландских буржуа. Однако Шотландия не подверглась такому жестокому ограблению и порабощению, как Ирландия. Это объясняется тем, что еще в средние века шотландскому народу удалось отстоять свою независимость; с 1603 г. Шотландия была связана с Англией лишь общим королем, и если в Ирландии Кромвель завершил давно (еще в XII в.) начатое завоевание, то Шотландия была завоевана Англией впервые. Это вынуждало англичан к более осторожным действиям.

Буржуазная республика, ведя захватническую политику по отношению к близлежащим территориям, принимала также меры для поддержки внешней торговли и развития колониальной экспансии. Парламент ассигновал средства на строительство 40 модернизированных по сравнению с флотом XVI в. военных кораблей. В 1651 г. был принят «Навигационный акт», способствовавший развитию английского судоходства и судостроения. Отныне разрешалось ввозить товары либо на английских судах, либо на кораблях той страны, где эти товары были произведены. Этим актом наносился удар по единственно опасному морскому сопернику Англии - Голландии, купечество которой располагало первоклассным по тем временам флотом и богатело за счет транзитных перевозок. Как и следовало ожидать, Голландия не согласилась подчиниться условиям «Навигационного акта», что привело в 1652

г. к войне.

Война с сильным противником требовала резкого увеличения государственных расходов. Налоги и акцизы отбирали у бедняков города и деревни то немногое, что они могли заработать. То здесь, то там вспыхивали крестьянские волнения, но они не приобрели характера мощных восстаний и быстро подавлялись военной силой, хотя и явились грозным предупреждением господствующим классам. По всей стране создавались многочисленные секты, допускавшие по индипендентской концепции религии. К удивлению иностранцев, посещавших Англию, это была страна «ста религий». Большинство сект носило демократический характер и сохранило прогрессивные традиции раннего индипендентства и левеллерства. Многие левеллеры вступили теперь в секту под названием «Общество друзей внутреннего света», или, как насмешливо называли ее враги, секту квакеров («трясущихся» в молитвенном экстазе). Квакеры верили в то, что «внутреннее просветление», глубоко личное общение с богом только и могут принести человеку счастье и переустроить общественные отношения. Они отказывались от прямой политической деятельности, но своим подчеркнутым пренебрежением к богатству, к грубой силе победителей в то время представляли еще известную оппозицию властям.

Между тем только сила могла сохранить позиции буржуазно-дворянских дельцов. Социальная опора их была крайне узка, поскольку парламент решительно ничего не сделал для народа. Прямым насилием удерживались в подчинении не только массы в самой Англии, но и в покоренной Ирландии и Шотландии; только сила могла сдерживать роялистскую оппозицию. А сила была в руках Кромвеля. К нему - завоевателю Ирландии и Шотландии, победителю роялистов и левеллеров и обращали взоры буржуа, сквайры и джентри, мечта о военной диктатуре, которая обеспечила бы дальнейшее обогащение. Чутко уловив эти настроения верхов общества, Кромвель 20 апреля 1653 г. разогнал «охвостье» Долгого парламента.

Однако сразу открыто взять власть в свои руки Кромвель не решился. Он созвал новый, так называемый Малый парламент, депутаты которого избирались не населением графств (пусть даже по самому высокому цензу), а местными религиозными обществами во главе с индипендентскими священниками. Это был однопартийный индипендентский парламент, и Кромвель надеялся, что люди его партии окажут ему полную поддержку. Но депутаты парламента (названного Бербонским по имени одного из деятельных депутатов) отнюдь не выражали намерения стать слепой игрушкой в руках диктатора. Это были суровые индипенденты из провинции, сохранившие идеалы раннего пуританства, пропитанные духом левеллерства. Для них ссылка на Библию была не привычной формулой, искусственно притягиваемой для доказательства нужного положения, а действительным «источником мудрости». Воздержавшись от ассигнования новых средств на войну, этот «парламент святых» занялся принципиальными вопросами общественного и государственного устройства. Он успел сделать немного: издать закон о гражданском браке, упорядочить сбор акцизов, освободить из тюрем

должников, не имеющих возможности уплатить долг. Но Бербонский парламент занялся подготовкой крайне важных реформ революционного характера: об отмене десятины, кодификации права и даже об освобождении копигольдеров от повинностей, т. е. превращения копигольда во фригольд.

Уже одно только обсуждение этих вопросов вызвало ненависть к Бербонскому парламенту со стороны церковников, сквайров, джентри, корпораций юристов, крупной буржуазии. Среди депутатов усилилось умеренное крыло, отражавшее эти настроения. Под давлением армейской верхушки умеренные элементы провели постановление о самороспуске парламента (12 декабря 1653 г.) и передаче всей власти Кромвелю. А через несколько дней Кромвель был провозглашен «лордом-протектором свободного государства Англии, Шотландии и Ирландии».

Республика, таким образом, уступила место новому режиму протектората, военной диктатуре Кромвеля, лишь формально несколько ограниченной парламентом и Государственным советом. Новый государственный строй был оформлен конституционным документом, разработанным верхушкой офицерства; это было так называемое Орудие управления. В 1655 г. протектор разделил страну на 11 административных округов, поставив во главе каждого верных ему генерал-майоров. Все органы местного управления были целиком подчинены этим ставленникам Кромвеля. Режим военной диктатуры приобрел заверченный характер.

Велики были успехи, достигнутые английской буржуазией в период протектората в области внешней политики. В 1654 г. окончилась война с Голландией. Соперник был побежден; голландских судовладельцев вынудили согласиться с условиями «Навигационного акта». Это был крупный шаг в борьбе за превращение Англии во «владычицу морей». Сразу же после окончания войны Кромвель отправил военно-морскую экспедицию в Вест-Индию, намереваясь захватить остров Гаити. Это было прямым продолжением операций елизаветинских пиратов, но теперь речь шла уже не только об ограблении прибрежных районов Южной Америки или испанского флота, а о завоевании колоний. Создание колониальной империи стало одной из главных задач английской внешней политики. Не считаясь с тем, что французский двор поддерживал претендента на английский престол Карла II Стюарта, Кромвель в 1655 г. вступил в союз с Францией для совместной войны против Испании. Гаити захватить так и не удалось, но был отнят у Испании остров Ямайка. В 1658 г. английские войска захватили Дюнкерк - важный опорный пункт на континенте, который принадлежал Испании.

Успешная, хоть и очень дорого стоившая внешняя политика Кромвеля вполне устраивала буржуазно-дворянский блок. В не меньшей степени он был удовлетворен и внутренней политикой протектора. Продолжавшаяся при протекторате раздача и распродажа конфискованных земель сопровождалась государственным покровительством огораживанием. Подтвердив акт Долгого парламента об отмене рыцарских держаний, Кромвель в то же время подчеркнул, что феодальные права лендлордов по отношению к копигольдерам полностью сохраняются. Протектор также успешно справлялся с роялистскими

заговорами.

Казалось бы, господствующие классы не должны были и думать о другом режиме, кроме протектората; между тем в действительности буржуазия и новое дворянство, несмотря на признанный авторитет Кромвеля в их среде, все больше склонялись к мысли о монархии. Вынужденная в 1649 г. под давлением масс, возглавленных лавеллерами, согласиться на республику буржуазия теперь, когда такого сильного давления снизу не было, вернулась к своей старой программе. В режиме протектората, в самом его характере было нечто временное, преходящее. А новые хозяева Англии хотели устроиться надолго, навсегда. Для этого требовался такой государственный строй, который гарантировал бы преемственность власти. Господствующие классы за годы революции накопили немалый политический опыт. Они убедились в том, что любое политическое потрясение в той или иной степени развязывает инициативу масс.

Эти настроения господствующих классов ярко проявились во время деятельности второго парламента периода протектората (1656-1658). Парламент начал с того, что отменил режим генерал-майоров, т. е. проявил известную оппозиционность по отношению к Кромвелю. Но это было не недовольство протектором, а желание устранить чрезвычайный характер режима. Уже через полгода (в марте 1657 г.) парламент обратился к Кромвелю с предложением «принять имя, сан, титул, звание и должность короля Англии, Шотландии и Ирландии». Тем самым парламент хотел придать больший авторитет государственной власти буржуазии и нового дворянства, освятив его многовековой традицией. Среди аргументов, на которые ссылался парламент, центральное место как раз и занимал тот, что «сан короля существовал в течение многих столетий». Кромвель готов был даже стать Оливером I, но вынужден был отказаться от этого плана под давлением военной верхушки; в офицерских кругах не без основания боялись, что королевский сан поставит Кромвеля в столь высокое положение, что он перестанет считаться с волей генералитета.

И все же в 1657 г. был сделан шаг к монархии: титул протектора стал наследственным; кроме того, восстанавливалась палата лордов. Таким образом, к моменту смерти Кромвеля (1658) многие черты дореволюционного государственного строя были реставрированы. События, последовавшие после смерти протектора, еще более убедили господствующие классы в том, что им необходима сильная власть, основанная на наследственном праве. Сын Кромвеля Ричард принял по наследству титул лорда-протектора. Но это был безвольный человек с весьма ограниченными способностями, к тому же отнюдь не располагавший таким влиянием, авторитетом, такими заслугами перед буржуазией и новым дворянством, как его отец. Став марионеткой в руках офицерской клики, он потерял власть, как только осмелился нарушить ее волю. Опять начались трения в верхах, проходившие на фоне усилившегося в это время крестьянского движения.

В таких условиях верхушка индепендентов, пресвитериане и вновь поднявшие голову роялисты достигли известного единства на основе плана

реставрации Стюартов. К этому плану присоединились и некоторые генералы во главе с Монком, командующим шотландскими войсками. Армия теперь уже не выступала как единая политическая организация; и менее всего она была организацией прогрессивной: перерождение грандов завершилось еще во время ирландской кампании 1649-1652 гг.

Созванный Монком новый парламент, в котором большинство составляли роялисты и близкие к ним пресвитериане, вступил в переговоры с претендентом на престол, и в 1660 г. он торжественно прибыл в Лондон, заняв престол под именем Карла II (1660-1685). Это была реставрация старой монархии, но отнюдь не старого социального строя.

Эпоха Реставрации и переворот 1688 г.

Те новые производственные отношения, которые созревали в дореволюционную эпоху, в годы революции победили прочно и окончательно. Как бы ни складывались перипетии политической истории Англии в последующие века, ни одна политическая партия или группировка не могла уже всерьез рассчитывать на возврат к феодализму. На протяжении эпохи Реставрации (1660-1688), несмотря на политическую реакцию, английская промышленность и торговля выросли более чем вдвое. Буржуазия и новое дворянство были удовлетворены экономической политикой Карла II, направленной на дальнейшее развитие сельского хозяйства и промышленности.

Тем не менее переход к режиму Реставрации был шагом назад по сравнению с периодом республики и протектората, когда буржуазно-дворянский блок, выдвинув своих индипендентских лидеров, непосредственно управлял государством. Консервативные настроения в буржуазно-дворянских кругах, жажда стабильности государства, боязнь народных выступлений - вот те факторы, которые толкнули их в объятия старой династии. В политической литературе периода революции буржуазные идеологи пытались выработать такую теорию, которая соответствовала бы противоречивым интересам буржуазии. Казалось бы, победившую буржуазию первых лет республики могло вполне устроить распространенное в то время убеждение, наиболее четко выраженное Мильтоном: «Поскольку король или судья получает свою власть от народа, и, прежде всего, как по происхождению, так и по естественному характеру своей власти для блага народного, а не своего собственного, народ имеет право так часто, как сочтет нужным, избирать или отвергать, оставлять или низлагать его, хотя бы он и не был тираном, - просто в силу свободы и права свободнорожденных людей быть управляемыми так, как представляется им наилучшим». Но эта теория, основанная на принципах «естественного права» и «общественного договора», могла удовлетворить буржуазно-дворянские круги лишь одной своей стороной - теми гарантиями, которые она давала против тирании, против нарушения собственности сверху. Однако никаких гарантий от посягательств на собственность снизу в этой концепции нет.

Не могла удовлетворить буржуазию и теория Джеймса Гаррингтона,

автора «Республики Океании» - политического романа и одновременно теоретического трактата. Гаррингтон прямо поставил вопрос о власти в зависимости от распределения собственности. Поскольку собственность перешла к «народу» (под этим словом Гаррингтон подразумевает среднее джентри), власть должна тоже принадлежать ему, а для этого лучшей формой является республика. Таким образом, по Гаррингтону, власть не должна принадлежать всем по естественному праву, а лишь собственникам. В соответствии с этим взглядом он оправдывает цензовую конституцию. Но как избежать чрезмерной концентрации собственности? Ведь если в одних руках или в руках группы лиц, олигархии сосредоточится значительная часть собственности, то и власть надо будет передать им. Тогда может наступить тирания и нарушение собственности «народа». Во избежание этого Гаррингтон рекомендует ограничить собственность, запретить ее концентрацию сверх известных пределов. Но это было посягательством на завоеванное буржуазией право свободного распоряжения собственностью без ограничения со стороны государства. Концы явно не сходились с концами в теории Гаррингтона.

С другой стороны подошел к той же проблеме знаменитый философ-материалист Томас Гоббс (1588-1679), последователь Бэкона. По его мнению, не государство зависит от распределения собственности, а наоборот - собственность создана государственной властью. На заре человечества люди располагали естественным правом; это право Гоббс рассматривает как величайшее бедствие, потому что оно породило непрерывную «войну всех против всех». Создав государство, люди отказались от своего естественного права, и государство распределило собственность между людьми, поэтому оно имеет право на собственность подданных. При этом Гоббс недвусмысленно говорил о том, какое именно государство он имеет в виду: он был сторонником абсолютной монархии, и его теория сыграла, несомненно, известную роль в усилении монархических тенденций в годы протектората. Но в общей эволюции политической мысли Гоббс оставил немалый след прежде всего благодаря тому, что пользовался в своих построениях не аргументами из Библии, а методом индукции, рационального рассуждения. Такова была глубокая противоречивость той эпохи, что именно реакционная политическая теория оказалась первой сугубо светской теорией. Впрочем, это и не удивительно, если вспомнить, что революционная теория буржуазии одевалась еще в пуританские одежды.

Если даже лучшие умы господствующих классов не могли предложить буржуазии и дворянству такую политическую систему, которая полностью соответствовала бы как их антифеодальным, так и антидемократическим устремлениям, то рядовые представители этих классов и вовсе запутались в противоречиях. Возвращение «законного» короля казалось им лучшим выходом из положения, тем более, что Карл II благоразумно пообещал править в согласии с парламентом. В Бредской декларации, изданной в период переговоров о реставрации династии, будущий король не скупился на обещания: собственность, приобретенная в период революции, было сказано в ней, будет сохранена за нынешними владельцами, религиозным сектам будет

предоставлена полная свобода и, конечно, все участники революции будут амнистированы.

И действительно, монархия Карла II уже не была абсолютной монархией дореволюционных времен. Новый король оказался в очень сложном положении. С одной стороны, урок периода революции сдерживал его абсолютистские наклонности, заставлял быть осторожным; но с другой - Карл II и прибывшие с ним из эмиграции роялисты мечтали о мести; кавалеры требовали вернуть им их собственность, а ведь они были самой верной опорой короля; сам Карл, проживший долгие годы при дворе самого могущественного и самого «абсолютного» из абсолютных монархов - французского короля Людовика XIV, мечтал сделать Уайт-холл (королевский дворец) малым Версалем. Эти две тенденции попеременно проявлялись в его политике, пока абсолютистская тенденция не взяла верх.

В 1661 г. был избран первый парламент эпохи Реставрации. В нем преобладали кавалеры, и поэтому уже современники называли его «кавалерским парламентом». Он оказался более «долгим», чем Долгий парламент 1640-1653 гг., и продержался с 1661 по 1679 г. Опираясь на этот парламент, Карл II провел серию реакционных законов, которые действительно частично реставрировали дореволюционные порядки. Прежде всего была восстановлена англиканская церковь, и суровые репрессии обрушились на членов различных сект - диссидентов (не признающих государственную церковь). Часть конфискованных земель была возвращена старым владельцам. Впрочем, это не имело большого социального значения, так как и кавалеры, получив землю, вели хозяйство на новой, капиталистической основе.

Контрреволюционные эмигранты, возвратившись на родину, Добились жестокой расправы с «цареубийцами», т. е. членами суда, приговорившего Карла I к смерти, и с крайними республиканцами. Даже над трупами Кромвеля и Айртона, выкопанными из могил, Кавалеры надругались - этому не помешала ни их религия, ни аристократическая изысканность. После долгих лет скитаний по иностранным дворам вернувшаяся знать жаждала наслаждений, роскоши, блеска. Проникшие в эту среду новые крупные землевладельцы вполне разделяли ее настроения. Пуританская чопорность, сосредоточенность на «внутреннем свете» сменилась чудовищной распущенностью двора, и сам король показывал пример вызывающей «свободы нравов». Был восстановлен запрещенный пуританами театр, но это был уже не великий театр времен Шекспира. В годы революции были разрушены публичные театры, актеры разогнаны (многие из них сражались в королевской армии против ненавистных пуритан), демократические традиции народного театра перечеркнуты. И конечно, Карл II, страстный любитель театра, не имел в виду восстанавливать демократический театр елизаветинских времен. Он выдал два патента на устройство театров, в которых играла труппа короля и труппа его брата и наследника престола Якова, герцога Йоркского. Были построены ярусные театры, близкие к современному типу. Из Италии и Франции заимствовались технические новшества, декорации. Впервые на английской сцене появились женщины, раньше женские роли исполнялись мужчинами.

Однако попытка привезти из Франции не только технику, но и господствовавший там стиль классицизма оказалась менее успешной. Театральная публика периода Реставрации хотела видеть в театре веселую и непременно непристойную комедию, в которой ее привлекали не столько искусство актеров либо тонкость интриги, сколько натуралистические сценки самого примитивного свойства. Распутный двор видел в театре свое точное отражение и не обижался, потому что безнравственность считалась хорошим тоном. Театр, таким образом, оставался орудием идеологической борьбы, но если во времена Возрождения он боролся против абсолютизма и феодализма великим искусством, то в период Реставрации он боролся против пуританства порнографией и пошлостью. Не удивительно, что театр не мог создать крупных художественных ценностей. Крупнейший поэт и драматург того времени Джон Драйден (1631 - 1700), обладая немалым драматургическим мастерством, все же не оставил значительного следа в истории театра.

Не принесла эпоха Реставрации крупных успехов и живописи. Потеряв ту полноту власти, которой пользовались некогда верхи аристократии, придворные Карла II стремились придать своему облику мнимую значительность. Более всего их вкусу соответствовала манера выходца из Голландии П. Лели. Этот художник работал в духе Ван-Дейка «английского» периода. Пышность одеяния, условность, идеализация - таковы главные особенности его стиля.

Только в области архитектуры английский классицизм имел выдающиеся достижения. Особенно прославился своим творчеством Кристофер Рен (1632-1723), профессор астрономии и знаменитый архитектор. Среди его многочисленных сооружений выделяется собор св. Павла в Лондоне. Рену удалось сочетать традиции английского средневекового зодчества с принципами классицизма. В его творениях (Рен построил более пятидесяти церквей) нет ничего мистического; их интерьеры рассчитаны не на то, чтобы вызвать религиозный экстаз, а на спокойную сосредоточенность. У Рена все рационально, основано на строгих пропорциях; как удачно заметил один историк, то, что его современник Ньютон выразил формулами, Рен выразил в камне.

Велики были и успехи английского музыкального искусства. Карл II покровительствовал музыкантам, посылал их учиться в Италию и во Францию. В этом тоже была своеобразная полемика с пуританством, которое смотрело на музыку как на «порождение дьявола». В годы революции музыка была под запретом, преследовалась в быту, изгонялась из церквей. Многие великолепные органы в храмах были разрушены. И вот теперь музыка возрождалась и стала на несколько десятилетий одним из самых процветающих искусств. Творчество композитора Генри Перселла (1659-1695), который писал и псалмы, и инструментальную музыку, и, главное, создал первую английскую оперу «Дидона и Эней», принесло английской музыке того времени общеевропейское признание. «Это очень тонкое искусство, - писал о музыке Перселла Ромен Роллан, - в нем нет ничего надуманного, все крайне утончено, всегда непосредственно и юно».

Содержание блестящего двора дорого обходилось Карлу II. Между тем король лишился главного источника дохода - коронных земель, которые остались у новых владельцев. На расходы короля парламент выделил ежегодное содержание, так называемый цивильный лист, который отнюдь не покрывал потребностей Карла II. Он постоянно испытывал недостаток денег и возмущался унижительной зависимостью от парламента. По мере того как революция уходила в прошлое, он, подстрекаемый знатью, все больше давал волю своим абсолютистским тенденциям. Главным образом они проявлялись во внешней политике, хотя, конечно, затрагивали и внутривластные проблемы.

Карл II продолжал вести торговые войны против Голландии, что в целом соответствовало интересам английской буржуазии; но в конце XVII в. главным врагом стала Франция, с которой приходилось сталкиваться в борьбе за колонии и торговое первенство. С этим король не желал считаться, так как его чисто династические интересы и мечты об абсолютной монархии были связаны именно с надеждой на поддержку со стороны Людовика XIV. Внешнеполитический курс короля противоречил не только экономическим, но и политическим интересам буржуазии, поскольку сближение с Францией усиливало королевскую власть и укрепляло позиции католиков. Поэтому король начал вести переговоры с Францией, скрывая их даже от некоторых министров. В 1670 г. был подписан тайный договор, по которому Англия отказывалась от торгового соперничества с Францией и должна была отменить все меры, направленные на развитие отечественной промышленности, и поддержать претензии Людовика XIV на гегемонию в Европе. Взамен этих принципиальных уступок, сделанных за счет интересов буржуазии и нового дворянства, Карл II получил от версальского двора пенсию и обещание помочь военной силой в случае повой революционной войны. Иначе говоря, договор ставил интересы короля и двора выше национальных интересов Англии. Еще до подписания этого договора Карл II продал Людовику XIV Дюнкерк - важную опорную базу на континенте, завоеванную Кромвелем. Одновременно король, и без того приближавший к себе католиков, издал «Декларацию о веротерпимости», открывшую католикам дорогу к высшим государственным постам. Всем в Англии было известно, что наследник престола - Яков - католик, и поэтому вопрос о правах католиков приобрел особую остроту.

Предательская внешняя политика и очевидное стремление короля не считаться с парламентом вызвали недовольство в среде крупной лондонской буржуазии, в кругах прогрессивного джентри и даже некоторых представителей англиканской и пресвитерианской знати. Впервые со времен возвращения Стюартов начала формироваться политическая оппозиция. В домах знати, в кофейнях, где собирались купцы и помещики, и, наконец, внутри самого кавалерского парламента заговорили о том, что надо ограничить власть короля. Оппозиция добилась принятия парламентом «Акта о присяге» (1673): каждый государственный чиновник должен был давать присягу по англиканскому обряду. Это означало изгнание католиков с государственных постов, и даже сам Яков, занимавший пост лорда Адмиралтейства, вынужден

был оставить его. В течение 70-х годов оппозиция постепенно организовалась в политическую партию, требующую ограничения королевской власти. Во главе партии стояли представители некоторых крупнейших аристократических семейств - граф Шефтсбери, лорд Рассел и др. Но среди их сторонников было немало буржуазии, джентри близлежащих к столице графств, представителей интеллигенции. Некоторые сторонники новой партии придерживались даже умеренно республиканских взглядов в духе Гаррингтона. Ввиду того что первоочередным требованием новой партии было лишение Якова наследственных прав и вообще недопущение католиков на государственные посты, членов этой партии стали называть вигами (так в годы гражданской войны называли в Шотландии непримиримых противников католицизма - пресвитериан).

Но и придворные круги не дремали. В противовес вигам они сплотились в аристократическую партию тори (так называли ирландских партизан-католиков). Эта партия безоговорочно поддерживала короля и вообще придерживалась взгляда, что по крайней мере исполнительные права монарха не должны быть ограничены. Крайние элементы торийской партии фактически поддерживали абсолютную монархию. Теоретическое обоснование они черпали, однако, не в феодальной концепции божественного происхождения королевской власти, а в сочинениях Гоббса. Недаром этот престарелый философ пользовался почетом при дворе Карла II и даже получал пенсию из королевской казны.

Обе партии полностью оформились в 1679 г., когда Карл II решился, наконец, распустить кавалерский парламент и назначил новые выборы. В новом парламенте виги получили большинство мест, что свидетельствовало о росте оппозиции в среде буржуазии и джентри. Стремясь оградить себя от репрессий, вигские вожди провели в 1679 г. так называемый Habeas Corpus Act, согласно которому в случае ареста задержанному в 24 часа должно быть предъявлено обвинение. Под действие закона не попадали лица, посаженные в тюрьму за долги; беднякам вообще трудно было воспользоваться благами этого закона, так как они не имели реальной возможности обжаловать его нарушение и дойти до высших судебных инстанций - все это требовало денег. И все же Habeas Corpus Act был выдающимся прогрессивным законом. Впоследствии он стал важным элементом буржуазно-демократического права.

Активизация вигской оппозиции поставила перед королем дилемму: либо смириться и править в качестве ограниченного монарха, либо разгромить оппозицию и попытаться захватить всю полноту власти. Сначала он колебался: распустив парламент, король в 1680 и 1681 гг. созывал новые парламенты, но виги неизменно оказывались в большинстве. Тогда король решился: распустив парламент 1681 г., он больше не собирал его вплоть до своей смерти (1685) и в эти четыре года действительно правил почти как абсолютный монарх. На вигов обрушились репрессии, многие были казнены, другие бежали, в том числе Шефтсбери. Вигская эмиграция сосредоточилась главным образом в Голландии. Здесь, при дворе штатгальтера (некто вроде президента) Вильгельма Оранского, вынашивались планы замены династии Стюартов более

приемлемой для буржуазно-дворянских кругов династией, которая согласилась бы на ограниченную монархию. Женой Вильгельма Оранского была Мария - дочь Якова Стюарта, и это придавало элемент законности, преемственности планам приглашения Вильгельма на английский престол. Кроме того, Вильгельм был протестантом и деятельным противником французской гегемонии, что соответствовало внешнеполитическим интересам буржуазно-дворянского блока.

Вскоре после того как Яков II Стюарт вступил на престол (1685), наступила полоса еще более жестокого политического террора, чем в последние годы царствования Карла II. Habeas Corpus Act был отменен. Король-католик взял курс на восстановление католицизма, назначал католиков на высокие посты и даже делал их епископами англиканской церкви. Дело шло к феодально-католической реакции, которая надолго задержала бы развитие страны и подчинила бы Англию французскому диктату.

Однако замыслы Якова II и его французских покровителей не имели под собой решительно никакой почвы. Те социальные силы, которые могли быть заинтересованы в восстановлении феодальной монархии, были ничтожны. Ни народные массы, ни буржуазия, ни джентри, ни даже значительная часть знати, ни, наконец, англиканская церковь этого не хотели. Ведь многие аристократы - кавалеры стали теперь капиталистическими предпринимателями и были тесно связаны с рынком, с торговлей, с буржуазией. Единственный шанс короля по-прежнему заключался в том, что господствующие классы боялись гражданской войны. Но буржуазно-дворянские верхи Англии нашли способ и без войны устранить опасного для их господства короля. Обеспокоенные тем, что у Якова II родился сын и династия может надолго закрепиться на престоле, практически все элементы господствующих сословий сплотились в борьбе против короля. Даже враждовавшие между собой религиозные секты пошли на единство действий с пресвитерианами и англиканской церковью, даже торийские вожаки примирились с вигами. Наступило время осуществить тот план, который давно уже созрел в вигских кругах. Вильгельму Оранскому и Марии было послано приглашение занять английский престол. Государственный переворот прошел быстро и безболезненно. Небольшая армия Вильгельма, в которую входили и виги-эмигранты, высадилась осенью 1688 г. в Юго-Западной Англии и двинулась на Лондон. Ее тотчас поддержали буржуазно-дворянские круги. На сторону Вильгельма перешел главнокомандующий королевской армией тори Джон Черчилль. Яков II бежал во Францию. Созванный в январе 1689 г. парламент объявил королевский престол вакантным и избрал Вильгельма III (1689-1702) королем Англии.

Этот сугубо верхушечный переворот стал возможен и прошел с такой легкостью благодаря тому, что за 40 лет перед этими событиями революционный парламент провозгласил республику, что в битвах революционной эпохи феодальный строй был разрушен. Буржуазные историки любят противопоставлять эту «славную революцию», как они именуют переворот, подлинной буржуазной революции 40-х годов. В самом деле, для господствующих классов Англии революционная эпоха связана с тяжелыми

воспоминаниями о невиданной активности народных масс, со страхом за свою собственность и свое господство. переворот же 1688 г., который нет никаких оснований именовать революцией, полностью удовлетворил буржуазно-дворянский блок не только своими политическими последствиями, но и тем, что помог избежать второй революции, которая стала бы неизбежной в случае временного успеха феодально-католической реакции.

Переворот 1688 г. был результатом давно подготавливавшегося компромисса между верхушкой буржуазии и земельной знатью. Исторически сложившийся блок между этими классами нашел выражение в том, что при сохранении короля, двора, палаты лордов и других институтов, возникших в эпоху феодализма, в них было вложено качественно новое содержание. Монархия превратилась из феодальной в буржуазную. Должности, министерские портфели, титулы остались у дворянства, но управление страной должно было вестись в интересах обоих господствующих классов. Уже в 1689 г. парламент принял «Билль о правах», закрепивший режим конституционной, ограниченной монархии. Вся законодательная власть была теперь закреплена за парламентом. Любой изданный им закон направлялся на подпись королю, но король не имел права отказаться поставить свою подпись. Было подтверждено исключительное право парламента вводить налоги. Только парламент мог разрешить королю создать постоянную армию. Таким образом, несколько ограничивалась и исполнительная власть короля, хотя предстоял еще долгий путь развития буржуазной демократии, раньше чем парламент получил полный контроль над исполнительной властью (правительством).

Тотчас после переворота новый взгляд на проблемы государственной власти и собственности стал господствовать в верхах английского общества, особенно в вигской среде. Если тори черпали свои взгляды и аргументы у Гоббса, то выразителем взглядов вигов был, по выражению Энгельса, сын «классового компромисса 1688 года», знаменитый философ-материалист Джои Локк (1632-1704). Его «Два проекта о правительстве», опубликованные в 1681 г., содержали давно искомое буржуазией решение вопроса о сохранении собственности от посягательств как сверху, так и снизу. Локк придерживается теории естественного права и общественного договора. Но для него естественное состояние - не «вой-па всех против всех», а эпоха, когда существовали естественные права человека на свободу и, главное, собственность. Следовательно, когда люди по договору создали государство, частная собственность уже существовала, и в задачи государства входит охрана этого «естественного права» на собственность. Охрана, конечно, - от низов. Но и само государство не имеет никакого права нарушать собственность - в этом заложена и защита ее от короля или олигархии. На основе этой концепции, превращавшей государство в охранителя буржуазной собственности, и была построена теория об ограниченной монархии как о наилучшей форме государственного устройства. Так под компромисс 1688 г., окончательно закрепивший победу буржуазии и нового дворянства, была подведена теоретическая база.

Глава 3 РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В XVIII в.

Оформление английской парламентской системы

Победа, одержанная буржуазно-дворянским блоком в ходе революции и закреплённая компромиссом 1688 г., поставила Англию в чрезвычайно выгодное положение по сравнению с другими странами Европы и всего мира. Впоследствии все страны Европы - одни раньше, другие позже - вступили в полосу капиталистического развития и связанного с ним прогресса производительных сил, культуры и государственных форм. Но Англия была первой, и это давало английской буржуазии огромные преимущества, которыми она пользовалась вплоть до конца XIX в., когда торгово-промышленное первенство страны было утрачено.

В конце XVII - первой половине XVIII в. в Англии начали складываться формы и принципы государственного управления, характерные для буржуазных демократий. Однако процесс формирования парламентской системы проходил уже не в ходе революции, а в специфической обстановке, сложившейся после компромисса 1688 г. Государственная деятельность оставалась привилегией земельного дворянства, и на поверхности политической жизни фигурировало несколько десятков знатных родов. «Аристократическая олигархия, - по выражению Ф. Энгельса, - слишком хорошо понимала, что ее собственное экономическое процветание неразрывно связано с процветанием промышленного и торгового среднего класса». Именно экономические интересы буржуазии «определяли собою общую национальную политику».

Новой вехой в становлении парламентской системы стал принятый в 1701 г. парламентом «Акт о престолонаследии и статут об устройстве королевства»: «Законы Англии являются прирожденными правами ее народа, и все короли и королевы, которые вступают на престол английского королевства, обязаны производить управление английским народом в соответствии с указанными выше законами, и все их подчиненные и министры должны нести службу, соблюдая те же законы». Королевская власть объявлялась, таким образом, ограниченной законами, которые вправе издавать только парламент. В «Акте о престолонаследии» определялась дальнейшая судьба английской короны после смерти Вильгельма III. Она должна была перейти к дочери Якова II - Анне, а после ее смерти - к курфюрсту (князю) небольшого германского государства - Ганновера. Формальные основания для этого давал брак курфюрста и внучки Якова I Стюарта.

Правительство приобретало все большую независимость от короля. Королева Анна (1702-1714) и первые короли ганноверской династии Георг I (1714-1727) и Георг II (1727-1760) еще председательствовали на заседаниях правительства, но министры все чаще собирались втайне от короля и именно на этих заседаниях принимали решения, которые потом лишь формально рассматривались в присутствии монарха. При Георге II даже это формальное

участие короля в работе правительства постепенно прекратилось. Этому в известной мере способствовали и личные качества названных королей. Анна, по выражению английского либерального историка XIX в. Маколея, «при хорошем расположении духа была кротко глупа, а при дурном - сердито глупа». Первые Георги были ограниченными людьми, больше заботившимися о делах своего маленького Ганновера, чем о позициях королевской власти в Англии.

Таким образом, к середине XVIII в. в Англии установилась система управления, как нельзя более соответствовавшая интересам господствующих классов. Ограничение королевской власти, зависимость правительства от парламента, правовые гарантии, записанные в Habeas Corpus Act и ряде законов, принятых в начале XVIII в., независимость судей от короля и правительства - все эти черты английской конституции стали предметом гордости английских государствоведов и зависти идеологов поднимающейся буржуазии других стран.

Теоретически власть принадлежала народу, но на практике от избрания «народных представителей» были отстранены не только массы рабочих, ремесленников, крестьян, но и значительная часть буржуазии и даже землевладельцев. В 1717 г. был резко повышен ценз для избирателей: отныне право участвовать в выборах предоставлялось лишь лицам, получавшим не менее 600 ф. ст. годового дохода с недвижимости, либо 200 ф. ст. - от торговых и финансовых операций. Таких лиц оказалось всего около 250 тыс. из почти 5-миллионного населения страны.

Формально высшим органом государственной власти был парламента, но реальная власть в стране принадлежала политическим дельцам, стоящим во главе обеих партий. Наибольшим влиянием пользовалась партия вигов, которая находилась у власти почти непрерывно с конца XVII в. до 1770 г. В то время как торийские верхи представляли главным образом интересы крупных землевладельцев и опирались на провинциальных сквайров, лидеры вигов были, по выражению Маркса, «аристократическими представителями буржуазии, промышленного и торгового среднего класса».

На смену острой политической борьбе времен революции и даже послереволюционных лет, когда действительно сталкивались противоборствующие социальные силы, пришло мелкое политиканство алчных клик, жаждущих власти и богатства. Именно в этот период сложились такие черты буржуазного парламентаризма, как оторванность от народа, неизбежная коррупция, беспринципность. Политическая мораль буржуазии формировалась в обстановке бешеной погони за наживой, колониального грабежа, финансовых авантюр. В этих условиях и политическая деятельность рассматривалась как один из «законных» источников обогащения. Покупалось и продавалось все - голоса избирателей и членов парламента, государственные посты и благоволение министров, доступ ко двору и политические убеждения.

Едва ли не самой колоритной фигурой той эпохи был видный вигский лидер Роберт Уолпол, бессменно стоявший во главе правительства с 1721 до 1742 г. Возглавляя одну из вигских группировок, наиболее тесно связанную с буржуазными кругами, он впитал в себя все пороки своего века и своего класса.

Выходец из типичной помещичьей семьи, потомок мировых судей, полковников милиции и членов парламента, Роберт Уолпол, вероятно, умер бы «деревенским джентльменом», если бы с первых шагов своей политической карьеры не пошел на союз с воротилами Сити. Прорвавшись к власти, он стал одним из самых богатых людей Англии, получая колоссальные взятки от поставщиков, искателей карьеры, колониальных дельцов. Он жил как крупнейший магнат, соря деньгами, устраивая роскошные балы, скупая произведения искусства. Мораль века была такова, что Уолпол почти не скрывал источников своего богатства. Во время премьеры пьесы Джона Гэя «Опера нищих», когда скупщик краденого пел: «И министр великий считает честным себя, как и я», сам «великий министр» невозмутимо сидел в ложе. А когда со сцены прозвучали слова:

Коль бичуешь порок,
Будь умен себе впрок,
Не задень при дворе никого, -
Взятки станешь бранить,
Каждый станет вопить,
Что ты метишь, наверно, в него, -

Уолпол громко потребовал повторения этой песенки. Зал поддержал его взрывами аплодисментов, и трудно сказать, чего в них было больше - благодарности к актерам или восхищения наглостью и успехом Уолпола, которым втайне завидовали многие из зрителей.

Знаменитый романист Даниэль Дефо писал: «Я видел изнанку всех партий, всех их претензий и изнанку их искренности, и... я говорю о них: все это - простое притворство, видимость и отвратительное лицемерие каждой партии, во все времена, при всяком правительстве... Их интересы господствуют над их принципами».

Вся Англия знала, что парламентские выборы не имеют ничего общего с действительным волеизъявлением не только народа, но и четверти миллиона избирателей. В сельских избирательных округах вопрос об избрании того или иного кандидата решался обычно крупным лендлордом, от которого зависели и которому не решались противоречить соседи - средние фригольдеры и сквайры. Почти половина «депутатов» вообще не избиралась, а проходила в парламент от так называемых гнилых местечек - маленьких населенных пунктов, находившихся в собственности лорда. Здесь лорд бесцеремонно назначал члена парламента, обычно продавая этот пост за 1,5-2 тыс. ф. ст. Но если кандидату приходилось все же бороться за место с конкурентом, он обращался к прямому подкупу избирателей - благо, их было немного. Избиратели настолько привыкли получать взятки, что считали их вполне законными источниками дохода. Остроумная сатирическая комедия Генри Филдинга, одного из крупнейших английских писателей XVIII в., «Дон Кихот в Англии» на том и построена, что избиратели некоего города пришли в ужас от того, что на предстоящих выборах ожидается лишь один кандидат: ведь, не имея

конкуренентов, он не станет давать взятки.

Роберт Уолпол недаром говорил о парламентариях: «У каждого из этих людей есть своя цена». Точно так же, как член парламента покупал свой мандат у лорда, контролирующего «гнилое местечко», или у избирателей, правительство покупало самих членов парламента.

Итак, объективно прогрессивный процесс формирования парламентарской системы проходил в уродливых формах, сопровождался чудовищным казнокрадством, взяточничеством, стяжательством правящей олигархии. Именно против этих пороков, извращавших самую сущность парламентаризма, была направлена гневная критика и меткая сатира передовых людей Англии, прежде всего - блестящей плеяды деятелей английского Просвещения.

Английское Просвещение

Едва ли не все плоды философской и политической мысли, литературы и искусства XVIII в. были возвращены в большинстве европейских стран на почве идеологии Просвещения. Это было могучее течение, революционное по своей сущности, антифеодалное по социальной направленности, антиабсолютистское по политической программе. Низвергая все догмы религии, отказываясь подчиняться каким-либо авторитетам, просветители стремились проанализировать общественные отношения, государственные формы с позиций свободного, ничем не ограниченного разума.

Но революционная идеология Просвещения носила на себе печать глубокой противоречивости, как противоречива была и сама революционность буржуазии. Борясь за власть, за расчистку путей для капиталистического развития, буржуазия стояла во главе нации, поскольку и широкие массы народа были заинтересованы в низвержении феодального строя. Однако буржуазия шла к власти для того, чтобы сменить феодальную эксплуатацию капиталистической, и провозглашенное просветителями царство разума, по выражению Энгельса, «было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии»

Конечно, субъективно великие умы эпохи Просвещения отнюдь не намеревались прославлять строй эксплуатации и угнетения. Сталкиваясь с жадностью, лицемерием, ханжеством, духовным убожеством, стяжательством рыцарей наживы, просветители бичевали эти пороки, веря в то, что путем просвещения, разъяснения их можно устранить и «естественный человек» предстанет во всем блеске своих добродетелей.

Наиболее ярко историческая ограниченность Просвещения проявилась в Англии, т. е. там, где это течение зародилось. Своеобразие английского Просвещения заключалось в том, что оно возникло не до буржуазной революции, когда оно могло бы сыграть роль мощного идеологического оружия в борьбе с феодализмом, а после революции в условиях господства буржуазно-дворянского блока.

В прямой критике правителей вигской Англии просветители были решительны и непримиримы, но они, в отличие от французских просветителей,

не добивались коренных изменений общественного и государственного строя, поскольку революция была уже позади. Только самый последовательный из них - Джонатан Свифт (1667 - 1745) - пришел к отрицанию конституционной монархии. Если в первых частях знаменитых «Путешествий Гулливера» автор вместе с героем еще верит в просвещенного монарха, который управляет на основе здравого смысла, разума, справедливости, то в последних частях он рассказывает, как во время путешествия в Лапуту «наслаждался лицезрением людей, истреблявших тиранов и узурпаторов и восстанавливавших свободу и поправные права угнетенных народов».

Но Свифт вообще занимает особое место среди английских просветителей. Гениальный сатирик, политический деятель, близко знавший вождей обеих партий, гневный памфлетист, он страстно ненавидел не только аристократию и феодальные пережитки, но и новый буржуазный строй. «Богатые пожинают плоды работы бедных», - в этой наивной формуле Свифт выразил свое отношение к капитализму, понимание его эксплуататорской сущности.

Жанр политической сатиры, столь мастерски развитый Свифтом, вообще свойствен английскому Просвещению. Этому немало способствовал бурный расцвет журналистики. Еще в конце XVII в. в Англии появились первые газеты, но они почти не содержали политической информации. Новости распространялись главным образом при помощи рукописных сборников (news-letters), которые рассылались из Лондона подписчикам в различные города и сельские районы. Местом встречи сборщиков новостей был собор св. Павла; неподалеку от него, на улице Флит-стрит, стали возникать типографии, которые в то время были одновременно и помещениями редакций. Так зародился современный газетный центр Англии - Флит-стрит.

Уже первые шаги буржуазной прессы ознаменовались продажностью журналистов (один только Уолпол затратил свыше 50 тыс. ф. ст. на подкуп издателей), тенденциозным подбором фактов, нередко - прямым вымыслом и дезинформацией. Журнал Дефо «Ревью», издававшийся с 1704 по 1712 г., целиком заполненный статьями, репортажами, памфлетами самого издателя, замечателен причудливым совмещением широты интересов автора, его литературного таланта, острой наблюдательности с бесцеремонным обращением с фактами, преподнесением читателю той полуправды, которая хуже всякой лжи, публикацией явно инспирированных правительством статей и т. д.

Начало нравоописательной сатирической журналистике положили Джозеф Аддисон и Ричард Стиль - школьные товарищи, активно сотрудничавшие в течение многих лет. Создав в 1709 г. журнал «Болтун», затем «Зритель», «Опекун», «Англичанин», они открыли новую страницу в истории английской и мировой журналистики; под влиянием этих журналов впоследствии возникли аналогичные издания во Франции, Германии, России.

Аддисон и Стиль обращались не к аристократическому читателю, а к сравнительно широкому кругу приобщающихся к культуре людей «среднего класса», буржуазии. Целиком поддерживая буржуазное общество, журналисты этого направления видели свою задачу в исправлении частных недостатков

поднимающегося класса, в облагораживании нравов. В форме свободного собеседования с читателями на самые разнообразные темы - от вопросов экономики до современных мод, от проблем войны и мира до методов воспитания - Стилль и Аддисон вели свою просветительскую работу, создав своеобразный жанр эссе. Сатира отступает здесь на второй план перед мягким беззлобным юмором, включающим иронию и невинную насмешку над собственными слабостями. Этот своеобразный английский юмор все больше становился чертой английского национального характера.

Журналистика первой половины XVIII в. во многом способствовала демократизации литературы и искусства, сосредоточению внимания писателей и художников на людях, не имевших громких имен и не принадлежавших к королевским родам.

Подлинным художественным завоеванием английского Просвещения был реалистический роман. Обращение писателей, театральных деятелей к анализу чувств, нравов, страстей человека буржуазного общества потребовало и чисто эстетического новаторства, создания новых жанров, разработки новых приемов изображения действительности. Так родился просветительский реализм - новая ступенька в развитии художественной культуры человечества. Реалистические нравоописательные романы Даниэля Дефо (1661-1731), Сэмюэля Ричардсона (1689-1761), Генри Филдинга (1707-1754), сценический реализм великого актера Дэвида Гаррика (1719-1779), наконец, реалистическая живопись Уильяма Хогарта (1697-1764) - любая из этих духовных ценностей могла бы составить славу целой эпохи в истории культуры.

Наивысшие достижения просветительского реализма связаны с именем Филдинга. Продолжая сатирическую линию Свифта-памфлетиста, драматурга и романиста, Филдинг в области политической сатиры поднимается до смелого обличения всего государственного строя и решительного осуждения обеих правящих партий. Главварь преступной шайки Джонатан Уайльд из одноименной повести обращается к двум враждующим группировкам разбойников (что означает - к тори и вигам) со следующими словами: «Джентльмены, мне стыдно видеть людей, посвятивших себя столь великому и славному начинанию, как ограбление публики, занятых такими глупыми и мелочными раздорами». Он насмешливо отзывается о публике, которая «настолько наивна, что принимает участие в ваших ссорах и отдает предпочтение той или другой шайке, в то время, как обе нацеливаются на ее кошельки».

Филдинг ненавидит ханжество и пуританскую добродетель: «Кислая, брюзгливая, угрюмая, склонная к порицанию святость, - пишет он, - никогда не бывает и не может быть искренней». Ему отвратителен и аристократический культ наслаждения, даже если поклонником оно оказывается отнюдь не аристократ. Положительный герой Филдинга - не святой и не развратник, а «естественный человек», способный на бескорыстное чувство. Таков главный герой Филдинга - Том Джонс из знаменитого романа «История Тома Джонса, найденыша». Во многом примыкая по форме к плутовскому роману XV-XVII вв., это значительнейшее произведение Филдинга замечательно прежде всего

полнокровием его героя, подлинной человечностью, отсутствием в нем буржуазной расчетливости и пуританского благоразумия.

Просветительский реализм оказал могучее влияние и на английский театр той эпохи. Исподволь подготавливавшаяся коренная реформа театрального искусства была осуществлена гениальным актером Дэвидом Гарриком.

Отбросив весь комплекс классицистских условностей, Гаррик не рассказывал о своем герое, а жил его жизнью. Современный рецензент писал о нем: «Играя на сцене, он перевоплощается в исполняемый образ так, что публика видит перед собой не актера, а исполняемого актером человека». Живой жест, свободная манера речи, великолепная мимика - все служило единой цели: открыть зрителям сложную гамму чувств, переживаемых героем, и заставить их переживать вместе с ним.

Современный ему английский театр не мог предложить Гаррику ролей, достойных его гения. Он обращается к Шекспиру и заново открывает полнокровные образы Гамлета, Макбета и других шекспировских героев. Правда, Гаррик позволял себе вносить «режиссерские», а по существу, - текстуальные «поправки» в трагедии Шекспира, стремясь приспособить их к вкусам и мышлению эпохи Просвещения. Но, несмотря на эти коррективы, могучая стихия шекспировской драматургии именно в Гаррике нашла своего первого великого актера.

В качестве директора крупнейшего лондонского театра Друри-Лэйн Гаррик ввел целую серию новшеств, которые, при всем их разнообразии, имели единую цель: добиться максимального приближения к жизни, сделать театр реалистическим. Он смело изгнал аристократического зрителя со сцены, и Макбету не приходилось более произносить свой трагический монолог, стоя в двух шагах от светского франта. По его инициативе было введено рамповое освещение, расширена сцена, а главное - декорации и костюмы стали изготавливаться с подлинным художественным вкусом и исторической достоверностью. Все эти преобразования, а главное - реалистическое актерское мастерство Гаррика принесли ему всемирную славу. Его справедливо считают основоположником сценического реализма в английском и в общеевропейском масштабе.

На почве идей Просвещения в 30-х годах XVIII в. наступил и расцвет английской реалистической живописи. В то время как земельные и финансовые магнаты продолжали заказывать парадные портреты в духе Ван-Дейка «английского» периода, причем исполнителями этих заказов были преимущественно иностранцы, рождалась английская национальная художественная школа. Ее создателем был Уильям Хогарт - первый художник, снискавший мировую известность. Его творчество глубоко национально в том смысле, что оно вдохновлялось проблематикой английской общественной жизни, отражало черты английского национального характера и развивалось в русле прогрессивной идеологии английского Просвещения. Единомышленник Свифта и Филдинга, он делал в живописи то, что они - в литературе. «В остроумном Хогарте, - писал Филдинг, - я чту наиболее полезного сатирика из всех когда-либо существовавших». Именно в качестве сатирика Хогарт и

завоевал широкую популярность. Его серии картин - такие, как «Выборы», «Карьера продажной женщины», «Карьера мота», «Модный брак» и др., - размножились в виде гравюр и быстро раскупались. «Я старался, - писал художник, - разрабатывать свои сюжеты как драматический писатель, - картина была для меня сценой, мужчины и женщины - моими актерами, с помощью определенных движений и жестов разыгрываемыми пантомиму». Бичуя пороки государственного строя, безнравственность высших слоев общества, Хогарт обратился к сугубо бытовым сюжетам, черпая материал из самой жизни.

Хогарт был не только сатириком, но и портретистом. Не парадные портреты знати интересовали Хогарта, а образы людей из народа, написанные с глубоким уважением к их труду и человеческому достоинству. Таков, например, групповой портрет слуг художника. Свободная, как бы случайная композиция лишает эту работу какой-либо искусственности, заданности. Перед нами не серая масса бессловесных подчиненных, а живые люди со своими мыслями, тревогами, страстями. Не из романа ли Филдинга «Девушка с кривыми», - дитя лондонских улиц с ее жизнерадостной улыбкой и задорным взглядом? Глядя на этот портрет, легко понять, что у просветительского реализма была здоровая народная основа.

Создание английской колониальной империи

Уже первые шаги капиталистического развития Англии в XVI и XVII вв. сопровождались ограблением народов прежде всего Северной и Южной Америки и Индии. Но пиратство елизаветинских времен, торговые операции купцов-авантюристов и Ост-Индской компании, сопровождавшиеся прямым грабежом, были лишь вступлением к систематической и планомерной колониальной политике, которую английская буржуазия начала в XVIII в.

Прежде всего она закрепила свое господство на Британских островах. Под военным и экономическим нажимом Англии парламент Шотландии в 1707 г. согласился на унию, а по существу, на ликвидацию независимости своей страны.

Шотландия прекратила существование как государственная единица, хотя и сохранила некоторые элементы автономии в области судебных отношений. С этого времени было принято новое официальное наименование английского государства - Великобритания (Great Britain).

Одновременно продолжался процесс порабощения Ирландии - этой первой английской колонии. Правда, Ирландия сохранила свой парламент, но католикам, т. е. большинству населения, доступ в него был закрыт. Крестьянам-католикам разрешалось арендовать лишь не более двух акров земли, что превращало их в вечных бедняков. Упадок сельского хозяйства, чудовищная нищета арендаторов, почти полное отсутствие промышленности, где могли бы найти работу изгнанные с земли крестьяне, - все это приводило к обезлюдению страны, к массовой эмиграции в Америку, к вымиранию целого народа.

В XVIII в. продолжалось вторжение в Индию. Этому способствовала обстановка в самой Индии. Некогда единая империя Великих Моголов

распалась на враждующие княжества, и князья их почти непрерывно воевали между собой. «Разделяй и властвуй!» - этот принцип политики римских императоров был доведен до совершенства английскими колониальными авантюристами.

Но не одних англичан привлекали богатства далекой Индии. Не меньшую энергию проявляла и французская Ост-Индская компания, создавшая немало факторий и сумевшая купить поддержку многих индийских князей. Так сложился один из важных узлов англо-французских противоречий XVIII в.

Захватывая новые густонаселенные земли, английская буржуазия много внимания уделяла также созданию так называемых переселенческих колоний, т. е. таких, которые заселялись выходцами из Англии. Конечно, и на этих землях было свое население, но колонизаторы безжалостно истребляли его. Такова была политика Англии в Северной Америке, куда после основания первых колоний в начале XVII в. хлынул поток английских переселенцев: обезземеленные крестьяне, гонимые до революции пуритане, потерпевшие поражение левеллеры и многие другие. К середине XVIII в. население английских колоний в Америке составляло около 2 млн. человек. Двигаясь от Атлантического побережья на Запад, колонисты оттесняли индейские племена, отнимали их земли и, убедившись в невозможности превратить их в рабов, планомерно уничтожали одно племя за другим.

Английские колонисты проникли и на территорию Канады, основав торговые фактории в районе озера Онтарио и в других местах. Здесь они столкнулись с французскими колонистами, которые успели создать мощные опорные пункты, крупные поместья феодального типа, учредить католические монастыри и т. д. Нередко английские и французские колонисты вступали в вооруженные конфликты, используя при этом местные племена. Здесь, в Северной Америке, сложился второй узел англо-французских колониальных противоречий. Если в XVI в. главным соперником Англии в борьбе за морское и колониальное превосходство была Испания, а в XVII в. - Голландия, то в XVIII в. эта роль перешла к Франции.

Политика «европейского равновесия», т. е. поддержания относительного равенства сил, на котором могла бы играть английская дипломатия, требовала сопротивления той стране, которая в данный момент была наиболее опасным претендентом на гегемонию. Такую опасность английские политики усматривали прежде всего в политике Франции, тем более что именно с нею Англия сталкивалась и на колониальном поприще. Не удивительно, что вигские кабинеты проводили антифранцузскую политику.

Убедившись в том, что Франция, вопреки ранее данным обещаниям, намерена полностью овладеть испанским наследством (после смерти короля Карла II), Англия стала во главе мощной антифранцузской коалиции в войне 1701-1714 гг. Минимально участвуя непосредственно в операциях на континенте, Англия брала на себя финансирование союзников, т. е., по существу, покупала себе солдат. Свои собственные военные усилия Англия сосредоточивала преимущественно на колониальных и морских операциях.

Во главе английской армии стоял сначала Вильгельм III, а после его

смерти королева Анна поручила командование незаурядному полководцу и дипломату Джону Черчиллю. Этот человек, более известный под именем герцога Мальборо, которое он получил в ходе войны, был типичным для Англии того времени политическим дельцом и придворным интриганом. Как удачно заметил один английский историк, «честь, долг, патриотизм - эти слова производили на него не большее впечатление, чем на шекспировского Фальстафа». Мальборо не принадлежал ни к тори, ни к вигам, пытаясь балансировать между двумя партиями. Но виги были за войну, и он больше склонялся к ним, поскольку война была ему выгодна. Действительно, если война за испанское наследство обошлась в 50 млн. ф. ст., то главнокомандующий, в соответствии с моралью правящей олигархии, не мог не разбогатеть, присвоив какую-то часть этой суммы. Таков один из источников богатства и знатности рода Черчиллей.

Победы Мальборо в Баварии и южных Нидерландах немало ослабили французскую армию. Но для исхода англо-французского соперничества гораздо большее значение имели менее эффектные операции на море и в колониях. Английский флот нападал на французские суда; колонисты в Северной Америке, воспользовавшись тем, что канадские французы не могли получить помощь из метрополии, захватили Нью-Фаундленд и земли вокруг Гудзонова залива; пользуясь превосходством, английская дипломатия навязала Португалии торговый договор, дававший право беспошлинного ввоза английских товаров, что привело к фактическому господству английской буржуазии над Португалией. Но главным успехом Англии в ходе войны был захват Гибралтара в 1704 г. Получив этот важнейший стратегический пункт, Англия резко укрепила свои позиции на юге Европы, и в колониальной политике последующих веков английские господствующие классы сумели воспользоваться этими «ключами от Средиземного моря».

Заключенный в 1713 г. Утрехтский мир закрепил победу Англии. По договору Франция вынуждена была уступить часть Канады, занятую в период войны английскими колонистами; Испания - Гибралтар и остров Минорку. Кроме того, Англии предоставлялось так называемое «асиенто» - монополия на ввоз рабов в испанские колонии в Южной Америке.

Ни Франция, ни Испания не склонны были считать результаты войны окончательными. В течение последующих десятилетий неоднократно возникали крупные и мелкие конфликты из-за Гибралтара, «асиенто», колониальных позиций в Индии, Америке и других районах. Всего в XVIII в. Англия участвовала в 119 таких конфликтах, и лишь некоторые из них удавалось урегулировать мирно. Франция продолжала оставаться грозным противником.

Колониальная политика Англии стала еще более агрессивной, когда к власти пришла группировка вигов, во главе которой стоял один из крупнейших «строителей империи» Уильям Питт Старший, лорд Чатам, в 1766-1768 гг. - премьер-министр. Внук бывшего губернатора Мадраса, разбогатевшего за счет ограбления Индии, Питт был теснейшим образом связан именно с теми кругами буржуазии, которые более всего были заинтересованы в активной

колониальной политике. Это был грубый, прямолинейный, обладавший недюжинной волей человек, не склонный маскировать свои цели лицемерными фразами. Колонии нужны, потому что они выгодны, - такова была несложная философия Питта, и его мало интересовали попытки обосновать право на завоевание какими-либо историческими, либо моральными соображениями.

Входя в правительство с 1745 г., Питт в 1757 г. занял посты министра иностранных дел и военного министра, т. е. сосредоточил в своих руках те ведомства, которые были непосредственно связаны с колониальной политикой. Под руководством Питта Англия прошла сквозь бури Семилетней войны (1756-1763), выйдя из нее еще более окрепшей державой. План английской дипломатии заключался в том, чтобы сковать силы Франции большой войной в Европе и нанести ей сокрушительное поражение на море и в колониях. В поисках «солдата на континенте» Англия заключила договор с Пруссией. В союзе с Францией выступали Россия и Австрия. Соотношение сил на континенте явно складывалось не в пользу английского союзника - прусского короля Фридриха II. Энергичное вмешательство России привело к тяжелым поражениям прусской армии, а в 1760 г. русские войска даже заняли Берлин. Но все это не слишком беспокоило Англию: для нее важно было, что французская армия была занята войной с Пруссией, тем более что на западном фронте Фридрих II одержал немало побед.

А тем временем за пределами Европы происходили решающие (по крайней мере, с точки зрения интересов Англии) события. Еще до объявления войны, в 1755 г., английские моряки захватили 300 французских кораблей. В 1759 г. неожиданное нападение на военно-морские силы Франции у ее западного побережья привело к уничтожению значительной части французского флота. Тем самым английская гегемония на морях окончательно утвердилась более чем на полтора столетия.

Одновременно развернулись упорные бои в Северной Америке. Победы английских войск, состоявших преимущественно из американских колонистов, полностью подорвали французские позиции. В 1759-1760 гг. были заняты крупнейшие города Канады - Квебек и Монреаль. В Индии, воюя главным образом силами самих индийцев (сипаев), Ост-Индская компания наносила поражение за поражением французским соперникам и их ставленникам, одновременно расширяя зону своего господства и грабя богатства индийцев. Наибольшее значение имело завоевание Бенгалии - самой развитой части Индии. После битвы при Плесси (1757) Ост-Индская компания стала безраздельным господином 20-миллионного населения Бенгалии, по своему усмотрению назначала и смещала набобов (правителей, князей) и присвоила ее казну - свыше 37 млн. ф. ст.

Английскими и синайскими войсками в этой битве командовал Роберт Клайв - жестокий, искусный и удачливый колониальный деятель той эпохи. Мелкий писец на службе Ост-Индской компании, затем - офицер ее армии, он выдвинулся благодаря своей беспринципности и умению шагать по трупам противников. Подкуп, предательство, подлог, прямое насилие, убийство из-за угла - все пускалось в ход. Став после победы при Плесси губернатором

Бенгалии, Клайв организовал систематическое ограбление ее населения при помощи налогов, которые взимались практически без всяких норм и ограничений. «Именно тогда, - пишет Маркс о периоде Семилетней войны, - было заложено основание нынешней Британской империи на Востоке».

В этом и заключался важнейший результат Семилетней войны, зафиксированный в Парижском мире 1763 г. В Индии Франция сохранила лишь пять прибрежных городов. Из Северной Америки она была полностью изгнана. Англия же стала владеть огромной колониальной империей. Американские колонии, Канада, острова Вест-Индии, Ост-Индия - такова была обильная колониальная жатва, собранная английской буржуазией.

Создание колониальной империи имело не только экономические последствия; оно сказалось и на политической жизни, и на идеологии буржуазной Англии. Люди, молниеносно обогатившиеся в колониях, особенно в Индии, возвращались на родину с огромными состояниями, и это усиливало коррупцию и разложение в правящих кругах. Такому «набобу», как их прозвали в Англии, ничего не стоило затратить несколько тысяч фунтов для покупки места в парламенте и даже получения титула лорда. Так поступил, например, Клайв, когда, возвратившись из Индии, пожелал начать политическую карьеру.

Акционеры и высшие служащие Ост-Индской компании щедро делились своими доходами с членами парламента, министрами, придворными, и их преступления чудесным образом превращались в подвиги во славу Англии и золотого тельца. Само правительство взяло на себя моральную ответственность за преступления компании, обязав ее вносить ежегодно в государственную казну 400 тыс. ф. ст. Возможность эмиграции в переселенческие колонии «избыточного» населения несколько ослабляла остроту классовых столкновений.

Подобно тому как колониализм стал неотъемлемым элементом буржуазной политики, колониальный шовинизм начал становиться немаловажной частью буржуазной идеологии. В первой половине XVIII в. зародился воинственный шовинистический гимн «Правь, Британия!». Буржуазные журналисты пропагандировали мысль о превосходстве англичанина над всеми иностранцами, прежде всего - французами, и, конечно, народами колониальных стран. Даже созданный Арбентотом (возможно, при участии Свифта) образ Джона Булля (это имя стало с тех пор шутивным прозвищем англичанина) содержит, хотя и в комической форме, черты расового превосходства. Джон Буль храбр, честен, даже наивен и доверчив, в то время как другие персонажи (француз, немец и голландец) вероломны и корыстолюбивы.

Промышленный переворот

Ограбление колоний в XVIII в. систематически приносило Англии колоссальные богатства, и собственники их искали возможности для наиболее выгодного помещения капиталов. Капиталистам-предпринимателям, создававшим крупные централизованные мануфактуры, легко было найти

средства для расширения этих предприятий, для введения самых дорогостоящих усовершенствований, если только они обещали впоследствии высокие прибыли. Когда развитие мануфактуры подготовило создание машин, наличие свободных капиталов обеспечило их быстрое распространение и практическое применение изобретений.

Другой важный процесс - аграрный переворот XVIII в.- обеспечил промышленности рабочие руки. Господствовавшие в парламенте сквайры парламентскими актами предоставляли землевладельцам право на огораживание, что естественно вытекало из нового положения земледельцев как неограниченных собственников земли. Эти «парламентские огораживания» в течение XVIII в. привели к окончательной ликвидации английского крестьянства. «Приблизительно к 1750 г., - писал Маркс, - исчезают йомены, а в последние десятилетия XVIII столетия исчезают всякие следы общинной собственности земледельцев». Свыше 1,5 млн. человек, которые к началу XVIII в. имели еще наделы (копигольдеры и мелкие фригольдеры), были теперь обезземелены, и их могли использовать сквайры в качестве сельскохозяйственных рабочих, а капиталисты - в качестве наемных рабочих мануфактур, а потом - фабрик.

В результате всех этих процессов к середине XVIII в. сложились предпосылки для перехода от мануфактурного к машинному производству. В ходе надвигающейся промышленной революции трудящимся предстояло сыграть роль не только безжалостно эксплуатируемых производителей товаров, но и творцов новой техники, создателей новых инструментов, методов производства, машин.

Эти, в большинстве оставшиеся неизвестными изобретатели и рационализаторы пытались заменить руку человека как основное орудие труда каким-либо механизмом. Наибольшего успеха они добились в хлопчатобумажном производстве, которое в XVII-XVIII вв., по мере роста ввоза хлопка из колоний, становилось все более массовым. Усилия многих и многих пытливых и изобретательных людей увенчались первым крупным успехом в 1733 г., когда механиком Кеем был создан летучий челнок, который сразу повысил производительность труда ткача вдвое. В 1785 г. Э. Картрайт изобрел механический ткацкий станок, производительность которого в 40 раз превышала производительность ткача, работавшего вручную.

Параллельно шло быстрое развитие механизации и в другой составной части хлопчатобумажного производства - в прядении. Уже в 1738 г. была создана первая прядильная машина, в которой самый процесс прядения был механизирован, хотя вся машина приводилась в действие еще вручную. Ткач Д. Харгривс изобрел в 1765 г. более совершенную механическую прялку, на которой можно было работать сразу многими веретенами (до 20).

В 1769 г. делец Аркрайт основал фабрику с прядильной машиной, работающей на водяном двигателе. Примеру Аркрайта сразу последовало немало предпринимателей. Если в 1780 г. в Англии насчитывалось 20 прядильных фабрик, то в 1790 г. их было уже 150. Фабрики строились обычно на берегах рек, так как двигателем пока еще оставалось водяное колесо.

История создания паровой машины представляет огромный интерес не только потому, что эта машина произвела подлинную революцию в развитии производства, но и в связи с тем единством теории и практики, науки и производства, которое впервые проявилось в работе над этим великим изобретением. До этого развитие естественных наук, хотя и определялось в конечном счете потребностями общества, было лишь в некоторых областях знания непосредственно связано с практикой. Данные науки, результаты исследований, как правило, не использовались для повышения производительности труда.

В самом начале периода Реставрации, в 1662 г., в Лондоне оформилось «Королевское общество», игравшее роль английской Академии наук. Основным принципом этой первой английской научной организации (если не считать университетов) был отказ от схоластики, от догматических методов «доказательств». Только наблюдение за жизнью природы, эксперимент и точный математический расчет признавались в кругах Королевского общества подлинной наукой. Считалось само собой разумеющимся, что данные науки не могут прийти в противоречие с учением церкви. Автор первой истории Королевского общества епископ Снарт, прославляя труды ученых, утверждал, что, за исключением проблем бога и души, «они вольны судить, как им заблагорассудится».

В числе членов Королевского общества были такие выдающиеся ученые, как один из создателей аэростатики и современной химической науки Роберт Бойль, гениальный Исаак Ньютон (1643-1727), открывший закон всемирного тяготения и сделавший ряд открытий в области оптики и других разделов физики и астрономии, естествоиспытатель Роберт Гук, открывший клеточное строение вещества и усовершенствовавший микроскоп, и многие другие. В науке начинается специализация; универсальные ученые типа Бэкона уже немислимы, поскольку начали накапливаться научные данные в ряде наук, и овладение ими, а также дальнейшие эксперименты требовали всей жизни.

Бурный рост производства в период промышленной революции тесно и непосредственно связал науку и производство, взаимно их обогащая. В 1769 г. лаборант университета в Глазго Джеймс Уатт (1736-1818) изобрел паровую машину. В 1784 г. он создал паровую машину «двойного действия», в которой пар, расширяясь, оказывал давление то на одну, то на другую сторону поршня. Это была подлинно универсальная машина, применимая в самых различных областях производства, а впоследствии, с некоторыми усовершенствованиями, - и на транспорте.

В способности паровой машины играть роль двигателя в практически любых условиях и заключалась ее великая революционная роль в развитии производства. Сам Уатт отлично понимал значение своего изобретения; как отмечал К. Маркс, «великий гений Уатта обнаруживается в том, что в патенте, который он получил в апреле 1784 г., его паровая машина представлена не как изобретение лишь для особых целей, но как универсальный двигатель крупной промышленности». Для производства машин потребовалось изменить металлургию.

Выплавка железа - один из древнейших видов производства - находилась в конце XVII в. почти в таком же состоянии, как три тысячи лет тому назад. Этот процесс проводился по-прежнему с применением древесного топлива, запасы которого в Англии быстро истощались. Лишь в начале XVIII в. кузнецы начали применять для плавки металла, в частности - чугуна, кокс, однако прошло не менее полувека, прежде чем были разрешены коренные проблемы массового производства чугуна на каменном угле. Решающего успеха в этом добился Дерби, который стал примешивать к железной руде во время плавки на каменном угле негашеную известь и получил чугун высокого качества. В 1756 г. он основал чугуноплавильный завод, который давал свыше 8 тыс. тонн чугуна в год. Насколько грандиозна была эта цифра для того времени, видно из того, что в 1720 г. во всей Англии было произведено 18 тыс. тонн чугуна.

Рост машиностроения потребовал не только увеличения количества чугуна, но и высококачественного сварочного железа и стали.

Задача получения стали и железа была столь неотложной, что английские специалисты упорно работали над ее решением и нашли несколько вариантов его. Наиболее значительным из них был метод пудлингования и проката, предложенный Кортон в 1784 г. В построенной им печи, работающей на каменном угле, можно было получить в больших количествах мягкое полосовое железо. Теперь уже растущая машиностроительная промышленность была обеспечена металлом. В результате этого механизация пошла очень быстрыми по тем временам темпами.

Важнейшей составной частью промышленного переворота стало развитие транспорта. Были улучшены существующие сухопутные дороги. Ж. Л. Макадам разработал способ твердого покрытия поверхности дороги, что дало возможность осуществлять перевозки (на конной тяге) значительно быстрее в любую погоду. Большое значение имело строительство каналов, которые соединяли промышленные районы с угольными центрами; это делало возможным доставку угля на фабрики в большом количестве и по сравнительно низким ценам. Например, после прорытия канала к важнейшему центру текстильной промышленности, Манчестеру, уголь в этом городе и во всем Ланкашире стал дешевле вдвое. Система каналов связала важнейший порт юго-восточной Англии Лондон с крупнейшим западным портом Ливерпулем. Некоторые усовершенствования были проведены также в речном и морском торговом флоте. Но все это были лишь полумеры.

Усилия изобретателей были направлены на создание принципиально нового вида транспорта, который был бы построен на использовании паровой машины. Поставить машину Уатта на колеса без существенных конструктивных изменений было невозможно, так как она была очень тяжелой и потребляла слишком много угля.

В начале XIX в. специалисты пришли к выводу, что необходима такая паровая машина, которая обходилась бы без конденсатора, сильно утяжелявшего машину, а отработанный пар не охлаждался бы, а просто выпускался в воздух. По этому пути пошел талантливый механик-самоучка, сын рудничного кочегара, Стефенсон (1781-1848). Он направил отработанный

пар в дымовую трубу и таким образом выпускал его из машины. Это дало возможность избежать потерь на конденсацию пара, снизило вес двигателя и позволило использовать его для перевозки грузов. Паровоз Стефенсона двигался с колоссальной для того времени скоростью - 20 миль в час. Этого рекорда Стефенсон добился на первой в мире железнодорожной линии Стоктон - Дарлингтон в 1825 г., и с этого момента начинается строительство железных дорог сначала в весьма ограниченных масштабах, а затем - с лихорадочной скоростью.

В период с 1830 по 1870 г. железные дороги появились во всех развитых и во многих отсталых районах мира, связав быстрым и дешевым транспортом самые отдаленные районы государств с их промышленными и административными центрами, а также необычайно облегчив доставку товаров и пассажиров из одних стран в другие.

В промышленном преобразовании мира железные дороги сыграли исключительную роль. Наиболее прямое, непосредственное влияние они оказали на развитие металлургии и металлообрабатывающей промышленности. Огромное количество металла потребовалось в 40-60-х годах XIX в. для одной только прокладки рельс; но, кроме того, металл нужен был для строительства паровозов, вагонов, различного железнодорожного оборудования. Появились новые крупнейшие индустриальные предприятия - паровозостроительные заводы, потреблявшие не только металл, но и оборудование, что, естественно, привело к росту усовершенствованного станкостроения, производства паровых машин для приведения в движение всевозрастающего количества станков и т. д. Все это будило конструкторскую мысль и способствовало дальнейшему развитию техники производства.

Решающим скачком, завершившим промышленный переворот, было то новое явление в технике, которое получило распространение в 60-х годах XIX в., а именно начало производства машин при помощи машин. До сих пор машины создавались почти исключительно для производства предметов потребления. Но по мере того как машиностроительная промышленность приобретала массовый характер, возникали предпосылки для создания машин, производящих машины - сложные станки, паровые молоты и т. д. Появление машиностроительных заводов, продукция которых потреблялась не текстильными и другими предприятиями легкой промышленности, а машиностроительными заводами, было последней фазой промышленного переворота, завершением подлинной индустриализации.

Промышленная революция изменила весь облик Великобритании. Она слабо сказалась лишь на южных графствах, где не сложились районы массового фабричного производства. Это была «зеленая страна», сохранившая в основном черты старой, сельской Англии. Примерно так же обстояло дело в Северной и Южной Шотландии. Но почти все прочие территории страны преобразились за столетие промышленной революции до неузнаваемости. Почти исчезли лесные массивы, хищнически уничтоженные ради обогащения лендлордов и капиталистов. Изменилась география страны, перерезанной каналами и железными дорогами, произошло гигантское перемещение ее

производительных сил. Дальнейшее развитие территориального разделения труда, сложившееся в XVI-XVII вв., привело к выделению основных промышленных районов с более или менее четко выраженной специализацией на определенных отраслях производства.

Металлургия теперь целиком перешла на использование каменного угля, и районы его залегания (особенно если поблизости была железная руда) стали важными центрами угольной, металлургической, а нередко и машиностроительной промышленности. Южный Уэльс, Средняя Шотландия, Западный Мидленд - таковы были основные районы развития тяжелой промышленности. Побережье и долины Южного Уэльса, так называемая «Черная страна» - угольный бассейн Стаффордшира (близ Бирмингема), районы Бирмингема и Шеффилда, а также долина Клайда в Шотландии поглощали все больше рабочих рук, и сюда перемещалось «избыточное» население из отсталых аграрных районов, в том числе - эмигранты из Ирландии. Здесь стали сосредоточиваться основные и наиболее активные отряды промышленного пролетариата, здесь же концентрировалась и быстрорастущая промышленная буржуазия. Образование этих двух классов было главным социальным результатом промышленного переворота.

Впрочем, и в размещении основных отраслей легкой промышленности, прежде всего текстильной, произошли перемены, также способствовавшие концентрации массовых отрядов промышленного пролетариата в определенных регионах. Производство шерстяных тканей стало почти монополией фабрикантов Западного Йоркшира. Юго-западные районы и Восточная Англия не смогли выдержать конкуренции, поскольку они не располагали угольными ресурсами, а привозить уголь для паровых двигателей издалека было слишком дорого. В Йоркшире же каменноугольная промышленность была достаточно развита, чтобы обеспечить местное сукноделие дешевым углем.

Хлопчатобумажная промышленность, работавшая на привозном хлопке, сосредоточилась в Ланкашире, и его центр - Манчестер - стал признанной «столицей текстиля». Находящийся рядом Ливерпуль с первоклассным портом обеспечивал доставку хлопка (преимущественно из США), а ливерпульские купцы обладали достаточными капиталами для строительства фабрик и покупки паровых машин и иного оборудования. Уголь же - хотя и не в таких масштабах, как в основных бассейнах, имелся в самом Ланкашире, да и доставить его по морю из Южного Уэльса через Ливерпуль, а затем - по каналу было не так дорого. Вторым по значению центром хлопчатобумажной промышленности был район Глазго.

Чем больше машин внедрялось в производство, чем быстрее росли промышленные гиганты и чем больше золота накапливалось в сейфах промышленников и банкиров, тем больше грязных трущоб росло на окраинах городов и больше несчастных и голодных семейств переходили последнюю грань нищеты. На основании личных наблюдений и многочисленных документов Энгельс в 1845 г. в знаменитом труде «Положение рабочего класса в Англии» нарисовал яркую картину бедствий трудящихся при капитализме; эта книга и доныне остается свидетельством того, какой ценой капитализм

добивался своих успехов и сколько крови стоил народу промышленный переворот.

Победа машинного производства в известной мере содействовала некоторому развитию грамотности; сам предприниматель был заинтересован в том, чтобы рабочий мог произвести необходимые измерения и расчеты, связанные с эксплуатацией машины, был бы способен прочесть и понять инструкцию и т. д. Английская буржуазия вынуждена была проявить «заботу» о начальном образовании. С конца XVII в. делом образования занимались различные религиозно-благотворительные общества, такие, как «Общество распространения христианских знаний», «Общество распространения Евангелия» и в особенности созданное в 1750 г. «Общество распространения религиозных знаний среди бедных».

Ставя перед собой двоякую задачу - способствовать подчинению масс, прежде всего растущего пролетариата, идеологическому влиянию господствующих классов и в то же время подготовить элементарно грамотных рабочих, эти общества стали создавать начальные школы в Англии и в колониях. К началу XIX в. уже в 2/3 приходив существовали начальные школы. В 1802 г. впервые в истории Англии был издан закон об образовании. Этим законом предприниматели обязывались создавать фабричные школы, в которых фабричные и ремесленные ученики должны были обучаться в течение четырех лет одновременно с работой на производстве. Закон этот выполнялся фабрикантами крайне неохотно, но даже там, где фабричные школы возникли, они давали лишь самые примитивные сведения. Среди учителей приходских и фабричных школ было немало таких, которые не смогли поставить свою подпись, когда этого потребовали обследователи.

Несколько лучше обстояло дело в школах, созданных в конце XVIII в. Джозефом Лапкастером - ремесленником и энтузиастом-учителем. Его школы для бедных строились по системе, которая получила название ланкастерской: учитель обязывал старших учеников обучать младших, продолжая в свою очередь учиться у тех, кто успел приобрести больше знаний. Хотя сам Ланкастер уверял, что видит в этой системе чисто педагогические преимущества, дело заключалось, конечно, не в этом: такая система давала возможность одновременно обучать сотни детей, не затрачивая на это почти никаких средств. И все же в целом даже в XIX в. начальное образование широких слоев народа было поставлено из рук вон плохо. По мере усложнения машин их дальнейшее конструирование и даже техническое руководство их установкой становилось делом специально подготовленных людей - инженеров и техников.

Для подготовки технически образованных предпринимателей с XVIII в. наряду с классическими закрытыми средними школами для детей верхов общества появились реальные средние школы, главным образом в промышленных центрах. Здесь внимание учителей было сосредоточено на естественных науках и новых языках, вместо бесконечной зубрежки латыни и греческого языка, которые оставались главными предметами в классической школе. Принципы реальной школы горячо отстаивал известный английский

ученый XIX в. Герберт Спенсер (1820-1903). Высшее техническое образование давалось в университетах и Королевском институте (научно-учебном учреждении, основанном в 1799 г.), абсолютно недоступных для людей из народа.

Умственный труд все более отделялся от физического и становился монополией выходцев из господствующих классов; таков был один из важных результатов промышленного переворота.

Политический кризис 1760—1780 гг.

Уже в первые годы промышленного переворота (1760-1780) начала меняться вся социальная структура Англии, а вместе с нею - и расстановка классовых сил, и политическая атмосфера в стране, и характер идеологической борьбы. Прочный со времен компромисса 1688 г. блок землевладельцев и верхушки буржуазии столкнулся теперь с новыми проблемами.

Хотя компромисс 1688 г. создал благоприятные условия для экономического прогресса страны, господство землевладельцев и банковско-торговой аристократии уже во второй половине XVIII в. создавало немалые препятствия дальнейшему развитию капитализма. Необходимость платить лендлордам постоянную дань в виде арендной платы (земельную ренту) задерживала развитие капитализма в сельском хозяйстве. Монопольное положение Ост-Индской и других компаний препятствовало свободной конкуренции в торговле и промышленности.

Новые классы, которые начали складываться в процессе промышленного переворота, - промышленный пролетариат и промышленная буржуазия - были объективно заинтересованы в ликвидации пережитков феодализма и поэтому находились в оппозиции к правящей олигархии. Но между ними уже в эту эпоху возникли противоречия, которые постепенно стали главным классовым противоречием капиталистической эпохи. Попавшие в тиски капиталистической эксплуатации мануфактурные рабочие прибегали к стачкам уже с начала XVIII в., но только во второй половине века стачечная борьба приобрела систематический характер. Стачками руководили профессиональные союзы, которые существовали полулегально, часто распадались, прекращали свою деятельность под давлением властей и вновь организовывались для коллективного отпора предпринимателям. Возмущение масс вызывала низкая заработная плата при 15-16-часовом рабочем дне, высокие цены на продовольственные товары (они начали расти с 60-х годов), запрещение создавать свои организации. Лондонские шелкоткачи, портные, портовые рабочие, текстильщики Ланкашира, углекопы Нортумберленда, Дербишира и других центров в 60- 80-х годах неоднократно бастовали, причем стачки нередко перерастали в яростные схватки с войсками. Одновременно со стачками, а иногда и независимо от них, рабочие применяли и такой метод борьбы, как разрушение машин. Частично это объяснялось наивным представлением рабочих, будто в их бедах повинна сама машина, а не капиталистический характер производства. Разрушители машин видели в своих

действиях единственный способ запугать капиталиста, поставить под угрозу его собственность и тем самым заставить пойти на уступки. Далекие от классовой сознательности и политической зрелости, это были, однако, массовые рабочие выступления, направленные непосредственно против капиталистов. «Я знаю, - говорил об этом периоде Маркс, - какую героическую борьбу вел английский рабочий класс с середины прошлого столетия...»

Рабочий класс боролся на этом этапе против «крайностей» капиталистической эксплуатации, но он, конечно, еще не выступал против капитализма как такового. Промышленный рабочий - вчерашний рабочий рассеянной или централизованной мануфактуры, а позавчерашний - ремесленник или копигольдер - сохранил взгляды, симпатии, предрассудки, иллюзии, свойственные этим социальным слоям. В эпоху коренной ломки социальных отношений, исчезновения йомена в известной мере неизбежна была идеализация старины, попытка противопоставить «старую веселую Англию» жестокой и трезвой расчетливости капиталистической эпохи.

Издавна сложившийся народный идеал свободы, личного достоинства, независимости от власти имущих, идеал справедливости, чести, товарищества, светлой и земной любви нашел своего певца в лице Роберта Бернса (1759-1796)-самого крупного английского поэта XVIII в. Сын бедного шотландского фермера, Бернс был далек от проблем, связанных с промышленным переворотом. Но выражая традиционное вольнолюбие шотландского крестьянства, он в специфической форме, порожденной его родной средой, выражал и настроения и идеалы, общие для трудящихся всей Великобритании.

Ненависть к аристократии и денежной олигархии, типичная для революционно настроенных масс второй половины XVIII в., великая переоценка моральных ценностей породили знаменитое стихотворение «Честная бедность». Убеждение в том, что «бревно останется бревном при орденах и в лентах», что «награды, лесть и прочее не заменяют ум и честь и все такое прочее», что король «не может никого назначить честным малым», сочетается в нем с гордой верой в труд, ум, талант, честь.

- Кто честным кормится трудом, -
Таких зову я знатью!..
Настанет день, и час пробьет,
Когда уму и чести
На всей земле придет черед
Стоять на первом месте.

Бернс - вместе с народом - ненавидит не только знать, но и рыцарей наживы; его поэзия не только антифеодална, но и антибуржуазна:

Пусть денег куры не клюют
У баловня удачи, - Простой, веселый, честный
люд Тебя стократ богаче.

Вся любовная лирика Бернса, его великолепные песни и эпиграммы направлены, как и фольклор предшествующих столетий, против христианского аскетизма. В кальвинистской, пресвитерианской Шотландии отвратительное

ханжество подавляло свободу личности, народное жизнелюбие, оптимистическое восприятие жизни. Бернс смело восстал против ханжества. Он не просто прославляет земную любовь, ставя ее выше всех прочих радостей жизни, но и отстаивает право на любовь «естественного человека», борется против вмешательства церкви и «общественного» мнения в отношения между любящими:

Если кто-то звал кого-то
Сквозь густую рожь
И кого-то обнял кто-то,
Что с него возьмешь?

При всем здоровом народном начале, при резко критической и даже революционной направленности поэзия Бернса отражает не только силу, но и слабость идеологии трудящихся низов английского общества той эпохи, нечеткость и расплывчатость социального и политического идеала.

Господствующая идеология века - идеология Просвещения - принимала «царство буржуазии» за естественное «царство разума», и хмолодой рабочий класс Англии в целом не смог еще выйти далеко за пределы этого представления. Поэтому, борясь непосредственно в экономической сфере против промышленной буржуазии, он в политической борьбе примыкал к ее радикальным элементам.

Едва ли не решающую роль в идеологическом самоопределении промышленной буржуазии сыграла классическая политическая экономия, и прежде всего ее крупнейший представитель - Адам Смит (1723-1790). Профессор морали в Глазго, Смит принадлежал к кругу шотландских интеллигентов, фанатично веривших в безграничные возможности технического прогресса. Углубившись в исследование механики капиталистического производства, Смит - сын эпохи Просвещения - рассматривал капиталистическое хозяйство как «естественное» экономическое устройство общества. Полная свобода производительной и торговой деятельности, отсутствие каких-либо ограничений частной инициативы, ликвидация всех видов привилегий и монополий - таков идеал Смита и, вместе с ним, всей промышленной и торговой буржуазии. Этот идеал был несовместим с политическим господством олигархии, и принцип полной экономической свободы (free trade), по существу, в то время мог привести к революционным выводам. Главным научным достижением Смита была трудовая теория стоимости, которую он развил в борьбе против произвольного регулирования цен, практикуемого олигархическими правительствами. Опубликовав в 1776 г. свое «Исследование о природе и причинах богатства народов», Смит вовсе не предполагал сделать из трудовой теории стоимости вывод о том, что плоды труда рабочего присваиваются капиталистом, хотя зачатки теории прибавочной стоимости у него имеются.

По мнению Смита, между частным и общественным интересом нет никакого противоречия. «Добиваясь личного обогащения, - писал он, - люди

часто гораздо больше работают на благо общества, чем если бы они прямо искали этого блага». Этот чисто буржуазный оптимизм, запросто решающий одну из важнейших проблем Просвещения - проблему соотношения между личными интересами людей и общественным благом, совершенно игнорирует реальные факты жизни, резкое ухудшение положения масс как раз в условиях промышленной революции и обогащения буржуазии. В этом - буржуазная ограниченность теории Адама Смита, ее внутренняя противоречивость, полностью отражающая противоречие современной ему буржуазии как прогрессивного и в то же время эксплуататорского класса. Недаром Смит во имя полной экономической свободы выступал против профсоюзов, считая, что они противоречат принципам фритредерства.

Идеал абсолютной экономической свободы и невмешательства государства в отношения между людьми, основанный на убеждении, что личная польза (или выгода) всегда совпадает с общественным благом, отстаивал и другой идеолог буржуазии - Иеремия Бентам (1748-1832). В том же 1776 г., когда Смит опубликовал свое «Богатство народов», Бентам выступил с трактатом «Фрагменты о правлении», а в 1780 г. подробно развил свои взгляды во «Введении к принципам морали и законодательства». Не занимаясь специально экономическими проблемами, Бентам выступает как социолог, правовед и моралист. Его «Фрагменты о правлении» сыграли немалую роль в критике английского государственного устройства и законодательства. Он отрицал правомерность существования палаты лордов (поскольку она не была представительной, т. е. выборной), требовал реформы парламента, введения всеобщего избирательного права, в том числе для женщин. Эта буржуазно-демократическая доктрина вполне соответствовала интересам промышленной буржуазии.

В еще большей степени выражала интересы буржуазии (на этот раз - в борьбе против рабочего класса) выдвинутая Бентамом концепция «утилитаризма» (от латинского *utilitas* - польза), которая в течение нескольких десятилетий была ведущей разновидностью буржуазной политической и этической теории.

В прямом противоречии с идеями Просвещения Бентам утверждал, что «естественные права человека» - выдумки философов; законодатель должен исходить не из них, а их принципов утилитаризма, которые он сводит к формуле: «Наибольшее счастье наибольшего количества людей». Но когда Бентам переходил к разъяснению этой формулы, оказывалось, что «наибольшее счастье» общества может быть достигнуто лишь в результате чисто эгоистических действий разобщенных индивидуумов. Из этого следовали разнузданная свобода эксплуатации, погони за наживой любыми средствами, оправдание алчности и жестокости буржуа.

Таким образом, в области политической экономии, государствоведения, этики и морали буржуазия вела борьбу на два фронта. Выступая против феодальных пережитков, она в то же время заготавливала идеологическое оружие против рабочего класса.

Эти идеи в той или иной степени владели умами крупных, средних и

мелких предпринимателей и торговцев, способствуя развитию двух политических учений - буржуазного либерализма и мелкобуржуазного радикализма. Эти течения зародились в обстановке поворота правящей олигархии к открытой политической реакции. Стремление верхов английского общества закрепить, законсервировать сложившийся политический строй сумел использовать новый король Георг III (1760-1820). В отличие от первых Георгов этот властолюбивый человек не намерен был довольствоваться скромной ролью короля, лишённого реальной власти. Возникшая внутри партии группировка «новых вигов» требовала некоторого расширения избирательного права в пользу промышленной буржуазии. В таких условиях Георг III, окружив себя преданными людьми, которых современники называли «друзьями короля», и щедро награждая их доходными постами, пенсиями, титулами, без особых трудов переманил в торийскую партию часть продажных парламентариев.

Усиление королевской власти, открытое вмешательство короля в раздачу должностей свидетельствовали о том, что реакция нарушает компромисс 1688 г. справа, в то время как изменение классовой структуры требовало пересмотра условий компромисса слева, в соответствии с интересами промышленной буржуазии. Опасность реакции особенно очевидной стала в течение годовичного правления тори Дж. Бьюта, и именно в этот период (конец 1762- начало 1763 г.) английский радикализм впервые проявился как самостоятельное течение. Митинги протеста против чрезмерной власти, сосредоточенной в руках короля и Бьюта, прокатились по городам Англии. Оппозиционные речи раздавались не только на митингах, но и в палате общин. В основанной в 1762 г. газете «Северный британец» группировка Питта нападала на правительство. От имени вигов против политики Бьюта на страницах этой газеты впервые выступил человек, которому вскоре суждено было войти в историю в качестве одного из виднейших родоначальников радикализма - Джон Уилкс. Этот знаменитый английский демагог был сыном богатого лондонского купца. В 50-х годах он был избран в парламент и примкнул к питтовской группировке вигов. Его антиправительственные статьи становились все более резкими по тону, пока, наконец, в апреле 1763 г. он не решился опубликовать статью непосредственно против Георга III, прямо обвинив короля в нарушении конституции и прав парламента.

Репрессии обрушились на Уилкса не только со стороны короны, но и со стороны покорного королю парламента. Журналист был незаконно арестован, хотя вскоре и освобожден судом как неприкосновенный член парламента. Но палата общин исключила его из своего состава, и Уилкс поспешил бежать во Францию. Высокие покровители Уилкса - Питт и другие вигские лидеры - отвернулись от него, и из послушного орудия одной из олигархических группировок он невольно превратился в вождя нового политического течения. Демократические элементы провозгласили Уилкса жертвой реакции; «Уилкс и свобода» - таков был лозунг, под которым собирались многолюдные митинги.

Дальнейшему развитию политического кризиса способствовала усилившаяся как раз в этот период борьба американских колоний Англии за независимость. Складывание революционной ситуации в Северной Америке не

просто хронологически совпало с периодом обострения классовой борьбы в самой Англии, но было органически связано с пей, представляло собой на первых порах важнейшую составную часть единого революционного процесса. Развитие капитализма в американских колониях задерживали те же силы английской олигархии, те же пережитки феодализма, которые во второй половине XVIII в. начали становиться тормозом и для развития английского капитализма.

Радикальные элементы открыто заявили о своей солидарности с борьбой колонистов. Возвратившийся в Англию в 1768 г. Уилкс был тесно связан с вождями освободительного движения в Америке, и его выступления в защиту колоний увеличивали его популярность. «Дело Уилкса», начавшееся еще в 1763 г., вновь оказалось в центре политической борьбы. Сразу по возвращении Уилкс выставил свою кандидатуру в парламент и был избран значительным большинством. Однако палата общин объявила выборы незаконными, а правительство распорядилось арестовать Уилкса.

Это беззаконие вызвало всеобщее возмущение: в знак протеста избиратели графства Мидлсекс вторично, а затем и в третий раз отдали свои голоса Уилксу, сидевшему в тюрьме.

10 мая 1768 г. тысячи лондонцев, среди которых было много рабочих, предприняли попытку освободить Уилкса из тюрьмы. Против демонстрантов были брошены войска, и в ожесточенной схватке погибли 6 человек. Эта «бойня на поле св. Георгия» показала, что на арену политической борьбы выходят новые общественные силы, и прежде всего - рабочий класс. В ходе последовавших за событиями 10 мая волнений в Лондоне и провинции впервые в истории Англии (и вообще в истории человечества) были применены политические стачки. Радикальные элементы ответили на это торжество беззакония созданием «Общества сторонников билля о правах» (1769) во главе с Уилксом и Горном Туком, а дельцы Сити избрали Уилкса олдерменом (городским советником). В начале 1769 г. в одной из английских газет стали печататься «Письма Юниуса» - крайне резкие послания скрывшегося под псевдонимом бывшего секретаря Питта Филиппа Фрэнсиса к министрам; эти послания содержали скандальные разоблачения преступлений, беспринципности, бездарности министров. Почти три года «Письма Юниуса» систематически будоражили английское общественное мнение. Сенсационные разоблачения Фрэнсиса завершились в 1772 г. открытым письмом Георгу III, в котором король высмеивался в весьма непочтительных выражениях.

В этой обстановке, как отмечал Маркс, возникла возможность «взрыва английской революции, симптомы которой проявлялись одинаково отчетливо как в выкриках Уилкса, так и в письмах Юниуса». Реакция решила спасти свое господство силой оружия. В марте 1770 г. король призвал к власти торийского лидера, одного из «королевских друзей» лорда Норта (1770-1782). Волна репрессий обрушилась как на английские, так и на американские демократические силы. В этой атмосфере разгула реакции, назревания американской революции и роста массового движения в Англии начала складываться буржуазно-демократическая программа радикалов. Во время

выборов 1774 г. они, используя организации «Общества сторонников билля о правах», провели в палату общин более десяти депутатов, в том числе и Джона Уилкса, который на этот раз занял свое место в парламенте. Одновременно он был избран лорд-мэром Лондона. Все радикальные кандидаты выступали в ходе избирательной кампании с рядом политических требований демократического характера: расширение избирательного права и перераспределение избирательных округов, сокращение срока полномочий парламента, изгнание из палаты общин лиц, получающих пенсии из королевской казны, наконец, строгое выполнение билля о правах и признание политических и гражданских прав за народами американских колоний и Ирландии.

В 1776 г. вышла в свет брошюра радикального публициста Джона Картрайта «Сделайте выбор!». Развивая и уточняя требования, выдвинутые радикалами во время выборов 1774 г., Картрайт сформулировал конкретные конституционные реформы, которые необходимо провести в интересах демократизации страны. Вместо неопределенного лозунга расширения избирательного права здесь уже фигурирует требование всеобщего избирательного права, которое было выдвинуто еще левеллерами в годы революции, требование равного представительства от всех избирательных округов, ликвидации «гнилых местечек», ежегодного переизбрания палаты общин. Эти программные положения, выработанные в условиях крайнего обострения классовой борьбы, на многие десятилетия остались главным требованием демократических сил и рабочего класса Англии.

Вместе с тем и часть вигских лидеров пыталась приспособить свою тактику к новым условиям и учесть требования буржуазии. Считаясь с ее настроениями и стремясь привлечь ее на сторону реакции для совместной борьбы с народными массами и радикальными элементами, некоторые деятели партии вигов склонны были поддерживать умеренную программу парламентских реформ. С этих позиций выступал, например, видный вигский публицист и оратор Эдмунд Берк. Он весьма резко отзывался о правительствах 60-х годов, возмущался тем, что «военные экзекуции производятся без всякой меры» и вновь выдвигаются «устаревшие аристократические претензии короны». Даже Уильям Питт, ставший уже лордом Чатамом, в 1770 г. внес в палате лордов предложение о реформе парламента. Проект его был крайне робким. Питт предложил удвоить представительство от графств и больших городов, тем самым снизив удельный вес депутатов, назначаемых хозяевами «гнилых местечек».

В гневных филиппиках Берка, в предложении Питта можно усмотреть первые симптомы зарождения нового политического течения - буржуазного либерализма. Главной особенностью этого течения является стремление к либеральным - и поэтому более искусным методам управления. Берк возражает против репрессий, потому что они могут привести к взрыву народного возмущения. Питт боится, что радикальная реформа парламента подорвет самые основы английской конституции, и предлагает куцую либеральную реформу, чтобы спасти ее. Ни на какие более эффективные действия буржуазия

не решалась, и радикалы не получили от нее поддержки. Как отмечал Энгельс, английские демократы вскоре «увидели, что высшие и средние классы относятся к ним враждебно и только рабочий класс прислушивается к их принципам».

Война американских колоний за независимость (1775-1783), способствуя развитию радикального движения в Англии, в то же время создавала для него особые трудности. Шовинистический угар, связанный с войной, охватил немалую часть населения, причем торийским «патриотам» удалось повести за собой и часть мелкой буржуазии и даже рабочего класса. Дело осложнялось тем, что дипломатия молодой американской республики искусно играла на давних противоречиях между Англией, с одной стороны, и Францией и Испанией - с другой. Обе эти страны поспешили воспользоваться затруднениями Англии для того, чтобы взять реванш за многочисленные поражения в прошлом.

В первые годы войны за независимость Франция оказывала Соединенным Штатам тайную помощь деньгами и оружием, а вскоре после выдающейся победы американских армий под Саратогой (18 октября 1777 г.) вступила в союз с США и объявила войну Англии (февраль 1778 г.). Через год в войну вступила и Испания, а в 1780 г. - Голландия. Военное и международное положение Англии резко ухудшилось, когда Россия, противодействуя претензиям Англии на безраздельное господство на морях, провозгласила в 1780 г. «северный вооруженный нейтралитет»; корабли нейтральных стран, заявила Екатерина II, имеют право беспрепятственно плавать на морях и входить в порты воюющих государств. Для защиты торговых кораблей в Северное море была направлена русская эскадра. К принципу «вооруженного нейтралитета» присоединилась большая группа нейтральных стран, и захват их кораблей грозил Англии войной с новыми противниками.

Таким образом, Англия вела войну не только против американских колоний, но и против своих традиционных соперников на колониальном поприще, причем держав феодально-абсолютистских. Это давало возможность силам реакции объявить американских революционеров и их сторонников «изменниками» и натравливать на радикалов взвинченную шовинистической пропагандой толпу. Часть буржуазии, в принципе склонная к оппозиции реакционному режиму, в период войны получила новые источники доходов в виде военных поставок, и это обстоятельство примирило ее с олигархическими верхами общества. Наконец, военная обстановка дала возможность правительству усилить прямые репрессии против демократических сил. Все эти обстоятельства привели к тому, что, как отмечал Маркс, война «спасла тогда Ганноверскую династию от взрыва английской революции».

Однако протесты против несправедливой войны были в Англии очень сильны, причем радикальные элементы связывали антивоенное движение с борьбой против правящей олигархии вообще. С первых дней войны в парламент стали поступать петиции, которые принимались на многолюдных митингах в различных городах.

Петиционная кампания проходила в обстановке подъема массового

движения в Англии, национально-освободительного движения народа Ирландии и жестоких поражений английских армий в Америке. В 1779-1780 гг. усилились выступления разрушителей машин. В июне 1780 г. в Лондоне произошло крупнейшее массовое выступление столичной бедноты.

Бурные события происходили и в Ирландии. Уже в 60-е годы начали возникать тайные крестьянские организации - «Белые ребята», «Дубовые ребята», «Стальные сердца», которые боролись в различных районах страны против произвола лендлордов и крупных арендаторов-спекулянтов. В связи с угрозой высадки французского десанта местному населению было разрешено создать отряды волонтеров: английские войска были прикованы к американским фронтам и частично - к самой Англии. Энтузиазм, с которым массы вступали в отряды волонтеров, объяснялся, конечно, не стремлением помочь Англии в войне; наоборот, речь шла о том, чтобы, получив оружие и организовавшись, воспользоваться затруднениями Англии и устранить ее господство.

К концу 1779 г. в отрядах волонтеров насчитывалось около 100 тыс. человек. Волонтеры сами выбирали офицеров, часто собирались на чисто политические митинги, вырабатывая свою программу. Во главе движения стал дублинский адвокат Генри Граттан. Опираясь на поддержку волонтеров, он добился того, что ирландский парламент официально потребовал отмены всех ограничений ирландской торговли, прав английского парламента издавать законы для Ирландии, наконец, уравнивания католиков в правах с протестантами.

Итак, в конце 70 - начале 80-х годов позиции английской правящей олигархии настолько ослабели, что достаточно было одного мощного толчка, чтобы свалить ее господство. В самом деле, нараставшее в течение двух десятилетий демократическое движение в самой Англии, освободительная борьба американских колоний и национально-освободительное движение в Ирландии именно в этот период сплелись в единый клубок.

19 октября 1781 г. крупнейшая английская армия генерала Корнуоллиса капитулировала у Йорктауна, и это военное поражение довершило падение международного престижа Англии и престижа правительства Норта внутри страны. Американская революция победила и, как писал впоследствии Маркс, «прозвучала набатным колоколом для европейской буржуазии». Но почему же английская буржуазия не была разбужена этим набатом? Почему она не воспользовалась крайне благоприятным стечением внутренних и внешних обстоятельств, чтобы нанести олигархии и феодальным пережиткам тот решающий удар, который окончательно расковал бы производительные силы страны и привел бы промышленную буржуазию к политическому господству?

Находясь в оппозиции к правящей олигархии, английская буржуазия все же не решалась на активное революционное действие, так как не могла не думать о растущих силах рабочего класса: если развязать революцию, то, быть может, рабочий класс не ограничится ликвидацией феодальных пережитков, а обратит свое оружие против самой буржуазии. В этом и заключалась причина того, что при наличии объективных предпосылок для буржуазно-демократической революции в Англии 60-80-х годов политический кризис не

перерос в революцию. Буржуазия не хотела выступать в роли революционного вождя нации (как она это сделала в XVII в.), а рабочий класс не мог еще выступать в этой роли. Тем не менее подъем демократических сил в Англии, Ирландии, американских колониях не остался бесплодным.

Благодаря демократическому подъему были сорваны попытки Георга III и «друзей короля» нарушить компромисс 1688 г. справа, превратить парламент и правительство в послушное орудие короны. Отставка правительства Норта в марте 1782 г. означала одновременно конец «личного правления» короля и его абсолютистских притязаний. Наступление крайней реакции было сорвано.

Новое правительство вынуждено было пойти на мир с американскими колониями и признать их независимость. Версальским миром 3 сентября 1783 г. завершилась война с колониями, а также с Францией и Испанией. Это первое за долгие годы поражение Англии на колониальном поприще послужило уроком английской буржуазии. Этот урок был учтен, в частности, вигским кабинетом при регулировании отношений с Ирландией. По требованию ирландского парламента, в котором Граттан теперь пользовался решающим влиянием, католикам было разрешено покупать или арендовать на длительный срок землю. Важнейшее политическое требование ирландских патриотов - о ликвидации законодательных прав английского парламента по отношению к Ирландии тоже было удовлетворено, и в 1783 г. английский парламента принял специальный «Акт об отречении». Ирландия признавалась страной, независимой в области законодательства, хотя исполнительная власть по-прежнему оставалась за королем Англии. Это компромиссное решение дало возможность избежать национально-освободительного восстания в Ирландии.

Наконец, и в самой Англии были проведены некоторые реформы, которые должны были устранить самые вопиющие пороки парламентской системы. Из парламента изгнали поставщиков, зависимых от правительства, а 40 тыс. избирателей, получавших жалованье либо пенсии от государства, были лишены избирательных прав. Вообще парламента начал утрачивать характер замкнутой корпорации, вершащей свои дела в абсолютной тайне от народа. Когда издатель «Джентльменского журнала» Э. Кэйв стал помещать сообщения о парламентских прениях, были приняты специальные законы о наказаниях за подобное нарушение парламентской привилегии. В 30-х и 40-х годах Кэйв несколько раз попадал в тюрьму, пока молодой репортер его газеты, тогда еще неизвестный Сэмюэль Джонсон, не придумал хитроумный трюк. На страницах журнала стали появляться очерки о фантастических дебатах в стране Лилипутии, известной читателям по роману Свифта. Но так уж получалось, что в Лилипутии обсуждался как раз тот законопроект, который в данный момент был на рассмотрении английского парламента, а фамилии лилипутских сенаторов странным образом напоминали всем известные имена членов английского парламента. Министры и депутаты не решились на этот раз предъявить Кэйву обвинение: они оказались бы в очень смешном положении, признав себя прототипами героев репортажей Джонсона.

Но в обстановке политического кризиса общественность требовала ничем не ограниченного права публиковать отчеты о деятельности парламента, и в

разгар скандала, связанного с делом Уилкса и «Письмами Юниуса», парламент молчаливо смирился с неизбежным, хотя формально не отменил своего запрета. Парламентские отчеты вскоре стали занимать видное место на страницах таких газет, как «Морнинг кроникл» (основана в 1769 г.), «Морнинг пост» (1780) и знаменитой донныне газеты «Таймс» (основана в 1785 г. Джоном Вальтером). Хотя появление этих ежедневных газет было связано прежде всего с коммерческими нуждами буржуазии (реклама, информация о ценах и т. д.), они сразу стали орудием политической борьбы и нередко получали тайные субсидии от правительства.

В обстановке политического кризиса, разлада в старых партиях и перегруппировки политических сил возникло течение, получившее название «нового торизма». Лидером этого направления стал сын Уильяма Питта (лорда Чатама) Уильям Питт Младший, перешедший в лагерь тори, но намеревавшийся реформировать эту партию и обновить ее идеологию и программу. Новые тори стремились учесть интересы промышленной буржуазии.

В конце 1783 г. 25-летний Питт Младший стал во главе правительства. Он продержался у власти вплоть до 1801 г. и затем, после короткого перерыва, возглавил кабинет 1804-1806 гг. Ему удалось уже в первые годы своего правления заручиться поддержкой промышленной буржуазии, тем более, что новые тори придерживались принципа свободы торговли. Он резко снизил пошлины, а в 1786 г. заключил выгодный торговый договор с Францией.

Реформы Питта, касающиеся управления Индией, также в известной мере соответствовали интересам широких кругов промышленников и торговцев. По «Биллю о лучшем управлении Ост-Индской компании и британских владений в Индии» верховная власть над Индией и над компанией передавалась Контрольному совету, назначенному королем (фактически - правительством).

Это был компромисс между старой олигархией, заинтересованной в сохранении прав компании, и более широкими кругами буржуазии, стремившимися к тому, чтобы передать Индию непосредственно в руки государства. Теперь уже перед промышленниками и купцами открывалась перспектива проникновения в Индию, участия в грабеже индийского народа; как отмечал Маркс, эти круги рассчитывали победить Индию «дешевизной своих товаров».

Итак, в период политического кризиса 60-80-х годов промышленной буржуазии удалось выторговать у олигархии некоторые экономические уступки. Тем самым окончательно решился вопрос о том, пойдет ли новая буржуазия во главе народа против олигархии или, наоборот, вместе с олигархией - против народа. Избрав этот второй путь, промышленная буржуазия подготовила себя к окончательному переходу в лагерь реакции, который произошел на следующем этапе истории Англии.

Крах просветительского оптимизма

Глубокая противоречивость положения буржуазии особенно ярко

проявилась в области культуры. Писатели и художники темы, идеи, образы в реальной жизни, чутко улавливавшие тенденции, еще скрытые от политиков, экономистов, социологов, отразили своим творчеством и прогрессивные, демократические стремления буржуазии, и то смятение умов, которое было вызвано начавшимся разочарованием в просветительском «царстве разума»,

В обстановке кризиса традиционное для просветителей осуждение пороков английской парламентской системы, ее антидемократического характера, разложения правящих клик приобрело более решительный и наступательный характер. Именно в этот период Тобайс Джордж Смоллет (1721-1771), продолжая сатирическую линию Свифта и Филдинга, вводит в свои романы эпизоды, убийственно характеризующие не только систему выборов, поведение короля, двора, министров, но и последствия политики верхов для народа. В «Приключениях Родрика Рэндома» - типичном просветительском романе воспитания и нравов - нарисованы такие жуткие картины жизни военных моряков, издевательства офицеров над матросами, бездарности командования, которых до этого литература не знала. В последний период в творчестве Смоллета возникают и новые черты, определившие особенности его последнего романа «Путешествие Гемфри Клинкера»: не направляя острие сатиры против промышленной буржуазии как класса, Смоллет начинает сомневаться в благах буржуазного прогресса и в тех принципах морали, которые несет с собой капитализм. Если в 50-х годах Смоллет рассматривал жажду обогащения как «естественное право» и закономерное свойство личности, то спустя 20 лет его герой осуждает «всеобщий поток роскоши, затопивший всю нацию». Конечно, это еще несколько не осуждение буржуазного строя в целом, а лишь критика «крайностей» стяжательства. Но в самой постановке вопроса ощущается уже кризис просветительского оптимизма, интересы личности и интересы общества начинают восприниматься уже не в гармонии, а в глубоком противоречии.

Однажды возникшая мысль о том, что строй, идущий на смену феодальному, отнюдь не идеальный «естественный» строй, повергла в смятение широкие круги общества, и это смятение, в сущности, лежит в основе нового литературно-художественного направления - сентиментализма. Просветительский «разум», превратившийся в руках буржуа в трезвый расчет, в «здравый смысл», ведет к эгоистическому принципу личной пользы, погоне за наживой. Поэтому тот, кто исходит только из «разумности» своих поступков, неизбежно придет к столкновению с интересами общества. Надо жить чувствами, дать им волю, действовать по их велению - тогда человек будет заботиться не только о себе, но и о других. В этой несложной концепции сентиментализма, таким образом, преобладает все та же просветительская вера в доброту «естественного человека»; надо только отказаться от чрезмерного рационализма, расчетов. Следовательно, сентиментализм не противостоит Просвещению, а развивается в его рамках как самостоятельное течение. Буржуазное по своей классовой природе, оно, однако, испытывает немалое влияние борьбы народных масс против разорения йоменов и ремесленников, а также против новых, капиталистических, форм эксплуатации.

Поэты-сентименталисты, творившие уже в 30-40-х годах XVIII в., сделали

излюбленными темами своего творчества темы природы и смерти. Современная цивилизация со всеми ее пороками, бессмысленной житейской суетой, господством бесчестных людей и неизбежным несчастьем людей добродетельных рассматривается этими поэтами (Эдуард Юнг, Томас Грей, Уильям Коллинз) как преходящее и неестественное явление, от которого надо бежать в патриархальный мир сельской идиллии или в кладбищенскую тишину, где можно предаться раздумьям о бессмертии души. Лирическое созерцание природы и раздумье о смерти, нередко окрашенное в религиозные тона, дружба и любовь родственных душ, простые радости семейной жизни - таков идеал ранних сентименталистов. В этом идеале - вызов как «высшему свету» английской знати, так и буржуазному обществу «средних классов».

Социальный протест, хотя и весьма пассивный, свойственный ранним сентименталистам, приобретает несравненно большую остроту во второй половине века. Оливер Голдсмит (1728-1774), Уильям Каупер, Джордж Крабб смотрят на современную деревню не как на идиллическое убежище для разочарованных душ, а как на средоточие нищеты, разорения, рабского труда, невежества. Голдсмит скорбит о «Покинутой деревне» («Где вы, луга, цветущий рай? Где игры поселян, весельем оживленных?»), но идеализирует лишь ее прошлое; к настоящему же он подходит как реалист, видящий, что сыны «края утех... увы, отчуждены от родины своей!»

Значительно более широк диапазон тем и проблем, охваченных сентименталистской прозой. Не ограничиваясь скорбью о разрушении английской деревни, Голдсмит-романист выступает как противник собственнического мира. Его «Векфильдский священник» (1766) - не просто роман о несчастной судьбе викария Примроза, но и своеобразный гимн человеку, презирающему богатство: «От потери состояния, - говорит он, - гордость достойного человека только увеличивается». Голдсмит любит своего героя, но не может не видеть его беспомощности и наивности.

Еще в большей мере эта черта присуща крупнейшему писателю-сентименталисту Лоренсу Стерну (1713-1768). Это его роман «Сентиментальное путешествие» ввел в широкое употребление слово «сентиментальный». И все же он не слишком верит в добро как двигатель человеческих поступков, хотя любимые его герои действуют не по велению «здорового смысла», а именно по воле чувства. Но чувства могут оказаться весьма двойственными, и Стерн лукаво высмеивает своего героя Йорика, который отказал в подавании нищему монаху, но тотчас смягчился, увидав очаровательную женщину.

Сентиментализм вслед за просветительским реализмом сделал новый шаг к преодолению классицистских канонов и к дальнейшему проникновению в глубины психологии человека. Эта тенденция нашла отражение и в других сферах художественной культуры, в частности в архитектуре и живописи.

Рост буржуазии и подъем демократических сил во второй половине века позволил писателям-разночинцам освободиться от унижительного покровительства со стороны знати. Знаменитый критик, эссеист и ученый-филолог Сэмюэль Джонсон в открытом письме-памфлете, адресованном лорду

Честерфилду, с негодованием и достоинством отвергал его меценатство. Голдсмит был удовлетворен тем, что писатель «может теперь отказаться от приглашения на обед, не боясь навлечь на себя нерасположение своего патрона... Даже беседуя с принцами, он может сохранить теперь сознание своего превосходства». Правда, писатель попал в цепкие руки книгоиздателя, но и этот предприниматель связан потребностями рынка, характером спроса. Так что в конечном счете, отмечает Голдсмит, писатель не имеет «другого патрона, кроме публики, а публика, рассматриваемая в массе, - хороший и великодушный властитель».

В английской архитектуре второй половины XVIII в. по-прежнему преобладает классицизм; двору, знати импонировали величественные «античные» здания, подчеркивавшие богатство и мощь Англии, и чем тревожнее становилось на душе у властителей страны, тем более настойчиво отстаивали они свой образ жизни и свои вкусы. Выдающиеся архитекторы братья Роберт и Джеймс Адамс искусно применяли принципы классицизма как в городских, так и в усадебных постройках. Продолжая традиции Рена, они, однако, старались сочетать массивность и добротность зданий с элегантною интерьеров, которым тоже придавали строго классические формы. Вообще связанная с сентиментализмом тенденция к времяпрепровождению в домашней обстановке, в кругу семьи привела к тому, что в XVIII в. резко усилилось внимание к мебелировке, украшению жилищ предметами декоративного искусства. Великолепный краснодеревщик Томас Чиппендейл создавал очень удобную, целесообразную мебель, изящество которой вытекало из самой структуры и практических функций предмета. «Чиппендейловские» кресла приобрели европейскую известность. По этому же пути пошли и братья Адамс, которые тоже много занимались конструированием мебели, и в особенности Томас Шератон. Но у этих мастеров прочность конструкции сочеталась с легкостью, «женственностью» форм мебели, а также с усилением декоративных элементов. Мебель Чиппендейла и его последователей не оставалась только во дворцах знати, но проникала и в особняки буржуа, во многом влияя на формирование их вкуса.

Господство классицизма - пусть несколько модифицированного-в архитектуре продолжалось не только потому, что основным заказчиком оставалась знать; время собственно буржуазной архитектуры еще не наступило, а промышленный капиталист лишь старался подражать (в меру своих средств) знати. И все же настроения, породившие сентиментализм в литературе, оказали влияние на одно из искусств, органически связанных с архитектурой, - на садово-парковое искусство. Сады, окружавшие дворцы и дома сельских джентльменов, создавались в XVII и начале XVIII в. по строго классицистским канонам, заимствованным из Франции: это были «французские» парки, со строго геометрической планировкой, подстриженными деревьями, живыми изгородями из кустов, которым придавались искусственные формы, с обязательными скульптурными украшениями - свинцовыми статуэтками на перекрестках дорожек и вокруг цветочных клумб. В природу вносилось «разумное» начало. Но «разум» потерял свое обаяние в глазах современников

сентиментализма. Мечтать в искусственном «французском» парке было невозможно. Постепенно здания, выполняемые в строго классическом стиле, мастера паркового искусства стали окружать уже «английскими» парками, безжалостно уничтожая все извращающие природу искусственные садовые конструкции. Английский парк, с его свободной планировкой, извилистыми дорожками, неожиданными поворотами, травянистыми склонами холмов, озерами, рощами и одинокими деревцами - одно из высших достижений английской художественной культуры XVIII в.

Любопытно, что даже те архитекторы, которые строго следовали принципам классицизма, как, например, придворный архитектор Уильям Чеймберс, обращаясь к парковому искусству, решительно рвали с классицизмом. Конечно, есть немалое противоречие в сочетании «классицистского» дома с «сентименталистским» парком, но это было одно из реальных противоречий английского искусства того времени.

Еще более ярко это противоречие обнаруживается в живописи, переживавшей бурный расцвет, начало которому положил У. Хоггарт. С ростом промышленной буржуазии расширялся круг заказчиков, которые желали украсить свои жилища картинами либс увековечить себя портретами кисти выдающихся художников.

В 1768 г. была создана королевская Академия искусств в Лондоне - первое официальное учреждение, объединявшее художников, а также школа при ней. Ее организатор и президент Джошуа Рейнольдс (1723-1792) был наиболее известным современникам художником и теоретиком искусства. Ежегодно он произносил речи перед учениками Академии и в этих речах формулировал и развивал господствующие эстетические принципы. Может быть, наиболее полно они проявились в следующей формуле Рейнольдса: «Красота и величие искусства состоят, по моему мнению, исключительно в способности подниматься над единичными формами, местными обычаями, частностями и деталями всякого рода». Это, конечно, чисто классицистский принцип, искусственно противопоставляющий общее - частному, обобщение - детали.

Собственное творчество Рейнольдса тоже развивалось в рамках классицизма, хотя талант художника нередко выводил его за пределы слишком узких догм. Будучи великолепным колористом и мастером композиции, Рейнольдс обладал огромной трудоспособностью и нередко создавал (при помощи учеников) по 100 портретов в год. Свыше двух тысяч портретов государственных деятелей, выдающихся писателей (в том числе - Голдсмита и Стерна), актеров имеют огромную историческую ценность: перед нами - вся официальная Англия того времени. Но парадная и несколько условная монументальность верного классицизму художника нередко приводила к идеализации и некоторой «аристократизации» модели, тем более, что большинство заказчиков именно этого и ожидали.

Особенно часто эта классицистская «способность подниматься над единичными формами» и «детальями всякого рода» проявляется в женских портретах Рейнольдса. Таков, например, портрет Джорджианы, герцогини Девонширской с ребенком, новаторский по сюжету. В самом деле, сюжет как

будто чисто домашний, се-мейный, буржуазный, даже сентиментальный; не случайно этот портрет выполнен в 1786 г., когда стихи Юнга, Грея и Коллинза давно вошли в мир интеллигентного человека. Но почему-то интимная сцена игры матери с ребенком превращена в парадную композицию - очень тонкую и мастерски выполненную, но все-таки именно театральную композицию на тщательно продуманном фоне. Ребенок взмахнул ручками именно в тот момент, когда он оказался между тяжелой и, видимо, роскошной драпировкой и отличной вазой античного типа, а сама Джорджиана... что ж, если снять с ее левой руки ребенка, эта женщина сразу окажется светской дамой, доверяющей свою руку партнеру по танцам. Совсем в ином ключе выполнен подлинно реалистический портрет Сэмюэля Джонсона - истинный шедевр портретного искусства Рейнольдса. По имени изображенного на этом портрете человека английские историки нередко называют всю вторую половину XVIII в. - «век Сэмюэля Джонсона».

Сын провинциального книготорговца, учитель Джонсон (1709-1784) пришел в Лондон со своим учеником - впоследствии знаменитым актером Дэвидом Гарриком, чтобы, пройдя сложный путь литературного наемника, журналиста, переводчика, драматурга, в конце концов стать при жизни непререкаемым литературным авторитетом, признанным законодателем литературной моды и организатором литературно-художественных кругов столицы. Смоллет назвал его «великим ханом литературы», и, если судить по месту, которое Джонсон занимал среди писателей, в этом определении не было ни капли преувеличения.

Сэмюэль Джонсон - живое воплощение противоречий художника своего века. Кроме литературных очерков и трудов по истории поэзии, кроме многочисленных эссе и историко-литературных набросков, которыми Джонсон прославился среди современников он и сейчас знаменит среди английской читающей публики самим своим обликом, запечатленным его другом Джемсом Босуэллом в «Жизни Сэмюэля Джонсона». Эта книга, содержащая многочисленные высказывания Джонсона (Босуэлл тщательно заносил их в свой дневник), гораздо больше известна современному читателю, чем труды самого Джонсона. Между тем это был выдающийся ученый, составивший «Словарь английского языка» - очень важный памятник английской культуры XVIII в. В качестве лингвиста Джонсон пришел к новому для его времени выводу о языке как о живом организме, развитие которого не зависит от каких-либо правил ученых педантов; «слова ежечасно меняют свои отношения, - писал он, - и определить их в словаре так же трудно, как с точностью зарисовать очертания роши по ее отражению в воде во время бури».

В прямом противоречии со своим другом Рейнольдсом, который призывал «подниматься над... деталями всякого рода», Джонсон полагал, что главная задача биографа (а это значило в то время - романиста и вообще художника) - ввести читателя в «мелкие детали повседневной жизни». Казалось бы, отсюда один шаг до признания сентиментализма. Но Джонсон относился к новому течению отрицательно, хотя и помог Голдсмиту войти в «Литературный клуб», в котором, наряду с Рейнольдсом, занимал руководящее положение.

Чем же привлекал Джонсон своих современников и потомков? Тем ли, что он - лирический поклонник муз, животных и детей, был одновременно во многом циником? Тем ли, что, стоя на вершине духовной культуры, он был обжорой и неряшливым человеком? Иначе говоря - тем ли, что это был типичный англичанин - добродушный чудака, воспетый Филдингом, Смоллетом, Голдсмитом, Стерном, а еще через полвека - Диккенсом и Теккереем? Да, конечно, и всем этим, но прежде всего тем, что в личности и во взглядах Джонсона воплотились все противоречия его эпохи, во многом сохранившиеся и в последующие периоды. Джонсон был человеком «золотой середины» - а ведь именно это и нужно было английской буржуазии: идеологическая борьба против олигархии (и ее орудия - классицизма), но борьба умеренная, компромиссная, не доводящая до крайностей. А Джонсон был именно таков: он не принимал Стерна, но выступал против догм классицизма; отказался от покровительства лорда Честерфилда, но принял пенсию от короля; великолепно понимал двойственность буржуазного прогресса, но считал, что «наживать деньги» - самое «невинное занятие». Прогрессивный консерватор или консервативный прогрессист - вот кем был Сэмюэль Джонсон, и поэтому он был возведен в степень «национального учреждения».

А теперь вернемся к портрету Джонсона, выполненному Рейнольдсом. Все, что сказано выше о Джонсоне, есть в этом замечательном произведении - и небрежность туалета, и тучность, и близорукость... Но главное - есть сложный характер Джонсона - умудренного жизненным опытом человека и мыслителя, ученого, умеющего проникнуть в сущность вещей, и в то же время - некая беспомощность мысли и, может быть, насмешка над этой беспомощностью, и даже скорбь о ней. И - никакого реквизита - к этому лицу нечего добавить. Так и кажется, что позирующий другу Джонсон сейчас произнесет одну из своих излюбленных фраз, нередко раздражавших художника. «Надо быть дураком, чтобы писать не ради денег», - вероятно, скажет он, и ему не придется даже менять изгиб губ - он и так достаточно ироничен. Или, может быть, он скажет, как говорил Босуэллу: «Когда мясник заявляет всем, что его сердце обливается кровью за родину, он не испытывает, в действительности, ни малейшего неприятного чувства». Весьма вероятно, потому что его умные, много повидавшие глаза насквозь видят душу этого «мясника». Или скажет в лицо Рейнольдсу - любителю аллегорий, что портрет знакомой собаки для него интересней всех мыслимых аллегорий. И все это великолепно передала нам кисть первого художника короля, президента Академии художеств Джошуа Рейнольдса.

Пожалуй, портрет Джонсона - единственное произведение Рейнольдса, в котором художник полностью преодолел внутреннюю противоречивость своего творчества. Ведь те аллегии, о которых, может быть, Джонсон говорил Рейнольдсу, очень любил художник, и он часто придавал своим портретам аллегорически! характер. Даже создавая портрет знаменитой трагической актрисы Сары Сиддонс, Рейнольдс счел нужным изобразить ее в виде музы трагедии.

Почти одновременно Сару Сиддонс писал великий художник той эпохи,

соперник Рейнольдса Томас Гейнсборо (1727-1788). Этот портрет тоже не лишен парадности: бело-голубое полосатое платье и большая черная шляпа на фоне тяжелого красного занавеса создают атмосферу торжественности. Но художник не пользуется ни аллегориями, ни символами. Перед нами просто женщина, позирующая художнику, и мы, конечно, не можем угадать в ней именно актрису. Но это женщина, живущая напряженной интеллектуальной жизнью, глубоко мыслящая и тонко чувствующая.

Если по глубине и проникновенности психологической характеристики портрет Сары Сиддонс весьма типичен для Гейнсборо, то по манере исполнения - резкости черт лица, контрастности цвета - эта работа представляет собой скорее исключение в его творчестве. Классицизму, преобладающему в официальной эстетике королевской Академии художеств, членом-учредителем которой был Гейнсборо, этот художник противопоставлял непосредственное восприятие природы, всегда эмоционально окрашенное и очень близкое к идеям и образам сентиментализма.

Гейнсборо вынужден был писать немало парадных «вандейковских» портретов, причем, желая подчеркнуть преемственность, он одевал свои модели в костюмы XVII в. Но даже в этом случае Гейнсборо удавалось сочетать парадность с интимностью, человечностью образов.

Знаменитый «Голубой мальчик» - при всей декоративности костюма, обобщенности фона замечателен именно этой непринужденностью, естественностью позы, бесхитростной ясностью юного лица, очень живого и переменчивого. Столь же сложен и хранящийся в Эрмитаже портрет герцогини де Бофорт. Конечно, он декоративен, но в то же время мечтательное, одухотворенное лицо женщины, с устремленным вдаль, мимо зрителя, взглядом, полуоткрытыми губами, непринужденным жестом руки - все это бесконечно далеко от классицистских канонов, как далеки от них и воздушность, почти бестелесность образа.

Гейнсборо умел не только внести даже в традиционный парадный портрет глубокую психологическую характеристику, но и передать настроение человека; вот почему его работы не оставляют зрителя равнодушным и сохраняют до наших дней свое чисто эстетическое, а не только историческое значение. Гейнсборо писал мелкими мазками, нередко свободно вкрапывая один цвет в другой, и картины его поэтому очень близки к быстро меняющейся природе, жизненны, переменчивы. Это новаторство в области живописной техники, во многом приближающееся к будущим достижениям импрессионистов, породилось не просто жаждой новизны, а именно идейно-эстетическими задачами, которые ставил перед собой художник. Легкость, музыкальность его полотен (недаром второй страстью Гейнсборо была музыка) великолепно выражали специфическими средствами живописи сентименталистское неверие в «царство разума».

Наконец новаторство Гейнсборо с наибольшей очевидностью проявилось в его пейзажах, которые положили начало английской Школе пейзажистов первой половины XIX в. Художник, достигший наибольших высот в этом жанре, - Джон Констебль писал впоследствии, что пейзажи Гейнсборо всегда

вызывают у него слезы. Сам Гейнсборо настолько любил ландшафт «старой Англии», что пытался даже портреты писать на фоне пейзажа, который приобретал у него самостоятельное значение и отнюдь не носил условного характера, как у его предшественников-классицистов.

Глава 4

КОНЕЦ КЛАССОВОГО КОМПРОМИССА 1688 г. И БОРЬБА БУРЖУАЗИИ ЗА ВЛАСТЬ

Французская революция и классовая борьба в Англии

На рубеже 80-х и 90-х годов XVIII в. во внутренней истории Великобритании не произошло какого-либо сдвига, который давал бы основание говорить о начале нового периода английской истории. Такой сдвиг произошел вне Англии - Великая буржуазная революция конца XVIII в. во Франции.

Отношение всех классов и группировок английского общества к французской революции определялось не столько различиями в трактовке происходивших во Франции событий, сколько расстановкой классовых сил в самой Англии. На ранних стадиях революции (примерно до лета 1792 г.) борьба в Англии развернулась между двумя лагерями - сторонников и противников революции, причем на этом этапе широкие круги промышленной буржуазии выступали против феодально-олигархической реакции.

Буржуазно-либеральное восприятие французской революции как торжества «принципов 1688 г.», т.е. идей конституционализма, ярко отразилось и в собственно политических декларациях, и в поэзии, и в живописи. Знаменитый политический карикатурист Джемс Гилри (1757-1815) именно в связи с первыми победами французской революции решился выступить в новом для него жанре аллегорического рисунка. Его «Приношение свободе» изображает коленопреклоненного Людовика XVI перед богиней свободы, которая сидит на развалинах Бастилии. Отражая настроение радикальных кругов английской буржуазии, Гилри в 1789- 1792 гг. всей мощью своего сатирического дара обрушился на короля, которого он изображал скрягой и идиотом, членов королевской семьи - пьяниц и развратников, министров, реакционеров всех мастей. Всесильный Уильям Питт Младший предстал перед зрителем в образе то ястреба, то смерти, то ведьмы - выдумки Гилри были неистощимы.

Восторженно приняли французскую революцию и молодые поэты складывавшейся в то время «Озерной школы» (или лэйкисты - от английского lake - озеро) - Уильям Вордсворт (1770-1850), Самюэль Кольридж (1772-1834) и Роберт Саути (1774- 1843). В оде «На честь взятия Бастилии» Кольридж не только безоговорочно поддерживает и прославляет восставший народ, но и рассматривает его как носителя справедливости. Вордсворт дважды посетил революционную Францию и воспел ее борьбу за свободу в поэме «Описательные наброски». Сочувствуя страдающему народу, лэйкисты в

стихах этого периода резко осуждают буржуазный строй, принесший столько бедствий и иссушающий человеческую душу. Но они могли противопоставить этому строю только патриархальный быт прошлого, идеализированно воспринимаемый ими как счастливый мир бездумных радостей на лоне прекрасной английской природы.

На французские события откликнулось и «Общество революции», созданное вигской знатью и интеллигенцией в честь «славной революции» и призванное поддерживать в народе представление о вигах как о защитниках демократии и вообще «принципов 1688 г.» Среди деятелей «Общества» были такие выдающиеся политики, как великолепный оратор и либеральный демагог, лидер вигов Чарльз Фокс, знаменитый драматург и политический деятель Ричард Шеридан, видный ученый и радикальный публицист Джозеф Пристли, мыслитель Ричард Прайс и др. Именно по инициативе Прайса «Общество революции» направило торжественный адрес Национальному собранию Франции, выразив пожелание, чтобы свобода «распространилась по Европе и по всему миру».

В речах Прайса на заседании «Общества революции» была высказана мысль, что французская революция пошла дальше английской «революции» 1688 г., и теперь уже Англия должна догонять Францию по уровню политического развития. Это, однако, отнюдь не означало, что он призывал к новой революции в Англии. По существу, программные требования либеральных элементов не шли дальше проведения парламентской реформы.

Именно в полемике с Прайсом Эдмунд Берк написал свои «Размышления о французской революции» (1790) - книгу, ставшую своеобразным манифестом идей английской и международной реакции. Недаром Георг III рекомендовал «каждому джентльмену» прочесть эту книгу, а французский король Людовик XVI пытался в последние месяцы перед падением монархии перевести ее на французский язык. Составив себе имя либеральными нападками на торийскую олигархию 60-70-х годов, Берк стал в конце жизни идеологом крайне реакционных кругов английского господствующего класса. Берку не столь важно было осудить с позиций феодальной реакции французскую революцию, сколь нанести удар по всей системе взглядов Просвещения.

Каждый период, уверяет Берк, может развиваться лишь в русле традиции, созданной предками, причем главным законом существования общества является «закон сохранения» (conservation). Любая ломка общественного и политического уклада, любая попытка создать совершенно новый порядок вещей, построенный в соответствии с выводами разума, противоречит этому закону.

Берку удалось частично уловить слабость просветительской социологии - ее абстрактный характер; не без основания он указал также на значение исторической традиции в судьбах народов. Но традиция превращалась в его трактовке в самодовлеющую и почти мистическую силу, навеки предопределяющую политические принципы и политическую организацию данного народа. Из его концепции вытекает не только категорическое отрицание революции, но и специфический подход к эволюции

государственных форм и политической жизни. Изменения в государстве он считает возможными лишь в случае крайней необходимости, и притом с наименьшим отклонением от сложившихся учреждений и принципов управления. Такова была политическая концепция нового торизма, возглавленного Питтом Младшим, и идеи Берка стали теоретическим обоснованием политики всесильного премьер-министра; эти же идеи во многом характерны для всей последующей истории торийской партии.

Прославляя феодальную эпоху, призывая вернуться к тем временам, когда люди будто бы не руководствовались велениями расчета и разума, Берк становится предшественником и теоретиком реакционного романтизма. Именно в духе позднейшей художественной практики романтиков (хотя и не без влияния сентиментальной прозы) Берк рисует образ страдающей красавицы - французской королевы Марии Антуанетты и скорбит о том, что нет рыцарей, готовых умереть за нее. Д. Пристли остроумно заметил, что Берк пишет о королеве, «словно рыцарь, поклявшийся защитить ее честь».

По существу, книга Берка была призывом к интервенции против французской революции и к террористическому разгрому либеральных и демократических сил в самой Англии. Недаром Гилри в блестящей карикатуре «Вынюхивание крамолы» нарисовал Берка, гротескно увеличенный нос которого просунут в кабинет Ричарда Прайса. Призывы Берка к организованному походу реакции против внутренних и внешних революционных сил были полностью подхвачены подавляющим большинством господствующих классов несколько позже, летом 1792 г.

Это был переломный момент в отношении широких кругов буржуазии к французской революции и в их политической позиции вообще. Частично этот поворот объяснялся ходом событий во Франции. В ходе войны с Австрией, Пруссией и другими феодальными монархиями революционная Франция начала одерживать блестящие победы. 10 августа 1792 г. король Людовик XVI был свергнут с престола, и Франция была провозглашена республикой, французская буржуазия все более решительно брала власть в свои руки, и надежды на ослабление Франции в результате революции явно проваливались. Наоборот, освободившись от феодальных пут, Франция могла превратиться в грозного конкурента и подорвать английское промышленное и торговое первенство. Следовательно, материальные интересы английских промышленников требовали не поддержки революции, а борьбы против нее и толкали буржуазию в объятия крайней феодально-олигархической реакции.

Внутри Англии она также видела главную опасность для себя не в господстве олигархии, а в растущей политической активности широких масс народа, прежде всего рабочего класса.

Подъем рабочего и демократического движения

Дальнейшее развитие промышленного переворота и связанные с ним бедствия широчайших масс трудящихся составили объективную основу обострения классовой борьбы в 90-х годах XVIII в. Главной активной силой

массовых народных волнений, которые охватили практически все графства Англии, Шотландию и Уэльс, были рабочие. К этому времени рабочий класс Великобритании успел уже выработать первичную форму своей организации - тред-юнионы. Существовая в форме клубов, обществ взаимопомощи, стачечных комитетов, либо открыто именуя себя профессиональными союзами, эти организации воспитывали своих членов в духе единства классовых интересов. В течение 1792 г. бастовали ткачи Ланкашира, шахтеры Лидса, Бристоля, графств Корнуэлла и Ланкашира, плотники Ливерпуля, кожевники Лондона.

Массы бастующих рабочих стали прислушиваться к голосу демократических мыслителей и даже создавать свои подлинно народные политические организации. Над всей демократической публицистикой той эпохи возвышается трактат Томаса Пэна «Права человека» (1791-1792), сыгравший выдающуюся роль в формировании революционно-демократической идеологии в Англии.

Талантливо опровергая концепцию Берка, которая сводилась к тому, что «мертвые должны управлять живыми», Пэн выдвинул широкую политическую программу, выходящую далеко за пределы либеральной программы «Общества революции». Не робкая парламентская реформа, а коренная ломка государственного и общественного строя необходима Англии.

Под влиянием идей Пэна находились и те передовые рабочие, мелкие собственники и интеллигенты, которые с конца 1791 г. начали создавать свои политические организации. В эти месяцы возникли народные общества в Шеффилде, Норвиче, а в начале 1792 г. была основана самая крупная и значительная демократическая организация той эпохи - Лондонское корреспондентское общество. Его организатором был сапожник Томас Гарди, участник демократического движения 70-80-х годов, воспитанный на идеях Картрайта, Пристли, Горна Тука и других радикальных идеологов.

Уже к концу 1792 г. Лондонское корреспондентское общество насчитывало свыше двух тысяч членов, и его ряды продолжали расти. Установив посредством переписки (отсюда и название общества) связи с провинциальными народными обществами, лондонские демократы стали играть роль организационного и идеологического штаба демократического движения в стране.

Симпатии к революционной Франции сочетались у английских демократов со стремлением применить на английской почве «принципы 1789 г.». «Сажайте, сажайте Дерево, истинное Дерево Свободы», - гласил припев песни, ставшей популярной в массах, причем далее недвусмысленно говорилось, что водой для полива Древа Свободы должна служить «кровь тиранов».

Все эти события 1792 г. - массовые стачки и волнения, образование народных политических организаций, бурный поток демократической и революционной литературы - насмерть испугали промышленную и торговую буржуазию. Нетрудно представить себе психологию фабриканта средней руки, который привык видеть в «своих» рабочих более или менее покорных исполнителей, чувствовать себя на фабрике полновластным хозяином. Но вот на улицы английских городов вышел рабочий класс. Пусть он пока еще только

начинает свою самостоятельную политическую деятельность, выдвигая лозунги, объективно сводящиеся к проведению буржуазно-демократической революции, - все равно он уже начинает противопоставлять себя буржуазии. Рабочие бастуют, т. е. выступают непосредственно против него - фабриканта. Они борются против дороговизны, т. е. выступают не только против лендлорда, но и против купца-спекулянта. И они же сажают Дерево Свободы, требуют реформы парламента, создают свои независимые организации. Что опаснее для этого фабриканта - аристократическое пренебрежение верхов или наступление ставших непокорными низов? Да, получив непосредственный доступ к рулю государственного корабля, можно было бы двигаться быстрее, а значит - сделать рейс более доходным. Но он и так достаточно выгоден. Гораздо страшнее, если взбунтуется команда. Так не лучше ли объединиться с олигархической верхушкой - ведь у нее такой великолепный политический опыт, и она найдет средства подчинить команду воле офицеров. А когда наступит штиль, тогда можно будет вернуться к вопросу о том, кому же все-таки стоять на капитанском мостике. И фабриканту уже начинает казаться, что идея свободы, равенства, братства - самая опасная идея века, что французы слишком далеко зашли в своей революционности, что добрые старые английские традиции (традиции консерватизма) мудрее идей Просвещения, наконец, что «король и церковь» - лучший лозунг дня. Так завершился переход английской буржуазии в лагерь реакции. Если в 1789-1791 гг. она еще выступала против олигархии, то с 1792 г. она на длительное время сомкнулась с олигархией против народа.

Опираясь на поддержку всех слоев господствующего класса, правительство Питта решилось применить самые крайние меры в борьбе против народа и его демократических лидеров. Была издана королевская прокламация против «мятежных сочинений», среди которых на первом месте были названы «Права человека» Томаса Пэна. Этот выдающийся революционер вынужден был бежать во Францию, где его встретили восторженно, предоставили французское гражданство и даже избрали членом Конвента. В Англии же он был объявлен вне закона. Так складывался единый фронт правительства, олигархии и буржуазии против народа.

Это, конечно, не означает, что в Англии вовсе исчез буржуазный либерализм. В 1792 г. окончательно оформился давно назревший раскол в партии вигов. Большинство партии полностью сомкнулось с торийской реакцией. Герцог Портлендский и другие аристократические лидеры вигов вошли в правительство Питта, которое, таким образом, приобрело коалиционный характер. Левое крыло во главе с Чарльзом Фоксом осталось в оппозиции и выступало против политики правительства. Фокс был убежден, что репрессии и нарушения элементарных свобод представляют большую опасность для существующего режима, чем либеральная тактика. «Чем свободнее могут выражаться мнения, - говорил он, - тем менее они могут представлять опасности. Лишь тогда мнения становятся опасными для государства, когда преследования вынуждают его жителей высказывать свои мысли под величайшей тайной». Таким образом, вигская оппозиция не

расходилась в принципе с правительством: и тори, и виги, даже самые «левые» из них, ополчились против угрозы буржуазно-демократической революции, и расхождения затрагивали лишь вопросы тактики. Не обладая еще в то время тем политическим опытом, той мудростью в отстаивании своего господства, которая станет впоследствии характерной для английской буржуазии, она склонилась к консервативной тактике.

Идеи либерализма не только не встретили поддержки в широких кругах буржуазии, но и не оказали в то время сколько-нибудь значительного влияния на массы рабочих и мелкую буржуазию. Активно участвуя в классовой борьбе, эти массы создавали элементы новой демократической культуры и идеологии, противостоящие идеологии господствующих классов. Конечно, новая идеология была еще незрелой и отражала первые шаги творчества рабочего класса, далеко еще не осознавшего своей исторической миссии.

Капиталистические отношения были еще слишком слабо развиты, чтобы современники именно в них могли увидеть источник всех бедствий народа. Наоборот, главное острие демократической идеологии было направлено против пережитков феодализма, сковывающих развитие буржуазного общества. В то же время народ с ненавистью относился ко всем крупным собственникам, усматривал главное несчастье человечества в делении его на богатых и бедных. Наряду с бурным протестом против существующего строя начало формироваться и смутное недовольство складывающимися новыми отношениями. Выражением этих сложных противоречий и стала неясная мечта о счастливом будущем, об обществе всеобщего братства и подлинного равенства. Она воплощалась как в социалистических утопиях, так и в искусстве революционного романтизма. Едва ли не наиболее ранним и наиболее ярким выразителем этой тенденции был Уильям Блейк (1757-1827) - выдающийся поэт и художник.

Выходец из мелкобуржуазной среды, гравер по специальности, близкий по духу к передовым художникам, мыслителям, писателям и связанный со многими из них личной дружбой, Блейк еще в 1780 г. создал совершенно необычную для того времени картину «Радостный день». Обнаженный юноша, почти не касаясь земли и устремляясь навстречу солнцу, несет в себе такую радость и надежду, что зрителю трудно не зарядиться его верой в светлое будущее. Уже в этой картине Блейк придерживался принципа, который впоследствии сформулирует и теоретически: главное в искусстве - не анатомическая точность изображения, а мастерство линии и чеканность формы, т. е. цельность воспроизведения образа. Блейк видел в искусстве лучшее оружие в борьбе за преобразование мира, и поэтому вступил в бой за гражданскую поэзию и живопись. Он стремился к созданию грандиозных обобщенных образов, которые, выражая революционную идею, могли лишь в самых общих контурах наметить ее социальную сущность. В этом и заключается главная особенность революционного романтизма как художественного метода. Блейк жил передовыми идеями своего века, выражая и развивая их в свойственной ему творческой манере. В первые годы революции он создал поэтический образ Орка - «страстного духа свободы»,

гения восстания и вдохновения. Блейку не хватало героев античной или библейской мифологии - он создавал новые мифы и новых мифических героев, и Орк был ему наиболее близок. Некоторые даже полагают, что юноша с картины «Радостный день» - это первая попытка изобразить Орка средствами живописи.

На грани между Просвещением и революционным романтизмом стоял виднейший идеолог демократического движения той эпохи Уильям Годвин (1756-1836). Друг Пэна и Блейка, тесно связанный с руководством Лондонского корреспондентского общества, Годвин подверг уничтожающей критике олигархический режим. Его главный труд - «Политическая справедливость» (1793) - выходит далеко за пределы просветительской критики феодализма и его пережитков. Годвин ставит коренные проблемы социальных противоречий эпохи и усматривает источник несправедливости прежде всего в концентрации богатства в руках немногих, в делении общества на богатых и бедных. «Быть богатым, - пишет он, - это значит, собственно, иметь патент, позволяющий одному человеку распоряжаться производительной деятельностью другого». Отвергая господствующую систему собственности, Годвин не удовлетворяется и другой возможной системой, при которой каждый будет владеть продуктом своего труда. Справедлив лишь принцип распределения собственности по потребностям членов общества. В признании этого принципа Годвин, как отмечал Энгельс, граничит с коммунизмом. Однако, выражая чаяния лишь недавно сформировавшегося пролетариата и масс мелких производителей, Годвин полагает, что основой будущего общества будет не общественная собственность, а индивидуальная собственность крестьян и ремесленников. Человек, по его мнению, должен быть свободен от каких-либо ограничений, связанных с коллективным трудом и вообще существованием общества. Не случайно Годвин отрицает государство, и закон, и централизованное управление обществом - здесь он выступает как предшественник анархизма.

Уже в отрицательном отношении к последствиям капиталистического прогресса, в устремленности к будущему обществу, сколь утопическим оно ни представлялось, проявляется близость Годвина к зарождающемуся течению революционного романтизма. В литературном творчестве Годвина эта близость проявляется еще ярче. При всей остроте социальной критики, пронизывающей наиболее известный роман Годвина «Вещи, как они есть, или Приключения Калеба Уильямса» (1799), его герой трагически одинок, он - бунтарь, не имеющий связи с народом. Калев Уильямс - вполне реальный человек, а не символическая фигура типа Орка. Но его горькая судьба, постоянно преследующий его злой рок, сближают этого героя с образами романтической поэзии.

Поворот буржуазии в сторону реакции во внутренней политике сопровождался решением правительства Питта принять непосредственное участие в войне реакционных монархий Европы против революционной Франции. В качестве повода для разрыва дипломатических отношений Питт избрал казнь Людовика XVI по приговору Конвента. Французский поверенный в делах был выслан из Лондона: тем самым английское правительство

провоцировало войну. 1 февраля 1793 г. Конвент объявил войну Англии.

Для английской правящей олигархии, а также для новой буржуазии это была война за европейскую и мировую гегемонию, за господство на мировых рынках и колониальное первенство. Англия опиралась на бесспорное превосходство своей промышленности и на свою финансовую мощь. Именно экономические преимущества, а также островное положение дали возможность правящим кругам Англии на всем протяжении войны воевать в основном руками своих союзников, беря на себя лишь морские операции и лишь изредка отправляя наземные войска на континент.

Хотя в ходе войны и бывали короткие периоды, когда Англия оставалась в одиночестве против могущественного противника, английской дипломатии при помощи субсидий, шантажа, интриг сравнительно быстро удавалось создавать новые антифранцузские коалиции на смену распавшимся.

Положение рабочих и английской бедноты в период войны резко ухудшилось. Колоссальные военные расходы самой Англии и, главное, субсидии, которые выплачивались союзникам, покрывались за счет трудящихся слоев населения. Резко возросли косвенные налоги, что привело к невиданной ранее дороговизне.

Английские демократы с самого начала были решительными противниками «войны, направленной против свободы Европы». В декабре 1792 г. в Эдинбурге собрался съезд демократических организаций Шотландии, который назвал себя Конвентом. В апреле 1793 г. Конвент собрался вторично, и с тех пор заседания его стали ежемесячными; его поддержали и корреспондентские общества Англии, а после приезда делегации от Лондонского общества в ноябре было принято наименование «Британский конвент народных делегатов, собравшихся для обеспечения всеобщего избирательного права и ежегодного переизбрания парламента». Это был шаг на пути к образованию подлинно демократической партии, противостоящей обеим олигархическим партиям.

Деятельность корреспондентских обществ вызвала панику в господствующих классах. Правительство, продолжая начатую в 1792 г. политику репрессий, в мае 1793 г. распорядилось арестовать Гарди, Телуолла и других вождей общества.

Питт провел через парламент закон о временной приостановке действия Habeas Corpus Act. По существу, это означало введение в стране чрезвычайного положения, и, хотя эта мера рассматривалась как сугубо временная, парламент, ежегодно продлевал ее действие вплоть до 1801 г. В течение почти восьми лет Англия жила в атмосфере полного бесправия и полицейского произвола.

Классовая борьба в стране в целом обострялась. Военные расходы и неурожай привели в 1795 г. к голоду в некоторых районах страны. Новая волна продовольственных волнений и стачек, значительно более сильных, чем в 1792 г., прокатилась почти по всем городам и графствам. В борьбе с дороговизной массы не ограничивались теперь разгромом складов и лавок, а требовали, по французскому примеру, введения максимальных цен на продовольствие.

В столице волнения приобрели особенно угрожающий для властей

характер. В течение 1795 г. в Лондоне бастовали водопроводчики, грузчики угля и другие категории рабочих. Продовольственные волнения переплетались со стачками, бунтами против насильственной вербовки в армию и открытыми политическими выступлениями против короля и правительства. В июле 1795 г. возмущение вербовщиками дало толчок к политическим демонстрациям. Король Георг возвращался из парламента под крики «Хлеба! Долой войну!». Через несколько дней демонстранты выбили стекла в доме премьер-министра, причем на этот раз раздавались весьма недвусмысленные возгласы «К черту короля! К черту Питта!». Наконец, в октябре 1795 г. толпа окружила карету короля и забросала ее камнями; возгласы «Долой войну и короля!», «Требуем хлеба!», «Долой тирана!» свидетельствовали о том, что экономические требования переплетались в сознании масс с чисто политическими лозунгами свержения монархии и прекращения войны с Французской республикой.

Между тем реакция продолжала усиливаться. После октябрьских волнений 1795 г. в Лондоне Питт провел через парламент «Два акта», как их тогда именовали, - новые реакционные законы, направленные против народных выступлений и демократических организаций. Акт «Об охране личной безопасности короля и правительства против изменнических и мятежных действий и покушений» объявлял государственным преступником лицо, устно или печатно требующее от короля изменений в политике либо в составе кабинета. Второй акт - «О более действенных мерах для предупреждения мятежных митингов и собраний» - устанавливал, что для созыва митинга требуется разрешение трех мировых судей. Оратор, произносивший «опасные» речи, мог быть тут же арестован. Эти законы встретили поддержку различных организаций буржуазии, в том числе Лондонского городского совета.

Идеи просвещения, которые господствовали в буржуазных кругах на всем протяжении XVIII в., получив историческую проверку в битвах французской революции и в ходе революционного подъема в Англии, утратили свою привлекательность для буржуазии. Политическая и общественная борьба пугала призраком революции, и буржуа спешил спрятаться от нее, уйдя в сферу религиозных, мистических, иррациональных верований и чувств. Сложность и противоречивость социальных и политических тенденций эпохи, в которых трудно было разобраться современнику, подрывала веру в просветительский Разум, создавала представление, будто человек лишь игрушка в руках высших неземных сил. Этим настроениям части буржуазии, а также феодально-олигархических кругов соответствовала сформировавшаяся в эти годы идеология и художественная практика реакционного романтизма.

Вместе с господствующими классами Англии в середине 90-х годов в сторону реакции повернули и поэты-лэйкисты. Кольридж, Вордсворт, Саути теперь уже не воспевают революцию; наоборот, они раздраженно отвергают идеи Просвещения, культ Разума, осуждают вооруженную борьбу против угнетения.

Ненавидя капиталистическую действительность, отвергая экономический и общественный прогресс, реакционные романтики звали человечество назад, к идеализируемому ими феодальному прошлому. Вордсворт воспекает

«естественное» (в его трактовке - добуржуазное) существование; простодушный, живущий вне интеллектуальных интересов и политических страстей и, главное, покорный судьбе крестьянин - излюбленный герой его баллад. При этом существование мирных поселян насыщено не здоровой радостью жизни, общения с природой, теплом семейных отношений (как это было типично для сентименталистов), а мрачными и трагическими событиями - необъяснимыми смертями, внезапными нервными припадками, распадом семей. Все это происходит на фоне таинственных ночных пейзажей; мистически светит луна; кричит сова, вселяя ужас в сердце ночного путника. И люди все время ощущают вмешательство высших сил, которые таятся едва ли не за каждым событием повседневной жизни.

Если Вордсворт вносит иррациональное, мистическое начало в обыденную жизнь, то Кольридж избирает фантастические и экзотические сюжеты, вводит в свои поэмы и баллады «сверхъестественные» образы. Над его героями довлеет рок, и призраки рядом с людьми бродят по страницам его произведений. Таково было своеобразное разделение труда между друзьями, и они прямо заявили об этом, поясняя впоследствии замысел своего совместного сборника «Лирические баллады». Эта книга, вышедшая в 1798 г., была первым манифестом реакционного романтизма на английской почве, окончательно оформившим это направление в литературе и искусстве Англии. В мрачном «романтическом» пейзаже, в столкновении героев с непреодолимой силой рока можно угадать опосредствованное выражение смятения, охватившего господствующие классы. Но разрешение противоречий эпохи реакционной романтики видели в религиозном смирении, в отказе от активного отношения к жизни, в асоциальном погружении человека в «глубины» мистики и потустороннего мира, в «тайны бытия».

Реакционному мировоззрению лэйкистов соответствовал и их подход к задачам искусства, к месту поэзии в жизни общества. Для них талант поэта - выражение «божественного начала»; функция поэта заключается в том, чтобы поддерживать связь между человеком и «творцом». Сознательный, теоретически обоснованный разрыв между искусством и жизнью, отказ от участия в общественной борьбе, уход в сферу «возвышенного», таинственного, иррационального - такова была эстетическая программа реакционных романтиков.

Наибольшей остроты классовая борьба достигла в 1897-1898 гг. Продовольственные волнения, стачки, солдатские бунты вспыхивали то в одном, то в другом графстве, захватывая и такие крупные города, как Гулль, Норич, Манчестер, Дерби. Поражения на фронтах еще более подрывали престиж правительства. Два события особенно обострили обстановку - восстание в военном флоте и назревавшая вооруженная борьба ирландского народа.

Восстание военных моряков началось 15 апреля 1797 г. на кораблях эскадры, базировавшейся в Портсмуте. Этот портовый город уже с 1795 г. стал ареной народных волнений и особенно стачек рабочих верфей, т. е. того отряда рабочего класса, который Наиболее тесно был связан с моряками. В городе

существовало Местное корреспондентское общество, состоящее преимущественно из рабочих. 21 апреля восстала также эскадра в Плимуте. Вопреки приказу командования она в середине мая вышла в море и присоединилась к восставшим морякам Портсмута. Вскоре (12 мая) флаг восстания был поднят на кораблях, стоявших в гаванях Ширнесс и Нор. В конце мая восстала Североморская эскадра в Ярмуте; к началу июня корабли этой эскадры пришли в Нор и соединились с повстанцами этой гавани.

Между кораблями каждой эскадры была установлена тесная связь, команды избрали делегатов, и делегатские собрания в период восстания стали фактическими хозяевами положения на флоте. Офицеры были взяты под стражу или отосланы на берег. На кораблях взвились красные флаги: в английском флоте это означало сигнал к бою, но в момент восстания красный флаг воспринимался и как символ революции. Накануне и в ходе восстания выдвинулись активные руководители, которые пользовались доверием матросов. Среди них наиболее известен бывший школьный учитель Ричард Паркер, избранный председателем собрания делегатов моряков Ширнесса и Нора. Паркер проявил себя как талантливый организатор масс и искусный тактик.

Опираясь на оставшиеся верными правительству части морской пехоты и армию, используя внутреннюю борьбу в лагере восставших и примиренческое настроение среди части матросов, Питт сумел подавить восстание; Паркер и другие его руководители были казнены. Главная причина поражения восстания заключалась в отсутствии организационной связи между матросами и другими отрядами освободительного движения.

С начала 90-х годов массовое освободительное движение ирландского народа вступило в новую, более высокую фазу и стало существенной составной частью общего подъема демократических сил на Британских островах.

Однако разобщенность по религиозному признаку оставалась главным препятствием на пути к освобождению Ирландии от английского гнета. Именно поэтому наиболее сознательные из ирландских революционеров видели свою задачу прежде всего в объединении всей нации для совместной борьбы. Свою политическую организацию они так и назвали - «Объединенные ирландцы», подразумевая под этим единство католиков и протестантов. Организатором и руководителем объединенных ирландцев был выдающийся революционер Уолф Тон (1763-1798). Выходец из средне-буржуазной семьи, начинающий дублинский адвокат, Уолф Тон активно включился в политическую борьбу в годы французской революции. Вынашивая планы отделения от Англии и провозглашения Ирландской республики, Тон надеялся на прямую военную помощь со стороны Франции. В 1791 г. организации «Объединенных ирландцев» существовали уже во всех городах. Это была первая массовая политическая партия не только в Ирландии, но и вообще на Британских островах. Члены этой организации находились под влиянием передовых демократических идей века, изучали французских просветителей, читали Пэна и Годвина.

Правительство Питта, имевшее через многочисленных шпионов

подробную информацию о деятельности «Объединенных ирландцев» и вообще о положении в Ирландии, недолго колебалось между тактикой уступок и методом кровавого разгрома нарастающих революционных сил. В 1794 г. общество «Объединенных ирландцев» было запрещено, организации его разгромлены, лидеры арестованы либо, подобно Тону, изгнаны из страны. Немало умеренных участников движения теперь отшатнулись от него, но общество в целом сохранилось и превратилось в нелегальное. В низовых ячейках все большую роль начали играть рабочие, ремесленники, революционно настроенные интеллигенты.

Теперь уже «Объединенные ирландцы» стали готовиться к вооруженному восстанию. В одних только военных отрядах состояло около 300 тыс. человек. Для руководства восстанием была создана директория из трех человек. Главным военным руководителем стал друг Уолфа Тона пламенный и самоотверженный революционер Эдуард Фицджеральд.

«Объединенные ирландцы» поддерживали тесные связи с английскими демократическими обществами, которые весьма сочувственно относились к освободительной борьбе ирландского народа. Однако отрицательное отношение руководителей корреспондентских обществ к насильственным мерам вскоре показало ирландским революционерам, что они не могут рассчитывать на непосредственную поддержку восстания из Англии, и еще меньше - на восстание в самой Англии. Именно потому, что английские демократы в целом не встали на путь восстания, ирландские революционеры главным своим союзником считали Францию.

Уолф Тон вступил в контакт с французским правительством и генералитетом, убеждая их отправить в Ирландию 20 тыс. солдат и уверяя, что при поддержке ирландского народа они добьются очень легкой победы, Франция, однако, предпочла нанести удар по Англии в других районах мира, в частности в Египте, куда и была направлена армия Наполеона Бонапарта. Тону все же удалось организовать на рубеже 1796 и 1797 гг. десантный отряд под командованием генерала Гоша. Но плохая организация операции, преимущества английского флота и морская буря привели к провалу этой попытки.

Французское командование не воспользовалось для повторения ее крайне благоприятным моментом - восстанием в английском флоте в апреле - июне 1797 г. Между тем масса «Объединенных ирландцев» рвалась в бой. Правительство сознательно провоцировало восстание, чтобы подавить его в крови и навсегда лишить ирландский народ воли к сопротивлению. Директория «Объединенных ирландцев» всячески пыталась не допустить преждевременного выступления, но в некоторых графствах все же вспыхнули мятежи. Французская помощь, обещанная на весну 1798 г., все не приходила, а в Ирландии обстановка требовала немедленных действий.

В марте 1798 г. были арестованы виднейшие руководители организации. Только Фицджеральду удалось скрыться, и он с группой друзей решил назначить дату восстания на 23 мая. Но уже 18 мая он был схвачен полицией и вскоре умер от ран, полученных во время ареста. В эти же дни были арестованы

и другие руководители, избежавшие этой участи в марте. Восстание осталось без централизованного руководства и превратилось в серию почти не связанных между собой выступлений. Французы медлили, а десант был отправлен лишь в августе, когда восстание во многих местах было подавлено, а в других - шло на убыль. Десант был разбит англичанами, а следующая экспедиция в октябре 1798 г. была разгромлена в морском бою. В этой битве участвовал и Уолф Тон, находившийся на борту одного из кораблей в форме французского офицера. Он был опознан и впоследствии приговорен к казни, которой избежал, покончив самоубийством в тюрьме.

Три года длилась свирепая расправа над участниками восстания и вообще над ирландскими крестьянами. Специальные команды вешали их без суда, расстреливали; десятки тысяч ирландцев пали жертвами репрессий. В этой обстановке Питту не составило большого труда сломить робкое сопротивление ирландских либералов и добиться полного слияния Ирландии с Англией, ликвидации даже видимости ирландской автономии. Подкупами, угрозами, шантажом депутаты ирландского парламента были приведены к абсолютной покорности, и в 1800 г. приняли решение об унии с Англией. Это означало, что ирландский парламент ликвидируется. Взамен Ирландия получила право посылать 100 депутатов в британскую палату общин; ей было предоставлено также 32 места в палате лордов.

Правительству удалось таким образом подавить демократическое движение 90-х годов. Удалось потому, что различные потоки этого движения: народные волнения, восстания во флоте, армейские бунты, ирландское восстание - были разобщены, не имели единого революционного руководства. И все же 90-е годы XVIII в. были чрезвычайно важной эпохой в английском рабочем и демократическом движении. Именно в этот период, благодаря отказу буржуазии от борьбы за буржуазно-демократические преобразования, единственной объективно революционной силой стал рабочий класс и примыкающие к нему слои мелкой буржуазии.

Политическая и идеологическая борьба в период наполеоновских войн

Когда в 1797 г. распалась первая антифранцузская коалиция, английская дипломатия срочно приступила к формированию второй коалиции, и в 1798 г. Англия, Россия, Австрия и Турция объединились для совместной борьбы с общим врагом - Францией.

Участие Англии в сражениях ограничивалось действиями на море и, разумеется, в колониях. На континенте английские войска отсутствовали, если не считать длительной и весьма бесславной экспедиции генерала Артура Уэлсли, впоследствии герцога Веллингтона, на Пиренейском полуострове (1808-1813). Тем более велика была заинтересованность Англии в союзниках, которые выполняли бы функции «солдат на континенте». И действительно, когда вторая коалиция распалась, Англия сравнительно быстро сколотила третью коалицию (1805), а затем и четвертую (1806), и пятую (1809).

Островное положение и преимущество английского флота давали возможность Англии вести длительную войну, не боясь вторжения наполеоновских войск на свою территорию. Впрочем, в 1804-1805 гг. такая опасность нависла над Англией, но русские и австрийские войска отвлекли армии Наполеона на восток, а победа английского флота под командованием адмирала Нельсона над французским флотом у мыса Трафальгар (21 октября 1805 г.) окончательно закрепила морское превосходство Англии.

В апреле 1801 г. английская эскадра вошла в Копенгагенскую бухту и, пользуясь превосходством своих кораблей и абсолютной неожиданностью этого нападения для датчан, уничтожила датский военно-морской флот. Спустя шесть лет эта операция была повторена, только на этот раз часть вновь созданного датского флота была не уничтожена, а уведена в английские порты. Этот разбой, продолжавший пиратские традиции XVI-XVII вв. породил выражение, иногда употребляемое в политической и военной публицистике - «копенгагизировать флот», т. е. уничтожить его без объявления войны.

Море всегда играло немалую роль в исторических судьбах Англии. С моря приходили англосаксонские, датские и нормандские завоеватели. С заморскими странами Францией, Испанией, Нидерландами велись длительные войны. За морями возникали английские переселенческие колонии - в Америке, Австралии, Новой Зеландии. В 1770 г. капитан Джон Кук открыл восточное побережье Австралии и объявил его английским владением. В Австралии была основана колония Новый Южный Уэльс, и уже через два десятилетия английское правительство учредило здесь место ссылки для уголовников и политических преступников. На морях столетиями пиратствовали английские моряки, по морям велась обогащавшая купцов, промышленников, банкиров, двор торговля. Понятно, что правящие классы старались создать романтический ореол вокруг адмиралов, капитанов, путешественников, и сделать это было тем легче, что и в широких слоях народа мужество и удалость «морских волков» вызывали восхищение и чувство национальной гордости.

Своеобразный культ моря приобрел в начале XIX в. новые истоки и новые черты. Чем больше обуржуазивалась Англия, чем прозаичнее и скучнее становилась повседневная жизнь, тем больше привлекало море и связанное с ним представление об опасностях, подвигах, борьбе со стихией.

Для поэта или художника революционно-романтического направления море было той свободной стихией, над которой не властны людские пороки, где все стяжательское, мелочное отходит на второй план перед величием и красотой природы.

Едва ли не центральное место занимает море в творчестве одного из крупнейших английских пейзажистов Уильяма Тернера (1775-1851). Великолепный акварелист, придававший особое значение свету, воздуху, колористическим исканиям и в этом во многом предвосхитивший импрессионистов, Тернер был прежде всего романтиком. Его привлекали необычные и фантастические сюжеты - дикие скалы, утесы, развалины, грозные ливни и прежде всего - море, бурное, мрачноватое, немного таинственное и почти всегда - в байроновском «борении стихий». Его «Мол в

Кале» (1802-1803) - типичный романтический морской пейзаж. Здесь все - и предгрозовое небо, почти сливающееся с бурными волнами, и парус на переднем плане, и белые гребешки волн - вызывает чувство тревожного ожидания, создает атмосферу надвигающейся катастрофы. Значительно позже (1838) Тернер написал знаменитую картину «Последний рейс корабля «Отважный», в которой сказались результаты его колористических исканий. Прозрачный чистый воздух, многоцветная гамма солнечного заката, штилевое море - все это уже очень далеко от сугубо романтических морских пейзажей начала века.

Какая-то частица отношения поэтов и художников романтического направления к морю проникала в сердца миллионов англичан; это отношение выражало в художественной форме то, что испытывал народ, переплеталось с впечатлением от бесчисленных морских историй, которые рассказывались в тавернах, на ярмарках всей страны. Верхам общества не так уж трудно было привести в это лирико-романтическое отношение народа к морю элементы шовинистического презрения к иностранцам, претендующим на свою долю позиций на морях, и победы английских моряков восторженно встречались в стране. Победитель в Трафальгарском сражении Нельсон стал национальным героем, и даже разбойничьи налеты на Копенгаген воспринимались как «славные» успехи английского оружия.

Борьба на море приобрела еще большее значение с 1806 г., когда Наполеон, убедившись в невозможности высадить десант в Англии, сделал попытку сокрушить ее другим методом. Специальным декретом он ввел континентальную блокаду Англии. Отныне всем странам, зависимым от Франции, предписывалось прекратить всякую торговлю с Англией, закрыть свои порты для английских кораблей. Тем самым Англия лишалась важнейшего для себя европейского рынка, и быстро растущая английская промышленность должна была впасть в состояние глубокого кризиса. Действительно, блокада привела к сокращению английского экспорта примерно на 10% общей стоимости экспортируемых товаров, а в 1809 г. начался торгово-промышленный кризис. Некоторые мелкие и средние фирмы, работавшие преимущественно на экспорт, обанкротились.

Правительство принимало энергичные меры, чтобы сорвать блокаду, и при его поддержке многие купцы все-таки находили возможность торговать с континентом. Английские торговые суда сопровождались военными кораблями. Столкновения на море еще больше усилились, когда Англия предприняла контрмеры. Английские корабли останавливали в открытом море суда других стран, конфисковывали французские товары либо товары, направлявшиеся во Францию. Это привело ко многим дипломатическим осложнениям, но самым опасным из них был конфликт с США.

Американская буржуазия не желала упустить период, когда Франция и Англия истощали силы в длительной войне, и перешла к активной экспансионистской политике на американском континенте. Американские войска без объявления войны вторглись на территорию Канады, что само по себе могло привести к войне. Но агрессивные действия со стороны США были

лишь одной и не самой важной причиной конфликта. Гораздо большую роль играла английская политика контрблокады, которая распространялась, конечно, и на корабли США. Англия не только захватывала американские суда, но и принудила 6 тыс. американских моряков, задержанных во время этих операций, служить в английском флоте. Американская буржуазия ответила на это прекращением торговых сношений с Англией и ее колониями. Это было сильным ударом по английской экономике: ведь в период континентальной блокады значение американского рынка резко возросло. Как ни маневрировало английское правительство, пытаясь урегулировать конфликт с США, 18 июня 1812 г. война была объявлена.

Между тем судьба мира решалась как раз в это лето 1812 г. совсем в другом районе земного шара - на полях России. После распада пятой коалиции Россия осталась лицом к лицу с наполеоновской империей, и теперь, в ходе Отечественной войны, русский народ свершил свой великий исторический подвиг. Разгром «великой армии» Наполеона в 1812 г. был решающим переломным моментом во всей истории наполеоновских войн. Только победа России дала возможность Англии выделить для войны с США достаточные военно-морские и наземные силы. Англо-американская война шла с переменным успехом, но морское превосходство Англии все же обеспечило ей перевес. В ходе войны английская армия даже захватила столицу Соединенных Штатов - Вашингтон и ознаменовала свою победу варварским поджогом крупнейших зданий города. Тем не менее обстановка в Европе вынудила Англию предложить американцам почетный мир, который и был заключен в конце 1814 г. в Ренте. США не получили территорий, на что рассчитывали, начиная войну, но Англия еще раз торжественно признала независимость США и прекратила захват американских кораблей.

Помимо значительного расширения своих владений в Индии, за годы войны Англия захватила ряд важных стратегических пунктов на Средиземном море (Мальту), в Африке (Капскую колонию), приобрела монопольное положение на рынке Бразилии и т.д.

Таким образом, все слои господствующих классов Англии, включая промышленную буржуазию, имели основания поддерживать партию тори. Правительство Питта охотно откликнулось на петиции промышленников и в 1799 г. провело в парламенте закон о запрещении тред-юнионов и других объединений рабочих.

Только рабочий класс продолжал упорную борьбу с предпринимателями и поддерживавшим их правительством, только он не склонился перед реакцией и тем самым спас честь английского народа в те мрачные годы. Несмотря на закон 1799 г., рабочие сохранили свои профсоюзы и даже создавали новые тред-юнионы. Организуя стачки (крупнейшими из них была стачка 40 тыс. ткачей в Шотландии в 1805 г. и 60 тыс. рабочих Манчестерского округа в 1808 г.), рабочие все чаще прибегали также к методу уничтожения орудий производства. Центром движения стал район Ноттингема. В 1811 г. здесь был образован подпольный профсоюз вязальщиков - организация луддитского движения, которой удалось связаться с аналогичными организациями страны.

Наибольшего подъема движение достигло в 1811-1812 гг., когда страна переживала экономический кризис, связанный с континентальной блокадой и временной утратой американского рынка. Предприниматели были терроризированы и пастолько напуганы, особенно в Ноттингеме, что постоянно требовали от правительства присылки войск для охраны фабрик.

В этот период широкое распространение в буржуазных кругах приобрела крайне реакционная и бесконечно далекая от науки теория священника Томаса Мальтуса (1766-1834). В 1798 г. он опубликовал свой «Опыт о законе народонаселения», и эта книга сразу настолько пришлась по вкусу буржуазному читателю, что уже в 1803 г. она была переиздана и затем переиздавалась неоднократно. Мальтус утверждал, что бедность неискоренима по самим законам природы. Если средства пропитания растут в арифметической прогрессии, то само население земли, по Мальтусу, возрастает в прогрессии геометрической, и поэтому всегда будет «избыточное» население, которое обречено на нищету, страдания и вымирание. Из этого делался успокаивающий совесть буржуа вывод, что в нищете рабочих будто бы никто не виноват - ни отдельное лицо, ни социальный строй. «Человек, рождающийся па свет, уже занятый другими, если семья не имеет средств его кормить или если общество не нуждается в его работе, - такой человек не имеет ни малейшего права требовать себе даже малейшей части пищи, и на самом деле он - лишний на свете. Природа приказывает ему удалиться и не замедляет сама привести в исполнение свой приговор».

Но рабочие, вопреки теории Мальтуса, не желали умирать голодной смертью и даже боролись за лучшую жизнь. Перепуганная буржуазия видела выход только в обращении к грубой силе, к армии и полиции. Паническое состояние умов господствующих классов Англии выражал, в частности, глава реакционных романтиков Саути: «В настоящий момент только армия предохранит нас от самой страшной опасности: восстания бедных против богатых».

Парламент в 1812 г. принял закон о введении смертной казни за участие в луддитском движении. Этот чудовищный закон прошел почти без возражений в обеих палатах парламента, и только Байрон в палате лордов произнес гневную речь против составителей билля, которые «могут по праву считать себя достойными преемниками того афинского законодателя, о котором говорили, что его законы писаны не чернилами, а кровью». В «Оде авторам билля против разрушителей станков», которую ему удалось напечатать в «Морнинг кроникл», звучит угроза решительных действий:

Не странно ль, что если является в гости К нам голод и слышится вопль бедняка, - За ломку машины ломаются кости И ценятся жизни дешевле чулка? А если так было, то многие спросят: Сперва не безумцам ли шею свернуть. Которые людям, что помощи просят, Лишь петлю на шее спешат затянуть?

Действительно, закон 1799 г. о запрещении союзов, вмешательство полиции и войск в конфликты между рабочими и предпринимателями, закон 1812 г. о луддитах и последовавшие за ним смертные приговоры - все это способствовало довольно быстрому росту политического сознания рабочего

класса, тем более что в 90-е годы он активно участвовал в борьбе корреспондентских обществ за демократизацию государственного строя. В луддитских воззваниях стали появляться чисто политические мотивы. В то время как буржуазия примирилась со своей ролью «младшего партнера» олигархии, рабочий класс остался единственным носителем демократических идеалов. В одной из листовок содержался призыв к соотечественникам «выступить с оружием в руках и сбросить ненавистное иго глупого старика Георга III и его еще более глупого сына, их мошенников-министров, всех дворян и тиранов. Последуем благородному примеру храбрых граждан Парижа...». В другой листовке после аналогичного призыва выражалось убеждение, что «нами будет управлять справедливая республика».

Между тем молодой управляющий и совладелец бумагопрядильной фабрики в Нью-Ланарке (Шотландия) Роберт Оуэн (1771-1858) именно в это первое десятилетие XIX в. провел убедительный социальный эксперимент, доказавший, что сокращение рабочего дня, повышение зарплаты, создание сносных условий труда и быта рабочих не только не подрывает устой буржуазного господства, но даже укрепляет его и ведет к росту прибыли. В пустыне капиталистического гнета, чудовищной нищеты, невежества, болезней, пьянства и разврата Оуэн создал своеобразный оазис, где 2500 человек жили и трудились во вполне удовлетворительных (по понятиям того времени) условиях. Рабочий день здесь продолжался 10,5 часа, а не 14, как на других фабриках, рабочие имели возможность покупать товары в фабричной лавке на 20% дешевле, чем у других торговцев, для холостяков были организованы столовые, грязные казармы сменились опрятными жилищами и т. д. Все эти меры не только резко повысили жизненный уровень рабочих, но, улучшив их физическое и моральное состояние, привели к росту производительности труда и соответственно прибыли фабрикантов.

В 1812 г. Оуэн опубликовал свой «Отчет о нью-ланаркском предприятии», а в 1813 г. - «Новый взгляд на общество, или Опыты о принципах выработки человеческого характера». Оба исследования произвели сенсацию, и вскоре Оуэн стал одним из самых знаменитых людей Европы. Оуэн использовал свой нью-ленаркский опыт, чтобы опровергнуть лженаучную теорию Мальтуса. По сравнению с невежественным и управляемым дурным правительством народом разумный и трудолюбивый народ может произвести неизмеримо больше пропитания на том же отрезке земли, доказывает Оуэн: «Это такое же отношение, как единица к бесконечности». Находясь в самой гуще промышленного переворота, являясь одним из «капитанов промышленности», Оуэн глубоко верил в неисчерпаемые возможности научного и технического прогресса, в том числе - в сельском хозяйстве. Его хвалили в прессе и в речах, к нему в Нью-Ленарк ездили паломники из буржуазии и аристократии, в том числе такой высокопоставленный посетитель, как российский император Александр I, но никто из фабрикантов не намеревался следовать примеру Оуэна.

Ни в социальных, ни в политических вопросах английский буржуа не склонен был к радикальным решениям. Политический радикализм находил

опору только в низах народа, среди рабочих, ремесленников, мелкой буржуазии.

Наиболее выдающимся идеологом и вождем радикальных элементов был человек, оставивший значительный след не только в истории политической борьбы первой трети XIX в., но и в истории английской культуры - Уильям Коббет (1762-1835); В 1802 г. Коббет основал газету «Уикли политикл реджистер», которая вскоре стала главным органом радикальной оппозиции всему олигархическому режиму. Коббет в равной степени враждебно относился и к торийским министрам, и к вигскому показному либерализму. Подобно Оуэну, он призывал правительство принять меры для улучшения положения рабочих. Но - в отличие от Оуэна - он ненавидел фабричную промышленность, не верил в то, что технический прогресс может принести счастье народу. В этом смысле он более непосредственно, чем ранний Оуэн, выражал взгляды большинства трудящегося населения. Разоряемый фермер старался удержаться на своем клочке земли и видел в городе источник всех бед. Так же был настроен и ремесленник, которому не под силу было конкурировать с фабрикой. Большинство рабочих, изнывающих под бременем фабричной дисциплины, запертых в тесные казармы или городские трущобы, мечтали о возвращении в деревню и склонны были идеализировать свою нищенскую жизнь на лоне природы. Точно так же и Коббет ненавидел городские скопища домов и беспочвенно мечтал о возврате к деревенскому быту. Его взгляды развивались в общем русле романтизма, однако, в отличие от реакционных романтиков, Коббет отнюдь не склонен был мириться с политической реакцией и господством олигархии. Он рекомендовал и рабочему классу сосредоточить усилия на политической борьбе, имея в виду достижение подлинного народовластия, основанного на всеобщем избирательном праве и демократизации парламента. Глубокое противоречие мировоззрения Коббета, которое лишь отражало противоречивость положения и мышления мелкой буржуазии и незрелость пролетарского движения, подчеркивал Маркс: «Он был одновременно и самым консервативным и самым радикальным человеком в Великобритании - чистейшим воплощением старой Англии и наиболее смелым провозвестником молодой Англии».

Плоть от плоти английского народа, Коббет внес в английскую литературу, прежде всего в литературный язык, истинно народную струю. Реакционные романтики пытались вносить народную лексику в свою поэзию, но это в большинстве случаев оказывалось лишь салонной стилизацией «под народ». Коббет же писал точным, простым, подлинно народным языком. Недаром Маркс в середине XIX в. считал, что как писатель Коббет остается непревзойденным.

Положение молодого рабочего класса Великобритании, его сопротивление экономическому и политическому гнету, его ненависть к установленному порядку вещей не только привлекали внимание идеологов к великим социальным сдвигам эпохи, давая толчок развитию политического радикализма, но и оказали решающее воздействие на формирование элементов демократической и социалистической культуры. Страстный протест

революционных романтиков не только против политического и идеологического гнета олигархии, но и против буржуазной действительности с ее эгоизмом, стяжательством, разобщением людей, вторжением торгашества в самые сокровенные человеческие отношения мог возникнуть лишь под влиянием тех социальных сил, которые уже втягивались в борьбу против капитализма. Поэтому революционный романтизм, возникший еще в 90-х годах XVIII в., в начале XIX в. превратился в главное направление прогрессивной культуры, включающее в себя не только общедемократические, но и - в высших своих проявлениях - социалистические элементы.

В той или иной степени революционный романтизм противопоставил себя не только реакционному романтизму, но и классицизму, который вплоть до начала XIX в. господствовал и в театре, и в живописи, и в архитектуре, и во многих других сферах культуры. Спокойствие и гармоничность классицистских архитектурных форм, парадность и обобщенность классицистского портрета, величественность, рассудочность и монументальность классицистских канонов актерского мастерства - все это воспевало прочность, незыблемость господствующего правопорядка. Низвергнуть этот эстетический кодекс, выразить в художественном творчестве стихийный протест масс, ту ярость отчаяния, которая заставляла луддитов жечь, ломать, крушить собственность буржуа, бить в набат по поводу невиданных социальных бедствий, предстать перед народом во всей противоречивости метаний разума и чувства - это значило нанести мощный идеологический удар по силам реакции, содействовать пробуждению к борьбе все более широких слоев народа.

Буржуазная Англия быстро богатели и стремилась как можно солиднее и комфортабельнее устроиться в этом удобном для нее мире. Рабочих она расселяла в бесформенных коттеджах, состоявших из кухни и единственной комнаты, где в невероятной скученности ютились все поколения рабочей семьи, либо в мрачных доходных домах, размещавшихся на лишенных зелени городских окраинах. Для себя буржуа возводили дома или целые кварталы в Лондоне и других городах; следуя примеру знати, они требовали от архитекторов солидных построек в духе классицизма. В начале XIX в. архитектор Д. Нэш возвел немало подобных зданий. В то же время стремление поразить богатством привело к появлению в городах и, особенно, в усадьбах разностильных строений, соответствующих капризным вкусам их владельцев. Под несомненным влиянием реакционно-романтических тенденций возникли попытки имитировать замковую архитектуру средневековья, готический стиль и даже различные восточные стили, произвольно истолкованные владельцами усадеб и архитекторами. Отрыв от национальной, народной архитектурной традиции, стремление окружить себя атмосферой средневековья либо далекой от жизни экзотикой, замкнуться в своем жилище или усадьбе от острейших социальных проблем эпохи - такова подоплека этих тенденций в архитектуре.

Отнюдь не случайно в начале XIX в. начинает клониться к упадку английская школа портрета, принесшая во второй половине XVIII в. всемирную славу английскому искусству. Подлинную славу английского искусства этого периода составил пейзаж.

Это объяснялось, конечно, не только стремлением освободиться от тирании индивидуального заказчика. Любовь к природе, мечта об уходящем, исчезающем в условиях промышленного переворота сельском ландшафте была своеобразной формой протеста против бездушного буржуазного города. В расцвете пейзажной живописи сказалось и то трепетное отношение к природе, которое вызвано романтическим отрицанием голой рассудочности, «культу разума»: ведь в практической буржуазной Англии начала века этот разум обернулся холодно-эгоистическим расчетом дельца и мальтузианским человеконенавистничеством. Чопорность, ханжество, механическое бытие буржуа-стяжателя - как было преодолеть его, если не в общении с вечной природой? Не в ней ли, в природе, подлинная свобода и гармония, которой, увы, не найти в раздираемом противоречиями обществе?

Конечно, нет оснований относить все творчество английских пейзажистов начала века к революционно-романтическому направлению. Только Уильям Блейк, бесспорно, оставался верен революционно-демократическим и наивно-социалистическим идеалам своей юности. Да и в творчестве крупнейших пейзажистов Уильяма Тернера (1775-1851) и Джона Констебля (1776-1837) ярко проявилось свойственное романтикам тяготение к дикой природе, к ее вечному движению. Все это в конечном счете рождало у зрителя мысль о неупорядоченности и сложности современного бытия, которое не укладывается ни в рамки буржуазного «здорового смысла», ни в нормы господствующих политических теорий.

Ливни, грозы, морские бури Тернера, живой, вечно меняющийся воздух выражают состояние духа многих и многих людей того времени, рвавшихся к борьбе, подвигу, открытой схватке с силами зла, но отнюдь не понявших еще, в чем эти силы заключены в реальном мире. Пейзажи Констебля, наоборот, чаще всего - спокойные, солнечные, гармоничные картины природы. Что общего, казалось бы, в них с романтическим отрицанием государства и общественной организации того времени? Самое внимание к природе, решение посвятить себя целиком пейзажу связаны, конечно с романтическим эстетическим идеалом, но в воплощении природы художник пошел своим, подлинно новаторским путем. Главным содержанием этого новаторства заключается в отказе от какой-либо идеализации природы. Констебль писал этюды с натуры, природа для него предельно конкретна, он подходит к ней одновременно как исследователь, интересующийся частностями, - строение коры, структурой почвы, формой облаков, и как живописец, лирически воспринимающий целое. Природа Констебля - это не идиллический сельский пейзаж, а живая, полнокровная среда, окружающая человека труда. Это не та природа, которая близка сердцу аристократа - землевладельца или богатого фабриканта, это природа простого человека-труженика. Не случайно картины Констебля пришлись не по вкусу верхам общества: они сочли их грубыми и примитивными. Даже в 20-е годы, когда Констебль приобрел общеевропейскую известность и в центре художественного мира - Париже - его окружили почетом, в Англии он был лишь формально признан академическими кругами.

В архитектуре хозяева Англии просто не допускали развития элементов

демократической культуры, в живописи - могли ограничить этот процесс; гораздо труднее было воздействовать на искусство театра. С конца XVIII в. в связи с социальными сдвигами и бурным подъемом демократического движения стала резко меняться театральная аудитория. Вновь, как это было в конце XVI в., в театр хлынули массы городского населения - ремесленники, более или менее обеспеченная часть рабочих, мелкие собственники. Новая публика предъявляла свои требования, воздействовала на актеров столичных и провинциальных театров своим поощрением либо осуждением, и ни один театральный деятель не мог оставаться равнодушным к этому движению.

Количество театров росло, но право ставить классические или современные пьесы было предоставлено в Лондоне лишь двум театрам - Друри-Лейну и Ковент-Гардену. В остальных театрах Лондона и провинции ставились развлекательные спектакли-фарсы, пантомима, музыкальные комедии.

На сцене монопольных театров шли либо пьесы реакционных романтиков, осуждавшие революционные идеи и революционные методы борьбы (а Саути, Кольридж, Вордсворт подвизались и в области драматургии), либо «трагедии ужасов», тоже связанные с реакционно-романтической склонностью к мистике и идеализации средневековья. Сохранялся и классический репертуар, в частности не сходили со сцены трагедии Шекспира, но их старались подчистить, сделать более «правильными» в соответствии с канонами классицизма. Эти каноны господствовали и в актерском искусстве. Просветительский реализм Гаррика уже в последней трети XVIII в. уступил место торжественно-декламационной манере актерской игры, демонстрировавшей цельность героя.

На рубеже двух театральных эпох, двух школ актерского мастерства - романтической и классической - ведущее место в английском театре заняла замечательная актриса Сара Сиддонс (1755-1831). Приглашенная в Друри-Лейн еще Гарриком, она оставалась вплоть до 1812 г. первой трагической актрисой Англии. В ее игре рассудочность и декламационный стиль преобладали над непосредственным изображением человеческих чувств. Правда, в кульминационных моментах роли эта актриса классического направления добивалась глубокого эмоционального воздействия на зрителей. Талантливая Сиддонс внесла в актерское искусство ряд новшеств, которые стали немалым завоеванием в развитии английского театра: глубокая логичность всего рисунка роли, ее тщательный анализ, чистота, выразительность дикции.

Следующий шаг в утверждении классицизма на английской сцене сделал брат Сиддонс - Джон Кембл (1757 -1833) - актер и режиссер сначала Друри-Лейна, а с 1803 г. - Ковент-Гардена. Изысканный джентльмен, вращавшийся в высшем свете, Кембл вместе с людьми своего круга с недоверием относился ко всякому проявлению чувств - в этом ему виделось нечто простонародное, вульгарное, «неджентльменское» и даже опасное.

За стенами театра бушевали могучие бури века, буржуазный строй все более обнаруживал свою «неразумность» и противоречивость. В той или иной форме эти бури должны были прорваться на сцену. Новое, романтическое направление в актерском искусстве начало пробивать себе дорогу в

провинциальных театрах. Нищие провинциальные актеры, жившие в дешевых гостиницах, постоянно испытывавшие гнет политической реакции, принадлежавшие по своему общественному положению к демократической массе, чутко улавливали ее настроения, сами проникались ими и выносили на сцену народный протест, гнев, ненависть, народную жажду свободного выражения человеческих чувств и страстей. Именно там, на провинциальной сцене, и вырос гениальный актер своей эпохи Эдмунд Кин (1789-1833). Не случайно именно ему, человеку, детство которого прошло в скитаниях, голоде, неуверенности в завтрашнем дне, побоях и унижениях, выпала миссия возглавить бунт против классицизма, стать творцом буйного, протестующего романтического направления. И это направление победило, потому что оно встретило поддержку демократического зрителя и, благодаря гению Кина, заставило даже официальную критику признать могучую новаторскую силу нового искусства.

Привилегированные театры Лондона, уже зная об огромном таланте Кина и его успехе в провинции, пытались было не допустить его на свою сцену. Но зритель, которому надоела классицистская декламация, стал бойкотировать театр. Администрации пришлось пойти на уступки публике, и в начале 1814 г. Кин появился на сцене Друри-Лейна. Он играл и в современной мелодраме, и в классической трагедии, но более всего его таланту трагика соответствовал шекспировский репертуар. Если Кембл причесывал, «подправлял» Шекспира, то Кин принимал гениального драматурга целиком, со всем буйством страстей. Близкая романтику мысль о трагической неустроенности мира пронизывает все творчество Шекспира. Великий трагик, отказавшись от однолинейной трактовки шекспировских образов, до конца обнажая злорадство Ричарда III, противоречивость Гамлета, трагедию обманутого доверия в «Отелло», не только открывал зрителю «нового Шекспира», но одновременно пробуждал у него и ощущение трагической противоречивости своего века. Резкие контрасты речи, естественные жесты, мгновенные изменения позы, выражения лица, взгляда - все это взрывало джентльменскую благопристойность, ханжескую замкнутость, все это боролось за человека против уродующего его собственнического мира.

Недаром одним из первых почитателей таланта Кина был Байрон, а сам Кин, даже на вершине славы и богатства отказавшийся от общения с людьми «высшего света», говорил, что он может терпеть общество только одного лорда - лорда Байрона.

Джордж Гордон Байрон (1788-1824) вступил в политическую и литературную борьбу своего времени двадцатилетним юношей, имеющим за плечами годы учебы, раздумий, поэтических опытов. Принадлежа к старинному, хотя и обедневшему аристократическому роду, он мог бы бездумно благоденствовать, как это делала почти вся золотая молодежь его эпохи.

Но Байрон с юности жил бурными событиями своего века: он создавал вокруг себя атмосферу широких общественных и эстетических исканий, хотя и не отказывался от «света» и образа жизни людей своего круга.

Широкую литературную известность он приобрел первыми песнями знаменитого «Паломничества Чайльд-Гарольда», которые вышли из печати в 1812 г. Эта поэма была написана во время длительного заграничного путешествия Байрона: в его художественной палитре появились новые краски, а его поэтический дар обогатился новыми впечатлениями; он видел и сражающихся против французских захватчиков партизан Испании, и собирающую силы для восстания против турецкого владычества Грецию, видел борющиеся народы, и мысль о народе как главной силе прогресса, пусть в наивном и далеко не завершенном виде, начала облекаться плотью вполне конкретных либо романтически отвлеченных образов. Предельно ясным языком политической поэзии, которого Англия не слыхала до Байрона, он писал:

Испания, таков твой жребий странный! Народ-невольник встал за вольность в бой. Бежал король, сдаются капитаны. Но твердо знамя держит рядовой.

В «Восточных поэмах» («Корсар», «Лара» и др.) действует одинокий герой - бунтарь, выписанный целиком в духе поэтики романтизма, но этот герой обладает несгибаемой волей, могучими страстями, способностью к действию, весь смысл его жизни - в борьбе, хотя он и обречен на поражение, поскольку он одинок. Конечно, в этих поэмах, как и во многих других произведениях, сказывается и слабость байроновского романтизма, его крайний индивидуализм, причудливо переплетающийся с подлинно народной тенденцией. Но даже и эти герои-одиночки своими страстными исповедями-монологами, своей ненавистью к установленному общественному порядку призывают к борьбе, к самоотверженности, решимости. Ярость людей, которые пока бессильны изменить существующий уклад жизни, слышится чуткому читателю «Восточных поэм», она клокочет в сердцах Гяура, Корсара и других героев. Поэтому романтизм Байрона и был революционным, поэтому он и вызывал ненависть реакции и привлекал к делу общественного прогресса все больше людей из народа. В то время Байрона, конечно, читали и в верхах общества: гениального поэта казенной критике трудно было скомпрометировать в глазах читателей, а общая атмосфера господства романтизма в литературе и искусстве заставляла ожидать выхода нового томика стихов и светского юношу, и мечтательную леди из провинциального поместья. Но Байрон, как и Шелли, нашел себе вскоре наиболее благодарную и верную аудиторию именно в среде рабочих. «Шелли, гениальный пророк Шелли, и Байрон со своей страстностью и горькой сатирой на современное общество имеют больше всего читателей среди рабочих; буржуа держит у себя только так называемые «семейные издания», выхолощенные и приспособленные к современной лицемерной морали».- писал в 1845 г. Ф. Энгельс.

Не случайно имя Шелли стоит здесь рядом с именем Байрона. «Революционер с головы до ног», как его называл Маркс, гениальный поэт и мыслитель, стоявший на позициях, близких к утопическому социализму, Перси Биси Шелли (1792-1822) вошел в историю английской и мировой культуры как пламенный певец свободы, как великий новатор в искусстве слова. Выходец из

богатой дворянской семьи, питомец аристократического Итона, студент Оксфорда, Шелли уже в отроческие годы выделялся в среде окружавших его ограниченных и консервативных родственников и ученых педантов из Итона и Оксфорда. Философский склад ума, склонность к самостоятельным оценкам коренных проблем бытия рано привели его к мечте о преодолении социального неравенства. Огромное влияние оказали на юного Шелли «Политическая справедливость» Годвина, «Права человека» Пэна, труды французских просветителей. С Годвином Шелли вскоре познакомился, а впоследствии вступил в гражданский брак с его дочерью - Мэри Годвин - одной из образованнейших женщин своего времени.

Юношеские тираноборческие стихи и, в особенности, открытое выступление против религиозного фанатизма вызвали такой гнев университетского начальства, что Шелли был изгнан из Оксфорда. Девятнадцатилетний бунтарь оказался не только вне университета, но и вне того круга, в котором был воспитан: от него отвернулась даже ближайшая родня. Сам Шелли впоследствии относился к этому переломному событию своей жизни без всякой горечи. «Останься я там еще на несколько лет, они задушили бы во мне всякую любовь к образованию, всякое желание уйти из стада скотов, подобных им», - писал он Байрону. Избежав этой опасности, Шелли со всей энергией и страстью борца окунулся в политическую борьбу. Его письма 1812 года - года подъема луддитского движения - полны ужасающих картин нищеты. «Каким огнем воодушевляют меня подобные зрелища!..» И Шелли изливает этот огонь на бумагу, строки его стихов действительно написаны кровью человека, который задыхается от негодования:

Продажно все: продажен свет небес, Дары любви, что нам дана землей.
Ничтожнейшие маленькие вещи,

Что в глубине, в далеких безднах скрыты, Все, что есть в нашей жизни,
жизнь сама, Содружество людей. Свободы проблеск И те заботы, что людское
сердце Хотело б инстинктивно выполнять - Все на публичном рынке
продается...

Конечно, Шелли не видел и не мог видеть на столь раннем этапе капиталистического развития подлинного механизма капиталистической эксплуатации, как не мог он понять и роли рабочего класса и путей борьбы за социальное переустройство мира. Поэтому он и был романтиком и утопистом. Первая его поэма - «Королева Маб» (1813) - типичная романтическая поэма. Это фантастическое видение, связанное крепкими нитями с традициями английского народного творчества. Сам жанр видения был использован еще в XIV в. У. Лепглендом в «Видении о Петре Пахаре», а королева Маб - волшебница из средневековых народных сказаний. Она-то и уносит душу спящей девушки Ианты в небеса и дает ей возможность увидеть человечество прошлого, настоящего и будущего. Кровью и страданиями народов полна история - следы их видны даже в великолепных сооружениях древности.

Современное общество - «смесь феодальной дикости и несовершенной цивилизации». Но наступит время всеобщего братства (и Шелли пытался описать его), когда люди будут счастливы, нравственно чисты, миролюбивы...

Уже этого заключительного раздела поэмы, в котором поэт дает волю своей необузданной фантазии и мечте о социальной справедливости, достаточно, чтобы понять, почему Энгельс назвал Шелли гениальным пророком.

Таким образом, в годы наполеоновских войн усилилась борьба демократических сил против политической и идеологической реакции; эта борьба приобретала формы и прямых выступлений рабочего класса, и развития политического радикализма, и, в особенности, роста элементов демократической культуры.

Парламентская реформа 1832 г.

Между тем почти 25-летний период войн подходил к концу. После поражения в России наполеоновская Франция уже не была столь могучей державой. Теперь английские войска под командованием герцога Веллингтона добились победы на Пиренейском полуострове и совместно с испанской армией вторглись во Францию. Шестая коалиция, в отличие от всех предшествующих, победоносно провела кампании 1813 и 1814 гг. В знаменитой «Битве народов» 16-19 октября 1813 г. (под Лейпцигом) французы потерпели жестокое поражение, а в марте 1814 г. союзные войска, в том числе и английские, вступили в Париж. Окончательное поражение Наполеона в битве при Ватерлоо 18 июня 1815 г. было использовано правящими кругами Англии для раздувания шовинизма и прославления английской армии, будто бы освободившей Европу от наполеоновского деспотизма. В пантеоне самых прославленных полководцев АНГЛИИ ПОЯВИЛОСЬ ИМЯ герцога Веллингтона, командовавшего в битве при Ватерлоо. Отныне он стал одним из виднейших деятелей торийской партии и неоднократно занимал посты премьер-министра, министра иностранных дел и, конечно, главнокомандующего.

Ведущую роль в английской дипломатии этого периода играл министр иностранных дел лорд Кэстльри. Типичный представитель правящей олигархии, закоренелый тори, враждебный всякому прогрессу, отрицавший даже необходимость элементарных реформ в духе Уильяма Питта Младшего, он легко нашел общий язык с вождями общеевропейской реакции тех лет - императором Александром I и австрийским канцлером Меттернихом. Разгром Наполеона он, подобно своим иностранным коллегам, мечтал использовать для искоренения революционной опасности. Разумеется, он стремился при этом максимально удовлетворить алчность правящих классов Англии, расширить колониальную империю и навсегда сохранить господство Англии на морях.

Венский конгресс 1814-1815 гг. закрепил за Англией захваченные ею в ходе войн важнейшие стратегические позиции и опорные пункты: остров Мальту, Ионические острова, Капскую колонию, остров Цейлон и др. Поражение Франции надолго освободило Англию от сколько-нибудь серьезного соперника в мировой торговле. В самой Европе английская дипломатия стремилась проводить политику «равновесия сил», противопоставляя возросшей мощи России различные комбинации

континентальных держав.

Крайне реакционной внешней политике в полной мере соответствовало и дальнейшее усиление внутренней реакции. Разгром Наполеона усилил шовинистическую надменность верхов английского общества, их пренебрежение к другим народам, убеждение в расовой исключительности англосаксов. Еще душнее стала атмосфера сытого самодовольства, необузданного эгоизма, пуританской чопорности, замкнутости, ханжеского отрицания земной любви. В этой атмосфере задохнулись Байрон и Шелли, которые как раз в эти годы (первый - в 1816 г., второй - в 1818 г.) покинули навсегда родину. Тупому самодовольству буржуа Байрон противопоставляет могучую силу разума, тем самым продолжая борьбу и против реакционного романтизма, воспекает, следуя за Робертом Бернсом, подлинную любовь. Но главной и вечной любовью Байрона оставалась свобода:

Мужай, свобода!
Ядрами пробитый,
Твой поднят стяг ветрам.

Не сумев найти себя в будничной, еще далекой от решающих битв борьбе своего народа, Байрон бросился в бури освободительной борьбы итальянского народа, а в конце жизни - народа Греции. Об этом своем решении он писал в «Стансах»:

Что ж, если ты вступить не можешь в бой
За собственный очаг, - борись за дом соседа,
За вольность Греции, за Рима блеск былой...

В этот же период Байрон обращается к политической сатире, гневно и остроумно высмеивает в сатирической поэме «Бронзовый век» вождей европейской реакции, в том числе кумира английских шовинистов - Веллингтона. Подлинной вершиной творчества Байрона стал «Дон Жуан» - великолепная сатирическая поэма, уже гораздо более близкая к реализму последующих десятилетий, чем к романтическому искусству. Политика, борьба народов за свободу, столкновение сил добра и зла не переносятся здесь в сферу титанических символов, экзотических условностей либо библейской мифологии. Пороки собственнического строя, войны, революции, политическая реакция, борьба за свободу, паразитизм верхов, лицемерие политики Англии, которая «для всех народов - злейший враг», право человека на свободную мысль, на любовь, на человеческое достоинство - такова проблематика этого незавершенного произведения. А его живой, подлинно народный язык, искусно сплетенная в единый клубок гневная сатира и лирическое раздумье, точные бытовые детали и философские рассуждения, добродушный юмор и высокий пафос сделали «Дон Жуана» крупным завоеванием английской демократической культуры.

В эти же годы Шелли пишет свое «Восстание Ислама» - этот гимн

французской революции и революции вообще, а вскоре - свое самое значительное произведение, философскую драму «Освобожденный Прометей». Единоборство Прометея с Юпитером, показанное в типичном для романтизма духе столкновения титанических сил, замечательно тем, что Прометей не одинок в этой борьбе, он болеет болью народов и в их сопротивлении черпает силы для победы. Абсолютная победа Прометея - это великое пророчество, причем Шелли отходит здесь как от традиционного истолкования мифа, так и от романтической традиции, предполагающей гибель одинокого бунтаря. Социальная утопия Шелли, намеченная уже в «Королеве Маб», становится здесь более зрелой; будущее общество, освобожденное от эксплуатации, будет обществом «без классов, без племен, без наций».

Могучий протест Байрона и Шелли против реакции выражал в романтической и фантастической форме реальные противоречия эпохи и был тысячью нитей связан с той борьбой, которую вели народы континента и самой Англии.

Несмотря на то, что после окончания войны Англия приобрела фактическую монополию на мировых рынках, первые послевоенные годы оказались годами экономического спада. Прекратились военные поставки союзникам, разоренные народы континента не имели возможности покупать в большом количестве английские товары, новые рынки, захваченные в ходе войны, надо было еще осваивать. В этих условиях тяжелое бремя косвенных налогов, из которых оплачивались проценты по государственному долгу, вызывало еще большее, чем в годы войны, возмущение масс. Положение бедняков могло бы хоть немного облегчить естественное в мирной обстановке падение цен на продовольствие, тем более что для доставки хлеба с континента теперь были все возможности. Но в этом случае снизились бы доходы английских лендлордов, и парламент сразу же по окончании войны принял в интересах землевладельцев чудовищные «хлебные законы». Эти законы закрывали доступ иностранного хлеба в Англию, если цена его на внутреннем рынке падала ниже 80 шиллингов за квартал (286, 28 литра). Иначе говоря, цена на хлеб искусственно поддерживалась на очень высоком уровне.

Не удивительно, что ненависть к олигархии охватывала все более широкие слои английского народа. Рабочие вновь стали прибегать к стачкам, разрушать машины. Мелкобуржуазные радикалы находили теперь в рабочих массах мощную поддержку своих требований, и именно этим объясняется возрождение радикализма в послевоенный период. Обращение Уильяма Коббета «К поденщикам и рабочим», содержавшее рекомендацию сосредоточить усилия на борьбе за парламентскую реформу, разошлось в количестве 200 тыс. экземпляров и вскоре сделало Коббета одним из признанных руководителей демократического движения. Однако рабочие видели в требовании парламентской реформы, в лозунге всеобщего избирательного права не самоцель, а путь к социальным преобразованиям. Элементы антикапиталистических воззрений и утопического социализма прочно вошли в демократическую культуру и социальную психологию передовых слоев рабочего класса.

В пользу реформы стали высказываться и буржуазно-либеральные элементы. Поскольку роль промышленной буржуазии продолжала возрастать, постольку распределение избирательных округов становилось анекдотически не соответствующим новой классовой структуре и сосредоточению населения в новых промышленных районах. «Гнилые местечки» посылали в палату общин почти три четверти ее состава, в то время как крупные промышленные центры Манчестер, Бирмингем, Лидс вовсе не имели представителей в парламенте.

Правительство Ливерпуля все больше доказывало свою неспособность отказаться от сугубо консервативной тактики. В 1817 г. вновь, как в конце XVIII в. и в первые годы XIX в., было приостановлено действие Habeas Corpus Act'a и установлен режим полицейского произвола. В таких условиях буржуазно-либеральные круги стали постепенно менять свою политическую ориентацию. Массовое движение вынудило их перейти от союза с олигархией против народа к борьбе против олигархии с опорой на народ.

Сложившаяся обстановка оказала влияние и на тактику вигских лидеров. Утратив власть еще в 80-х годах XVIII в., они вынуждены были искать себе новую опору в промышленной буржуазии, так как землевладельцы, торговые монополисты и финансисты прочно поддерживали торийскую верхушку. Продолжая традиции Фокса и левых вигов 90-х годов вигские аристократы усилили свою оппозицию политике правительства Ливерпуля и стремились завоевать популярность защитой принципов ограниченной парламентской реформы, а также свободы печати, собраний и других конституционных гарантий. Они выступали против решений Венского конгресса, осуждали политику подавления национальной независимости народов континента, даже самый термин «либерал» в качестве названия партии возник в связи с симпатиями, которые виги выражали испанским либералам.

Борьба за реформу особенно усилилась к лету 1819 г. Массовые митинги, сборы подписей под петициями, агитация в прессе приобрели угрожающий для правительства характер. Кульминационным пунктом был многотысячный митинг ланкаширских сторонников реформы на поле св. Петра (неподалеку от Манчестера) 16 августа 1819 г. Колонны демонстрантов со знаменами, оркестрами в идеальном порядке прибыли на поле св. Петра из Манчестера и других городов Ланкашира. «Равное представительства или смерть!» - таков был один из лозунгов, начертанных на знаменах. Однако к митингу готовились не только рабочие, составлявшие подавляющее большинство участников, но и правительство. В район митинга были стянуты войска и добровольческая кавалерия Манчестера. Гусары и кавалеристы-буржуа напали на безоружных демонстрантов и устроили такое чудовищное побоище, что народ возмущенно назвал это событие «сражением при Питерлоо»; 11 человек было убито и около 400 - ранено.

Вслед за «манчестерским побоищем» правительство провело на чрезвычайной сессии парламента «шесть законов для затыкания рта». Всякое собрание, на котором присутствовало свыше пятидесяти человек, разрешалось отныне проводить лишь с ведома мирового судьи; на митингах запрещалось произносить антиправительственные речи и критиковать государственное

устройство, т. е. митинги, по существу, не могли обсуждать вопрос о парламентской реформе. Издателям «мятежных сочинений» грозила теперь не только конфискация тиража, но и судебное дело с последующим тюремным заключением или ссылкой.

Возмущение «манчестерским побоищем» и «шестью актами» вылилось в форму массовых демонстраций протеста, гневных статей в печати и даже парламентских филиппик вигских лидеров. Конечно, лорд Грей и другие вигские демагоги стремились использовать народное негодование для подрыва позиций тори, но они в то же время действительно считали торийскую тактику опасной для всех слоев господствующего класса. Даже «Таймс» осудила правительство за пролитую на «Питерлоо» кровь.

Тем не менее принятые правительством и парламентом меры временно укрепили позиции олигархии, чему способствовало и то обстоятельство, что к концу второго десятилетия XIX в. послевоенный экономический кризис закончился. Единого фронта сторонников парламентской реформы на этот раз не получилось: буржуазия временно отошла от движения и уже, во всяком случае, не желала его возглавить, а рабочий класс собственными силами не мог еще оказать решающего давления на парламент.

Но рабочий класс Англии не прекращал борьбы за свои классовые интересы, в том числе - за демократизацию всей политической и общественной жизни. Несмотря на то что тред-юнионы по-прежнему были запрещены (по закону 1799 г.), профсоюзное движение в эти годы быстро развивалось. Нередко используя легальную вывеску обществ взаимопомощи, рабочие различных профессий стремились организоваться в общенациональном масштабе. Так возникли общество взаимопомощи чугунолитейщиков, общество набойщиков ситца, проводившее ежегодные съезды, и др. Наряду с экономическими требованиями, обращенными к отдельным предпринимателям или их объединениям, рабочие выдвинули и чисто политическое требование отмены антипрофсоюзного закона 1799 г. В эту кампанию включились и видные радикалы во главе с Ф. Плэйсом.

В 1824 г. парламент вынужден был отменить все акты, запрещавшие профсоюзную деятельность. Это было важной победой рабочего класса. Главной причиной принятия закона 1824 г. была борьба самого рабочего класса, но немалую роль тут сыграли и некоторые новые политические тенденции в самой торийской партии. Революционный подъем 1816-1820 гг. усилил позиции той части тори, которая, оставаясь на крайне реакционных позициях, все же не могла не видеть новой исторической обстановки и понимала необходимость гибкого маневрирования как во внутренней, так и во внешней политике. Вождем этого направления «умеренных» или «либеральных» тори был Джордж Каннинг; к нему примыкали Роберт Пиль, Уильям Гескисон, Генри Пальмерстон и другие влиятельные деятели торийской партии. Удовлетворить экономические требования буржуазии и тем самым отвлечь ее от борьбы за реформу, не допустить ее совместных выступлений с рабочим классом и в то же время пойти на некоторые уступки рабочим - таков был замысел группы Каннинга.

В 20-е годы пост министра внутренних дел в кабинете Ливерпуля получил Роберт Пиль, который незадолго до этого даже высказался в пользу умеренной парламентской реформы. В 1822 г. на пост министра иностранных дел пришел Каннинг. Его предшественник - один из вождей английской и европейской реакции Кэстльри, потрясенный неудачами своей политики, покончил с собой. В Англии это событие было встречено ликованием широких слоев народа. Байрон откликнулся на него злой эпиграммой:

Зарезался он бритвой, но заранее Он перерезал глотку всей Британии.

Важное ведомство торговли попало в руки Гескисона. Таким образом, все ключевые посты в кабинете оказались в руках умеренных тори. Кроме закона 1824 г. о легализации тред-юнионов, провели некоторые важные экономические и административные реформы. Гескисон упростил таможенную систему, снизил ввозные пошлины на сырьевые и продовольственные товары (хотя почти не затронул «хлебные законы»), а также вывозные пошлины. Тем самым английский предприниматель получал дешевое сырье и льготные условия экспорта. Каннинг, опираясь на мощь английского флота, демагогически выступил против контрреволюционных интервенций, направленных на подавление рационально-освободительной борьбы народов. Более того, он заявил, что все народы должны пользоваться теми же «свободами», которые давно установились в Англии, т. е. конституционным режимом. Вся эта демагогия поднимала престиж Каннинга в либеральных кругах Англии, обеспечивая ему, в частности, поддержку вигской оппозиции, а также среди либералов континента. Этому немало способствовал и его главный враг - Меттерних, называвший его «якобинцем». Так рождался миф об Англии - освободительнице народов, защитнице демократии.

Между тем в основе политики Каннинга лежали отнюдь не демократические принципы - ведь даже у себя на родине он был противником демократизации государственного строя. Просто политика Кэстльри предоставляла инициативу России и Австрии, ослабляла позиции Англии на континенте и была невыгодна с точки зрения борьбы за мировые рынки. Когда латиноамериканские колонии Испании повели революционную борьбу за независимость, Каннинг усмотрел в этом возможность захвата южноамериканских рынков. Англии выгодно было провозглашение независимости латиноамериканских стран, и Каннинг решительно заявил, что не потерпит интервенции из Европы. При господстве английского флота на Атлантическом океане это заявление оказалось решающим. В 1825 г. Англия признала новые государства - Мексику, Аргентину и Колумбию, а затем и бывшую португальскую колонию - Бразилию, поток английских товаров устремился в Южную Америку. Этими же соображениями руководствовался Каннинг, когда в 1823 г. выступил в защиту греческих повстанцев, сражавшихся против Турции за независимость своей страны. В 1827 г. английский флот совместно с русским и французским участвовал в разгроме турецкого флота при Наварине.

Внешняя политика Каннинга и таможенные реформы Гескисона в немалой степени способствовали тому, что позиции английской буржуазии на мировом

рынке значительно укрепились. Естественно, что буржуазные круги рукоплескали Каннингу и его группе и все меньше помышляли о парламентской реформе.

В 1827 г. умер глава кабинета Ливерпуль, которому удавалось сохранять единство торийской партии, кое-как примиряя закоренелых тори типа Веллингтона с «либеральными» тори. Премьер-министром стал Каннинг, причем он ввел в состав кабинета и некоторых вигов. Однако в том же 1827 г. умер и Каннинг. К власти пришли крайние тори.

В 1829 - 1830 гг. экономический кризис охватил промышленные районы страны, и в ходе его поднялась волна стачек и локаутов. В южной и юго-восточной Англии, т. е. в непосредственной близости от столицы, начались волнения сельскохозяйственных рабочих. В рабочей среде стали приобретать популярность идеи великого социалиста-утописта Роберта Оуэна.

Начав как реформатор и филантроп, Оуэн пришел к выводам, сформулированным им в следующих словах: «Частная собственность была и есть причиной бесчисленных преступлений и бедствий, испытываемых человеком». Из этого следовало, что необходимо создать общество, основанное на общественной собственности.

Это была социалистическая концепция, включавшая наряду с главным тезисом об общности имущества гениальные догадки о стирании грани между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. Оуэн выступил также против господствующей религии и против моногамной семьи, усматривая в них, наряду с частной собственностью, главное препятствие к счастью человечества. Удивительно ли, что и олигархические верхи общества, и буржуазия не только отказали ему в поддержке, но и ополчились против него как врага существующего строя, потрясателя основ буржуазной цивилизации, религии, морали?

С этого времени деятельность Оуэна, наряду с дальнейшими теоретическими изысканиями, идет по двум практическим каналам. Во-первых, он пытался учредить коммунистические колонии, которые показали бы пример всему человечеству. Все свое состояние он истратил сначала на создание колонии Нью-Гармони в Америке, а после ее распада - Гармони-Холл в Гемпшире. Такие оазисы коммунизма в пустыне капитализма были обречены.

Во-вторых, Оуэн обратился непосредственно к рабочему классу, правильно поняв, что только в этой среде он может получить подлинную поддержку. До конца дней оставаясь утопистом, он рассчитывал исключительно на просвещение умов, которое поможет убедить человечество в преимуществах социализма. Утопизм Оуэна заключался в том, что он не видел противоположности классовых интересов и считал социализм равно выгодным для низов и для верхов общества.

Пропаганда оуэнистских идей в рабочем классе велась многими профсоюзными лидерами. Немалую роль в этой пропаганде играл журнал «Пур мэнз гардиан», созданный при участии оуэнистов в 1830 г. При этом передовые рабочие, воспринимая оуэновскую критику капиталистических порядков и мечту о социальной справедливости в будущем обществе, отнюдь не разделяли

его представлений об общности интересов рабочего класса и буржуазии. «Нет общих интересов у рабочих и людей, получающих прибыли», - писал на страницах «Пур мэнз гардиан» один из рядовых оуэнистов. Начавшийся поворот масс в сторону социалистического идеала, проходивший одновременно с ростом организованности рабочего класса и на фоне усилившегося массового движения в Англии и Ирландии, заставил буржуазные круги еще раз задуматься о своей тактике. Французская революция 1830 г., вновь оживившая страшный для буржуазии призрак «якобинства», еще более усложнила обстановку. Продолжая поддерживать олигархию, буржуазия рисковала теперь слишком многим. Ей представлялась последняя возможность отвести от себя удар и направить недовольство масс только против земельной аристократии и олигархии.

Уже в конце 1829 г. в Бирмингеме возникла первая буржуазная организация, отстаивающая дело реформы, - Политический союз. Ее организатор и руководитель - банкир Томас Атвуд старался привлечь к участию в Политическом союзе и рабочих. Такого же типа союзы стали создаваться и в других городах, включая Лондон, где руководство осуществлял старый и опытный политик Фрэнсис Плэйс. На базе этих местных организаций Атвуд и Плэйс создали Национальный политический союз, который направлял из единого центра всю деятельность буржуазных кругов в пользу реформы. Соотношение сил между рабочими, добивавшимися всеобщего избирательного права и других радикальных преобразований, и буржуазией в различных местных союзах складывалось неодинаково, и от этого зависела степень активности и характер требований союзов. Но в целом все же руководство оставалось в руках буржуазии. Только в некоторых городах промышленного Севера действовало по два союза - рабочий и буржуазный.

Весной 1831 г. лондонские рабочие во главе с Уильямом Ловеттом образовали Национальный союз рабочего класса. Его программа не выходила за пределы общедемократических требований, но в этих рамках она была последовательней любой из программ существовавших тогда организаций: всеобщее избирательное право, тайное голосование, ликвидация палаты лордов, отмена титулов и привилегий, дешевое и быстрое правосудие, отмена десятины, создание национальной гвардии вместо наемной армии.

Существование независимых от буржуазии политических рабочих организаций и их активная деятельность в решающие месяцы борьбы за реформу вынуждали и буржуазных политиков действовать, не допуская их капитуляции перед олигархией. Политическую активность рабочих масс вынуждены были учитывать и вигские лидеры, которые сочли за благо сделать реформу главным пунктом своей программы. Некоторые либеральные тори стали переходить в лагерь вигов. Среди таких перебежчиков был лорд Генри Пальмерстон, член кабинетов Каннинга и Веллингтона, а с 1830 г. один из лидеров партии вигов.

Парламентские выборы в августе 1830 г. (назначенные в связи со смертью короля Георга IV) принесли вигам первую за долгие десятилетия победу, и в ноябре того же года лидер партии Чарльз Грей сформировал правительство. В

кабинет вошли представители вигской аристократии, а также лорд Пальмерстон, занявший пост министра иностранных дел. Направив свои главные усилия на разгром аграрных волнений, министерство Грея одновременно занялось разработкой проекта парламентской реформы, и весной 1831 г. в парламент был внесен соответствующий билль.

Вигский законопроект (билль Рассела) предусматривал некоторые прогрессивные сдвиги в английской парламентской системе. Большинство «гнилых» и «карманных» местечек по законопроекту ликвидировалось. Часть мелких избирательных округов, которые посылали по два депутата, сохранили право лишь на одно место. В общей сложности освобождалось 143 депутатских мандата. Это означало, что землевладельческая знать лишалась монополии в политической жизни. 13 мест предоставлялось Шотландии и Ирландии, а оставшиеся 130 мест делились поровну между городскими и сельскими округами. 65 мест, таким образом, получали города, выросшие в годы промышленного переворота и не имевшие представительства в парламенте.

Иначе говоря, была сделана серьезная уступка промышленной буржуазии, которая теперь, как отмечал Маркс, «была в общем признана господствующим классом и в политическом отношении».

Билль о реформе, несколько расширив число избирателей за счет городской и сельской буржуазии, спланивал господствующие классы: компромисс 1688 г., затрагивавший в то время лишь верхушку финансовой и торговой буржуазии, был теперь распространен и на буржуазию промышленную. Она пришла к власти, но не революционным путем, а вследствие нового компромисса с землевладельцами. Поэтому феодальные пережитки в государственном строе Англии не были сметены. Земельная аристократия по-прежнему сохраняла в своих руках министерские посты и ведущие позиции в государственном аппарате, армии и флоте.

Защищая билль, один из виднейших либеральных историков, публицистов и литературных критиков Томас Маколей (1800-1859) говорил в парламенте, что провал билля поведет к «крушению законов, смещению сословий, захвату чужой собственности и нарушению общественного порядка».

Однако даже эти аргументы не убедили непримиримых тори. Билль прошел большинством всего в один голос, а через несколько дней при обсуждении деталей билля в комитете правительство и вовсе осталось в меньшинстве. Тогда правительство распустило палату и назначило новые выборы. Соппротивление со стороны торийской реакции вызвало сильное возбуждение в стране.

В новоизбранном парламенте виги получили прочное большинство в 136 голосов, и билль сравнительно легко прошел в палате общин. Но палата лордов осенью 1831 г. почти без обсуждения отвергла законопроект. Казалось, в рамках действующей конституции билль обречен на провал. Оставался единственный выход - революция, коренная ломка государственного строя.

И действительно, в передовых слоях рабочего класса революционные настроения быстро нарастали. В Дерби, Ноттингеме, Бристоле массовые демонстрации вылились в восстание, сопровождавшееся разгромом тюрем,

епископских дворцов, домов лордмэров. Возбужденные толпы народа в самой столице нападали на дома лордов и епископов.

Когда билль о реформе в третий раз был внесен в палату общин и принят ею, лорды прибегли к маневру: большинством в 9 голосов они его в принципе приняли, но затем, при обсуждении по статьям, фактически отвергли все преобразования. В ответ на это премьер-министр Грей подал в отставку. Герцог Веллингтон попытался сформировать торийский кабинет. Но в обстановке революционного подъема создавать правительство меньшинства, которое неизбежно сразу же вступит в конфликт с вигским большинством палаты, было крайне опасно. Это поняли даже многие тори, которые отказались поддержать попытку Веллингтона. Новый король Вильгельм IV (1830-1837), при всем своем консерватизме и симпатиях к тори, вынужден был вновь поручить формирование кабинета Грею. Но Грей мог вернуться к власти лишь будучи уверенным в том, что билль о реформе на этот раз пройдет обе палаты и станет законом. Иначе нараставшее в стране возбуждение могло действительно привести к революционному взрыву. И тут Грей воспользовался маневром, формально вполне согласующимся с конституционным обычаем. Одной из королевских прерогатив было возведение любого англичанина в ранг лорда. Грей ультимативно потребовал от короля права на назначение такого количества новых лордов, какого будет достаточно для того, чтобы обеспечить большинство сторонникам реформы, и король дал свое согласие. Перед лицом этой реальной угрозы лорды капитулировали. Билль был утвержден палатой лордов, и 7 июня 1832 г. подписан королем, т. е. стал актом (законом).

История парламентской реформы, оказавшейся лишь первым робким шагом на пути к буржуазной демократии и непосредственно ничего не давшей рабочему классу, свидетельствует о том, что именно английский народ, и прежде всего рабочий класс, был решающей силой общественного прогресса, борьбы за демократию. Правда, рабочий класс в целом выступал еще под руководством буржуазных радикалов. Иначе говоря, он был уже решающей, но еще не руководящей силой в борьбе за демократию.

Глава 5

УСТАНОВЛЕНИЕ СТРОЯ БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ (1832-1880)

Чартизм

Парламентская реформа 1832 г. стала важным этапом на пути преобразования английского государственного строя из олигархического в буржуазно-демократический. Весь этот процесс растянулся еще на полвека, да и в 80-е годы, когда он в основном завершился, все еще оставалось немало феодальных пережитков: монархия, палата лордов, абсолютное преобладание аристократических элементов в верхушке государственного аппарата, армии и т. д. Если феодальная монархия первых Стюартов была ликвидирована подлинно революционными методами в ходе гражданской войны середины XVII в., то олигархический режим изживался медленно. При этом каждый новый

шаг в сторону демократии английский народ делал лишь в результате упорной борьбы с еще не сломленной олигархией и - после 1832 г. - с буржуазией.

Крупная промышленная буржуазия после парламентской реформы была удовлетворена своей победой и видела теперь главную задачу в закреплении сложившейся политической системы. В борьбе против земельной аристократии она еще не прочь была иногда опираться на народные движения. Но она все же, как отмечал Маркс, «предпочла возобновление компромисса с земельной аристократией компромиссу с массой английского народа».

На протяжении 30-х годов у власти почти непрерывно находилась партия вигов, которую уже начали неофициально именовать либеральной партией. Выборы, проведенные на основе нового избирательного закона осенью 1832 г., принесли вигам прочное большинство более чем в 300 голосов. Хотя вигские кабинеты возглавлялись старыми лидерами Ч. Греем и У. Мелнборном, наиболее значительными фигурами правящей партии стали перебежчик от тори Томас Пальмерстон и лорд Джон Рассел, которого Маркс назвал «классическим представителем современного вигизма».

По закону 1835 г. было преобразовано городское самоуправление. Старая система, при которой лишь ничтожная часть городской верхушки, объединенная в корпорации средневекового типа, избирала местные органы власти, была отменена. Теперь право голоса получили все плательщики прямых налогов, т. е. все зажиточные слои городского населения. Они избирали членов муниципалитета (городского совета), которые именовались советниками, а те в свою очередь избирали олдерменов - членов правления. Это и были «отцы города» - крупнейшие финансисты и промышленники. Один из олдерменов становился мэром города. В парламенте и государственном аппарате буржуазия все еще управляла руками аристократов-парламентариев и чиновников, но в местном самоуправлении она стала господствовать без всяких посредников.

Буржуазию не устраивала старая система, при которой низовая административная единица - приход - обязана была за счет местных налогов содержать постоянно проживающих в данном приходе бедняков, если они лишались источников существования. Массы разоряемых в ходе промышленного переворота крестьян и ремесленников неохотно оставляли свой приход, где им не грозила голодная смерть, а это сдерживало приток рабочей силы в новые промышленные центры.

При всем том буржуазные политики не решались пойти на полную ликвидацию общественной «благотворительности»: это могло бы вызвать слишком бурные социальные потрясения. Поэтому закон 1834 г. формально сохранил систему общественной помощи бедным, но настолько извратил и реформировал ее, что она превратилась в жестокое издевательство над миллионами тружеников. Отныне выдача пособия полностью прекращалась, а пауперы, обращавшиеся за помощью, помещались в специальные работные дома, где их содержали на грани голода, заставляя выполнять помногу часов бессмысленную работу (например, дробление камней), подчиняться суровому, чисто тюремному режиму, прислуживать деспотам-надзирателям. Семьи в работных домах разделяли - ведь бедняки, по убеждению мальтузианца, не

имеют права на продолжение рода. Сама идея нового закона требовала, чтобы жизнь в работном доме была невыносимой, чтобы бедняк предпочел любые условия труда получению общественной «помощи».

Глубокий социально-экономический и социально-психологический анализ положения английского рабочего класса привел Энгельса к чрезвычайно важному выводу, «что при современных отношениях рабочий может спасти свое человеческое достоинство только в ненависти к буржуазии и в возмущении против нее».

С 1836 г. в различных районах страны начали возникать политические ассоциации рабочих. Лондонская ассоциация рабочих, возглавляемая столяром Уильямом Ловеттом и владельцем небольшой типографии Джоном Геттерингтоном (оба они в начале 30-х годов боролись за парламентскую реформу), на специальном митинге выработала программный политический документ - Народную хартию. Написанная в традиционной форме петиции в парламент, Хартия (Charter, отсюда - чартизм) выдвигала шесть требований сугубо политического характера. Они во многом совпадали с демократическими лозунгами радикальной партии, сформулированными еще Д. Картрайтом в брошюре «Сделайте выбор». В самом деле, четыре из шести пунктов Хартии содержались у Картрайта: всеобщее избирательное право (для мужчин), ежегодные выборы в парламент, выплата жалованья членам парламента, равные избирательные округа. Кроме того, в Хартию вошли пункты об отмене имущественного ценза для депутатов парламента и о введении тайного голосования. Как отмечал Энгельс, в чисто политической области «чартизм ведет свое происхождение от демократической партии, которая развилась в 80-х годах XVIII века».

Для масс рядовых чартистов и для большинства лидеров всеобщее избирательное право и другие демократические преобразования были не самоцелью, а лишь необходимым шагом на пути к социальному освобождению пролетариата. «Осуществляя законодательную власть, - писал один из наиболее влиятельных чартистских лидеров Д. О'Брайен, - народ способен делать все, что только не является невозможным по самой природе вещей. Без этой власти народ никогда не сможет ничего сделать». Ученик О'Брайена Д. Гарни выражался еще яснее, утверждая, что всеобщее избирательное право «принесет хлеб, мясо и пиво».

Под влиянием утопического социализма оуэнистского толка, а также более ранних эгалитаристских теорий некоторые чартистские лидеры выдвигали утопические, а иногда и реакционные по своей направленности планы организации будущего общества. Один из наиболее популярных вождей чартизма, издатель «Норзерн стар» Фергюс О'Коннор, например, считал капиталистический путь развития отклонением от «нормальной» эволюции общества. Разработанный им земельный проект сводился к выкупу земли у лендлордов и распределению ее между рабочими, желающими вернуться к положению мелких фермеров. Будучи пролетарскими революционерами, чартисты не пришли к социалистическому мировоззрению, хотя, как отмечал Энгельс в 1845 г., «пролетарский социализм... уже и теперь формируется у

многих... чартистских вождей».

На первых порах социальный, пролетарски-революционный характер чартистского движения еще не определился в полной мере. После некоторых колебаний в пользу Хартии высказался Бирмингемский политический союз, созданный в период борьбы за парламентскую реформу, практически бездействовавший до 1837 г., но возродившийся под руководством своего старого лидера банкира Т. Атвуда, теперь уже - члена парламента от Бирмингема.

Но центр чартистского движения быстро переместился на Север, в новые промышленные округа, где идеи Хартии были подхвачены массами фабричных рабочих, а также неквалифицированных, по-боевому настроенных бедняков. Не случайно именно на Севере (в Лидсе) издавалась «Норзерн стар», тираж которой быстро достиг почти 50 тыс. экземпляров.

Весной 1838 г. был опубликован проект билля, основанного на принципах Хартии, и начался сбор подписей под Национальной петицией. Массовые митинги, проходившие в промышленных городах Севера, собирали по 100, 150 и даже 250 тыс. человек. К весне 1839 г. петицию подписали 1250 тыс. человек. Вместе с тем выбирались делегаты в Конвент, который должен был стать руководящим органом всего движения.

В 1838-1839 гг. противоречие по вопросу о конечных целях движения еще не проявлялось открыто. Но уже на этом этапе возникали споры о методах проведения в жизнь самих «шести пунктов». Все сходились на том, что петиция должна быть представлена парламенту. Но как заставить парламент принять соответствующие законы? Атвуд и другие радикалы выступали за мирные методы борьбы. На этой же позиции стоял и Ловетт. Пропаганда, завоевание все новых сторонников, попытка убедить членов парламента в справедливости требований Хартии - таковы были средства, которыми предполагали пользоваться сторонники «моральной силы». Иной была позиция массы пролетариев и их наиболее решительных вождей, которых иногда называли сторонниками «физической силы». В разное время и в разной степени идею революционного насилия поддерживали О'Коннор, О'Брайен и наиболее решительно - Дж. Гарни.

Противоречия внутри чартизма сказались уже на первых заседаниях Конвента, который собрался весной 1839 г. в Лондоне, а после того как петиция была внесена в парламент, переехал в Бирмингем. Все же на этой стадии удалось добиться компромиссного решения. Поскольку стало известно, что правительство готовит разгром движения и вооружает буржуазию, Конвент провозгласил, что народ тоже имеет право вооружаться. Впрочем, тут же высказывалось предупреждение, что нельзя «необдуманно» применять оружие. Пока парламент готовился обсуждать Хартию, возбуждение в стране нарастало. Правительство направило войска в ряд районов, произвело аресты деятелей чартизма, в том числе некоторых членов Конвента. Полиция и войска стали разгонять чартистские митинги. В этой обстановке буржуазные радикалы во главе с Атвудом отошли от движения.

12 июля 1839 г. парламент отклонил петицию, и это послужило сигналом к

новой волне полицейского террора. Массы вооружались и готовы были к самым решительным действиям, как показали волнения в Бирмингеме и других городах, но Конвент не взял на себя руководство, не решился призвать рабочий класс к восстанию и организовать его повсеместно. О'Коннор, О'Брайен, Ловетт и другие лидеры общенационального масштаба и около 500 местных деятелей оказались в тюрьмах; пресса была разгромлена.

Это было, несомненно, временное поражение, но даже в самые тяжелые месяцы, следовавшие за описанными событиями, чартизм продолжал развиваться. Главным направлением его развития было превращение чартизма в чисто пролетарское движение, освобождение его от буржуазных попутчиков.

Наибольшую опасность для формирования самостоятельного политического движения рабочего класса в этот период представляла идеология и тактика фритредерской Лиги борьбы против хлебных законов, созданной в 1839 г.

Политическим и идеологическим центром фритредерского движения стал Манчестер, в связи с чем фритредерскую школу экономистов стали именовать манчестерской школой. Впоследствии появился и термин «манчестерство», который применялся как синоним слова «фритредерство». Во главе движения стояли манчестерские фабриканты Ричард Кобден и Джон Брайт. Кобден уверял, что введение свободной торговли приведет к «изменению облика мира», ликвидации милитаризма, постоянных армий, империй и «люди станут одной семьей и будут свободно обмениваться плодами своих трудов». Используя временный упадок чартизма, идеологи и ораторы Лиги перешли в наступление, пытаясь убедить рабочих в том, что Хартия не принесет им никаких благ и что спасением для всех является отмена хлебных законов. С одной стороны, Лига рассчитывала создать массовую базу своему движению, использовать (в который раз!) рабочий класс для достижения очередных целей буржуазии; с другой стороны - отвлечь массы от борьбы за коренные интересы рабочего класса.

Одна из великих исторических заслуг чартистов заключалась в том, что они сразу поняли опасность этой новой идеологической диверсии буржуазии. Когда Лига собирала массовые митинги, чартисты приходили большой группой и давали отпор фритредерской пропаганде, выдвигая против резолюций об отмене хлебных законов свои резолюции в пользу Хартии. И большинство присутствующих, как правило, принимали именно чартистские резолюции».

В течение весны 1840 г. из разных городов и графств раздавались призывы к созданию общенациональной организации и выдвигались конкретные предложения о ее будущем уставе. Ведущую роль в этом процессе сыграли чартистские ассоциации промышленных районов и их местные вожди, выдвинувшиеся из массы политически активных пролетариев. По их инициативе 20-22 июля 1840 г. в Манчестере состоялась национальная конференция чартистов. В последний день работы конференции была учреждена Национальная чартистская ассоциация и принят ее устав. В этом документе были определены задачи новой организации - борьба за Хартию, охарактеризованы методы ее деятельности и разработаны организационные

принципы. Низовой ячейкой становился «класс» из 10 человек, возглавляемый выборным руководителем. «Классы» объединялись в квартальные организации. Городская организация объединяла «кварталы»; руководство осуществлялось городским Советом. Городские организации входили в более крупные объединения по графствам, где создавались свои Советы графств. Наконец, во главе всей ассоциации стоял ежегодно переизбираемый Генеральный Исполнительный комитет из семи человек. Генеральный секретарь и члены Исполнительного комитета получали зарплату из фондов Ассоциации, которые составлялись за счет вступительных и членских взносов (1 пенс в неделю). На протяжении ближайших месяцев местные организации, перестроив свою структуру в соответствии с уставом, вошли в Национальную чартистскую ассоциацию, которая в 1842 г. насчитывала около 50 тыс. членов. Первым председателем Генерального Исполнительного комитета был избран активный манчестерский чартист, рабочий-текстильщик Джеймс Лич.

Поражение вигов на выборах 1841 г. привело к власти торийский кабинет Р. Пиля (1841-1846), который продолжал борьбу с чартизмом с той же энергией, что и его предшественник. Глубокий экономический кризис, разразившийся в конце 1841 г. и, особенно, в 1842 г., дал новый толчок подъему рабочего движения. Разрабатывая текст второй национальной петиции, чартисты включили в нее, наряду с «шестью пунктами», и требования социально-экономического характера: увеличение заработной платы, сокращение рабочего дня, отмена «закона о бедняках» и т. д. Торийский парламент отверг в мае 1842 г. вторую петицию точно так же, как в 1839 г. вигский парламент отклонил первую петицию.

И вновь перед чартистским руководством во всей полноте встал вопрос: как добиться принятия Хартии? К революционному насилию большинство чартистов и их вождей все еще относились настороженно, тем более, что к лету 1842 г. явно обнаружилось стремление фритредерской буржуазии спровоцировать восстание и использовать его для отмены хлебных законов. Фритредерские ораторы предлагали избрать комитет общественной безопасности, предупреждали Пиля, что в Англии найдутся «свои Дантоны и Робеспьеры». Кобден призывал отказаться платить налоги, а Брайт говорил, что бездействие правительства приведет к роковым последствиям. В сущности, буржуазия призывала народ к восстанию и обещала ему поддержку.

В такой обстановке в начале августа началась мощная волна стачек. Рабочие требовали «справедливой заработной платы», и на первых порах стачки отнюдь не носили политического, чартистского характера. Сами фабриканты при этом склонны были поддерживать стачечников. Капиталисты не обращались к властям, не требовали войск: они надеялись, что движение будет направлено по фритредерскому руслу. В течение 11-12 августа стачка охватила крупнейшие промышленные графства страны. На митингах стачечников широко обсуждался вопрос о целях стачки. Хотя в руководстве движением было немало чартистов, они не стремились выдвигать в качестве главного требования рабочих принятие Хартии. Этот лозунг появился снизу, из самой гущи рабочих масс, которые поверили в чартистскую программу и

готовы были отстаивать ее любыми средствами. Именно благодаря сознательности и решимости масс стачка, начавшаяся под сугубо экономическими лозунгами, переросла эти узкие рамки и стала политической стачкой под лозунгом Хартии. Рабочие одного из промышленных районов решили «прекратить работу до тех пор, пока мы не получим справедливую заработную плату и ее сохранение не будет гарантировано Хартией».

Стачка, однако, развивалась без единого централизованного руководства. Лидеры Национальной чартистской ассоциации из-за внутренних разногласий долго не могли определить свое отношение к стачке и лишь 17 августа призвали рабочих бастовать, пока парламент не примет Хартию. Но к этому времени движение уже пошло на спад. Когда буржуазия убедилась в том, что увлечь стачечников фритредерскими лозунгами не удастся, она подняла вопль о «чартистском мятеже» и, бросившись в объятия правительства, приняла участие в кровавом подавлении стачки.

Августовская стачка 1842 г. занимает особое место в истории английского рабочего движения. В ходе стачки буржуазия открыто обнаружила свою враждебность чартистской программе, свою ненависть к демократии. Теперь уже только безнадежные утописты могли верить в единство интересов рабочих и буржуа, в реальность блока с радикалами в рамках чартизма. Важнейшим результатом августовских событий, как отмечал Энгельс, «было самое решительное отделение пролетариата от буржуазии... С этого момента чартизм стал чисто рабочим движением, освободившимся от всяких буржуазных элементов»¹. На чартистов обрушились новые репрессии, последовала целая серия судебных процессов, резко сократилось членство в Национальной чартистской ассоциации. И все же новый временный упадок движения, вызванный к тому же несколько улучшившейся экономической конъюнктурой, сопровождался усиленными поисками новых путей борьбы за Хартию, попытками создания новых организаций и - главное - ростом теоретической зрелости чартизма, появлением подлинно левого крыла.

В эти годы чартисты повели упорную битву за умы и сердца миллионов рабочих. Они с огромным вниманием относились к проблемам политического просвещения масс и к развитию в недрах капиталистического общества элементов демократической и социалистической культуры. Глубокую социально-экономическую характеристику английского рабочего класса той эпохи дал Энгельс в знаменитом труде «Положение рабочего класса в Англии». Вывод из анализа положения и психологии английских рабочих сводится к тому, что «английский рабочий класс с течением времени стал совсем другим народом, чем английская буржуазия... Рабочие говорят на другом диалекте, имеют другие идеи и представления, другие нравы и нравственные принципы, другую религию и политику, чем буржуазия. Это два совершенно различных народа, которые так же отличаются друг от друга, как если бы они принадлежали к различным расам».

Рабочий, активно участвовавший в борьбе своего класса, инстинктивно отталкивался от господствующих в буржуазном обществе социологических, религиозных, моральных и эстетических доктрин. Он стремился понять сам

всю сложность окружающей его действительности и поэтому тянулся к образованию, к изучению прогрессивной культуры прошлого. А огромный душевный подъем, естественно порожаемый массовыми выступлениями пролетариата, возбуждал и обостренную восприимчивость, жажду прекрасного, тягу к искусству.

Выдающуюся роль в отборе и распространении лучших произведений философской и политической мысли, драматургии и поэзии играла чартистская пресса. На страницах «Норзерн стар» и других чартистских газет и журналов печатались стихи и отрывки из поэм Мильтона, Бернса, Шелли. Чартистские издательства издавали «Чайльд-Гарольда» и «Дон Жуана», «Королеву Маб» и «Освобожденного Прометея». Некоторые стихотворения Шелли выпускались в виде листовок. «Норзерн стар» в течение трех лет имела специальный отдел «Красоты Байрона», где печатались основные произведения крупнейшего поэта революционного романтизма и статьи о его творчестве.

Удивительно ли, что в рабочей среде становилось все больше людей, превосходящих по культурному уровню многих буржуа и помещиков? У. Теккерей рассказал в одном из очерков о литературном споре, который у него завязался с молодым рабочим на лондонской улице: «Я встречался со многими провинциальными помещиками, которые не читали и половины тех книг, какие прочел этот честный парень, этот проникательный пролетарий в черной рубашке. Окруживший его народ поддержал и продолжал беседу с большим толком, обнаружив немногим меньшую осведомленность».

Из среды борющихся и тянувшихся к культуре рабочих выделилась и большая группа чартистских поэтов. Продолжая традиции рабочей поэзии предшествующих десятилетий и участь у поэтов революционного романтизма, чартистские поэты в простой, доступной широкому читателю форме выражали свою ненависть к господствующим классам, изображали тяжелую жизнь бедняка-труженика, призывали к борьбе. Главным художественным открытием чартистской литературы было создание ею образа борющегося, а не только страдающего рабочего класса. Крупнейшие чартистские поэты - видный идеолог и самый левый из чартистских вождей Эрнст Джонс (1819-1869), публицист и художник Уильям Линтон (1812-1897) и другие создавали произведения, в которых главным героем был представитель рабочего класса.

Современники чартистского движения, видевшие, как в политике и идеологии сталкиваются противоборствующие социальные силы, не могли не мыслить социальными категориями. Слишком очевидно было в эту эпоху, что нет в классовом обществе человека вообще, в существование которого верили просветители XVIII в. и - частично - революционные романтики. Человек действует в определенных социальных условиях, и при всех сугубо индивидуальных чертах его характер, вкусы, идеалы, симпатии и антипатии определяются принадлежностью к тому или иному классу общества. Отнюдь не осмысливая этого в теоретическом плане, оставаясь в плену идеалистического понимания истории, создатели социального романа подходили к изображению своих современников прежде всего с классовых позиций, создавая типичные образы буржуа, пролетариев, аристократов, крестьян, священников и т. д.

Поэтому их реализм был значительно выше просветительского реализма XVIII в. А поскольку этой когорте писателей свойственно было глубокое сочувствие народным массам, их реализм мог быть только критическим реализмом. Социальный роман судил современное общество с позиций народных идеалов справедливости, равенства, добра.

Беспощадное разоблачение стяжательства и жестокости, звериного эгоизма буржуа придает мощный пафос отрицания романам Элизабет Гаскелл (1810-1865) «Мэри Бартон», Шарлотты Бронте (1816-1855) «Учитель» и особенно «Джен Эйр», Эмилии Бронте (1818-1848) «Холмы бурных ветров», Уильяма Теккерея (1811-1863) «Ярмарка тщеславия» и гениальным творениям Чарльза Диккенса (1812-1870).

Английский социальный роман, впитав в себя лучшие традиции как просветительского реализма XVIII в., так и революционного романтизма, был огромным шагом вперед не только в английской литературе, но и художественной культуре человечества.

Став после событий 1842 г. чисто пролетарским движением, чартизм столкнулся вскоре с некоторым сужением своей базы. Тред-юнионы, временно ставшие на путь политической борьбы, теперь отошли от дела Хартии и сосредоточили свои усилия на защите цеховых интересов рабочих определенных профессиональных групп. Этому способствовали и разочарование части рабочих после поражения 1842 г., неверие в возможность добиться Хартии, и шатания лидеров, и, в особенности, экономический подъем середины 40-х годов.

Правительство Пилия в свою очередь не ограничивалось лишь репрессиями против рабочего движения, а изыскивало и более сложные пути «умиротворения» страны. В 1846 г. глава торийского правительства внес билль об отмене хлебных законов. Большинство торийских членов парламента, заботясь об интересах лендлордов, не поддержали лидера партии. Но 104 тори вместе с 223 вигами составили прочное большинство, и билль был принят. На этой почве партия тори раскололась. Пиль ушел в отставку, и к власти пришел вигский кабинет Д. Рассела (1846 - 1852). Законом 1846 г. требования фритредерской буржуазии были полностью удовлетворены. Введение свободной торговли обеспечило дальнейший бурный рост британской промышленности. В то же время ввоз дешевых сельскохозяйственных продуктов с континента несколько улучшил положение рабочего класса и способствовал отходу части его обеспеченной верхушки от чартизма.

Тактика Пилия включала также некоторые прямые уступки рабочему классу, причем они делались вопреки требованиям фритредерской буржуазии. В 1844 г. был издан закон о запрещении ночного труда женщин и об ограничении их рабочего времени двенадцатью часами. Это было первое законодательное вмешательство, регулирующее продолжительность рабочего дня взрослых. А так как состояние техники того времени требовало, чтобы работающий мужчина пользовался помощью подручных - женщин, детей или подростков, то практически закон 1844 г. вскоре привел к установлению 12-часового рабочего дня для всех рабочих. Наконец, в 1847 г. прошел закон о 10-

часовом рабочем дне для женщин и подростков, а практически - для всех рабочих, что было крупным социальным завоеванием английского рабочего класса.

В этой сложной обстановке часть чартистов увлеклась «Земельным планом» О'Коннора. Но вместе с тем именно в эти годы внутри чартизма возникло и окрепло подлинно революционное левое крыло во главе с Джулианом Гарни и Эрнстом Джонсом. В 1845 г. под их руководством в Лондоне было создано общество «Братские демократы», в котором наряду с представителями левого крыла чартизма приняли участие революционные эмигранты из других стран.

Маркс и Энгельс оказывали поддержку этому обществу, сотрудничали в «Норзерн стар», редактором которой в это время стал Гарни, боролись за преодоление утопических воззрений, все еще имевших хождение среди английских социалистов. В 1847 г., оставаясь руководящими деятелями чартизма, Джонс и Гарни вступили в созданный Марксом и Энгельсом Союз коммунистов.

Новый подъем революционного движения совпал с подъемом национально-освободительной борьбы ирландского народа, руководимого группой радикально настроенных интеллигентов. Создав еженедельник «Нация», они пропагандировали на его страницах идеи национального возрождения ирландского народа, стремились поднять его национальное самосознание, восстановить демократические традиции ирландской культуры. «Нация» печатала множество баллад, стихотворений, рассказов, посвященных преимущественно героическому прошлому, истории освободительной борьбы своего народа. «Люди 1798 года», и в особенности Уолф Тон, были излюбленными героями этих произведений, вышедших из-под пера не только поэтов «Нации», а нередко и рядовых рабочих и бедных фермеров. Это направление в ирландском национально-освободительном движении обычно называли «Молодой Ирландией» по аналогии с действовавшими в то время демократическими обществами в других странах. Деятели «Молодой Ирландии» стремились привлечь к борьбе за отмену унии самые широкие слои народа. Они настаивали также на союзе с чартистским движением как с единственной силой внутри Англии, искренне поддерживающей национальные требования Ирландии. Руководство движением все более переходило в руки молодых и революционно настроенных лидеров. Джон Митчел - талантливый публицист и оратор, готовый на любые действия для свержения ненавистного господства англичан, писал: «Если обстоятельства будут этому благоприятствовать, можно пустить в ход оружие».

В 1845 г. Ирландию постигло стихийное бедствие - неурожай картофеля - главного продукта питания крестьянской семьи. Следующий год тоже был неурожайным, и в стране начался такой голод, какого даже многострадальная Ирландия раньше не переживала. В 1847 г. положение еще более ухудшилось. Смерть от голода, эпидемий (тиф и холера) поразили едва ли не каждую семью бедняков. Не менее миллиона жизней унесли эти тяжелые годы. Те, у кого еще были силы, эмигрировали в Америку или в английские промышленные центры,

где пополняли ряды безработных, перебивающихся случайными заработками.

Почти одновременно с голодом в Ирландии и независимо от него в Англии начался глубокий экономический кризис. Застой в торговле привел к закрытию многих предприятий, росту безработицы, снижению зарплаты. В этой обстановке вновь усилилось чартистское движение. Массы рабочих были до предела возбуждены и, подготовленные агитацией левого крыла движения, энергично поддерживали революционных вождей. Даже О'Коннор, ушедший в предшествующие годы далеко вправо, опять заговорил о применении «физической силы». На выборах 1847 г. он - единственный из чартистов - был избран в парламент, что было несомненным успехом движения в целом.

Немаловажным дополнительным фактором, усилившим революционное движение в Англии и Ирландии, было нарастание борьбы демократических сил в странах Европы, в особенности - во Франции. «Норзерн стар» систематически публиковала статьи о событиях во Франции и подчеркивала, что главной силой революционного движения там, как и в Англии, является рабочий класс. Огромное значение имели статьи Энгельса, содержавшие глубокий анализ событий во Франции и подчеркивавшие революционность парижских рабочих, «для которых восстание - привычное дело и которые идут совершать революцию так же весело, как в кабачок!»¹ Легко представить себе, как читались такие строки английскими рабочими, которые уже в течение десятилетия обсуждали вопрос о «физической силе».

В конце 1847 г. Исполнительный комитет Национальной чартистской ассоциации, ряды которой быстро росли, решил начать агитацию за третью национальную петицию. Вновь собирались массовые митинги, на которых чартисты, наряду с требованиями Хартии, выдвигали и лозунг освобождения Ирландии от английского гнета. Ирландский народ вооружался и готовился к восстанию. По всей стране возникали политические клубы. Такие же клубы образовались среди ирландских рабочих в Англии, став важным связующим звеном между революционными силами в обеих странах. В то же время сторонники Митчела создавали в ирландских городах чартистские организации. «Норзерн стар», открыто одобряя подготовку вооруженного восстания в Ирландии, подчеркивала, что Митчел по своим взглядам - «один из нас». Маркс высоко оценил «подготавливающееся объединение угнетенных классов Англии и Ирландии под знаменем демократии» и считал это «самым важным успехом нашего дела вообще».

22 февраля началась давно назревавшая революция во Франции, а через три дня Франция была провозглашена республикой. Власть попала в руки буржуазного Временного правительства, но сам факт победы народа в вооруженном восстании и свержении монархии оказал глубокое влияние на революционное движение в других странах. На чартистских митингах принимались приветственные адреса французским революционерам и выбирались делегации, которые отправлялись в Париж. «Час пробил последовать примеру французских братьев!», - писала «Норзерн стар», опубликовавшая в эти дни «Марсельезу» в переводе Эрнста Джонса.

4 апреля 1848 г. в Лондоне начал работать Национальный чартистский

конвент. Большинство делегатов, выражая настроения выбравших их рабочих, склонялись к тому, что в случае отклонения третьей национальной петиции необходимо прибегнуть к вооруженному восстанию. Впрочем, даже самые левые и решительные лидеры весьма неясно представляли себе, как его осуществить.

На 10 апреля были назначены массовые демонстрации в Лондоне и других городах в поддержку петиции, которая в этот день будет вручена палате общин. Хотя чартисты предполагали провести «невооруженную моральную демонстрацию», буржуазия и правительство, боясь революционного взрыва, ввели в столицу около 90 тыс. солдат, в том числе - артиллерийские части. Создавались отряды добровольных констеблей из буржуазии и из части отсталых рабочих. Примерно 150 тыс. человек входило в эти отряды, а из близлежащих поместий лендлорды привели еще и вооруженных слуг. Полицейские власти предупредили руководителей демонстрации, что они могут провести митинг, но процессия к Вестминстерскому дворцу (к зданию парламента) запрещается. И О'Коннор, который должен был представить петицию, капитулировал. Он уговорил десятки тысяч демонстрантов разойтись. «Я готов стать перед вами на колени и просить вас сохранить спокойствие», - говорил он, и люди мирно разошлись. Вскоре парламент отверг петицию, под которой стояло свыше 5 млн. подписей.

Это было жестоким поражением чартистского движения. Это поражение имело международное значение. «В Лондоне 10 апреля, - писал Маркс, не только была сломлена революционная мощь чартистов, но и нанесен первый удар революционизирующему влиянию февральской победы».

Революционное крыло чартизма продолжало борьбу и после событий 10 апреля. В промышленных районах Севера и в Шотландии рабочие изготовляли пики и готовились к вооруженной борьбе. На митинги чартисты теперь приходили с оружием. В некоторых городах начала формироваться чартистская национальная гвардия. Все чаще происходили вооруженные столкновения с войсками и полицией. Но революционные рабочие и на этот раз не получили подлинного централизованного руководства.

12 мая был арестован Джон Митчел. Нерешительность других вождей ирландского движения привела к тому, что готовность масс к немедленному выступлению для освобождения Митчела не была использована. Вскоре Митчел был приговорен к 14-летней каторге и прямо из зала суда под мощным конвоем отправлен на корабль, который немедленно отплыл к Бермудским островам. В ответ на это в некоторых районах Дублина революционеры предприняли попытки восстания, кое-где даже появились баррикады. В рабочих кварталах Лондона одновременно попытались выступить чартисты. Но все эти выступления были настолько разрозненными, что властям не стоило большого труда подавить их. Жестокие репрессии обрушились на ирландских и английских революционеров. Было арестовано около 500 чартистов, в том числе и Эрнст Джонс.

В ходе подъема чартистского движения в 1847-1848 гг. произошло окончательное размежевание с мелкобуржуазными элементами, левое крыло

чартизма сделало значительный шаг вперед, освобождаясь от многих утопических представлений. Передовые рабочие уже не довольствовались лозунгом Хартии. В сфере политических требований они стали переходить, не без влияния событий во Франции, на республиканские позиции. Но главный сдвиг в чартистской идеологии заключался в том, что началось ее сближение с социализмом.

После поражения в 1848 г. чартизм стал быстро утрачивать характер массового движения. Поредели ряды чартистской ассоциации, митинги не собирали столь широкой аудитории, сама идея Хартии постепенно утратила популярность. Это произошло не только вследствие временной победы общеевропейской и английской реакции, ареста вождей движения, разочарования масс после провала радужных надежд весны 1848 г. Более глубокие причины лежали в основе упадка чартизма, а затем и прекращения этого великого революционного движения английского рабочего класса.

Уже с лета 1848 г. экономическая конъюнктура начала улучшаться, кризис остался позади, и капиталистическая экономика Англии вступила в полосу длительного подъема, хотя и прерывавшегося экономическими кризисами 1857 и 1866 гг. Это привело к сокращению безработицы и некоторому повышению уровня жизни верхушки рабочего класса, а частично и всего населения.

Оппортунистические тенденции, проявлявшиеся в некоторых слоях рабочего класса, начали усиливаться в конце 40-х годов. Революционные чартисты, несмотря на неблагоприятную обстановку для борьбы за массы, все же вступили в схватку с буржуазными влияниями и сумели задержать (хотя и не остановить) процесс разращения рабочего класса буржуазными взглядами, вкусами, предрассудками.

Выйдя летом 1850 г. из тюрьмы после двухлетнего заключения, Джонс с головой окунулся в борьбу за восстановление чартистских организаций. Оставшиеся верными старым идеалам рабочие продолжали революционную борьбу и, преодолевая сопротивление оппортунистов, созвали в марте 1851 г. чартистский конвент в Лондоне. Здесь была принята развернутая программа чартистских политических и социальных требований. Не только Хартия, а, как тогда говорили, «Хартия и еще кое-что» - таков был лозунг большинства конвента. Это «кое-что» включало национализацию земли (а не создание мелкой земельной собственности, как настаивала группа О'Коннора), право каждого гражданина на труд либо на полное обеспечение за счет государства и, главное, не слишком четкое, но все же антикапиталистическое требование «немедленной отмены наемного рабства». В такой постановке вопроса, несомненно, сказалось растущее влияние идей научного коммунизма. Не случайно незадолго до принятия программы чартисты впервые опубликовали на английском языке «Манифест Коммунистической партии» (1850).

В 1851 г. вышла в свет поэма Джонса «Новый мир». Она была написана в тюрьме собственной кровью поэта между строк молитвенника - единственной книги, которой не лишили его тюремщики. В обобщенных образах поэмы, напоминающих поэтику революционных романтиков, воплощена история классово-борьбы на протяжении всего развития человечества. Но, в отличие от

«Освобожденного Прометея» Шелли, «Новый мир» Джонса - произведение реалистическое. Аристократия в нем выступает как аристократия, буржуазия - как буржуазия, а не как мифические, романтически преобразованные силы. В поэме нет индивидуальных героев, в ней действуют целые классы, а главный герой - народ. Утопическая картина будущего общества, которой завершается поэма, не вносит ничего качественно нового в социальные утопии XIX в. Но, в отличие от всех прежних утопий, она рисуется Джонсом как результат борьбы, и в этом ее несомненное новаторство.

В 1852 г. Джонс учредил новый чартистский еженедельник - «Пиплз пейпер» («Народная газета»), сыгравший выдающуюся роль в пропаганде революционной теории среди рабочих Англии.

Наряду с идеологической борьбой чартисты пытались в 50-х годах возродить и укрепить свои организации, использовали избирательную кампанию 52-го года для широкой пропаганды в массах, активно поддерживали подъем стачечной борьбы в 1853 г. Но чартистское движение уже давно перестало быть массовым, а к концу 50-х годов постепенно прекратили существование последние организации чартистов на местах.

Практические результаты чартистского движения, несмотря на его поражение, были чрезвычайно велики. Не только закон о 10-часовом рабочем дне и другие уступки, вырванные в ходе самого движения, но многие экономические и политические завоевания рабочего класса в последующие десятилетия объясняются тем, что перед буржуазией долго еще стоял грозный призрак чартизма.

Победившая буржуазия

Парламентская реформа 1832 г., отмена хлебных законов в 1846 г., победа принципов фритредерства, разгром чартистского движения - таковы были главные вехи возвышения английской буржуазии на протяжении первой половины XIX в. Намного опередив все прочие страны по уровню промышленного развития, Англия превращалась в «мастерскую мира». Монопольное положение приносило буржуазии колоссальные прибыли, а обеспеченный сбыт продукции способствовал строительству новых фабрик.

В 1848 г. было открыто золото в Калифорнии, в 1851 г. - в Австралии, п огромный поток золота (в 5 раз больший, чем в 40-е годы) устремился в сейфы английских капиталистов, чтобы затем превратиться в новые железные дороги, шахты, промышленные предприятия. Положение английского капиталиста было прочным, как изделия его фабрик, а Англия стала, по выражению Маркса и Энгельса, «средоточием мировых сношений».

Если требовалось еще одно доказательство экономического могущества Англии и ее абсолютного превосходства над другими странами, то всемирная промышленная выставка 1851 г. в Лондоне в полной мере выполнила эту роль. Устраивая в своей столице, в «современном Риме», первый «смотр всей накопленной массе производительных сил современной промышленности», английская буржуазия не жалела средств, чтобы поразить воображение

современников. Несколько тысяч английских и иностранных фирм привезли в Лондон свои экспонаты, 6 млн. посетителей побывали на выставке. Подобного зрелища мир еще не видел. В Гайд-парке архитектор Д. Пакстон построил великолепное и новаторское для того времени сооружение главного павильона. Все здание состояло из ажурного железного каркаса с заполнением из стекла. «Хрустальный дворец», как было принято называть павильон, показал новые эстетические возможности, возникшие благодаря техническому прогрессу. Применение металлических конструкций и рациональное проектирование предвещали возникновение новой архитектуры.

Обстановка способствовала дальнейшим техническим усовершенствованиям, изобретениям и развитию естественных наук.

В этот период Эдуард Каупер создал воздухонагревательный аппарат для горячего дутья в доменных печах. Новый - бессемеровский - способ выработки железа и стали изобрел Гепри Бессемер.

Вклад английских ученых в развитие физики XIX в. связан с открытием явления электромагнитной индукции Майклом Фарадеем (1791-1867), закона теплового действия тока Джеймсом Джоулем (1818-1884) и с именем Джеймса Максвелла (1831-1879) - автора электромагнитной теории света. Разработкой теории электромагнитного поля и созданием системы уравнений, относящихся не только к электромагнитным, но и к оптическим явлениям, Максвелл доказал, что существуют электромагнитные волны, которые распространяются со скоростью света. Это великое открытие послужило основой для создания радиосвязи.

Монопольному положению английской буржуазии на мировом рынке соответствовала ее колониальная гегемония, обеспечивавшая сбыт промышленных товаров и приток прибылей. К середине XIX в. Англия стала центром огромной колониальной империи.

Народ Индии никогда не мирился с колониальным гнетом и оказывал завоевателям героическое сопротивление. Пока сохранялась раздробленность страны, восстания происходили в отдельных ее районах и никогда не приобретали общенационального характера. Когда вся Индия оказалась под контролем англичан, сложились предпосылки для общеиндийского освободительного движения. В 1857 - 1859 гг. народы Индии с оружием в руках выступили против захватчиков. В этом национальном восстании главной силой были массы крестьян и ремесленников. Повстанцам удалось взять Дели, истребить там администрацию и свергнуть английское господство во многих княжествах долины Ганга и других районах.

Огромное превосходство в военной технике, а также слабая организация восстания позволили англичанам одержать победу. Подавление восстания сопровождалось чудовищными жестокостями. Но восстание заставило английских государственных деятелей задуматься о методах управления Индией. Еще в ходе восстания, в 1858 г., парламент принял закон о ликвидации Ост-Индской компании. Индия переходила непосредственно под власть правительства, в котором учреждалась должность министра (статс-секретаря) по делам Индии. На месте же страной управлял вице-король (бывший генерал-

губернатор).

Опираясь на свои позиции в Индии, Англия проводила новые завоевания в Азии. В 1852-1853 гг. вся южная Бирма была захвачена преимущественно руками и кровью индийцев и присоединена к Индии. Захват Сингапура в 1819 г. обеспечил английскому флоту отличную базу для расширения завоеваний. Этот важный стратегический пункт стал наряду с Гибралтаром одним из краеугольных камней британского морского и колониального могущества. Столь же важную роль сыграл и захват Адена в 1839 г. С одной стороны, Англия создала здесь базу, контролирующую выход из Красного моря в Индийский океан, с другой - Аден стал опорным пунктом для подчинения племен юга Аравийского полуострова.

В этот же период был сделан решающий шаг к овладению необъятным китайским рынком, который привлекал европейцев еще в XVII-XVIII вв. Используя ничтожный предлог, Англия направила в Китай хорошо вооруженную эскадру и развязала войну (1840-1842). Поражение Китая было зафиксировано в Нанкинском договоре 1842 г., подписанном на борту английского военного судна, чем победители надменно подчеркивали пренебрежение к разбитому противнику. Остров Гонконг был главной военной добычей Англии, которая, получив его в «вечное владение», создала вскоре на нем мощную военно-морскую базу.

Войны 1856-1858 и 1860 гг., которые Англия вела совместно с Францией, окончательно лишили Китай положения независимого государства. Английский посланник получил право постоянно находиться в Пекине, купцы могли отныне беспрепятственно проникать во внутренние районы Китая по реке Янцзы, пошлины на английские товары устанавливались в размере 5% от их стоимости.

Борьба за влияние в Афганистане и особенно в Иране шла с переменным успехом, но торговая и военно-политическая экспансия Англии в этом районе уже в течение 1840-1860 гг. обеспечила новые рынки для ланкаширских фабрикантов.

Укрепление позиций Англии на Среднем Востоке привело к обострению ее отношений с Россией. Еще больше усилились англо-русские противоречия в связи с так называемым восточным вопросом. Быстрое ослабление и разложение Османской империи, усилившаяся национально-освободительная борьба славянских и других народов, угнетаемых турецкими феодалами, поставила перед великими державами вопрос о судьбах входящих в состав империи территорий. В той или иной степени в конфликт были вовлечены и Франция, и Австрия, и некоторые другие державы, но главными антагонистами были Россия и Англия.

Противоречия по восточному вопросу привели к прямому военному конфликту между Россией и коалицией западных держав во главе с Англией. Крымская война 1853-1856 гг. закончилась жестоким поражением царской России. Выступив в качестве союзников Турции, Англия и Франция использовали победу для того, чтобы широко открыть дорогу на турецкие рынки своим промышленникам, а «союзное» правительство Турции закабалить

сложной системой займов. Но главным результатом войны для Англии была так называемая нейтрализация Черного моря. Этот важнейший пункт Парижского мира (1856) запрещал России (как, впрочем и Турции) содержать военный флот на Черном море и возводить военные сооружения на его побережье.

На протяжении первой половины XIX в. английские колонизаторы сравнительно быстро «осваивали» Австралию. В прибрежных районах создавались поселения ссыльных и каторжан, почти рабским трудом которых поднималась целина, строились мосты и дороги, сооружались порты. 155 тыс. ссыльных было вывезено в Австралию с конца XVIII в. до 60-х годов XIX в. Возможность захвата огромных пастбищ и пахотной земли привлекала в Австралию рыцарей наживы, и часть ссыльных передавались в их распоряжение.

В политическом отношении австралийские колонии оставались полностью подчиненными английской администрации. Имея за плечами исторический опыт отделения американских колоний, английская буржуазия на этот раз своевременно пошла на уступки Колониальной буржуазии. Англия поторопилась предоставить колониям право внутреннего самоуправления, сохранив за собой верховную власть.

Наиболее значительной из переселенческих колоний Англии оставалась Канада, в которой к середине века проживало уже около 2,5 млн. человек и куда шел наиболее сильный поток эмигрантов. Английское население здесь сначала сравнивалось по численности с французским, а затем и значительно превзошло его. Быстро развивалось земледелие и лесное хозяйство, причем пшеница и лес экспортировались в Англию. В конце 40-х годов канадская буржуазия получила самоуправление; вскоре в ее руки перешел весь земельный фонд. Наконец, в 1867 г. завершились длительные переговоры между отдельными канадскими провинциями, а также между ними и представителями английского правительства, и был издан «Акт о Британской Северной Америке». По существу, это была конституция объединенной Канады. Канада становилась централизованным федеративным государством с единым парламентом и правительством, хотя провинции сохраняли автономию в местных делах. Центральное правительство не получило права вступать в дипломатические отношения с другими государствами. Законы, принятые канадским парламентом, подлежали утверждению английского генерал-губернатора. Граждане Канады считались подданными английской короны. Таким образом, подлинной независимости, чего требовал народ, Канада не получила.

Опираясь на свое бесспорное экономическое превосходство, на могущество флота и - не в последнюю очередь - на островное положение, Англия придерживалась тактики, которую принято было называть «блестящей изоляцией»: она не связывала себя сколько-нибудь длительными союзными обязательствами с какой-либо страной, предпочитая сохранять свободу дипломатического маневрирования и поддерживать в каждый момент ту державу, которая соглашалась играть роль «солдата на континенте» для борьбы

с более опасным (опять-таки в данный момент) противником Англии. Эта политика породила частую перемену внешнеполитического курса, разрывы с недавними союзниками и сближения с вчерашними врагами, что снискало Англии сомнительную славу «коварного Альбиона».

Внешняя политика Англии была агрессивной и целиком определялась хищническими устремлениями буржуазии. В интересах банкиров Сити и ланкаширских фабрикантов Англия не только вела захватнические войны, но и поддерживала самые реакционные империи в Европе - Османскую и Австрийскую. Но респектабельный английский капиталист, читавший по вечерам Библию в кругу семьи, откупавшийся филантропией от бедствий своего и других народов, хотел, чтобы эту политику ему представляли в «приличной оболочке». Вряд ли кто-нибудь из государственных деятелей справился с этой задачей лучше, чем человек, свыше тридцати лет оказывавший решающее влияние на английскую внешнюю политику, - лорд Генри Джон Пальмерстон. С 1830 г., когда он среди других торийских политиков перебежал к вигам, и до своей смерти в 1865 г. Пальмерстон 15 лет занимал пост министра иностранных дел в вигских кабинетах, 9 лет возглавлял эти кабинеты, а в течение 8 лет, когда у власти находились тори, был главным оратором оппозиции по внешнеполитическим вопросам. Уже один этот послужной список Пальмерстона свидетельствует о том, насколько он пришелся ко двору со своим изысканным лицемерием и мастерством политического интригана. Маркс писал о Пальмерстоне: «Если он не для всякого дела хорош как государственный деятель, то, по крайней мере, как актер он годится для любой роли. Ему одинаково хорошо дается как комический, так и героический стиль, как пафос, так и фамильярный тон, как трагедия, так и фарс, впрочем, фарс, пожалуй, больше всего соответствует его душевному складу». Пальмерстон «перенял по наследству от Каннинга доктрину о миссии Англии распространять конституционализм на континенте», что не мешало ему «противодействовать революции в других странах».

Английская буржуазия отлично чувствовала себя в центре империи, основанной на крови и поте народов колоний. Преуспевающий буржуа уютно и основательно устраивался в этом мире, который, как ему казалось, был именно для него создан. Это ощущение стабильности сложившихся общественных отношений, эгоцентричное восприятие мира, свойственные ограниченному и самодовольному дельцу, великолепно уловил Ч. Диккенс и воплотил в знаменитом образе мистера Домби: «Земля была создана для Домби и Сына, дабы они могли вести на ней торговые дела, а солнце и луна были созданы, чтобы давать им свет... планеты двигались по своим орбитам, дабы сохранить систему, в центре коей были они».

Грани между аристократией и буржуазией еще оставались вполне ощутимыми, но неизмеримо очевиднее была теперь грань между господствующими классами, вместе взятыми, и народом. И буржуа все больше углубляли эту пропасть, стремясь отделить себя от трудящейся массы, подчеркнуть свою привилегированность (в образе жизни, образовании, одежде, вкусах).

«Мне никогда не приходилось наблюдать класса, - писал в середине 40-х годов Энгельс, - более глубоко деморализованного, более безнадежно испорченного своекорыстием, более разложившегося внутренне... чем английская буржуазия... Она не видит во всем мире ничего, что не существовало бы ради денег, и сама она не составляет исключения: она живет только для наживы, она не знает иного блаженства, кроме быстрого обогащения, не знает иных страданий, кроме денежных потерь».

Нужны ли были этому классу великие мятущиеся умы, способные к научному подвигу, стремящиеся познать законы природы и общественного развития? Разве что в том случае, если их открытия можно быстро обратить в деньги. Зачем мистеру Домби творения высокого искусства, совершенствующие человека, доставляющие пищу уму и сердцу, приносящие эстетическое наслаждение? Удивительно ли, что из буржуазной культуры стали постепенно исчезать свойственные ей ранее демократические элементы?

Капиталистические города, особенно быстро разраставшиеся промышленные центры Севера - Манчестер, Бирмингем, Шеффилд, Лидс и др., даже внешне обнажали социальные контрасты эпохи. Безобразные и грязные трущобы в рабочих районах составляли основной «архитектурный ансамбль» этих городов, хотя центр застраивался комфортабельными особняками буржуа. Но и эта застройка велась без всякого архитектурного замысла, без какой-либо общей конструктивной либо эстетической идеи. Дома богатых англичан, построенные в 30-50-е годы, были удобны и полны комфорта, но в них не было красоты, стилевой завершенности.

Конечно, были и в те времена талантливые архитекторы, пытавшиеся воплотить в своих творениях высокие этические и эстетические идеалы. Но «дух эпохи», если иметь в виду господствующие в среде буржуазии тенденции, был столь беден подлинно вдохновляющими идеями, что даже лучшим из архитекторов оставалось лишь более или менее последовательно развивать достигнутые на предшествующих этапах результаты. На этой почве и возникли два архитектурных направления: неоготика и неоклассика.

Величественность и благородство форм неоклассики отнюдь не всегда соответствовали назначению здания: то, что было уместно в античном храме, оказывалось весьма неуместным в храме стяжателей и дельцов - банке. Настоящие творческие удачи ожидали архитекторов лишь в тех случаях, когда им не приходилось преодолевать противоречия между назначением здания и неоклассическими формами. К таким удачам относится фасад Британского музея - архитектора Р. Смерка - этого храма науки и хранилища античных реликвий (1847).

Неоготика развивалась не без влияния романтического стремления вернуться к средневековью и возродить его традиции. Архитекторы этого направления не могли, конечно, возводить готические соборы среди трущоб Манчестера или готические замки посреди современной роскошной усадьбы. Они пытались уловить дух средневекового мышления и эстетических представлений той эпохи и воплотить их в современных строениях. Наиболее значительной работой архитекторов этого направления явился ансамбль

английского парламента, возводившийся с 1840 до 1868 г. Главным создателем общего плана этого ансамбля был выдающийся архитектор Чарльз Бэрри. Гигантское здание ему удалось сделать величественным, но не тяжелым; точно выбранные пропорции создают ощущение гармонии, а удачно расположенные башни позволяют связать воедино несколько разбросанные массы ансамбля.

Богатеющий промышленник, стремившийся подражать в образе жизни аристократии, украшал свое жилище картинами модных живописцев: расходы на покупку картин, с его точки зрения, вполне окупались «респектабельностью» его дома. Какие же картины можно было видеть на стенах его кабинета, гостиных, приемной? Буржуа ценил академическую живопись, посвященную почти исключительно античным и библейским сюжетам. Нельзя сказать, что она ему действительно нравилась и доставляла эстетическое наслаждение. Но в ней было нечто аристократическое, она соответствовала его представлению о «хорошем тоне».

Правда, более всего буржуа ценил жанровые картины. Английская жанровая живопись ведет свою родословную от остросатирических полотен Хогарта. Но жанровые картины, пользовавшиеся успехом у буржуа в 30-40-х годах XIX в., носили совсем иной характер. Даже наиболее выдающийся из художников этого направления Д. Уилки (1785-1841) изображал бытовые сценки с мягким юмором, отнюдь не стремясь вызвать у зрителей раздумье, а тем более ненависть хотя бы к отдельным сторонам общественного устройства. В начале века, когда появились первые работы Уилки, в них, несомненно, была некоторая новизна тематики, теплая симпатия автора к простым людям, уважение к их повседневным радостям и горестям.

Его многочисленные последователи, стремясь угодить мещанскому вкусу буржуа, писали жанровые сценки, уже вовсе лишенные социального содержания. Трогательные семейные торжества, уличные сценки, детские проказы, иллюстрации к популярным романам - все это в духе сусальной идеализации действительности. Художники этой группы решительно не желали видеть ни голодающих бедняков, ни жестокой конкуренции, ни уличных схваток народа с полицией, ни даже парламентских дуэлей. Их Англия полна милых, добродушных, не лишенных невинных смешных черточек людей, которые проводят жизнь в семейном и дружеском кругу. Несмотря на множество интересных для бытописателя деталей, полное отсутствие парадности либо символики классицизма, создатели жанровой живописи того времени, выражаясь современным языком, были лакировщиками действительности. Именно поэтому их картины и покупал буржуа, искавший в своем доме покоя от социальных и политических бурь.

Господство буржуазной идеологии и характер вкусов буржуазии сказывались и на состоянии английского театра. Чисто развлекательный жанр музыкальной драмы, господствовавший в непривилегированных театрах и не обогащавший театральное искусство какими-либо художественными открытиями, пользовался популярностью. Однако буржуа хотел видеть на сцене театра не только традиционные комические фигуры бурлеска, фарса и пантомимы, но и своих современников. Ему не нужна была ни высокая

трагедия, если только она ее освящена именем Шекспира, ни социально острая современная драма. Зато он готов был рукоплескать драматургам и актерам, услаждавшим его спектаклями, в которых действовали буржуа и аристократы в реальной атмосфере современности или недавнего прошлого. Пусть в этих спектаклях бичуется или высмеивается какой-либо недостаток характера, пусть борются добро и зло - но только не как социально обусловленные категории, а как чисто индивидуальные особенности персонажей. Пусть на сцене плачут, смеются, ненавидят, прощают - но без слишком сильных чувств, в рамках, строго ограниченных семейным конфликтом. Жестокий отец, не желающий отдать дочь за любимого ею юношу, но в конце концов отступающий перед силой любви, светский франт, гонящийся за приданым, энергичный разночинец, с трудом пробивающий себе дорогу в высшее общество, - таковы герои и конфликты, устраивающие буржуазного зрителя.

Не выходил за рамки этого бытового реализма и наиболее выдающийся актер и театральный деятель 30-40-х годов Уильям Макреди (1793-1873), который после ухода со сцены Э. Кина не имел соперников в английском театре. Позаимствовав у классицистской актерской школы великолепную культуру речи, стремясь всесторонне изучить характер персонажа и его эпоху, Макреди сумел освободиться от декламационного стиля, чопорности и показной монументальности, типичных для Кембла и других актеров этого направления. Учился он и у Кина, но могучий темперамент великого актера-романтика, бурные взрывы страстей, способные шокировать респектабельную публику, не нашли в Макреди продолжателя. Искусство Макреди, при всей его реалистичности, выражало не народную точку зрения, а этические идеалы «добротного» буржуа, который стремится к «добропорядочности» в делах и в семейных отношениях.

Если художественные вкусы буржуазии нашли наиболее полное выражение в описанных выше течениях в искусстве и литературе, то ее политические взгляды воплотились в популярных социологических концепциях, среди которых едва ли не центральное место занимала идеология фритредерства. Чисто экономическая теория свободной торговли, выдвинутая еще классиками политической экономии, превратилась в середине XIX в. в целую систему взглядов и стала чем-то вроде новой религии либерального буржуа «викторианского века». Это понятие относится не ко всему царствованию королевы Виктории (1837-1901), а именно к 1850-1870-м годам - периоду абсолютной монополии Англии на мировом рынке.

Даже из великого научного открытия Чарльза Дарвина (1809-1882) буржуазия делала выводы, вполне «вписывающиеся» в общую концепцию буржуазного либерализма. Будучи выдающимся собирателем и систематизатором фактов, характеризующих как существующую флору и фауну, так и исчезнувшие ее виды, Дарвин стремился создать научную теорию, объясняющую происхождение современных растений и животных. Опираясь на исследования своих предшественников, Дарвин пришел к выводу, что все существующие виды представляют собой результат длительной эволюции и, следовательно, не были сотворены по воле божества. Материалистическая в

своей основе теория Дарвина была в то же время естественноисторической, поскольку органическая природа рассматривалась ею в постоянном развитии. Вскоре после выхода основного труда Дарвина Маркс писал Энгельсу, что «эта книга дает естественноисторическую основу для наших взглядов». Дарвину удалось не только доказать справедливость эволюционной теории, но и предложить ответ на вопрос о том, как именно и под влиянием каких факторов происходила эволюция растительного и животного мира. В этом ему помогли не только исключительная эрудиция, наблюдательность и настойчивость ученого, но и те явления в общественной жизни, которых не мог не видеть мыслящий и преданный истине человек. Изучая всевозможные разновидности растений, совершая кругосветное путешествие на судне «Бигль», Дарвин не оставался глухим к острейшим социальным конфликтам. Он видел «голодные сороковые годы», когда умирали сотни тысяч ирландских арендаторов, когда британские острова выбрасывали в переселенческие колонии свое «избыточное» население, когда, наконец, в периоды кризисов разорялись и низвергались в низшие социальные слои менее удачливые буржуа. Он читал Мальтуса и, не слишком разбираясь в социальных науках, принял на веру его порочную теорию народонаселения. Все это натолкнуло Дарвина на мысль, что борьба за существование - основа эволюции органической природы. Выживают в этой борьбе, как показал Дарвин, лишь наиболее сильные особи, приспособленные к условиям окружающей среды. Изменения, которые происходят в них в процессе приспособления и борьбы за существование, закрепляются и передаются по наследству, в результате чего в ходе длительной эволюции возникают новые виды растений и животных.

Ко всем этим выводам Дарвин пришел уже в 40-х годах XIX в., хотя его главный труд «О происхождении видов путем естественного отбора» был опубликован лишь в 1859 г. Это объяснялось не только научной добросовестностью Дарвина, который собирал все новые и новые факты и аргументы для доказательства своей правоты, но и огромной взрывчатой силой, содержащейся в эволюционной теории. В самом деле, с теорией Дарвина абсолютно несовместима библейская легенда о сотворении мира и человека богом. В книге Дарвина, писал Маркс, впервые «нанесен смертельный удар «телеологии» в естествознании». В пуританской Англии требовалось немалое мужество, чтобы решиться нанести такой удар. Тем большее значение имело опубликование «Происхождения видов» не только для биологической науки, но и для всей духовной атмосферы, для развития английской и мировой культуры.

Буржуазно-радикальные круги, тесно связанные с диссидентскими евангелическими сектами, не могли, за редким исключением, решиться сделать атеистические выводы из эволюционной теории. Но, с другой стороны, дарвинизм их вполне устраивал, так как им можно было воспользоваться для «доказательства» вечности капиталистических отношений. Для этого требовалась лишь нехитрая манипуляция перенесения объективных законов естественной истории в историю социальную, где разумеется, действуют иные закономерности, открытые уже к тому времени Марксом и Энгельсом. Везде - борьба за существование, твердили «социальные дарвинисты», везде выживают

сильные; современные предприниматели, по их рассуждению, - это выжившие в ходе естественного отбора особи. В руках социал-дарвинистов и вообще социологов фритредерской буржуазии дарвинизм превращался в одну из модных концепций, призванных подтвердить мальтузианские и бентамистские взгляды буржуа, защитить его интересы.

Видное положение среди буржуазно-либеральных экономистов и социологов занимал Джон Стюарт Милль (1796-1873) - автор популярных в буржуазной среде трудов по политической экономии, философии и государствоведению. Как политический мыслитель Милль приобрел известность защитой классических принципов буржуазного либерализма в трактатах «О свободе» (1859) и «Рассуждение о представительном правлении» (1861). Будучи последователем Бентама и даже автором книги об утилитаризме, Милль рассматривает понятие свободы в свете этого учения: свобода даст возможность «разумному эгоисту» в полной мере отстаивать собственные интересы, и это будет полезно обществу. Свободу слова, мысли, печати, ассоциаций Милль провозгласил высшей человеческой ценностью, самоцелью прогресса. Индивидуализм доведен в трактате Милля до такой степени, что автор требует свободы личности не только от государства, но и от общества вообще, от общественного мнения. Когда же этот радикальный теоретик и политик переходит к конкретным вопросам государственного права, ограниченность и классовая природа его «либерализма» сразу обнаруживаются со всей очевидностью. Милль отвергает не только всеобщее избирательное право, но и равное, и тайное голосование, и выплату жалованья депутатам.

«Охранительному» характеру экономических и политических взглядов Милля вполне соответствовали и его философские воззрения, почти целиком заимствованные у основоположника позитивизма, французского философа Огюста Конта. Отвергая умозрительные конструкции просветителей XVIII в., Конт выдвинул требование строгой научности в философии, опоры на положительное (позитивное) знание, на строгое изучение фактов и выведение законов из наблюдения. «Социальная физика», как первоначально Конт именовал социологию (именно он ввел этот термин), призвана была методом наблюдения над историческими явлениями и сопоставления их открыть естественные законы общественной жизни. Заранее отказываясь от попытки вскрыть причинную связь между явлениями и проникнуть в их сущность, позитивизм ограничил само понимание закона и, по существу, смыкался с агностицизмом.

Вслед за Миллем с позитивистских позиций обратился к социологии Герберт Спенсер (1820-1903) - один из «властителей духа» буржуазной молодежи Англии, США и других стран. В 60-90-х годах Спенсер опубликовал капитальные труды по психологии, биологии, этике. Читателей привлекала широкая эрудиция автора, строгая логичность изложения, стремление «упорядочить» и объяснить все стороны общественной жизни, наконец, полная свобода от ссылок на вмешательство «божества», от библейской мистики.

Но все мыслимые изменения в обществе Спенсер представлял себе исключительно в рамках капиталистической системы, которую он в духе

либеральных воззрений считал «нормальной», «естественной». Всякое учение, проникающее в самую сущность явлений и указывающее пути изменения в общественном строе, Спенсер отвергал. Прежде всего это относилось, конечно, к марксизму, против которого и было направлено главное острие позитивистской социологии. Вот как Спенсер формулировал главный вывод из своего учения в книге «Социология как предмет изучения» (1873): «Процессы роста и развития могут быть и очень часто бывают остановлены или расстроены, но не могут быть улучшены естественным путем». Революции приносят только вред, - говорил Спенсер напуганным Парижской Коммуной буржуа, - развитие должно идти крайне медленно, так медленно, как происходят органические изменения в человеке. По Спенсеру, революции - не «локомотивы истории», как любил говорить Маркс, а тормоза истории.

В социологии Спенсера были и такие черты, которые были взяты на вооружение крайней реакцией конца XIX-XX в. Следовавший во многом по стопам Бентама и Мальтуса, Спенсер еще в 50-х годах пришел к идее естественного отбора и борьбы за существование, так что сам Дарвин в предисловии к «Происхождению видов» назвал его одним из своих предшественников. Спенсер в духе чистого мальтузианства, подкрепленного биологическими аналогиями, писал, что если бедняки «недостаточно приспособлены для жизни, они умирают, и это самое лучшее, что они могут сделать». Если непосредственно связанный с политической борьбой и потому более гибкий Милль все же соглашался на государственное вмешательство в экономику, то Спенсер был «последовательнее» и выступал против каких-либо мер, ограничивающих эксплуатацию и улучшающих условия жизни масс. Переноса свои рассуждения в сферу международных отношений, Спенсер столь же решительно объявил «биологически неполноценные» народы обреченными на рабство или уничтожение, а англосаксов - «естественными» властителями мира. Социальный дарвинизм в международном плане превращался в откровенный расизм и использовался для оправдания жестокостей английских колонизаторов. Спенсеровский позитивизм, таким образом, стоит на рубеже между классическим либерализмом и реакционной империалистической идеологией конца XIX - начала XX в., причем органическое слияние тех и других элементов в одной философской системе показывает, сколь зыбки грани между буржуазным либерализмом и крайним консерватизмом.

После раскола торийской партии во главе ее в палате лордов стал Э. Дерби, а в палате общин - Б. Дизраэли (1804-1881). Этот популярный писатель начал политическую карьеру еще в 30-х годах. В отличие от обычных торийских лидеров, происходивших из аристократии, Дизраэли был выходцем из буржуазно-интеллигентской семьи. Главный секрет его карьеры заключался в том, что он, отлично зная психологию торийской верхушки и поэтому всячески подчеркивая свое преклонение перед монархией, аристократией, церковью, традициями, титулами, умел реалистически оценивать меняющееся соотношение сил между классами и готов был в политике отступить перед неизбежным. Консерватизм, в понимании Дизраэли, заключался не в том,

чтобы вообще не допускать никаких изменений, а в том, чтобы сами изменения происходили консервативно, без катастрофических потрясений.

Первым шагом тори под новым руководством было признание необходимости свободной торговли. Дизраэли даже публично заявил в парламенте, что протекционизм представлял собой «ложные положения, от которых мы в конце концов имели мужество достойным образом отказаться».

Во второй половине 50-х и в 60-х годах нажим фабрикантов на лидеров старых партий все более возрастал, причем позиции буржуазии в партии вигов становились все прочнее. Видной фигурой в партии стал бывший тори, а затем пилит Уильям Гладстон (1809-1898). Воспитанный в олигархической семье ливерпульских коммерсантов, получавших доходы от колониальной торговли и даже от плантаций в Вест-Индии, Гладстон в начале своей политической карьеры занимал крайне реакционные позиции в среде тори. Он, в частности, выступал в защиту рабства. Бури 40-х годов, показавшие, что политика больше не может вершиться узким кругом парламентских лидеров, многому научили отлично образованного торийского парламентария, который уже добрался до министерского ранга. Великолепный ораторский дар, постоянные апелляции к принципам «морали», «чести», «справедливости», умение использовать библейские тексты для «обоснования» любых шагов правительства, включая самые жестокие акты колониальной политики, сентиментальная экзальтация в сочетании с цинизмом, беспринципностью и готовностью в подходящий момент переменить фронт - все эти качества сделали Гладстона незаменимым либеральным лидером. Именно он в конце концов сплотил вигов, фритредеров-радикалов и пилитов в одну партию, которая получила уже официальное название либеральной партии. Смерть Пальмерстона в 1865 г. и постепенный отход от дел престарелого Рассела облегчили Гладстону его задачу. В 1868 г. он был избран лидером либеральной партии.

Фактически либеральная партия, взявшая на вооружение идеи Бентама, Мальтуса, Кобдена, Брайта, Милля и Спенсера, господствовала в английской политической жизни в 50-60-е годы. С 1846 до 1874 г. она была в оппозиции всего три года, когда тори-консерваторам удалось ненадолго прийти к власти. Либералы осуществили давнюю мечту фритредерской буржуазии о «дешевом правительстве». В то время как в странах континента быстро росла военно-бюрократическая машина, в Англии был сравнительно невелик государственный аппарат.

Используя исключительно выгодное положение на мировых рынках и широко применяя либеральную тактику защиты своего классового господства, английская буржуазия именно в этот период добилась развращения части рабочего класса буржуазно-либеральной идеологией.

Рабочая аристократия - эта главная опора буржуазии внутри пролетариата во всех капиталистических странах - возникла на рубеже XIX и XX вв., в процессе перехода капитализма в стадию империализма. В Англии же, благодаря особенностям ее исторического развития, формирование рабочей аристократии началось уже с конца 40-х годов XIX в..

В 50-е годы сложился и классический английский тред-юнионизм,

объединявший преимущественно верхушку рабочего класса. В 1851 г. было создано Объединенное общество механиков - первый мощный тред-юнион того типа, который стал наиболее распространенным в последующие десятилетия. Стремясь одновременно выполнять функции кассы взаимопомощи, выдающей пособия в случае временной нетрудоспособности, смерти кормильца, по старости и т. д., и профсоюза, отстаивающего права своих членов в переговорах с предпринимателями, тред-юнион механиков установил высокие членские взносы, которые закрывали дорогу в союз низкооплачиваемым рабочим. Поскольку отделения общества существовали в различных районах страны, организация была до предела централизована. Тактика союза заключалась в том, чтобы, угрожая предпринимателям стачкой и лишь в редких случаях действительно используя это последнее средство, добиваться для членов тред-юниона повышения зарплаты, улучшения условий труда, сокращения рабочего времени.

По образцу Объединенного общества механиков были построены и другие централизованные союзы - плотников, углекопов, ткачей, печатников, рабочих стекольной промышленности и т. д.

Развитие тред-юнионизма повлекло за собой формирование платной верхушки тред-юнионов, профсоюзной бюрократии. Постепенно выработался определенный тип профсоюзного лидера. Оторванный от масс, живущий, как правило, в Лондоне или, реже, в Манчестере, Бирмингеме, Глазго, высокооплачиваемый своим союзом, по образу жизни сомкнувшийся с верхушкой мелкой буржуазии, а иногда и со средней буржуазией, постоянно вращающийся в среде предпринимателей, парламентариев, буржуазных журналистов, лидер тред-юниона превращался в карьериста и дельца, агента буржуазии в рабочем движении.

Хотя низы пролетариата по-прежнему не могли выбиться из бездны нищеты, в 50-70-х годах уже не было столь четко противопоставленных друг другу «двух наций» в английской нации, как это характерно для 30-40-х годов. Господствующая буржуазная культура проникала в сознание масс, завоевывала их своим внешним блеском, самой поверхностностью и доступностью своих идей, филистерским «здравым смыслом». Повседневное выторговывание «шиллингов и пенсов» воспитывало бережливых дельцов, а не вдохновенных борцов. Оно отнюдь не способствовало тому взлету духовных сил, который порождает жажду высокого искусства. «Благодаря периоду коррупции, - писал Маркс, - наступившему с 1848 г., английский рабочий класс был постепенно охвачен все более и более глубокой деморализацией».

В таких условиях развитие элементов социалистической культуры в Англии временно прервалось. Конечно, борьба направлений в английской культуре не прекратилась, и плоская, пропитанная религиозным ханжеством и бентамистским практицизмом буржуазная культура не приобрела безраздельного господства. Но элементы демократической культуры стали слабее, чем в эпоху чартизма, они были не столь четко выражены и нередко самым причудливым образом переплетались с элементами буржуазной культуры даже в творениях одного и того же художественного направления и

даже одного лица. Дух компромисса, господствовавший в политической жизни и в отношениях между классами, проявлялся, таким образом, и в области культуры. Продолжала, правда, творить блестящая плеяда мастеров социального романа, сложившаяся в эпоху чартизма. Диккенса не обмануло промышленное процветание и временное ослабление классового антагонизма. Он видел и нищету народных низов, и эгоизм собственников, и духовное убожество верхов общества. Его письма полны жалоб на то, что «наша политическая аристократия вкупе с нашими паразитическими элементами убивают Англию». «Холодный дом», «Тяжелые времена», «Крошка Доррит», «Повесть о двух городах» - эти романы 50-х годов были вершиной творчества писателя, сумевшего и в новой обстановке разглядеть за респектабельным фасадом и внешним благополучием трагедию нищеты и мизерность мер, применяемых филантропами из буржуазии. Прямо и непосредственно противопоставляя коллективизм и солидарность рабочих бентамистскому эгоизму буржуазии (особенно в «Тяжелых временах»), Диккенс сталкивает теперь добродетель с пороком именно в классовом конфликте. Реализм Диккенса углубился, хотя писатель оставался еще в плену иллюзии о возможности «перевоспитания» власть имущих. До конца жизни оставаясь гуманистом, Диккенс верил в неисчерпаемые моральные ценности, которые созданы народом. Но только он один и держал знамя реалистического искусства в эти годы.

Буржуазная мораль держала под запретом бурные человеческие страсти - в них было нечто, не укладывающееся в рамки ее респектабельности, не поддающееся занесению в расчетные книги и противоречащее прямолинейному мышлению дельца. Альфред Теннисон в цикле поэм «Королевские идиллии» (1859), написанных по мотивам преданий «Артуровского цикла», противопоставляет «греховное начало», чувственность - «душе». Реакционно-романтическая стилизация средневековья (недаром Теннисон занял пост придворного поэта-лауреата вслед за Вордсвортом) сочетается здесь с пошлой современной моралью и, как остроумно выразился один современник, «король Артур изъясняется у Теннисона как заправский пастор». Даже у Диккенса любовь переводится исключительно в сентиментально-возвышенный план, а плотские страсти дозволены сугубо отрицательным персонажам. Чистая, но вполне земная любовь сонетов Шекспира и песен Бернса не принималась буржуазным читателем середины века, и вызовом его ханжеству прозвучали появившиеся в 1866 г. «Стихи и баллады» О. Ч. Суинбёрна. Откровенно чувственная поэзия Суинбёрна, провозглашающая языческое, «эллинское» наслаждение жизнью, скандализовала буржуазную публику, привыкшую к «неземной» любви в чопорных стихах Теннисона. Бунт против господствующего лицемерия привел, впрочем, Суинбёрна к отрицанию морали вообще, к разнузданной эротике как убежищу от холодно-бессмысленного бытия буржуазии. В этом сказывалось уже начало декадентского перерождения буржуазного искусства, которое резко проявилось спустя несколько десятилетий. Следуя в своем антибуржуазном бунте за революционными романтиками начала века, однако никогда не поднимаясь до их идейно-

эстетических высот, Суинбёрн и в собственно гражданской поэзии во многом идет по стопам Шелли и Байрона: он воспекает революционно-демократическое движение в Италии, с гневом и насмешкой пишет о папе римском, о политической реакции на континенте.

Иной характер носило выступление группы поэтов и художников, которые в 1848 г. объединились в «Прерафаэлитское братство» и оставили известный след преимущественно в истории живописи. Это тоже был своеобразный бунт, и именно так восприняла буржуазная критика первые картины прерафаэлитов. Поэт и художник Данте Габриел Россетти, художники Эверетт Миллес и Уильям Холмен Хант выступили против господствующей академической живописи, с ее условностью, безликостью, идейной и эстетической убогостью. Они выдвинули отнюдь не революционные идеи даже в рамках художественного новаторства, не говоря уже о политике, о которой прерафаэлиты прямо вообще не высказывались. Надо вернуться к природе, к правде жизни, говорили они, отказаться от парадности и условности, а для этого обратиться к образцам итальянского искусства XV в. Отсюда название их группы, подчеркивающее возврат к дорафаэлевскому искусству. Положительная программа прерафаэлитов была утопичной - разве мыслимо было «забыть» о трехвековом пути искусства, выбросить за борт все его достижения! Она во многом была и реакционной, так как содержала идеализацию средневековья, религиозного духа дорафаэлевской живописи.

Критикуя прозаичную жизнь современного буржуа преимущественно с точки зрения «исчезновения поэзии» в век машин, прерафаэлиты косвенно выражали демократический в своей основе протест, но звали они все же скорее назад, чем вперед. В их картинах не было, по сути, ничего, что могло бы шокировать буржуа. Но они были непривычны, неприличны самой своей непохожестью на жанровые или псевдоисторические работы, окружавшие буржуа дома, в конторе, на выставке. Бескрылый академизм был неотъемлемой составной частью идеологии викторианской Англии, и буржуа поспешил вступить за него. Один французский историк живописи с глубокой иронией и отличным пониманием характера английского буржуа объяснил реакцию официальной критики на первые работы новой школы: «Мысль, что прерафаэлиты хотят что-то изменить в эстетической конституции страны, взбудоражила тех самых людей, которые нисколько не были шокированы их произведениями. Английский консерватизм испустил крик ужаса. Казалось, Рафаэль превратился в Нельсона или в Веллингтона, в нечто неприкосновенное; казалось, что объявить себя прерафаэлитом значит посягнуть на безопасность британских берегов».

Такое отношение к прерафаэлитам, однако, продолжалось недолго: реакционная в своей основе концепция этого направления была вскоре разгадана, и буржуа смирился с некоторой реформой в искусстве, как он мирился с неугодными ему, но неизбежными демократическими преобразованиями. Картины прерафаэлитов стали покупать (и дорого платить!), они появились и в частных собраниях и в музеях. Бунт быстро кончился, и даже Королевская Академия искусств избрала Миллеса в свой состав. Элементы

мистической экзальтации в живописи Ханта и Россетти, сочетание мистики и эротики в стихах Россетти, борьба духа с плотью в стихах его сестры Христины Россетти - все это было началом декадентской линии в искусстве и литературе, как и отрицание моральных критериев в стихах близкого к прерафаэлитам Суинбёрна.

Но с прерафаэлитами связаны и такие явления в английской культуре, которые, при всей их противоречивости, бесспорно относятся к ее демократическому направлению. В тот краткий период, когда прерафаэлиты подвергались всеобщему осуждению, в защиту их выступил тогда еще молодой, но уже авторитетный художественный критик и теоретик искусства Джон Рёскин (1819-1900). Впоследствии он приобрел мировую известность как оригинальный мыслитель и искусствовед, владевший к тому же образным языком, благодаря которому его публицистика всегда была и произведением искусства.

Главная идея, которую Рёскин отстаивал в книге «Политическая экономия искусства» (1857) и в «Письмах к рабочим и труженикам Великобритании» (1871-1884), заключается в том, что капитализм убивает искусство и превращает труд в механическое повторение однотипных движений, лишает его творческого характера. Оставаясь утопистом, он не видел того строя, который может раскрепостить труд и народные таланты. Но его демократическая критика капитализма с позиций народа сочеталась с провозглашением культа творческого труда как основы развития общества будущего.

Близок по взглядам к Рёскину был в 60-70-е годы и Уильям Моррис (1834-1896) - выдающийся поэт, художник, а впоследствии - деятель социалистического движения. Выходец из буржуазной семьи, студент Оксфордского университета, восторженный почитатель и младший друг Россетти, поклонник средневековой ГОТИКИ, Моррис примкнул к прерафаэлитам и в литературном творчестве 50-70-х годов не выходил за рамки стилизованной поэзии на средневековые сюжеты. Однако подход к труду как к творчеству, взгляд на красоту как на категорию не только эстетическую, но и нравственную уже в те годы сближали Морриса с Рёскиным и начинали отдалять от прерафаэлитов.

Парламентская реформа 1867 г. и политическая борьба в 70-х годах

Буржуазии и ее агентам в рабочем движении не удалось, конечно, полностью вытравить из памяти рабочего класса революционные традиции чартизма и свести на нет революционную тенденцию в рабочем движении. Не только неорганизованные рабочие, но и рядовые тред-юнионисты нередко обнаруживали революционную энергию, пугавшую лидеров. Неоднократные выступления рабочего класса в 50-70-е годы вынуждали господствующие классы идти на уступки. Само создание крепких массовых организаций, даже если иметь в виду их реформистский характер, все же было крупным завоеванием рабочего класса, которое ему приходилось отстаивать в борьбе с

реакцией.

С 1857-1858 гг. в условиях экономического кризиса, который впервые приобрел характер всемирного, классовая борьба обострилась. Во время стачек в различных районах страны рабочие все больше ощущали потребность во взаимной поддержке, тем более что из центра оппортунистические лидеры им часто в такой поддержке отказывали. На этой почве происходило сближение между местными отделениями централизованных профсоюзов, а в 1858 г. в Глазго был создан Совет тред-юнионов. Новая организация, родившаяся снизу и порожденная практическими потребностями повседневной борьбы масс, сразу приобрела большой авторитет, и примеру Глазго вскоре последовали Шеффилд, Эдинбург, Ливерпуль и другие крупные центры. Советы тред-юнионов представляли не какой-либо отдельный союз, не рабочих определенной профессии, а рабочий класс данного города в целом.

Наибольшую известность в этот период приобрела стачка лондонских строителей, продолжавшаяся более полутора лет (с небольшими перерывами). Объединенное общество механиков - самый богатый тред-юнион - прислало строителям 3 тыс. ф. ст.; другие союзы тоже оказывали бастующим помощь. Из комитета, созданного лондонскими союзами для помощи строителям, в 1860 г. возник Лондонский совет тред-юнионов. Поскольку он находился в столице и в него вошли руководители крупнейших централизованных тред-юнионов, этот орган вскоре приобрел общенациональное значение и право выступать от имени всех организованных рабочих страны. Нередко он организовывал помощь рабочим в различных районах Англии. Секретарем Лондонского совета тред-юнионов стал известный в профсоюзных и радикальных кругах лидер небольшого союза сапожников Джордж Оджер. Он, а также руководители союзов механиков, плотников, литейщиков и каменщиков У. Аллен, Р. Эйлгарт, Д. Гайл и Э. Коулсон составили «хунту» - сплоченную группу лидеров, придерживающуюся общих взглядов на задачи тред-юнионизма. Не посягая на основы капиталистической эксплуатации и враждебно относясь к социализму, они, однако, считали нужным использовать организованную мощь рабочего класса для давления не только на отдельных капиталистов, но и на правительство, и на парламент.

Оживление английского рабочего движения в начале 60-х годов происходило одновременно с активизацией рабочего класса на континенте, прежде всего во Франции и в Германии. На состояние рабочего движения во всех странах оказывали влияние такие события, как гражданская война в США (1861 - 1865), польское восстание 1863 г., успешные действия итальянских демократов во главе с Гарибальди. В этих условиях в развитии международного рабочего движения и, следовательно, вообще в истории человечества произошло событие огромного исторического значения - образование Международного Товарищества Рабочих, или Первого Интернационала (1864) во главе с Марксом и Энгельсом.

Видную роль в организации Международного Товарищества Рабочих сыграли лидеры лондонских тред-юнионов Д. Оджер, У. Криммер и др. Маркс придавал особое значение возможности вступить с «настоящими рабочими

королями Лондона» ' в деловой контакт в Генеральном Совете, оказывать на них влияние, бороться против их оппортунизма и соглашательства. Наиболее важным практическим результатом деятельности Интернационала в Англии была значительная активизация борьбы рабочего класса за парламентскую реформу.

Уже в начале 1865 г. на собрании представителей от рабочих организаций была учреждена Лига реформы. В подготовке к созданию этой массовой организация и в выработке ее программы и тактики решающая роль принадлежала Генеральному Совету Интернационала и лично Марксу. Не допускать подчинения рабочего движения руководству со стороны радикалов - таков был самый важный совет Маркса английским членам Интернационала.

Однако господствующие классы приняли срочные меры, чтобы не допустить самостоятельного пролетарского движения. Либеральный кабинет Рассела - Гладстона решил в 1866 г. внести в парламент билль о реформе, который соответствовал пожеланиям буржуазии, но ни в какой мере не обеспечивал право голоса широким слоям рабочего класса.

Билль открыто поддержали радикалы во главе с Брайтом. В пользу билля высказались и тред-юнионистские лидеры Лиги реформы. Оценивая это решение и поведение тред-юнионистских вождей, Маркс писал: «И Кример, и Оджер оба предали нас в Лиге реформы, где они против нашей воли вступили на путь компромиссов с буржуазией».

После отставки правительства Рассела - Гладстона, вызванной провалом билля о реформе, кабинет сформировал лидер консерваторов Дерби, а пост министра финансов занял Дизраэли (июль 1866 г.). Этому правительству пришлось столкнуться с невиданным со времен чартизма подъемом массового движения. Лозунг Интернационала - всеобщее избирательное право - вынуждены были в этот период вновь провозгласить и руководители Лиги реформы, вернувшиеся, таким образом, под давлением масс к ее первоначальной программе. 23 июля 1866 г. не менее 100 тыс. человек собрались у входа в Гайд-парк, где был назначен митинг Лиги несмотря на то, что министр внутренних дел заранее запретил его проведение. Полиция, вооруженная дубинками, заняла подступы к парку. Часть демонстрантов направилась тогда к Трафальгарской площади. Но и возле Гайд-парка осталось множество демонстрантов, и здесь произошло бурное столкновение с полицией, - демонстранты стали выламывать прутья из решетки парка и защищаться. Им удалось прорваться в парк и провести здесь митинг протеста против консервативного правительства.

События 23 июля испугали не только правительство, но и радикалов и вождей тред-юнионов. Они, однако, не смогли остановить движения. 24 и 25 июля оно продолжалось стихийно. Многие пришли к Гайд-парку вооруженными. Правительственные здания, дворец королевы и частные дома консервативных лидеров охранялись войсками и полицией.

Июльские события в Лондоне всколыхнули рабочих всей страны. К Лиге реформы примкнули городские советы тред-юнионов и отдельные профсоюзы. Бирмингем, Глазго, Манчестер, Лидс стали свидетелями митингов, в которых

участвовало по 200-300 тыс. человек. К январю 1867 г. Лига имела свыше 400 отделений. Движение приобрело поистине общенациональный характер, причем редкий оратор позволял себе выступать на митингах с каким-либо предложением, кроме всеобщего избирательного права.

Как это уже не раз бывало в прошлом, подъем рабочего и демократического движения в Англии совпал с усилением борьбы ирландского народа за независимость. На это г раз подготовка к вооруженному восстанию велась под руководством Джемса Стефенса (1825-1901), одного из немногих уцелевших участников движения 1848 г. Революционные ирландцы создали в конце 50-х годов широко разветвленное конспиративное общество, состоявшее из мелкобуржуазных слоев городского населения, демократической интеллигенции и рабочих. Они назвали свою организацию ИРБ, что предоставлялось каждому, в зависимости от его взглядов, расшифровывать, как Ирландское революционное братство либо Ирландское республиканское братство. Позднее братство назвало себя фенианским, а члены его - фениями [*Происхождение этого слова точно не установлено, но, видимо, оно связано с «фенами» - дружинами древних ирландских королей*].

Той же осенью 1866 г., когда в Англии движение за парламентскую реформу начало приобретать революционный характер, Ирландия была накануне восстания, попытка которого действительно имела место в феврале - марте 1867 г. Торийское правительство Дерби - Дизраэли, продолжая в Ирландии террористическую политику Рассела - Гладстона, не могло не учитывать опасность, которая коренилась уже в самом факте хронологического совпадения английских и ирландских событий. Надо было как можно скорей разрядить напряжение, и Дизраэли добился от некоторых членов кабинета согласия на парламентскую реформу.

Вся история билля Дизраэли - это история вынужденных уступок со стороны правительства. Сначала он внес не билль, а лишь «резолуции», содержавшие только общие черты будущего законопроекта. Но взрыв негодования в массах заставил Дизраэли поспешно внести сам билль. Однако условия его были отвергнуты Лигой реформы, а также радикальными кругами. В феврале - марте 1867 г. на митингах заговорили о применении «физической силы». Лига вместе с тред-юнионами грозила всеобщей политической стачкой. Тогда последовал новый билль, но и он был лишь незначительно улучшен. И снова - в течение апреля - массовые митинги заставили правительство сделать еще один шаг вперед. 6 мая, вопреки запрету, состоялся массовый митинг в Гайд-парке, вызвавший особую тревогу в правящих кругах. Наконец, когда Дизраэли сделал очередную уступку, руководители Лиги, вопреки своим прежним решениям о всеобщем избирательном праве, согласились на сохранение ценза.

Парламентская реформа 1867 г. (или вторая парламентская реформа) предоставляла право голоса владельцам или съемщикам отдельных домов либо квартир, либо комнат, если арендная плата составляла не меньше 10 ф. ст. в год. Примерно в таких условиях и жила в то время высокооплачиваемая категория рабочих. Об остальных реформистские вожди не желали думать.

В результате реформы количество избирателей в городах возросло на 825 тыс. человек - мелких буржуа, ремесленников и квалифицированных фабричных рабочих. В графствах количество избирателей возросло всего на 270 тыс. человек. Всего же в 1868 г. в Англии было зарегистрировано 2456 тыс. избирателей при населении в 30 млн. человек. И все же реформа 1867 г. при всей ее ограниченности была важным завоеванием рабочего класса, значительным шагом на пути к установлению буржуазно-демократического строя.

Парламентские выборы 1868 г. принесли крупный успех либеральной партии, во главе которой стоял избранный незадолго перед тем ее официальным лидером Гладстон. Хотя в партии к этому времени оставалось немало старых вигских семейств, в целом это была уже новая партия, непосредственно выражающая интересы промышленной буржуазии. На ее скамьях сидели теперь фабриканты Бирмингема и Манчестера, деятели Лиги борьбы против хлебных законов, фритредеры и радикалы типа Брайта. Символом изменения характера партии было вхождение Брайта в кабинет Гладстона (1868-1874), который предоставил ему портфель министра торговли. Массовой опорой партии была мелкая буржуазия и верхушка рабочего класса.

Подавляющее большинство лидеров тред-юнионов примыкали к либералам по мировоззрению, а также - через радикальное крыло партии - по личным связям. Но для того чтобы оказывать давление на либеральную партию (а при случае - и на консерваторов), лидерам потребовалась организация более авторитетная, чем Лондонский совет тред-юнионов. На протяжении 60-х годов периодически собирались конференции представителей тред-юнионов из различных районов страны, но только с 1868 г. они стали регулярными (ежегодными). Созданная таким образом организация получила название Британского Конгресса тред-юнионов (БКТ); на протяжении последующих лет к ней присоединились почти все крупные и множество мелких тред-юнионов. Во время конгресса 1869 г. было решено создать высший орган профсоюзного движения, действующий между конгрессами, - Парламентский комитет Конгресса тред-юнионов. Как видно из названия, главные функции этого органа заключались в давлении на парламент с целью проведения законов, улучшающих положение рабочего класса.

Вот тут-то либеральной партии и предстояло окончательно решить, какой тактики придерживаться по отношению к тред-юнионам. С одной стороны, фабриканты, чьи интересы выражала партия, хотели сокрушить тред-юнионы, восстановить свой произвол на предприятии. Но, с другой стороны, тред-юнионы, с их тенденцией к соглашательству и оппортунизму, сами становились надежным барьером против революционного направления.

Политические вожди либеральной буржуазии предпочли «английский» путь компромисса и уступок. Гладстон попытался примирить требования тред-юнионов и пожелания буржуазии. В 1871 г. он провел в парламенте два закона. Один из них предоставлял тред-юнионам права юридических лиц, чем поставил их в равное правовое положение с организациями буржуазии. Вторым законом наносил серьезный удар по давно завоеванному рабочим классом праву на

стачку. Формально стачки не запрещались, но стачечникам запрещалось выставлять пикеты для борьбы со штрейкбрехерами. Буржуазные суды на основании нового закона присуждали к штрафам и к тюремному заключению участников пикетов и даже просто рабочих, выражавших презрение к штрейкбрехерам. Введение этого закона не замедлило сказаться на ходе выборов 1874 г., когда либералы, потеряв голоса части тред-юнионистов, потерпели поражение. Консервативный кабинет Дизраэли (1874-1880) в 1875 г. провел закон, легализовавший «мирное пикетирование». Право на стачку - одно из важнейших завоеваний рабочего класса было, таким образом, подтверждено законом.

Либеральная партия не могла, конечно, примириться с тем, что симпатии тред-юнионов начали склоняться в сторону консерваторов. Стремясь укрепить свои связи с тред-юнионистской верхушкой, она пошла навстречу ее пожеланиям и во время выборов 1874 г. оказала поддержку «рабочим» кандидатам, двое из которых - Томас Берт и Александр Макдональд - были избраны. Это были типичные представители классического тред-юнионизма, чиновники хорошо организованных союзов углекопов, либералы по мировоззрению, естественно примкнувшие в парламенте к либеральной фракции. С этого времени группа тред-юнионистских вождей в парламенте, полностью зависимых от руководства либеральной партии, стала расти и к концу века составляла уже больше десятка депутатов. Эти рабочие-либералы (lib-lab, как их называли) проводили в парламенте и вне его не пролетарскую классовую политику, а ту политику подчинения рабочего класса буржуазии, которую Ленин называл «либеральной рабочей политикой».

В 1872 г. было введено тайное голосование, что соответствовало требованиям демократических сил еще с XVIII в. Буржуазно-демократический характер носили и административные реформы правительства Гладстона, направленные против господства аристократии в армии и государственном аппарате. Старинная практика покупки чинов в армии была отменена, и офицерские должности перестали быть пристанищем для младших сыновей знатных семейств. Для занятия должностей на государственной службе был установлен публичный экзамен.

Среди уступок, на которые оказалась вынужденной пойти буржуазия, не последнее место занимала реформа образования, проведенная в 1870 г. В конце 60-х годов примерно половина детей школьного возраста (2 млн.) не посещали школу. Но развитие капиталистической промышленности требовало элементарно грамотных рабочих, из которых можно было бы выдвигать и низовых организаторов производства - мастеров.

Решающую роль в проведении реформы сыграли соображения политического характера: необходимо было взять под контроль духовное развитие народа, обеспечить идейное влияние на массы при помощи такого мощного оружия, как начальная школа. Это было тем более важно для господствующих классов, что верхушка рабочих получила теперь избирательные права, и, как всем было ясно, дальнейшее их расширение - лишь вопрос времени.

Вся Англия была разделена на так называемые школьные участки, в которых населением избирались школьные советы, облеченные довольно широкими полномочиями. Обнаружив, что в данном участке частных или церковных школ не хватает для всех детей, они должны были строить и содержать новые школы за счет субсидий от правительства, платы за обучение и специального местного школьного налога. Реформа не носила последовательно демократического характера: она не отделяла школу от церкви и не провозглашала всеобщего обязательного обучения. Тем не менее это была известная уступка со стороны господствующих классов, открывавшая путь к образованию для широких слоев населения.

Политика Гладстона в ирландском вопросе была разновидностью той же либеральной тактики, которую он проводил в Англии, только еще более ограниченной и сопровождавшейся жестокими репрессиями. Особенно большой шум был поднят буржуазно-либеральной прессой в связи с земельным биллем Гладстона (Land Bill), принятым в 1870 г. По этому закону вводились некоторые ограничения в права лендлордов. До сих пор они сгоняли арендаторов с земли в любой момент, не считаясь с затратами, которые были сделаны арендаторами для улучшения почвы, строительства жилых помещений, амбаров и т. д. Теперь же вводилась обязательная выплата компенсации, размер которой устанавливался судом. Кроме того, лендлорд мог изгнать арендатора лишь по истечении срока аренды, за исключением тех случаев, когда арендная плата не вносилась в срок. Либералы прославляли этот закон за то, что он вводил формальное равенство в отношениях между арендатором и лендлордом, в действительности же самые основы лендлордизма полностью сохранялись и после закона 1870 г.

Борьба английского рабочего класса в конце XVIII и на протяжении XIX в. привела к установлению буржуазно-демократического строя. Но если, например, во Франции и в США буржуазная демократия установилась в ходе революций, то в Англии она вводилась медленно, постепенно, в ходе реформ. Эти реформы были отдаленным последствием буржуазной революции XVII в., но они проводились под непосредственным воздействием рабочего движения, навязывались буржуазии рабочим классом. Своеобразие исторического развития Англии привело к тому, что если во Франции и в США установились буржуазно-демократические республики, то в Англии сохранялись монархия, аристократическая палата лордов, феодальные пережитки в законодательстве и судопроизводстве. Рабочий класс Англии, опередив пролетариат континента по организованности и социальным завоеваниям, отставал по уровню своего сознания. Отставание английского рабочего класса особенно ярко проявлялось в том, что в то время как на континенте возникали самостоятельные рабочие партии с социалистической программой (в Германии - в 1869 г., во Франции - в 1879 г.), в Англии отсутствовала не только социалистическая рабочая партия, но и вообще самостоятельная политическая партия пролетариата.

Между тем из-за относительной слабости английской государственной машины, из-за отсутствия мощного военно-бюрократического аппарата в то время английский рабочий класс имел объективную возможность взять власть в

свои руки мирным путем, т. е. без слома существующей государственной машины. Эта мысль была выражена Марксом в 1871 г. Рабочий класс Англии, однако, не сумел воспользоваться этими исключительными условиями, так как сам он был политически неорганизован и идеологически разоружен.

Расширение избирательных прав, усиление роли палаты общин в ущерб влиянию палаты лордов, либеральные реформы конца 60 - начала 70-х годов и неизбежные дальнейшие преобразования в духе буржуазной демократии - все это создавало беспокойство в буржуазных кругах. Вынужденные под давлением снизу идти на расширение демократии, буржуазные политики изыскивали пути для укрепления своего контроля над нею. Сохраняя и расширяя демократический фасад, они стали в тени его изыскивать средства, чтобы подчинить себе новых избирателей. Не случайно первый шаг в этом направлении был сделан в Бирмингеме - крупном промышленном центре, где после реформы 1867 г. появились 30 тыс. новых избирателей.

Видный бирмингемский промышленник Джозеф Чемберлен (1836-1914), слывший радикалом и известный своей деятельностью в муниципальном совете, возглавил работу по созданию бирмингемской либеральной ассоциации. Город был разделен на 16 районов (кварталов), и в каждом из них на публичном митинге избирался комитет - нечто вроде бюро низовой территориальной организации либеральной партии. Председатели и секретари районных комитетов, а также по три выборных представителя от кварталов составляли городской исполнительный комитет. Кроме того, избирались по 30 делегатов от кварталов в «генеральный комитет» города. Во главе всей этой системы стояло бюро из 11 человек, и они-то были фактическими руководителями либералов всего города. Группа Чемберлена контролировала полностью организацию, обеспечивала избрание намеченных руководством лиц в различные органы и широко пользовалась правом кооптации.

По образцу бирмингемской ассоциации возникли либеральные ассоциации и в других городах, а в 1877 г. на съезде в Бирмингеме была учреждена «Национальная либеральная федерация», т.е. политическая партия в современном смысле слова. Примеру либералов вскоре последовали и консерваторы, причем Дизраэли прямо заявил, что консервативные ассоциации должны придерживаться строжайшей дисциплины «на манер македонских фаланг и римских легионов». В обеих партиях возник мощный аппарат, который легко приводился в движение по воле лидеров. Это был так называемый коукес - в Америке еще в XVIII в. так именовали крепко спаянную группу политиканов, которые любыми средствами, включая подкупы, угрозы, спаивание избирателей, обеспечивали успех своей партии на выборах.

Таким образом, к 70-м годам XIX в. английская буржуазия пришла, не только располагая первоклассной промышленностью, торговой монополией, прочной империей, быстро растущим богатством, но и абсолютным и практически безраздельным политическим господством. Внимание консервативного кабинета Дизраэли можно было теперь сосредоточить главным образом на вопросах внешней и колониальной политики.

К 1875 г. финансовое положение Египта ухудшилось настолько, что страна

была на грани банкротства. Египетский хедив запутался в кабальных займах лондонских и парижских банкиров. Государственный доход составлял всего 10 млн. ф. ст., а 6 млн. приходилось ежегодно выплачивать в виде процентов иностранным финансистам. В поисках выхода хедив решил продать принадлежавшие ему акции Суэцкого канала. Когда это стало известно Дизраэли, он решил приобрести эти акции и тем самым получить контроль над столь важным стратегическим пунктом на путях в Индию. Надо было спешить, так как существовала опасность, что главный конкурент - Франция - помешает покупке. Но по конституции любые расходы государства утверждались парламентом, а это требовало времени и, главное, разглашения тайны. Поэтому Дизраэли решился действовать вопреки закону. Получив заем в банке Ротшильда, он купил акции, и лишь затем поставил об этом в известность парламент. Он хорошо знал, с кем имел дело: сделка была слишком выгодной, чтобы буржуазные парламентарии осудили премьера за нарушение конституционного обычая. Наоборот, они устроили ему оvation, отлично понимая, что финансовый контроль над каналом положит начало и военно-политическому контролю и вообще захвату Египта.

Колониальная экспансия Англии на Ближнем Востоке усилилась также в связи с ближневосточным кризисом 1875-1878 гг. Внутренний кризис Османской империи продолжался, продолжалась и борьба великих держав за «турецкое наследство», причем главными соперниками по-прежнему оставались Россия и Англия. Теперь, когда Суэцкий канал был прорыт и Англия установила над ним финансовый контроль, английские правящие круги были еще больше заинтересованы в Восточном Средиземноморье и поэтому еще более противились укреплению позиций России на Балканах, на подступах к проливам Черного моря.

Между тем угнетенные турецкими феодалами южные славяне в 1875 г. начали вооруженную борьбу за независимость. Сначала восстали Босния и Герцеговина, затем последовало восстание в Болгарии, в войну против Турции вступили Сербия и Черногория. Зверская расправа с болгарскими повстанцами и мирным населением вызвала возмущение во всем мире. Русский царизм пытался использовать обстановку на Балканах и симпатии демократического общественного мнения России и других стран для расширения своего влияния на подступах к проливам. Объективно позиция России способствовала освобождению славянских народов от турецкого ига. Турция же отвергала предложения России и западноевропейских держав о посредничестве и компромиссном разрешении кризиса, поскольку чувствовала поддержку Англии и непосредственно подстрекалась ею.

Тем не менее царское правительство решилось, несмотря на прямые угрозы из Лондона, начать войну против Турции. В ходе русско-турецкой войны (1877-1878) была освобождена Болгария и русские войска с боями вышли на ближние подступы к Константинополю. Дизраэли в ответ на это приказал британской эскадре войти в Мраморное море и демонстративно вел подготовку к войне. Даже после того как в местечке Сан-Стефано был подписан мирный договор, закрепивший результаты побед русского оружия,

Дизраэли продолжал бряцать оружием и требовать пересмотра договора. Британская дипломатия не желала примириться с тем, что границы Болгарии, получившей по Сан-Стефаискому договору фактическую независимость, подходили очень близко к Константинополю и проливам.

Однако до войны дело не дошло. Своими руками Англия воевать не собиралась, а приобрести «солдата па континенте» в лице Франции или Австрии, как это имело место во время Крымской войны, английской дипломатии на этот раз не удалось. Кроме того, правительство столкнулось с внутренними затруднениями. Воинственные речи консервативных лидеров и планы новой войны за расширение империи вызвали протесты демократической общественности, тем более, что Дизраэли не удалось замаскировать свои захватнические планы ссылками на «освободительную миссию», как это в свое время удавалось Каннингу и Пальмерстону. В 1876 г. зверства турецких феодалов в Болгарии дали толчок кампании митингов в поддержку освободительной борьбы славянских народов и против английской внешней политики. Видную роль в борьбе против колониальной политики играл У. Моррис. Именно в связи с антивоенной кампанией он вышел из душного мира прерафаэлитских художественных интересов. Моррис обратился непосредственно к рабочему классу, понимая, что подлинным защитником угнетенных народов и противником захватнических войн может стать не либеральная буржуазия, а именно пролетариат. Весной 1877 г. он выпустил манифест «Несправедливая война» с подзаголовком «Обращение к рабочим Англии». Не будучи еще в этот период социалистом, Моррис, однако, сумел вскрыть подлинные причины политики Дизраэли, этого «старого карьериста», вынашивающего «в своем пустом сердце и подлом мозгу удар, который, может быть, приведет нас к гибели».

Кабинет Дизраэли вынужден был считаться с существованием сильной оппозиции, тем более, что и в самом правительстве были противники войны. Но все-таки Дизраэли, опираясь на прочное большинство в парламенте и на поддержку значительного большинства буржуазии, а также используя разожженные им шовинистические настроения в массах, провел до конца свою политику и вышел победителем. Настояв при поддержке других держав на созыве международного конгресса, он добился пересмотра условий Сан-Стефанского договора. Берлинский конгресс 1878 г. урезал границы независимого болгарского княжества, передав южную часть его Турции. Выступая в роли покровителя Турции, Дизраэли навязал ей договор, согласно которому остров Кипр отходил к Англии, и он немедленно был оккупирован английскими войсками. Таким образом, Англия получила возможность создать в восточной части Средиземного моря новую военно-морскую базу.

Правительство Дизраэли продолжало также колониальную экспансию на Среднем Востоке и в Африке, хотя в этих районах успехи сменялись вынужденными отступлениями, а иногда и поражениями колонизаторов. Но в целом колониальная политика Дизраэли была успешной и отражала могущество викторианской Англии. Стремясь подчеркнуть мировой характер империи, поднять престиж Англии, Дизраэли организовал в 1875-1876 гг.

торжественную поездку наследника престола по Индии, после чего королева Виктория была объявлена императрицей Индии. С этого времени начал официально применяться термин «Британская империя».

Это был момент, когда английская буржуазия достигла вершин своего могущества как внутри страны, так и на международной арене. Но именно в этот период начали складываться исторические предпосылки загнивания английского капитализма. Пик был перейден во второй половине 70-х годов, и не случайно буржуазные идеологи и просто буржуа-обыватели впоследствии с лирической грустью вспоминали (и донныне вспоминают) столь благополучные для них времена «викторианской Англии».

Глава 6 **АНГЛИЯ НА ВТОРОМ ЭТАПЕ НОВОЙ ИСТОРИИ**

Утрата монополии на мировом рынке и сдвиг в рабочем движении

На протяжении первого периода новой истории (1640-1870) капитализм развивался по восходящей линии и способствовал прогрессу производительных сил общества. Но уже к концу этого периода в наиболее развитых странах капиталистические отношения начали тормозить общественный прогресс, сковывать развитие производительных сил. В последние десятилетия XIX в. начался переход капитализма в его высшую и последнюю стадию - империализм, на рубеже XIX и XX в. эта монополистическая стадия капитализма окончательно сложилась. Эпоха упадка капитализма, открывающаяся первым мощным ударом по капиталистической системе, нанесенным Парижской Коммуной, и завершающаяся первой победоносной социалистической революцией - Октябрьской революцией, и составляет второй период новой истории (1870-1917). В специфических условиях развития английского капитализма свойственные этой эпохе особенности стали проявляться несколько позже, когда Англия начала утрачивать свою промышленную монополию - со времени экономического кризиса 1878-1879 гг.

Проходивший во всех капиталистических странах процесс перехода к империализму в Англии совпал с другим процессом, имевшим место только в этой стране, - с утратой того чрезвычайно выгодного положения, которым она пользовалась в 50-70-х годах XIX в. Быстрое промышленное развитие других стран, в особенности США и Германии, привело к тому, что уже в середине 80-х годов монополия Англии на мировом рынке была утрачена. Более молодые промышленные страны отгородились от английского конкурента высокими протекционистскими тарифами. Вытесняя Англию со своих внутренних рынков, они успешно конкурировали с английскими предпринимателями и на мировом рынке.

В последние десятилетия XIX в. техника производства быстро двигалась вперед. Совершенствовались станки и машины, доменные и мартеновские печи, паровозы и пароходы. Разрабатывалась новая технология, особенно в металлургии и химической промышленности. Возникли новые отрасли

производства - электротехническая, автомобильная, неорганических удобрений, нефтеперерабатывающая и др. Решение сложных научных и технических проблем передачи электрической энергии на большие расстояния произвело революцию в энергетике.

Все эти структурные изменения повлекли за собой впоследствии существенные сдвиги в географии отдельных отраслей промышленности и хозяйства в целом, в территориальном разделении труда. Однако в то время новые отрасли развивались в Англии сравнительно медленно, и в первом десятилетии XX в. их продукция составляла лишь 6,5 % всей промышленной продукции страны. В мировом производстве электротехнических изделий, например, доля Англии составила всего 13%, а Германии - почти 32%. В 1913 г. в Англии было произведено 34 тысячи автомобилей, а в США - почти полмиллиона. Такие незначительные масштабы развития новых отраслей еще не требовали создания новых промышленных центров, и предприниматели размещали заводы в традиционных центрах индустрии. Так, автомобильные заводы появились в промышленном Мидленде, в Ковентри и в Манчестере, где был создан филиал американской фирмы Форда.

Существенно изменилась в конце XIX - начале XX в. лишь география судостроения. Переход от деревянных судов к металлическим пароходам вызвал перемещение их производства в такие районы, где была развита черная металлургия, и в то же время имелись достаточно полноводные реки для строительства верфей и последующего спуска кораблей в море. Некоторые старые центры судостроения - низовья Темзы (близ Лондона), Мерсея (близ Ливерпуля), Северна (близ Бристоля), ориентированные на постройку деревянных судов, постепенно утратили значение, хотя их и продолжали использовать для ремонта кораблей. Почти 90% паростроения сосредоточилось на Северо-Восточном побережье (в устьях Тайна, Уира и Тиса) и в Средней Шотландии, на ее западном побережье (в устье Клайда).

Для развития новых и для технического перевооружения старых отраслей нужны были крупные капиталовложения со стороны английских предпринимателей. И в подвалах Сити хватило бы золота на первоклассное оснащение английской промышленности по последнему слову техники. Но наличие огромной империи, могущественного флота, прочные позиции на международной арене обеспечивали в то время английским капиталистам практически неограниченные возможности помещения капиталов в колониях и других странах. Именно за пределы страны, туда, где можно было получить особенно высокую прибыль, и устремилось широким потоком английское золото. Если в самом начале XX в. английские капиталовложения за границей составляли 2 млрд. ф. ст., то к 1913 г. они достигли почти 4 млрд. и приносили английским капиталистам 200 млн. ф. ст. годового дохода.

В результате Англия в конце XIX - начале XX в. отстала от Германии и США сначала по темпам развития, а затем и по абсолютным показателям выпуска промышленной продукции. Уже в 1894 г. США обогнали Англию по производству чугуна, а в 1899 г. - по добыче каменного угля. Это означало, что Англия утратила положение ведущей промышленной державы мира. К 1913 г.

отставание Англии по важнейшим видам продукции было весьма значительным. Так стали она производила 7,7 млн. т., в то время как Германия - 17,3 млн. т., а США - 31,3 млн. т.

Замедление темпов промышленного развития сразу сказалось на положении английского рабочего класса. Безработица превратилась буквально в национальное бедствие. В 1887 г. специальным обследованием некоторых районов Лондона было установлено, что безработных среди рабочих доков 55%, среди судостроителей - 44%, а средний процент безработицы равен 27.

В период кризиса 1885 - 1886 гг. впервые за долгие десятилетия начинается активное движение пролетариата. Оно началось с массовых демонстраций безработных. Толпы людей, которые в течение долгих месяцев не могли найти применения своим силам, стали собираться на окраинах Лондона, делиться своими горестями, слушать ораторов, в том числе и социалистических агитаторов, пытавшихся разъяснить массам причины создавшегося положения, призвать их к более активной борьбе. Массовое движение безработных, а также тех пролетариев, которые имели работу, переплеталось с возрождением социалистических организаций в Англии.

В 1881 г. группа радикальных интеллигентов в Лондоне создала Демократическую федерацию, которая в 1884 г. была переименована в Социал-демократическую федерацию (СДФ). Основателем этой организации был Генри Майерс Гайндман - выходец из крупнобуржуазной семьи, типичный представитель английской буржуазной интеллигенции.

К массовым организациям английского рабочего класса - тред-юнионам - Гайндман относился пренебрежительно, считая, что коль скоро они не стоят за свержение капитализма, то социал-демократам не следует иметь с ними ничего общего. Отказываясь от работы внутри тред-юнионов, Гайндман обрекал свою организацию на превращение в секту, оторванную от масс.

Внутри СДФ было немало людей, которые сыграли значительную роль в развитии английского рабочего движения. В Федерацию вступали не только представители радикальной интеллигенции, но и передовые рабочие, такие, как Гарри Квелч, Джон Бернс, Том Манн, тесно связанные с широкими массами пролетариев. Они активно работали в тред-юнионах, противопоставляя сектантству Гайндмана свое чувство классовой солидарности.

Среди членов Федерации были также люди, которые расходились с Гайндманом по многим коренным вопросам стратегии и тактики. Наиболее крупным представителем этой группировки был Уильям Моррис. Приняв активное участие в политической борьбе в конце 70-х годов, Моррис прошел через радикализм к социалистическому движению. Энгельс называл Морриса «социалистом чувства», подчеркивая тем самым теоретическую слабость Морриса. Главное расхождение между Моррисом и Гайндманом заключалось в том, что Моррис считал необходимым отказаться от чрезмерного внимания к парламентской борьбе, полагая, что этот путь может лишь отвлечь лучших деятелей рабочего движения от подлинно революционной борьбы.

Группа Морриса, в которую входили такие выдающиеся деятели, как Б. Вакс, супруги Эвелинг, на рубеже 1884-1885 гг. вышла из СДФ и создала свою

организацию под названием «Социалистическая лига». Но и Социалистическая лига оставалась всего лишь сектой, так как ее руководители были так же далеки от действительно классового движения, как и группа Гайндмана.

Но в Социалистической лиге была одна, правда небольшая, группировка, которая сыграла особую роль в английском социалистическом движении тех лет. Это были группировка, возглавлявшаяся Элеонорой Маркс-Эвелинг и ее супругом Эдуардом Эвелингом. Тесно связанная с тред-юнионами, сама участвовавшая в создании ряда союзов, великолепно марксистски образованная, отличный оратор и полемист, Элеонора Маркс была видной представительницей левого революционного направления. Каждый шаг внутри Социалистической лиги и в других организациях Эвелинги согласовывали с Энгельсом, который был подлинным вдохновителем деятельности этой небольшой группы социалистов.

На почве всеобщего подъема массового движения и возрождения социалистической пропаганды с 1885 г. стали возникать так называемые новые тред-юнионы. Это были организации неквалифицированных либо малоквалифицированных рабочих - докеров, рабочих газовых заводов, спичечных фабрик и т. п. Оставаясь на почве тред-юнионизма, новые союзы превращались в активную силу левого течения английского рабочего движения.

Большинство новых тред-юнионов начинало свою деятельность с проведения стачки. Выдающееся значение имела победоносная стачка лондонских докеров, проведенная летом 1889 г. Рабочие из разных концов Англии и даже из далекой Австралии присылали деньги в фонд стачки. На эти деньги было организовано питание забастовщиков и их семей. Ежедневно проводились митинги и демонстрации на улицах столицы. Самый богатый порт мира, которым так гордились господствующие классы Англии, замер.

Стачка докеров 1889 г. дала толчок дальнейшему развитию нового тред-юнионизма и привела к активизации левых сил в старых тред-юнионах. В обстановке подъема рабочие глубже оценили значение классовой солидарности. Быстро росли советы тред-юнионов, и в их руководстве видную роль начали играть социалисты. Вместе с тем росло и чувство интернационализма, стремление объединиться с рабочим движением других стран.

Главной задачей английского рабочего класса в условиях подъема массового движения было создание своей политической партии. При этом Энгельс подчеркивал, что в английских условиях нельзя рассчитывать на то, что такая массовая партия с самого начала будет стоять на последовательных революционных марксистских позициях. Задача английских социалистов и заключалась в том, чтобы, преодолев сектантство, покончив с беспринципными интригами, добиться создания такой партии, а затем продолжать борьбу за повышение теоретического уровня этой партии, за превращение ее в марксистскую социалистическую партию.

В то время как Энгельс поднимал этот вопрос в своей переписке и в беседах с английскими социалистами, идеи создания самостоятельной партии стали подниматься и снизу, из самих глубин рабочего движения.

Летом 1892 г. происходили очередные парламентские выборы, и ряд местных организаций выдвинул своих независимых кандидатов, причем трое из них собрали необходимое большинство голосов - Джеймс Кейр Гарди, Хавэллок Вильсон и Джон Бернс.

Таким образом, впервые в английском парламенте возникла группа депутатов, не связанных с какой-либо старой партией. Правда, вскоре Джон Бернс и Хавэллок Вильсон перешли к либералам и независимым оставался один Кейр Гарди. Но сама победа независимых кандидатов произвела сильное впечатление в Англии и способствовала дальнейшему распространению идеи о создании самостоятельной рабочей партии. При этом в сознании многих передовых рабочих идеи независимой партии смутно ассоциировались с социалистическими принципами, на которых должна быть основана эта партия.

Такая перспектива ни в какой мере не устраивала английскую буржуазию, и она бросила в бой против революционирующегося рабочего класса все свое политическое искусство, своих идеологов, своих радикальных политиков, наконец, - свои деньги.

Наибольший ущерб делу соединения социализма с рабочим движением и создания политической партии рабочего класса принесло («Фабианское общество», основанное в 1884 г. Среди его учредителей и видных деятелей было немало талантливых представителей интеллигенции, сыгравших видную роль в развитии демократической культуры. Джордж Бернارد Шоу тесно связал свою судьбу с ранним фабианством, хотя даже на этом этапе взгляды его часто выходили за пределы фабианской идеологии. Супруги Сидпей и Беатрисса Вебб в течение полувека были властителями дум довольно широкого слоя буржуазной и мелкобуржуазной молодежи, примыкавшей к крайне правому крылу социалистического движения. Они были основателями целой школы историков, занимавшихся изучением истории рабочего движения.

Веббы, вместе с Шоу и другими фабианцами, считали себя социалистами в том смысле, в каком этот термин часто применялся в буржуазной публицистике того времени, т. е. они были сторонниками усиленного государственного вмешательства в экономическую жизнь, а также считали, что необходимо пойти на серьезные уступки массам рабочего класса, добиться повышения их жизненного уровня в рамках капитализма. В действительности ничего социалистического в программе фабианцев не было. Фабианцы утверждали, что Англии свойственно эволюционное развитие, что английский рабочий класс может действовать только путем завоевания реформ, причем добиваться таких реформ следует исключительно давлением на парламент, на старые буржуазные партии. Как писал еще Энгельс, своевременно разгадавший подлинную сущность Фабианского общества, главным принципом фабианцев был страх перед революцией.

Отсюда и родилась их тактика «пропитывания» консервативной и либеральной партий идеями фабианского социализма. Фабианское общество на деле не столько «пропитало» буржуазию идеями фабианского социализма, сколько рабочий класс - буржуазной либеральной идеологией.

В атмосфере острого столкновения между революционными и

оппортунистическими элементами в рабочем движении в начале 1893 г. была учреждена новая партия, принявшая официальное название Независимой рабочей партии (НРП). Энгельс с большим удовлетворением писал о создании этой партии, отмечая, что массы рядовых членов новой партии «определенно очень хороши», а «программа в основном совпадает с нашей»; т. е. Энгельс подчеркивал, что НРП была основана как социалистическая партия. Но НРП с самого начала попала под влияние реформистских вождей.

Главным лидером партии был Д. Кейр Гарди - человек, оставивший значительный след в истории английского рабочего движения. По мировоззрению Кейр Гарди был типичным эклектиком, в его речах и статьях причудливо переплетались взгляды, почерпнутые у буржуазных социологов и экономистов, религиозно-этические представления и воззрения, выросшие в массах английских пролетариев, среди которых родился углекоп Кейр Гарди и среди которых он жил и работал до конца своих дней. Оставаясь целиком на почве реформизма, Кейр Гарди повел руководимую им Независимую рабочую партию по пути подчинения либералам и фактического отказа от социалистических идеалов.

Еще в большей степени эта оппортунистическая тенденция проявилась в деятельности Д. Р. Макдональда. Циничный и осторожный карьерист, Макдональд искал в рабочем движении только путей для своей политической карьеры. Под таким руководством НРП не стала подлинно социалистической партией рабочего класса.

Между тем 90-е годы были очень сложным периодом для английского рабочего движения. Ослабление позиций английской буржуазии на мировых рынках толкало ее на все более активное наступление на рабочий класс. Английские капиталисты начали снижать заработную плату, провоцируя рабочих на длительные изнуряющие стачки. Почти полгода бастовали машиностроители, но стачка закончилась победой предпринимателей. Неудачу потерпели и углекопы Южного Уэльса и другие отряды рабочего класса. Английский пролетариат начал разочаровываться в традиционных тред-юнионистских методах борьбы.

В среде передовых рабочих усилилась тяга к социалистическому мировоззрению, росло понимание коренной порочности капиталистического строя, и эти настроения оказывали влияние даже на ход работы и решения конгрессов тред-юнионов, на которых преобладали оппортунистические лидеры. Уже конгресс 1898 г. специальной резолюцией провозгласил, что «рабочий вопрос может быть разрешен только тогда, когда земля и все средства производства, распределения и обмена станут общественной собственностью», и рекомендовал тред-юнионам «оказывать моральную и финансовую поддержку социалистическим партиям рабочего класса».

Приспосабливаясь к новой обстановке, реформистские лидеры объявили себя сторонниками политической независимости рабочего класса. Но, взяв дело организации партии в свои руки, вожди тред-юнионов и правые социалисты из НРП и Фабианского общества добились создания такой партии, которая не выходила за рамки либерально-реформистской программы.

В 1899 г. Британский конгресс тред-юнионов постановил созвать конференцию кооперативных, социалистических и тред-юнионистских организаций, «чтобы обсудить пути и средства для проведения в ближайший парламент большего числа рабочих представителей». Большинство ораторов требовали, чтобы новая партия приняла программу социалистического характера. Но эта ясно выраженная воля большинства конгресса не нашла отражения в революции и лидеры практически игнорировали ее.

В феврале 1900 г. состоялась учредительная конференция новой партии, которая в соответствии со своей главной задачей первоначально получила название Комитета рабочего представительства. Но уже в то время в рабочей печати и в устных выступлениях ее стали называть «рабочей» (лейбористской) партией, а в 1906 г. это название было принято официально.

Первоначально в новую партию вошли три социалистические организации - СДФ, НРП и Фабианское общество, а также ряд профсоюзов, причем индивидуальное членство не допускалось. В момент формирования лейбористской партии в ее составе было 376 тыс. членов, но ряды ее быстро росли, и в 1904 г. численность членов партии приближалась к миллиону. Столь интенсивный рост партии отражал стремление широких масс членов тред-юнионов выйти за рамки старой тактики, широко применять методы политической борьбы. Немалую роль сыграла также реакция рабочего класса на наступление буржуазии в конце XIX и в первые годы XX в.

В атмосфере травли тред-юнионов английская реакция решилась посягнуть на давно завоеванное тред-юнионами право стачек. В 1900 г. одна железнодорожная компания предъявила тред-юниону иск, потребовав возмещения за убытки, понесенные ею во время стачки железнодорожников в долине реки Тафф. Тред-юнион вынужден был заплатить 23 тыс. ф. ст. Так возник судебный прецедент, на основе которого суды стали приговаривать к выплате компенсации и другие профсоюзы. По существу это означало, что рабочие лишились права на стачку. Все больше рабочих понимали, что добиться отмены этого решения и защищать право на стачку можно лишь при помощи политической, в том числе парламентской борьбы.

Итак, впервые со времен чартизма рабочий класс Англии создал политическую партию, состоящую почти исключительно из рабочих. Самый факт образования такой партии знаменовал серьезный сдвиг в английском рабочем движении. Но правооппортунистическое руководство повело партию по буржуазно-либеральному пути.

После того как первые конференции отказались признать целью партии «обобществление средств производства, распределения и обмена», СДФ вышла из лейбористской партии. Руководители СДФ считали, что, поскольку новая партия не признает себя социалистической, социал-демократам нечего делать в такой партии. Изолировав себя от массовой политической партии, в рядах которой состояли сотни тысяч рабочих, социал-демократы тем самым лишили себя возможности изнутри воздействовать на лейбористское движение, бороться за повышение его теоретического уровня, за подлинно массовую социалистическую партию.

Развитие демократического направления в английской культуре

В атмосфере оживления рабочего движения, сквозь толщу наносных, навязанных буржуазией взглядов, вкусов, понятий в массах вновь стали пробиваться ростки никогда не умиравших подлинно народных идеалов, народного представления о добре и зле, правде и справедливости, любви и счастье.

Появились, как и во времена чартизма, рабочие-поэты, добившиеся наибольших результатов в жанре песни. Лондонский докер Джим Коннел в дни стачки 1889 г. написал песню «Красный флаг», которая сразу же была положена на музыку и стала популярным гимном английских социалистов.

Самым выдающимся поэтом-социалистом, вклад которого в английскую поэзию вынуждена была признать и буржуазная критика, был У. Моррис. Именно на 80-90-е годы, т. е. на период активной деятельности в социалистическом движении, падает расцвет его таланта. Великолепные «Гимны для социалистов» написаны в традициях Шелли и Байрона. Здесь и космические образы, выражающие масштабы назревавших исторических сдвигов, и гневная сатира, и прямой призыв к восстанию. Но революционная перспектива у Морриса несравненно яснее и конкретней, чем у великих поэтов-романтиков начала XIX в.: он говорит не просто о свержении тиранов, а о революции социалистической.

Из прозаических произведений Морриса наибольшую известность получил переведенный на многие языки утопический роман «Вести ниоткуда». Революционные убеждения Морриса проявились здесь в попытке рассказать, как произошла «перемена», после которой установился идеальный строй будущего. Социализм (или, как предпочитал говорить Моррис, коммунизм) придет не в результате социальных реформ, а лишь в ходе революции.

Само же общество будущего Моррис показывает со всей силой своего художественного дара. Отмечая, что вся тяжелая работа «выполняется неизмеримо усовершенствованными машинами», предвидя могучий прогресс техники, Моррис, однако, рассматривает его лишь как необходимую предпосылку счастливой жизни описываемых им людей. Радость же люди получают от ручного, ремесленного труда, который настолько индивидуален, что превращается в искусство. В этом сказывается, конечно, давнее увлечение Морриса средневековьем, но за наивными картинами сельской идиллии явственно проступает главная мысль о труде-потребности, труде-творчестве, труде-наслаждении.

Как и во времена чартизма, подъем рабочего движения не только дал толчок развитию тех явлений культуры, которые возникали в недрах рабочего класса или близкой ему интеллигенции, но и способствовал усилению демократической струи в творчестве деятелей культуры, не связанных с борьбой пролетариата.

Отнюдь не случайно в этот период возрождается национальная школа английской музыки. Ведь со времен Перселла Англия не дала миру сколько-

нибудь значительного композитора. Капитализм едва не убил английскую национальную музыку; во всяком случае, и в самой Англии и за рубежом успела возникнуть легенда о врожденной немзыкальности английского народа. А между тем народ пел старинные песни, складывал новые стихи на общеизвестные мелодии и тем сохранял их, развивал, создавал новые.

И вот видный деятель музыкальной культуры Сесил Шарп, проделав титаническую работу, собрал и издал сборник «Английская народная песня». Это была борьба за демократическую национальную музыкальную культуру, против салонного искусства и вкусов воспитанной исключительно на иностранной музыке публики.

Ральф Воэн Уильямс (1872-1958), один из тех английских композиторов XX в., которые внесли немалый вклад в процесс музыкального возрождения, вспоминая в конце жизни о том, как молодые музыканты «были опьянены» народными напевами, о которых впервые узнали из сборника Шарпа. «Мы говорили себе: «Вот прекрасные мелодии, о которых мы до сих пор ровно ничего не знали. Теперь мы станем соревноваться с Григом и Сметаной и начнем создавать на основе народных песен произведения, проникнутые духом Англии и английского характера. И мы стали писать увертюры, рапсодии и народные оперы, дабы возвестить миру, что и у англичан есть своя самобытная музыка».

Как и следовало ожидать, музыка, выросшая на такой основе, приобрела романтический характер. Близость к традициям романтизма ясно прослеживается в симфонических и хоровых произведениях Эдварда Элгара (1857 - 1934) - первого английского композитора, музыка которого широко вошла в мировой концертный репертуар. Английская и шотландская песенная стихия, также переработанная в романтической традиции, живет в симфониях Уильямса. В «Лондонской симфонии» (1914) ему удалось передать напряженность, бурный и нервный ритм многомиллионной столицы, а может быть, и социальных потрясений кануна мировой войны.

Идеологическая борьба обострилась во всех сферах искусства. Далекая от жизни академическая живопись, несмотря на стремление к точности деталей и к «похожести» на реальные явления прошлого и настоящего, была большой неправдой. Устояв под натиском прерафаэлитов, она становилась все более нетерпимой для ищущих художников конца XIX - начала XX в. Под руководством молодых художников Уолтера Сиккерта (1860-1942) и Уилсона Стира (1860-1942) они в 1886 г. объединились в Новый английский художественный клуб, который стал главным центром английского импрессионизма, хотя в клуб входили и художники чисто реалистического направления. Пусть эта группа художников стояла в стороне от социальных проблем и была далека от движения масс, в самом стремлении сорвать казенно-академическое покрывало с действительности сказывались демократические тенденции эпохи.

У. Сиккерт широко применял приемы импрессионизма при изображении сцен бытового характера. Он стремился проникнуть во внутренний мир своих персонажей, дать их социально-психологическую характеристику, уловить их

душевное состояние. Сюжеты Сиккерта были не только современны, но и демократичны: он писал рабочих, мелких буржуа, обитателей трущоб. Широкой известностью пользовалась, например, его «Скука» (1903). Супруги из мелкобуржуазной среды (или из рабочей аристократии) погружены в беспросветную скуку. Бессмысленность существования этих людей написана на их лицах, а вокруг них - стихия света, яркие световые пятна, бурлящая и прекрасная жизнь. Этот контраст зримо обнажает тупость мещанского бытия, его несовместимость с народным идеалом деятельной и полнокровной жизни.

Успех основателей Нового английского художественного клуба подорвал монополию академической живописи; ее поверхностность, парадность, оторванность от жизни современного общества стала особенно очевидной при сравнении с пейзажами, портретами, жанровыми картинами художников «Клуба». Среди портретистов «Клуба» широкую известность приобрел Огастес Джон (1878-1961), писавший также жанровые картины. Знаменитый портрет Шоу, написанный накануне войны, - это портрет мыслителя и борца, глубоко погруженного в свои раздумья, но готового в любой момент обрушить на противника поток аргументов, злой иронии. А «Улыбающаяся женщина» (1910) - блестящий образец реалистического портрета, истоки которого нетрудно увидеть в «Девушке с креветками» У. Хогарта. Особое место среди прогрессивных деятелей искусства занимал график и живописец Фрэнк Брэнгвин (1867-1956). В юности он несколько лет работал в мастерской У. Морриса, и влияние эстетических принципов учителя, стремление служить искусством народу во многом определило творческий путь Брэнгвина. Его офорты, посвященные преимущественно теме современного индустриального труда, уже одной своей монументальностью рассчитаны на массового зрителя. Индустриальная Англия с железными громадами мостов, окутанными дымом заводами, гигантскими верфями для изобразительного искусства открыта именно Брэнгвином. Сила и сноровка рабочего, красота трудового процесса увлекают Брэнгвина, и, глядя на его реалистические офорты, зритель проникался гордостью за человека и плоды его труда.

Начавшийся в 80-х годах новый этап в развитии рабочего движения и вообще социальные сдвиги, вызванные утратой торгово-промышленной монополии, лежали в основе усиления демократического направления и в театральном искусстве.

Ведущее место в 50-х годах занимал «Театр Принцессы», которому покровительствовала королева Виктория. Ставший во главе театра сын гениального трагика Чарльз Кин (1811 - 1868) отнюдь не обладал даром отца, хотя и был известным актером, преимущественно шекспировского репертуара, «Театр Принцессы» поражал воображение зрителей необычайно дорогим оформлением спектаклей, техническими и музыкальными эффектами, применявшимися до Кипа только на оперной сцене. В этой пышной атмосфере терялся актер. Как писал один из критиков, в «Театре Принцессы» «актер удивительно напоминает деревянную марионетку, которую плотник выставил на всеобщее обозрение в качестве доказательства своего искусства».

Дальнейшее развитие этого направления в буржуазном театральном

искусстве связано с именем крупнейшего актера и режиссера последних десятилетий XIX в. Генри Ирвинга (1838-1905). В 1878 г., будучи уже известным актером, он взял на себя руководство театром «Лицеум» и превратил его в ведущий театр столицы. Будучи скорее мелодраматическим актером, Ирвинг, однако, сыграл множество шекспировских ролей; в частности, ему удалось создать интеллектуально насыщенный и полный глубокого психологизма образ Гамлета. Может быть, именно в этой единственной крупной удаче Ирвинга в шекспировском репертуаре явственнее, чем в его провалах (например, в Отелло), проявилась реакционность мировоззрения и поверхностность мышления. Величественный, аристократичный Гамлет Ирвинга страдает от того, что его окружают плебеи, выскочки без традиций и чести. Не говоря уже о том, что такая трактовка не имеет ничего общего с Шекспиром, в ней сказалась оторванность театра Ирвинга от исторических сдвигов своей эпохи. Англия теряла мировое промышленное первенство, за стенами театра нарастали классовые битвы, человечество вступало в полосу великих социальных перемен, и образ Гамлета, который всем своим существом ощущал, как «порвалась связь времен», мог бы стать воплощением раздумий передовых людей переломной эпохи. Ничего подобного не было в образе, созданном Ирвингом. Недаром Шоу писал, что Ирвинг «ничего не понимал в литературе и стоял вне духовной жизни своего времени».

Современный репертуар «Лицеума» состоял из посредственных бытовых пьес весьма незначительных драматургов, в то время как большая проблемная драматургия Ибсена и Шоу не допускалась на сцену этого театра, который, по выражению Шоу, «отстал от времени на столетие».

Консервативность и безыдейность «Лицеума» сказалась даже на творческой судьбе такой талантливой признанной актрисы, как Элен Терри (1848-1928). Сотрудничая в течение двух десятилетий с Генри Ирвингом, актриса, однако, не подчинилась его холодной, рассудочной манере игры. Как в классическом, так и в современном репертуаре она стремилась подчеркивать гуманистические, общечеловеческие черты своих героинь. Эмоциональность, не опускающаяся до уровня мелодрамы, мягкий лиризм, глубокая человечность, раскованность чувств - все это Терри принесла на сцену из самой жизни, из личных переживаний и наблюдений. В ее интимной и задушевной манере была не осознанная самой актрисой борьба против чопорности и бездушия викторианских нравов. Не случайно сама она бросила вызов этим нравам, вступив в свободный брак, не «освященный» ни церковью, ни государством. Шоу восхищался Элен Терри как «самой современной из современных женщин» и подчеркивал, что, в противоположность Ирвингу, она «находила жизнь интереснее искусства». Но он был убежден, что незаурядный дар Терри раскрылся бы в полной мере только в современном идейно насыщенном репертуаре. Если в 80-х годах не было еще полноценной английской современной драматургии, то именно в эти годы в Англии, как и в других странах, стали широко известны пьесы знаменитого норвежского драматурга Генрика Ибсена, и именно в роли ибсеновских героинь Шоу мечтал увидеть любимую актрису. Но ни Ирвинг, ни - под его влиянием - сама Терри

не оценили великих возможностей новой драматургии.

Вся официальная критика обрушилась на первые постановки Ибсена в некоторых английских театрах, объявив их безнравственными, порочными, аморальными. Еще бы! Ведь Ибсен выступал против многих буржуазных установлений и предрассудков и тем самым объективно бросал вызов буржуазному обществу в целом. Именно поэтому Шоу со свойственным ему темпераментом борца начал бой за Ибсена и получил поддержку от прогрессивных деятелей искусства и публицистов. Борьба за признание Ибсена была одновременно борьбой за реалистическое театральное искусство.

Выдающуюся роль в ознакомлении английского зрителя с лучшими произведениями иностранной драматургии и в развитии подлинно реалистического театра сыграл Независимый театр. Его основал в 1891 г. при поддержке Шоу и других прогрессивных деятелей культуры антрепренер Джекоб Грайн. Актеры, жаждавшие вырваться из рутины ведущих театров, не требовали платы за труд. Поддержка прогрессивной общественности дала возможность Независимому театру продержаться до 1897 г. и поставить за это время тридцать шесть современных пьес. Театр не преследовал коммерческих целей и поэтому не стремился к многократному повторению спектаклей. Грайн и его друзья положили начало «репертуарному театру», т. е. театру с разнообразным репертуаром, в противоположность уже установившейся системе, при которой одна пьеса ставилась ежевечерне до тех пор, пока приносила сборы. Репертуарные театры, руководимые актерами-энтузиастами, возникли в Манчестере, Ливерпуле, и роль их в пропаганде реалистического искусства была очень велика. В русле этого прогрессивного движения развивался и возникший в конце XIX в. Ирландский национальный театр в Дублине.

Для продолжения дела, начатого Независимым театром, прогрессивные актеры и писатели учредили в 1899 г. Театральное общество. Оно считалось клубом, т. е. не зависело от цензуры. Ибсен, Толстой, Чехов, Горький прочно утвердились в его репертуаре. По признанию английских драматургов, особенно значительным было влияние Чехова. Но, конечно, и Независимый театр, и Театральное общество не намерены были ограничиться репертуаром иностранного происхождения. Само существование этих реалистических театров способствовало возникновению социально насыщенной драматургии критического реализма. В конце XIX в. был, па-конец, преодолен репертуарный голод многих десятилетий, и блестящая драматургия Шоу вскоре завоевала признание.

Самые выдающиеся достижения критического реализма в Англии связаны с именем Бернарда Шоу. Писатель-борец, мыслящий не только этическими, но и социальными и политическими категориями, митинговый оратор, автор социалистических и политических трактатов, талантливый журналист, музыкальный и художественный критик, Шоу принес на сцену коренные социальные проблемы своей эпохи. Твердо убежденный в том, что искусство - орудие в политической борьбе, Шоу смело вводит в свои пьесы взятые из жизни конфликты. Его герои спорят о том же, о чем идет речь на собраниях

социалистических организаций, на митингах, в печати.

В этом коренятся истоки художественного новаторства Шоу. Он ведет читателя от этических конфликтов к их социальным истокам. «Неприятные пьесы», написанные в 1892-1894 гг. и поставленные Независимым театром и Театральным обществом в 90-х - начале 900-х годов, построены на остросатирическом разоблачении собственнического мира и его грязной морали.

Социально острая, подлинно реалистическая драматургия Шоу, с ее живыми и неповторимыми характерами, философской глубиной, острыми конфликтами и парадоксальными ситуациями, обогатила английское и мировое реалистическое искусство. Постепенно профессиональные театры отступили, и Шоу начал завоевывать английскую сцену. Именно он способствовал постановке первой пьесы Джона Голсуорси (1867-1933) на сцене театра «Корт», с которым был тесно связан в начале XX в.

Голсуорси начал писать для театра в 1906 г., имея за плечами немалый опыт прозаика, продолжавшего лучшие традиции английского реалистического романа. Принадлежа к верхам буржуазии и буржуазной интеллигенции, он был далек от народа и весь свой незаурядный талант посвятил разоблачению верхов общества, которые отлично знал. Выпустив в 1904 г. роман «Остров фарисеев», Голсуорси сразу противопоставил себя писателям-апологетам и тому обществу, которому они служили. Лицемерие в политике, религии, морали, науке, духовное убожество, культ посредственности, отвратительное самодовольство - таковы главные черты хозяев Англии, которых Голсуорси заклеил уже самим названием романа. В 1906 г. вышел в свет первый роман знаменитой «Саги о Форсайтах» - «Собственник».

В драматургии, где от остроты конфликта во многом зависит творческий успех, Голсуорси (и то далеко не всегда) обращается непосредственно к столкновению противоборствующих классов. Еще в «Острове фарисеев» Голсуорси высказал свое отношение к господствующим в английском театре тенденциям, назвав театр «рассадником фальшивых чувств и морали», а его репертуар - «сладкой кашницей». Вслед за Шоу он вступил в борьбу за реалистический театр и принес на сцену почерпнутые из жизни социально значимые конфликты, образы, ситуации. В этом и заключалось новаторство Голсуорси-драматурга. Прямое противопоставление семьи богатого парламентария-либерала Ватвика и безработного Джонса и разоблачение в связи с этим классовости буржуазного суда в «Серебряной коробке» (1906) еще не показывают прямого конфликта между классами. Но лучшая пьеса Голсуорси «Борьба» (1909) целиком построена на самом жизненном конфликте того времени. В «Борьбе» показана стачка на одном из заводов, и весь сюжет определяется ходом борьбы между рабочими и хозяевами. Председатель стачечного комитета Робертс убежденно и страстно отстаивает требования рабочих и привлекает симпатии зрителей.

На общей волне подъема классовой борьбы и оживления социалистической пропаганды выросло своеобразное дарование Герберта Уэллса (1866-1946), известного научно-фантастическими романами, хотя он

писал и политические трактаты, и бытовые романы, и романы социально-политические. Твердое и безоговорочное осуждение современного общества и не менее твердая уверенность в том, что необходима его коренная перестройка, лежат в основе всех социальных и политических планов Уэллса, по сами эти планы носили утопический характер.

Литература и искусство критического реализма в конце XIX- начале XX в. не создали и не могли создать на английском материале образ передового борца-революционера. Не случайно «Овод» Э. Войнич (1897) показывает англичанина, героически борющегося в рядах итальянских революционеров. Это произведение, получившее мировое признание, говорит о тяге некоторых передовых деятелей английской демократической культуры к героическим образам, связанным с традициями революционного романтизма.

В общественной мысли и музыке, в литературе и живописи, в театральном искусстве и драматургии английская демократическая культура, включая и растущие элементы социалистической культуры, сделала в этот период значительный шаг вперед, создала крупные духовные ценности. Значение этих успехов демократической культуры тем более велико, что она противостояла усилению идеологической реакции, упадочной буржуазной культуре империалистической эпохи.

Английский колониальный империализм

Если в конце XIX - начале XX в. обострение классовой борьбы создало объективные предпосылки для дальнейшего развития и углубления демократической культуры, то одновременно складывались условия для кризиса буржуазной культуры, для возникновения упадочнических, граничащих с мистикой концепций в философии, реакционных теорий в социологии и политике.

Господствующие классы Англии продолжали богатеть, но то ощущение прочности и незыблемости своего положения, которое было характерно для их социальной психологии в предшествующие десятилетия, начало сменяться смутной тревогой, недовольством, боязнью перемен. Все новое воспринималось ими как нечто враждебное, подрывающее весь милый их сердцу уклад жизни.

Кризис буржуазной культуры этого времени в области искусства и литературы проявлялся в уходе от действительности, от социальных проблем в сферу субъективных переживаний и наслаждения красотой, понимаемой как совершенство формы, вне связи с содержанием и даже вне содержания вообще. Эстетский культ красоты противопоставлялся социальной и нравственной ценности искусства. Отрицая возможность объективного познания действительности, декаденты уходили в мир подсознательности, иррациональных эмоций. Культ наслаждений, болезненная эротика переплетались в произведениях декадентов с туманными, бесплотными образами, с изощренностью ассоциаций.

Художник О. Бёрдсли, работавший в области графики и, главным образом,

книжных иллюстраций, приобрел популярность в декадентских кружках Англии и других стран болезненной вычурностью своих работ; подчеркнутой условностью, отвлеченной красотой линии, туманной символикой. Режиссер Г. Крэг (сын Элен Терри), занимавшийся, кроме театра, живописью и архитектурой, был и лично и творчески близок к Бёрдсли. Театр должен действовать на зрителя главным образом внутренним ритмом, который режиссер услышал в драме и сумел выразить ритмом линий колонн, уступов, балконов. Актер должен вписаться в декорации, не нарушать общей символики - всегда туманной и субъективной.

Символисты группировались вокруг журнала «Желтая книга», где печатались не только их стихи и художественная проза, но и теоретические статьи, содержавшие символ веры английского декаданта. Формула «искусство для искусства» объединяла поэтов и художников этого направления, даже если они расходились в частностях. Неверие в человека, в могущество разума, безысходный пессимизм декадентов в конечном счете отражали обреченность буржуазного общества. Но в произведениях декадентов все его порождения выдавались за свойства, будто бы присущие человечеству вообще.

Субъективно декаденты осмысливали свою деятельность как бунт против прозаического и лицемерного буржуазного общества, против его неспособности оценить истинно прекрасное. Но объективно их творчество отлично служило буржуазии, так как призывало не к борьбе за иную жизнь, а к уходу от жизни.

Конечно, теоретические догмы декаданта оказывались тесными для крупных художников, и в реальной художественной практике они нередко выходили за рамки «чистого эстетизма», точно так же, как и писатели-реалисты иногда отдавали дань модным увлечениям. Крупнейший из писателей-декадентов Оскар Уайльд (1856-1900) в своих декларациях выступал как законченный и последовательный представитель антиреалистического направления.

Особое место в реакционной идеологии верхов английского общества занимали расизм, безудержный колониализм. Наличие огромной колониальной империи и усиленный вывоз капитала представляют собой определяющую особенность английского империализма. В начале века возникли мощные концерны в военной промышленности - Виккерса с акционерным капиталом в 12 млн. ф. ст. и Армстронга с капиталом в 9,5 млн. ф. ст. В 1908 г. образовалась Англо-Иранская компания по добыче нефти - одна из крупнейших монополий. Появились тресты и в легкой промышленности - Табачный, Соляной, Мыловарения, Обойных фабрик и др. Около 70% всего банковского капитала было сосредоточено накануне войны в руках 12 крупнейших банков, тесно связанных между собой. Во главе всей банковской системы Великобритании стоял Английский банк.

Особенности английского империализма оказали решающее воздействие на все стороны общественной жизни страны. Крайний колониализм, который в Англии называли джингоизмом, был органически связан с англо-саксонским расизмом, шовинизмом, проповедью расовой и национальной

исключительности.

Не случайно наиболее яркими сторонниками расширения империи (империалистами, как они сами себя именовали) были как раз те политики, которые считали необходимым также проведение социальных реформ. В качестве главного мотива в пользу колониальной политики они приводили соображение о том, что только таким путем можно ослабить классовую борьбу внутри Англии. Один из самых жестоких и хищных колонизаторов Африки Сесил Родс, именем которого была названа огромная завоеванная под его руководством страна (Родезия), говорил в 1895 г.: «Я был вчера в лондонском Ист-Энде... и посетил одно собрание безработных. Когда я послушал там дикие речи, которые были сплошным криком: хлеба, хлеба!, я, идя домой и размышляя о виденном, убедился более, чем прежде, в важности империализма... Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами». Империя должна дать ресурсы для проведения некоторых социальных реформ, которые сгладят социальные противоречия внутри Англии; с другой стороны, для господства над империей и борьбы с другими империалистическими державами необходимо единство «высшей расы». На этой почве и приобрело огромную популярность творчество поэта-джингоиста Редьярда Киплинга (1865 - 1936). В истории английской буржуазной культуры эпохи империализма Киплинг и близкие ему по направлению Р. Хаггард, А. Конан-Дойль и другие писатели занимают своеобразное место. Расслабленному и опустошенному интеллигенту - излюбленному герою декадентов писатели этой группы противопоставили сильную личность, человека дела, отважного и целеустремленного. Туманным аллегориям символистов, утонченной изысканности декаданса они предпочитали увлекательные сюжеты, простую лексику, реалистичность деталей. Однако правдивость в частности не приводила к подлинно реалистическому изображению действительности.

Человек Востока показан в романах Киплинга интеллектуально неполноценным, ленивым, лживым и ему противопоставляется английский колонизатор, изображаемый как подвижник, взваливший на свои плечи «бремя белого человека» - бремя «цивилизаторской миссии» в колониях.

Войны, насилие, даже шпионаж поэтизируются Киплингом, коль скоро они служат интересам Британской империи. А так как все это делалось с незаурядным талантом, да еще с подчеркнутой оппозицией изнеженным снобам лондонских салонов, художественная пропаганда империалистической колониальной политики оказывала немалое влияние на широкие слои населения.

Как консерваторы, так и либералы в правительстве стремились к расширению империи, и в течение последних двух десятилетий XIX в. площадь Британской империи увеличилась с 20 млн. кв. км до 33 млн., а население - с 200 млн. человек до 370 млн. Это был период самой интенсивной колониальной экспансии за всю историю Великобритании, и естественно, что в связи с этим до предела обострились противоречия Англии с другими державами.

Используя ранее созданные колонии в Азии, прежде всего - Индию, Англия продолжала укреплять и расширять свои позиции в этой части света.

Еще Дизраэли удалось в 1879 г. установить протекторат над Афганистаном, что обострило англо-русские противоречия на Среднем Востоке. В планы английских колонизаторов входило продвижение в Туркмению. Когда русские войска в 1884 г. заняли позиции неподалеку от афганской границы, конфликт между двумя великими державами приобрел крайне острый характер, в 1885 г. сложилась реальная угроза войны.

В Юго-Восточной Азии главным конкурентом Англии была Франция. Укрепление ее позиций в Индокитае и проникновение в Верхнюю Бирму толкнуло Лондон на решительные действия. Англо-индийские войска оккупировали Верхнюю Бирму, и 1 января 1886 г. она была аннексирована Англией. В течение 70-80-х годов Англия захватила Малайский полуостров, а также большую группу островов в Тихом океане.

Однако острие английской колониальной экспансии в конце XIX в. было направлено на огромный африканский континент. Стремясь овладеть Египтом, подавить его национально-освободительные силы и опередить Францию, английские войска взяли на себя «бремя белого человека»: 11 июля 1882 г. древняя Александрия - этот редкий памятник античной цивилизации - была подвергнута варварской бомбардировке со стороны носителей «цивилизаторской миссии». Высаженный на берег десант разгромил египетские войска, а к сентябрю весь Египет был оккупирован.

Окрыленные успехом, английские колонизаторы пытались продвинуться южнее - в Судан, который находился под контролем египетских феодалов. Но как раз в то время, когда Англия утвердилась в Египте, в Судане развернулось освободительное движение, проходившее под религиозным лозунгом священной войны. Во главе движения стоял популярный в массах «пророк» Махди. Египетская армия, а вслед за ней и английский отряд под командованием генерала Гордона (1885) были разбиты и уничтожены махдистами.

Столь же бесславно окончилась попытка закрепить английское господство в Трансваале и Оранжевой республике. Восставшие буры осадили английский гарнизон в Претории, а посланный ему на помощь отряд был разбит в битве при Меджуба-Хилл (1881). Аннексированные ранее бурские государства восстановили независимость, хотя и с некоторыми ограничениями (в области внешних сношений) в пользу Англии.

В 1885 г. английская экспансия распространилась на земли племен бечуана, многие вожди которых уже были обращены английскими миссионерами в христианство. Был объявлен английский протекторат над большей частью этих территорий, которые стали называться протекторатом Бечуаналенд. Опираясь на эту колонию, можно было усилить давление на буров и продвигаться на север, в области, населенные племенами машона и матебеле.

В этом районе английское правительство предпочитало действовать не непосредственно, а руками предприимчивых капиталистов, которые были объединены впоследствии в привилегированную Южноафриканскую компанию во главе с Сесилем Родсом (1889). Родс, тесно связанный с банкирским домом

Ротшильдов, представлял одну из влиятельнейших групп финансовой олигархии. Он возглавлял компанию, монополизировавшую добычу алмазов в Южной Африке. В 1886 г. в Трансваале были открыты золотые россыпи, и множество искателей счастья из Англии поселились в Йоганиесбурге. Эти «уитлендеры» (чужеземцы), как называли их буры, лишь в редких случаях могли сохранить роль самостоятельных золотоискателей. Большинство же переходило на положение наемных рабочих. Золотые прииски Трансвааля, как и алмазные копи, попали под контроль финансовой группы Родса. В довершение всего Родс стал премьером Капской колонии.

Но и германских капиталистов привлекали богатства Трансвааля. Банкиры стремились пополнить золотые запасы Германии, активизировались торговые фирмы, в Трансваале поселились около 15 тыс. немецких колонистов. Правительство Германии открыто заявило, что не допустит захвата Трансвааля Англией. Здесь складывался важный узел англо-германских противоречий. Германия стояла на пути к осуществлению английского плана строительства трансафриканской железной дороги Кейптаун - Каир.

Таким образом, если к северу от экватора главным противником Англии была Франция, то к югу от экватора - Германия. Усилилось также проникновение Германии в Турцию; на Ближнем Востоке начали складываться англо-германские противоречия.

Между тем в Европе уже сложились две мощные группировки держав, противостоящие друг другу: Тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия, Италия) и франко-русский союз. Англия же по-прежнему придерживалась «блестящей изоляции».

Чем большее место занимали имперские дела в политике, планах, расчетах правящих кругов Англии, тем меньше склонны они были отказываться от своих позиций в первой английской колонии - Ирландии. Ирландские буржуазно-либеральные круги были напуганы фенианским террором и, боясь массового аграрного движения, стремились к чисто конституционным методам борьбы; они выдвинули программу автономии (гомруля) Ирландии.

Образованная в 1870 г. Ирландская Лига гомруля видела свою задачу в том, чтобы, играя на противоречиях между либералами и консерваторами, выторговать у обеих партий уступки, вплоть до принятия закона о гомруле. В то же время такая тактика должна была породить конституционные иллюзии в массах крестьянства и мелкой буржуазии городов.

Выборы 1874 г. принесли Лиге гомруля успех; в парламент были избраны 60 ее кандидатов. Вскоре руководство фракцией начало сосредоточиваться в руках Чарлза Парнелла (1846-1891) - видного деятеля буржуазно-либерального движения, талантливого оратора и мастера парламентской тактики. Парнелл до тонкости разработал и с необычайной энергией применял тактику парламентской обструкции. Суть ее заключалась в том, чтобы, используя различные правила парламентской процедуры, тормозить, а если удастся - и вовсе парализовать деятельность палаты общин. Для этого применялось, прежде всего, право члена парламента произносить речи без регламента, и Парнелл проявил чудеса изобретательности и выносливости, говоря по любому

поводу и занимая время палаты чтением самых разнообразных материалов, анекдотами и рассуждениями, часто мало относящимися к обсуждаемому вопросу. Сыграв некоторую положительную роль - ибо обструкция привлекла внимание общественного мнения к судьбам Ирландии, эта тактика, однако, отводила массам лишь пассивную роль избирателей, посылающих в парламент гомрулеров.

Выступления Парнелла принесли ему огромный авторитет и положение «некоронованного короля Ирландии». Но массы продолжали борьбу с лендлордами и английской администрацией традиционными методами: защищали свои дома, если предпринималось выселение; нападали на лендлордов и т. д.

Подлинным организатором и вождем масс стал революционер-демократ Майкл Девитт (1846-1906). Он знал на собственном опыте и нищету мелких арендаторов, из семьи которых происходил, и подневольный труд подростка на фабрике; ему было всего 12 лет, когда рука его была искалечена машиной и затем ампутирована. Ненависть к английскому владычеству и к лендлордизму привела Девитта в ряды фениев. В 1870 г. он был приговорен к 14-летней каторге, в 1877 г. был выпущен по амнистии.

Тактика заговора и индивидуального террора не удовлетворяла его. Девитт делал ставку на массовое движение. В 1879 г. им была основана «Земельная лига» - массовая организация ирландских арендаторов, городской бедноты и радикальной интеллигенции. По всей Ирландии возникли отделения и клубы Лиги, причем в некоторых районах они приобрели реальную власть. Широко стал применяться метод бойкота. Лендлорд или его управляющий, совершившие несправедливость, окружались стеной враждебности, от них уходили слуги, торговцы не поставляли им товара и т. д. Самый термин «бойкот» вошел в употребление после того, как ему был подвергнут управляющий одним из имений капитан Бойкот.

Правительство Гладстона (1880-1885) пыталось справиться с движением, сочетая методы репрессий и уступок, с тем чтобы расколоть силы ирландского народа. В начале 1881 г. правительство внесло билль «О защите личности и собственности в Ирландии», создававший там режим полицейского произвола. Париеллиты ответили обструкцией, пытаясь помешать принятию билля или хотя бы затянуть прения. Одно из заседаний продолжалось без перерыва 41 час. Видя, что работа палаты будет парализована, если не принять чрезвычайных мер, правительство провело закон о новых правилах парламентской процедуры. Спикер получал право лишать слова оратора, если его речь носила обструкционистский характер; как ни привержены были господствующие классы Англии к традициям, они решительно ломали те из них, которые мешали им осуществлять свое господство. Правительственный билль прошел голосами либералов и консерваторов, и на Ирландию обрушилась волна репрессий, которые порождали ответные вооруженные выступления.

Правительство решилось даже на арест членов парламента, включая Парнелла. Почти одновременно была распущена Земельная лига. Борьба приобретала все более ожесточенный характер. Вот тут-то вождям либеральной

партии и предстояло выбрать дальнейшую тактику.

Большинство либералов во главе с Гладстоном решили поддержать требование ирландской буржуазии об автономии и сделать гомруль частью своей программы. «Либеральная» тактика уступок включала также расширение избирательного права.

В 1884 г. Гладстон провел третью парламентскую реформу. Тот ценз, который в 1867 г. был применен к городскому населению теперь распространялся и на сельское население. Это означало, что избирательное право получили мелкие арендаторы в Англии и Ирландии, часть сельскохозяйственных рабочих и вообще рабочих, живущих вне городов. Если накануне реформы в Великобритании было зарегистрировано 3 млн. 150 тысяч избирателей, то после реформы 5 млн. 700 тысяч.

Консерваторы пошли на компромисс с правительством и не оказали решительного сопротивления парламентской реформе. Но по ирландскому вопросу они заняли непримиримую позицию. Уступки в Ирландии они считали опасными с точки зрения положения во всей Британской империи: нельзя было, по их мнению, проявлять слабость, допускать автономию, потому что это скажется на других колониях, усилит центробежные тенденции. Либералы же именно в уступках видели средство для упрочения английского господства в Ирландии, а значит, и во всей империи.

Спор о гомруле превратился, таким образом, в вопрос о методах управления огромной империей, о коренных принципах политической стратегии. Против гомруля выступала и часть либералов. Такова, например, была позиция лорда Гартингтона, представителя той старой вигской олигархии, которая все еще играла немалую роль в либеральной партии. Но и некоторые радикалы во главе с Джозефом Чемберленом тоже решительно возражали против гомруля, и именно их позиция обнаруживала глубокую социальную подоплюку назревшего конфликта.

Группа радикалов, возглавляемая Чемберленом, видела в укреплении и расширении империи главное орудие утверждения господства буржуазии. Спустя несколько лет Чемберлен стал одним из главных проповедников идей колониализма. «Только в этой политике, - говорил он, - я вижу решение огромных социальных проблем, которые окружают нас». В те самые годы (1885-1886), когда внутри либеральной партии обострилась борьба по ирландскому вопросу, эти «огромные социальные проблемы» напомнили о себе массовыми демонстрациями безработных, началом нового тред-юнионизма, возрождением социалистической пропаганды. Естественно, что группа Чемберлена, смотревшая на гомруль как на начало распада империи, не желала смириться с политикой старого лидера партии. Как ни важен был ирландский вопрос сам по себе, вряд ли эта группа пошла бы на раскол партии только из-за Ирландии. Другое дело - общие проблемы Британской империи, проблемы тактики буржуазии в борьбе против социализма и рабочего движения.

И дело, действительно, дошло до раскола. Выборы, состоявшиеся в декабре 1885 г., принесли 335 мест либералам, 249 - консерваторам и 86 - ирландским гомрулерам. Таким образом, от Парцелла и его фракции зависело

теперь, сохранить ли у власти консерваторов или отдать голоса либералам. Гомрулеры избрали второй путь, тем более что уже стало известно о намерении Гладстона внести билль о гомруле.

Новое правительство Гладстона (февраль - июль 1886 г.) внесло обещанный билль, что и послужило толчком к расколу либеральной партии. Группа Гартингтона - Чемберлена (93 человека) заявила, что она стоит за сохранение унии 1800 г., и проголосовала против гомруля. Раскол привел к образованию новой фракции парламента - либералов-юнионистов. Впоследствии большинство юнионистов перешли в консервативную партию. Раскол означал начало глубокого кризиса либеральной партии, вызванного поворотом буржуазии в сторону крайней реакции.

Непосредственным результатом раскола было поражение либералов на выборах 1886 г. В течение почти двадцати лет - с трехлетним перерывом - власть находилась в руках консерваторов. Кабинет нового лидера консерваторов Солсбери (1886- 1892) был, по выражению Девитта, «воплощением антиирландских предрассудков».

Новое наступление реакции началось после выборов 1895 г., которые принесли победу блоку консерваторов и либералов-юнионистов. Этот блок самых реакционных и агрессивных сил Англии продержался у власти 10 лет (1895-1905). Правительство возглавил лидер консерваторов Солсбери, который взял себе и портфель министра иностранных дел. Пост министра колоний занял Джозеф Чемберлен, ставший главной фигурой в кабинете.

Пассивное в сфере внутренней политики правительство Солсбери - Чемберлена проявило чрезвычайную активность в области колониальных захватов. Именно в этот период завершался раздел мира между империалистическими державами, и Англия играла в этом процессе ведущую роль. В последние годы XIX в. империалистические державы приступили к разделу Китая. Англия, в частности, захватила северное побережье Шаньдуна и полуостров Цзюлун. Одновременно английские капиталисты получили девять концессий на сооружение железных дорог.

Главной зоной колониальной экспансии Англии оставалась Африка. Неудача генерала Гордона в Судане привела лишь к отсрочке завоевания этой страны. Укрепившись в Египте, Англия подготовила новое наступление на Судан. Экспедиционный корпус под командованием генерала Китчепера выступил против армии махдистов и разбил ее в сражении при Омдурмане 2 сентября 1898 г. Плохо вооруженные повстанцы ничего не могли поделать против английских пулеметов. В этой войне англичане и египтяне потеряли убитыми всего 150 человек, а повстанцы - 30 тысяч. Победители вступили в Хартум, где в 1885 г. был уничтожен отряд Гордона, и устроили в столице Судана кровавую оргию. Соппротивление суданцев было сломлено. Однако английским захватчикам предстояло еще столкнуться со своим конкурентом - Францией.

Экспедиция под командованием капитана Маршана еще в 1896 г. вышла из французской экваториальной Африки с задачей - добраться до Судана и провозгласить его французским владением. Свыше двух лет продолжалась эта

экспедиция, и в июле 1898 г. Маршал вышел к Нилу и занял местечко Фашода (к югу от Хартума), где был поднят французский флаг. Китченер потребовал, чтобы флаг был спущен и отряд Маршана (состоявший всего из 150 человек) убрался из Фашоды. Маршан заявил, что не сделает этого, пока не получит приказа от своего правительства. Так возник фашодский инцидент - самый острый конфликт между Англией и Францией со времен Венского конгресса.

В Англии заговорили о войне; причем воинственную позицию Чемберлена поддержали не только консерваторы, но и влиятельная группа в либеральной партии - либералы-империалисты. Массовая пресса взяла вызывающий тон и раздувала антифранцузские настроения. В Берлине потирали руки: англо-французская война сковала бы силы обеих держав, и Германия оказалась бы в выгодном положении третьего смеющегося. Но именно этого не могла допустить Франция. Она заняла примирительную позицию, согласилась на эвакуацию отряда Маршала, выторговав согласие Англии на переговоры о размежевании владений в Африке.

Теперь уже вплотную встал вопрос о создании непрерывной линии английских владений от Каира до Кейптауна. На пути лежала лишь Германская Восточная Африка. Кроме того, все еще независимыми были Трансвааль и Оранжевая республика, окруженные Капской колонией с юга, Бечуаналендом с запада и Родезией с севера. После урегулирования фашодского инцидента Чемберлен, Родс и стоящие за ними мощные финансовые группировки сочли момент для захвата бурских республик вполне подходящим. Английское правительство спровоцировало конфликт по вопросу о положении уитлендеров, которых будто бы угнетало правительство Трансвааля. В то время как дипломатия предъявляла Трансваалю одно провокационное требование за другим, буржуазная пресса усиленно раздувала военный психоз.

Конечно, джингоистская пропаганда оказала влияние на часть рабочего класса, не говоря уже о мелкой буржуазии. Но передовые рабочие не поддались националистическому угару. Собранный в 1899 г. конгресс тред-юнионов вынужден был учесть настроения масс и высказался в пользу мирного разрешения конфликта, «так как война означала бы величайшие страдания... трудящихся обеих стран». Один из тред-юнионистских лидеров заявил, что дело не в уитлендерах, а в том, что капиталисты «почуяли запах золота в Трансваале».

Англо-бурская война (1899-1902) требовала от Англии колоссального напряжения. Буры героически защищались: когда были заняты столицы обеих республик, они прибегли к партизанской войне. Около 250 тыс. солдат английское командование вынуждено было перебросить в Южную Африку. Чтобы справиться с партизанским движением, захватчики сгоняли население, включая женщин, детей и стариков, в специальные лагеря, где многие погибали от голода и болезней. Положение англичан было бы еще более трудным, если бы буры решились вооружить коренное африканское население - действительных хозяев страны. Но буры, ведя справедливую войну против английских захватчиков, сами были угнетателями местного населения; они боялись африканцев не меньше, чем англичане.

Несмотря на мужественное сопротивление буров, на осуждение прогрессивных сил всего мира и «пробурскую» оппозицию в Англии, английский империализм в конечном счете добился победы и аннексировал бурские республики. Они были включены в состав Британской империи, хотя и сохраняли автономию во внутренней политике. Тот факт, что могущественная империя одолела маленький народ лишь ценой более чем двухлетней войны, нанес серьезный ущерб ее престижу.

Утратив промышленное первенство, Англия не могла больше придерживаться традиционной политики «блестящей изоляции», т. е. отказа от долговременных союзов с другими странами.

В 1902 г. английской дипломатии удалось заключить союзный договор с Японией. Теперь в борьбе против американской и германской экспансии на Тихом океане и на Дальнем Востоке Англия приобрела сильного союзника. Но главное острие англо-японского союза было направлено против России, которую в английских правящих кругах рассматривали как опасного соперника в борьбе за колониальные позиции на Дальнем Востоке. Этот договор и финансовая помощь английских банков сыграли решающую роль в подготовке Японии к нападению на Россию в 1904 г.

Союз с Японией, однако, не разрешал главной проблемы, о которой все больше задумывались и в кабинетах Сити, и в адмиралтействе, и в политических кругах Англии. Ей нужен был союзник на случай войны с Германией, вероятность которой все больше вырисовывалась. Естественно было искать его прежде всего в лице Франции, которая, конечно, и сама была заинтересована в союзнике против Германии: опасность новой агрессии с Востока постоянно висела над Францией со времен франко-прусской войны.

В 1904 г. после длительной подготовки, дипломатического зондажа и переговоров был заключен договор, получивший название Антанты. Формально в нем не было речи о Германии. Просто две державы полюбовно разрешили свои колониальные споры за счет народов Африки и Азии. Франция отказывалась от своих старых претензий на участие в контроле над Египтом и не возражала против превращения «временной» английской оккупации в полную аннексию. Англия взамен соглашалась на захват Францией большей части Марокко. Были разделены также сферы влияния в Сиаме. Урегулирование колониальных противоречий между Англией и Францией открывало пути к военному союзу против Германии. Поскольку Франция уже с 1893 г. состояла в союзе с Россией, договор 1904 г. открывал перспективы для превращения Антанты в союз трех держав. Действительно, в 1907 г. было заключено англо-русское соглашение, регулирующее отношения между двумя державами на Среднем Востоке.

Обострение классовой борьбы накануне первой мировой войны

Для английского рабочего класса, который жил в атмосфере поисков новых, более эффективных методов борьбы, огромное значение имел революционный пример, показанный русскими рабочими в бурные годы

первой русской революции. По всей стране прокатилась волна митингов, на которых произносились пламенные слова солидарности с русской революцией и проводился сбор средств по обычаю английских рабочих - «шапка по кругу».

Благодаря левым элементам рабочих и социалистических организаций реформистским вождям не удалось полностью преградить дорогу влиянию «русских методов» на массы трудящихся в Англии. Бурные митинги и демонстрации безработных, активные выступления против дипломатического сближения Англии с царской Россией, сопровождавшиеся ожесточенными схватками с полицией, бунт военных моряков в Портсмуте (1906), в котором нетрудно усмотреть прямое влияние героического «Потемкина» - таковы были лишь первые и самые непосредственные проявления активизации английского рабочего класса в годы первой русской революции. Но и этих симптомов было достаточно, чтобы опытные политики из буржуазного лагеря поставили верный диагноз: назревает новый подъем рабочего движения, а значит, нужны энергичные меры для предотвращения серьезных социальных потрясений. Такой мерой и стала досрочная отставка консервативного правительства в декабре 1905 г.

Буржуазии нужны были более гибкие и менее скомпрометированные политические деятели, которые могли бы открыть перед рабочим классом перспективу серьезных уступок.

В декабре 1905 г., еще до парламентских выборов, власть перешла в руки либерального кабинета. Лидер партии Г. Кэмпбелл-Баннерман включил в состав своего правительства как либералов-империалистов - Э. Грея, Г. Асквита и Р. Холдена, которые получили соответственно портфели министра иностранных дел, канцлера казначейства (министра финансов) и военного министра, так и радикалов - Д. Ллойд-Джорджа, У. Черчилля, Г. Сэмюэля. Портфель министра торговли и промышленности, т. е. того ведомства, которое наиболее непосредственно связано с проблемами рабочего движения, получил Ллойд-Джордж.

Парламентские выборы 1906 г. принесли жестокое поражение консерваторам. Вместе с юнионистами они получили всего 157 мандатов, ирландская фракция - 83, а либеральная партия - 401 мандат. Уже в этом абсолютном и прочном большинстве либералов, выступивших на выборах с обещанием широких социальных реформ, сказался тот решительный сдвиг влево, который произошел в настроении широких слоев избирателей. Еще более показательным был успех лейбористской партии, которой удалось получить 29 мест и стать третьей партией английского парламента.

Правительство либералов оставалось у власти вплоть до 1915 г. В 1908 г. пост премьер-министра перешел к Асквиту, министра финансов - к Ллойд-Джорджу; были и еще некоторые персональные перемещения, в частности, Черчилль получил министерство внутренних дел, а затем морское.

Уже первые шаги нового правительства показали, что оно намерено проводить политику умеренных социальных реформ в сочетании с милитаризацией страны и подготовкой к войне. Еще в период избирательной кампании многие либералы заявили избирателям, что будут голосовать за

билль, запрещающий предпринимателям предъявлять иск тред-юнионам в связи с убытком, понесенным в период стачек, т. е. речь шла об отмене прецедента, установленного в 1901 г. решением по делу Таффской долины.

В 1906 г. правительство легко и быстро провело через парламент Закон о трудовых конфликтах, соответствовавший требованиям рабочих и полностью восстанавливавший право на стачку.

В 1908 г. парламент принял закон о пенсиях для стариков. Право на пенсию в размере 5 шиллингов в неделю получили лица, достигшие 70-летнего возраста и имеющие не более 26 ф. ст. годового дохода. Размер пенсии был крайне мал, а возраст, дававший право на пенсию, редко достигался рабочими. И все же около миллиона неимущих стариков начали получать пенсию, что несколько увеличило бюджет рабочих семейств. В том же 1908 г. специальным законом был установлен 8-часовой рабочий день для углекопов. Законом 1911 г. вводилось социальное страхование по болезни, инвалидности и, что особенно важно, по безработице. Фонды для страхования черпались из трех источников: государственные средства, взносы самих рабочих и взносы предпринимателей. Участие рабочих превращало государственное страхование в самострахование, но все же и эти меры несколько повышали уровень жизни народа.

Весь комплекс социальных реформ, проведенных в 1906-1911 гг., представлял собой значительную уступку рабочему классу. Эти уступки были результатом активной борьбы пролетариата как на предшествующем этапе, так и непосредственно в период проведения реформ.

Начавшийся под влиянием русской революции 1905-1907 гг. подъем рабочего движения продолжался и в последующие годы. Стачное движение особенно усилилось в 1910 г. и бурно развивалось вплоть до начала мировой войны. Если в предшествующие годы в стачках в среднем участвовало по 150-300 тыс. человек в год, то в 1910 г. - 516 тыс., в 1911 г. - 962 тыс., а в 1912 г. - 1463 тыс. Массовые стачки этого периода охватывали наиболее важные отрасли хозяйства - угольную и текстильную промышленность, железные дороги, морской транспорт и т. д. Главной активной силой стачечной борьбы становятся широчайшие массы низкооплачиваемых и до этого времени - слабо организованных рабочих. Если в 1905 г. в состав тред-юнионов входило около 2 млн. человек, то в 1913 г. - свыше 4 млн.

Огромное влияние на английское и международное общественное мнение оказала всеобщая стачка углекопов весной 1912 г. Стачка закончилась лишь частичной победой углекопов, но и она обнаружила огромную мощь рабочего класса, его возросшую солидарность и боевой дух.

Чем активнее развивалась борьба рабочего класса, тем больше массы ощущали необходимость единства. Вопреки сопротивлению многих старых лидеров, стремившихся сохранить сектантскую раздробленность профсоюзов, в годы подъема рабочего движения было достигнуто объединение в ряде важнейших отраслей промышленности. В 1908 г. завершилось объединение многочисленных союзов углекопов в Федерацию углекопов Великобритании: в 1910 г. была создана Федерация транспортных рабочих; в 1913 г. четыре профсоюза, объединявшие различные категории железнодорожных рабочих,

слились в Национальный союз железнодорожников. В 1914 г. эти три организации заключили «тройственный союз», объединявший именно те группы рабочих, которые были особенно активны в стачечном подъеме. Члены тройственного союза обязывались оказывать помощь друг другу в случае стачки.

В Англии тех лет не было партии, которая могла бы принести народу революционную теорию.

Менее всего такую роль могла сыграть лейбористская партия и ее «социалистическое» крыло - НРП и Фабианское общество. С момента образования лейбористской парламентской фракции в 1906 г. вся деятельность лейбористского руководства почти исключительно сосредоточилась на парламентских маневрах, на проведении социальных реформ. Но поскольку социальные реформы заняли видное место в политике правительства, лейбористская фракция стала лишь придатком к либеральной партии.

Такое поведение лейбористской фракции вызвало немалое разочарование в массах, в том числе среди рядовых членов партии, которые входили в нее в составе своих тред-юнионов. Выразителем этого недовольства стало левое крыло партии, состоявшее как из передовых членов профсоюзов, склонявшихся к идеям социализма, так и из левых элементов НРП.

Левое крыло лейбористской партии не было организовано, его взгляды были далеки от подлинно научной революционной теории, но своей борьбой за боевую социалистическую партию, своей критикой оппортунизма оно ослабляло влияние реформизма на рабочий класс.

Не стала подлинно революционной партией и та единственная организация, которая официально признавала своей идеологией марксизм, - СДФ. В предвоенные годы ревизионистское перерождение Гайндмана и других лидеров СДФ зашло так далеко, что они открыто выступали в поддержку империалистической внешней политики Англии и уже в то время стали на позиции социал-шовинизма. В то же время вожди социал-демократии продолжали отстаивать свои сектантские позиции, в частности по-прежнему не желая исправить допущенную ранее ошибку и вернуться в состав лейбористской партии. Но внутри СДФ именно в эти годы резко усилилось левое крыло, которое повело борьбу на два фронта - против ревизионизма (и особенно его социал-шовинистического проявления) и сектантства. Активно выступили с критикой партийного руководства Джим Маклин - высокообразованный марксист, человек неукротимой революционной энергии, и другие левые социал-демократы. В этот период в левом крыле социал-демократии началась революционная деятельность Уильяма Галлахера и Гарри Поллита, ставших впоследствии руководителями Коммунистической партии Великобритании.

Борьба левых социал-демократов вынудила Гайндмана и других лидеров согласиться на объединение с левыми группами из НРП и самостоятельными мелкими социалистическими обществами. 30 сентября 1911 г. на конференции в Манчестере была основана Британская социалистическая партия (БСП), объединившая СДФ, 12 местных организаций НРП, отколовшихся от этой

партии, и несколько мелких социалистических обществ. Новая партия унаследовала немало пороков СДФ, тем более что Гайндман сохранил свое руководящее положение. На конференции 1913 г. левые нанесли серьезное поражение правому руководству по вопросу об отношении к войне и милитаризму. Шовинисты во главе с Гайндманом не были переизбраны в исполком.

Левые социал-демократы - ядро будущей Коммунистической партии Великобритании - представляли собой наиболее зрелое в теоретическом отношении направление в английской социалистической мысли. Они были близки к массам, работали в тред-юнионах, помогали проведению стачек и т. д. Но и они не были свободны от некоторых элементов сектантства, а кроме того, эта группа была немногочисленна и не могла оказать решающего влияния на миллионы английских рабочих. А эти миллионы бастовали, митинговали, били штрейкбрехеров, бросались в яростные схватки с полицией и войсками, разочаровывались в своих старых вождях, жаждали конкретного революционного действия.

Отсутствие марксистско-ленинской партии, способной повести массы на решающий штурм капитализма, было одной из важнейших причин, по которым революционный подъем не перерос в революцию. Между тем в стране явно складывались элементы революционной ситуации. Массы, испытывая нищету «сверх обычной», не желали жить по-старому. Назревал и «кризис верхов», поскольку до предела обострились противоречия по вопросу о методах защиты классового господства буржуазии.

Политика ограниченных социальных реформ, которую проводило правительство либералов, вызывала сопротивление крайне реакционных кругов консервативной партии. Они настаивали на широком применении методов прямого насилия.

Либералы отнюдь не отказывались от использования полиции и даже армии для разгрома стачек. Черчилль в качестве министра внутренних дел неоднократно посылал войска для подавления выступлений, что приводило к целым сражениям в Южном Уэльсе, Ливерпуле и других районах. Но главный упор либералы делали на тактику уступок, считая ее более эффективной в сложившейся опасной для верхов общества обстановке. В 1909 г. Ллойд-Джордж внес на рассмотрение палаты общин бюджетный билль, в котором резко увеличивал военные расходы и предусмотрел ассигнования на социальные реформы. Все новые расходы покрывались в основном за счет вводимых косвенных налогов, которые падали на трудящихся, но одновременно вводились небольшие налоги на землю. Сам Ллойд-Джордж развил шумную демагогическую кампанию, доказывая, будто его бюджет кладет начало перераспределению собственности в пользу народа. Консерваторы со своей стороны объявили бюджет «революционным в принципе и социалистическим по существу».

В палате общин бюджет прошел, поскольку либералы располагали абсолютным большинством. Но палата лордов отказалась утвердить бюджет, если он не будет вынесен «на суд страны». Это означало, что должны

последовать досрочные выборы в парламент и от исхода их будет зависеть судьба бюджета. Выборы в январе 1910 г. принесли либералам большинство, но не столь прочное, как в прежнем составе палаты. Теперь уже они могли проводить законопроекты только при поддержке лейбористской фракции и ирландской партии Редмонда. Пользуясь фактическим блоком с ними правительство впоследствии добилось утверждения бюджета. Но на первый план оно выдвинуло вопрос о реформе парламента.

Наследственная верхняя палата при непримиримой тактике консерваторов становилась непреодолимым препятствием для проведения тактики «либерализма»; лорды имели возможность провалить любую реформу. Либеральные лидеры отнюдь не стремились упразднить палату лордов - этот оплот консерватизма. Они решили лишь ограничить ее права, с тем чтобы обеспечить решающее слово за палатой общин. Парламентский билль, внесенный правительством, предусматривал, во-первых, что бюджетные вопросы вовсе изымаются из компетенции верхней палаты; во-вторых, остальные билли палата лордов имеет право отклонять дважды, но если нижняя палата в третий раз примет законопроект, он больше на рассмотрение лордов не попадает и становится законом. Это была прогрессивная, хотя и до предела ограниченная реформа: ведь лорды могли на два года затянуть принятие любого закона. Кроме того, билль устанавливал 5-летний срок полномочий палаты общин (вместо 7 лет).

Лорды и консервативная партия яростно сопротивлялись принятию билля. Борьба привела к новым выборам в декабре 1910 г., но они не изменили соотношения сил в палате общин. Только получив согласие короля Георга V (1910-1936) дополнить палату лордов сторонниками билля (т. е. используя тот же метод, каким виги провели реформу 1832 г.), премьер-министр Асквит заставил палату лордов утвердить билль (1911).

Постепенно нарастая, борьба двух фракций господствующего класса достигла крайнего напряжения в связи с вопросом о гомруле для Ирландии. Еще со времен Гладстона эта мера постоянно фигурировала в программе либеральной партии. В годы подъема рабочего движения лидеры либералов считали особенно важным провести гомруль, чтобы укрепить союз с ирландской буржуазией против рабочего класса обеих стран.

В 1912 г. правительство внесло билль о гомруле. Законопроект предусматривал создание ирландского парламента, по права его были ограничены гораздо больше, чем права парламента доминионов. Палата лордов не могла теперь уже наложить вето на билль; но она имела право дважды его отклонить. Выигранное таким образом время (2 года) английская реакция использовала для того, чтобы подготовиться к вооруженной борьбе против самоуправления Ирландии. Но еще больше она рассчитывала воспользоваться ирландским вопросом как поводом для свержения либерального кабинета, для захвата власти и перехода к вооруженному подавлению рабочего движения.

Ссылаясь на то, что в Ольстере (Северная Ирландия) преобладает английское протестантское население, которое после введения в действие

гомруля попадет под контроль ирландцев-католиков, твердолобая верхушка консерваторов стала подстрекать население Ольстера к мятежу. Здесь были созданы многотысячные отряды волонтеров, которые открыто проходили военную подготовку. В ответ на это в Ирландии были сформированы свои вооруженные отряды. Дело явно шло к гражданской войне, причем даже лидер консерваторов Бонар Лоу обещал ольстерским мятежникам всяческую помощь. И действительно, в марте 1914 г. реакционное офицерство английских частей подняло мятеж, отказавшись выполнить приказ и повести свои части в Ольстер.

Таким образом, конституция, законность была нарушена справа. Правительство трусливо капитулировало перед мятежными офицерами, обязавшись никогда не использовать их подразделения против ольстерских мятежников.

Стремление разрубить сложный узел классовых, внутриклассовых и национальных конфликтов было настолько сильно в верхах английской буржуазии, что оно сыграло немалую роль в их решении вступить в мировую войну.

Англия в годы первой мировой войны

1 августа 1914 г. Германия объявила войну России, 3 августа - Франции. И лишь к ночи 4 августа Англия объявила войну Германии. Для этого был выбран удобный повод: вторжение германских войск в нейтральную Бельгию, что давало возможность представить английскому и мировому общественному мнению дело так будто единственной целью войны со стороны Англии является защита независимости малой страны.

В начале войны преимущества были на стороне Германии. Ее хорошо подготовленная и быстро отмобилизованная армия быстро продвигалась сначала по бельгийской, а затем и по французской территории. Возникла реальная угроза окружения французской армии и захвата Парижа немецкими войсками. Английское командование перебросило на континент экспедиционный корпус в 80 тыс. человек. Но не это решило дело. Разгрому французской армии воспрепятствовали операции на Восточном фронте. Русские войска вступили в Восточную Пруссию, что вынудило германское командование сдвинуть несколько дивизий с Западного фронта. Контрнаступление французских и английских войск («битва на Марне») окончательно сорвало немецкие планы. Западный фронт стабилизировался, и после изнурительных боев Германия вынуждена была перейти к позиционной войне.

Длительная же окопная война давала возможность странам Антанты полностью использовать огромные преимущества своего военно-экономического потенциала: неисчерпаемых людских ресурсов, сырьевой базы, запасов продовольствия и т. д. Английский флот господствовал на морях, обеспечивал доставку товаров из США, Латинской Америки, колоний и блокировал Германию. Лишь в мае 1916 г. основные силы германского флота сделали попытку выйти в открытое море, чтобы прорвать блокаду. Но в Ютландском бою английский флот одержал победу, и господство на море

сохранилось за Англией.

Как и рассчитывали правящие круги Англии, начало войны временно разрядило политическое напряжение в стране. Буржуазным политикам, идеологам, журналистам удалось увлечь массы лозунгами «защиты отечества», «борьбы за демократию» и т. д.

6 августа лейбористская фракция парламента проголосовала за военные кредиты. Так началась политика «национального единства». Лидеры тред-юнионов пошли на «промышленное перемирие» с предпринимателями, т. е. под предлогом обеспечения «наших парней на фронте» вооружением отказались от стачек. Это дало возможность капиталистам все тяготы войны возложить на рабочих и использовать выгодную конъюнктуру для обогащения.

Следующий шаг в консолидации господствующих классов был сделан весной 1915 г., когда 8 консерваторов вошли в правительство. Либеральный кабинет превратился в коалиционный, хотя пост премьера остался за Асквитом и все ключевые министерства также сохранили за собой либералы. В коалиционный кабинет вошел также лидер лейбористской фракции Гендерсон. Наконец, после очередной реорганизации (декабрь, 1916) во главе правительства стал Ллойд-Джордж, а в узкий военный кабинет вошли трое консерваторов и лейборист Гендерсон. Асквит и большая группа идущих за ним либералов не поддержали новое правительство, чем было положено начало расколу в либеральной партии.

Господствующим классам нужен был на посту премьера Ллойд-Джордж не только потому, что он был сторонником «войны до победного конца», и даже не потому, что он в качестве министра вооружения многое сделал для организации военной промышленности. Более всего буржуазия ценила Ллойд-Джорджа за его демагогический талант, за престиж сторонника социальных реформ. В первые месяцы войны, когда рабочее движение, дезорганизованное предательством лидеров, переживало упадок, эта сторона дела не имела существенного значения. Но уже весной 1915 г. «промышленное перемирие» начало давать трещины. Обнищание масс, казарменный режим на предприятиях, продовольственные трудности - все это создавало почву для недовольства, тем более, что и шовинистический угар стал рассеиваться. Мощные стачки металлистов в бассейне реки Клайд в феврале 1915 г., углекопов Южного Уэльса - в июне, новые волнения на Клайде в начале 1916 г. были лишь наиболее крупными выступлениями рабочих на этом этапе войны. Выбирая новых руководителей - «шоп-стюардов» (цеховых старост), массы искали такую форму организации, которая объединила бы всех рабочих, независимо от принадлежности к тред-юнионам, и, главное, была бы свободна от соглашательства старых лидеров. Большой популярностью на Клайде пользовались Д. Маклин и У. Галлахер.

Учитывая настроения масс, лидеры НРП во главе с Макдональдом предпочли не входить в правительство. Макдональд, занимавший до войны пост лидера лейбористской фракции парламента, еще в начале войны демонстративно ушел с этого поста и стал с пацифистских позиций осуждать войну. Его оппозиция, впрочем, была очень робкой, непоследовательной. Но

рядовые члены НРП вели широкую антивоенную пропаганду, хотя и не поднимали вопроса о революционном выходе из войны.

Наиболее значительных успехов добилось левое крыло БСП. В 1916 г. Гайндман и другие шовинисты были исключены из партии. Преодолевая сектантские ошибки, БСП приняла решение о вступлении в массовую лейбористскую партию.

Вновь усилилось национально-освободительное движение в Ирландии. В то время как буржуазные парламентарии поддерживали правительство, рабочие отряды «ирландской гражданской гвардии», руководимые социалистами, вместе с мелкобуржуазными отрядами «ирландских волонтеров» попытались с оружием в руках завоевать независимость. Ирландское восстание (апрель, 1916) было подавлено английскими войсками, его руководитель - выдающийся революционер, социалист Джемс Конноли был казнен.

Коалиционный кабинет Ллойд-Джорджа и был создан для того, чтобы отстоять позиции господствующих классов Англии как в империалистической войне, так и внутри страны. Действительно, вскоре английской буржуазии предстояло столкнуться с таким подъемом рабочего движения, который превзошел подъем бурных предвоенных лет. Наступал 1917 год, а с ним и новая эпоха в истории человечества.

Глава 7

АНГЛИЯ В 1917-1939 гг.

Начало кризиса британского империализма

Победа Великой Октябрьской социалистической революции положила начало новой эпохе всемирной истории - эпохе крушения капитализма и утверждения социализма. Основная тенденция исторического развития человечества с момента победы Октябрьской революции заключается в непрерывном росте сил социализма и ослаблении позиций капитализма, который вступил в полосу общего кризиса. В Программе КПСС дается краткая характеристика основных черт общего кризиса капитализма: отпадение от капитализма все новых стран; ослабление позиций империализма в экономическом соревновании с социализмом; распад колониальной системы империализма; обострение противоречий с развитием государственно-монополистического капитализма и ростом милитаризма; усиление внутренней неустойчивости и загнивание капиталистической экономики, проявляющееся в растущей неспособности капитализма использовать полностью производительные силы (низкие темпы роста производства, периодические кризисы, постоянная недогрузка производственных мощностей, хроническая безработица); нарастание борьбы между трудом и капиталом; резкое обострение противоречий мирового капиталистического хозяйства; небывалое усиление политической реакции по всем линиям, отказ от буржуазно-демократических свобод и установление в ряде стран фашистских, тиранических режимов: и глубокий кризис

буржуазной политики и идеологии. Эти явления в полной мере характерны и для новейшей истории Англии - старейшей капиталистической страны. При всей политической мудрости английской буржуазии, при всем ее двухвековом опыте классового господства она оказалась не в силах эффективно противодействовать революционным сдвигам, которые пережило человечество за последние полвека. Уже на первом этапе общего кризиса капитализма, сложившегося в годы первой мировой войны, Англия стала ареной острейших классовых битв, поставивших под угрозу само существование капитализма. Вторым этапом общего кризиса капитализма начался в годы второй мировой войны и продолжался до второй половины 50-х годов. В этот период начался распад Британской империи - этой основы экономического и политического могущества английской буржуазии. Наконец, на современном этапе распад Британской империи фактически завершен, а в самой Англии растут силы, борющиеся за демократию и социализм.

Вступая в войну, английская буржуазия рассчитывала утопить рабочее движение в волнах шовинизма, сломить сопротивление рабочего класса чрезвычайными законами военного времени. В действительности же она получила лишь временную передышку от острых классовых конфликтов. В 1915 г. они возобновились и, постепенно нарастая, приобрели уже к 1917 г. масштабы, приближающиеся к высшим точкам предвоенного подъема.

Оживлению антивоенного движения и вообще активизации английского рабочего класса способствовала Февральская революция в России. Английские рабочие стремились использовать революционный опыт пролетариата России. Левое крыло Британской социалистической партии призывало рабочих развернуть борьбу за мир, хотя и не смогло еще выдвинуть лозунг революционного выхода из войны. Под антивоенными лозунгами прошли первомайские демонстрации 1917 г., причем ссылки на «русский опыт» звучали почти во всех речах ораторов.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции оказала на английский рабочий класс неизмеримо глубокое влияние, которое сказалось на всей дальнейшей истории английского рабочего движения. Гарри Поллит, работавший в то время на одной из крупных верфей в предместье Лондона, вспоминал впоследствии, что «когда пришли известия о русской революции, глубочайшее волнение охватило каждого революционного рабочего».

Антивоенные выступления английских рабочих переплетались с борьбой против дороговизны, за рабочий контроль над промышленностью и распределением продуктов, за повышение зарплаты и официальное признание движения шоп-стюардов. Стачки становились все ожесточеннее и, какие бы поводы их не вызывали, неизбежно связывались с борьбой за мир. В стачках 1918 г. участвовало свыше 1100 тыс. рабочих - больше, чем в любой из предвоенных и военных лет, за исключением 1912 г.

В такой обстановке английская буржуазия пошла на значительные экономические и политические уступки.

Важной политической уступкой была реформа избирательного права, принятая парламентом в феврале 1918 г. Три парламентские реформы XIX в.

(1832, 1867, 1884), постепенно расширяя состав избирателей, оставили без политических прав не только всех женщин, но и бедняков-мужчин. Новая реформа была важным шагом вперед, так как она впервые ликвидировала имущественный ценз. Все мужчины, достигшие 21 года, получили избирательное право. Оставался лишь сравнительно небольшой ценз оседлости - 6 месяцев. Избирательное право предоставлялось также женщинам, но только начиная с 30-летнего возраста. Количество избирателей сразу возросло с 8 млн. до 21 млн. человек.

Почти одновременно парламент провел реформу народного образования, введя обязательное бесплатное обучение до 14 лет. Это был большой шаг вперед. Правительство ввело также пособие для демобилизованных солдат, выплачиваемое вплоть до их устройства на работу.

Революционный подъем сказался и на положении в лейбористской партии. На партийной конференции 1918 г. был принят новый устав, вводивший наряду с коллективным индивидуальное членство. Теперь для вступления в лейбористскую партию не обязательно было состоять в тред-юнионе или социалистической организации. Тем самым широко открывались двери партии для мелкой и средней буржуазии. Но, с другой стороны, в местные организации стали вступать представители левой интеллигенции и рабочих. В большинстве случаев местные лейбористские организации поддерживали левое крыло партии.

Главное новшество устава 1918 г. было сформулировано в пункте 4-м: партия признавала своей конечной целью «обеспечение работникам физического и умственного труда полного продукта их труда и наиболее справедливого распределения на основе общественной собственности на средства производства». Это было официальное признание социалистических задач партии, чего с момента образования партии в 1900 г. добивалось ее левое крыло. Конечно, лидеры партии оставались на сугубо реформистских позициях и отнюдь не руководствовались впоследствии социалистическими принципами обобществления средств производства. Уже в программе, принятой несколько позже, но в том же 1918 г., несмотря на громкое наименование - «Лейбористы и новый социальный порядок», речь шла лишь о национализации железных дорог, электростанций, угольной промышленности, пароходных компаний, а не о обобществлении всех средств производства.

8 августа 1918 г. войска Антанты прорвали фронт, окружили и вскоре уничтожили 16 германских дивизий и перешли в последнее наступление. Германия проиграла войну, и 11 ноября 1918 г. было подписано перемирие.

На Парижскую мирную конференцию, которая началась в январе 1919 г., Англия пришла в качестве одной из могущественных держав-победительниц. Более того, по сравнению с основными союзниками - с Францией и США - Англия находилась в более выгодном положении, так как еще в ходе войны позаботилась о захвате германских колоний.

Один из опасных конкурентов Англии, выдвинувшихся в конце XIX в., - Германия не представляла больше опасности. Но второй - США был опаснее, чем когда-либо раньше. Оставаясь нейтральными до весны 1917 г.,

Соединенные Штаты использовали войну для резкого усиления своих экономических позиций. Американские монополии превратили в своих данников народы обеих коалиций. Главным должником Соединенных Штатов стала Англия; в 1919 г. ее долг составлял 850 млн. ф. ст. Это означало, что позиции Англии как мирового кредитора были если не утрачены, то значительно ослаблены. В 10 раз вырос и внутренний долг; к концу войны он составлял 6,6 млрд. ф. ст., а проценты по займам тяжелым бременем ложились на бюджет. Покупательная способность фунта стерлингов упала в два раза.

Относительное ослабление экономических позиций Англии по сравнению с США определялось прежде всего состоянием английской промышленности. В то время как в Америке оборудование систематически обновлялось и совершенствовалось, в Англии машины, станки, шахтное оборудование изнашивались и морально устарели. В связи с этим падали производительность труда и конкурентоспособность английской промышленности. А так как буржуазия пыталась выйти из положения за счет рабочего класса, межимпериалистические противоречия еще больше обостряли классовую борьбу внутри Англии.

Никогда раньше над английской буржуазией не нависало одновременно столько опасностей. В решающую фазу вступила многовековая освободительная борьба ирландского народа. Вооруженное восстание охватило Египет. Стачки, крестьянские бунты, митинги и демонстрации поставили под угрозу позиции британского империализма в Индии. Победила кемалистская революция в Турции. Героическую борьбу за независимость вел народ Афганистана. И в то же самое время - 1919-1920 гг. - достиг невиданных масштабов подъем рабочего движения в самой Англии.

Обстановка, таким образом, отнюдь не давала английским капиталистам возможности почить на лаврах победы. Наоборот, потребовалось напряжение всех материальных ресурсов, понадобился весь политический опыт, чтобы сохранить классовое господство в Англии и колониальное господство над империей. Вот почему верхи буржуазии вполне устраивала созданная в период войны коалиция во главе с Ллойд-Джорджем.

Ллойд-Джордж и Бонар Лоу хотели бы сохранить в качестве младших партнеров в коалиции и лейбористов. Но Гендерсон и другие лидеры предпочли иной путь. Их тактику в условиях революционного подъема можно охарактеризовать той формулой, которую в этот период применили предатели из руководства германской социал-демократии: «Возглавить, чтобы обезглавить».

В соответствии с этой задачей лейбористы выдвинули на парламентских выборах в декабре 1918 г. программу радикальных реформ, которая соответствовала требованиям широких масс рабочего класса, хотя и не затрагивала основ капиталистической системы. Речь шла о национализации земли и «жизненно важных отраслей» промышленности, о введении особого налога на крупный капитал (чтобы рассчитаться с военными долгами); кроме того, партия требовала отмены воинской повинности. Поскольку начавшаяся еще весной 1918 г. интервенция против Советской России лишь усиливала

чувство классовой солидарности английского рабочего класса с революционным русским пролетариатом, лейбористская предвыборная программа требовала немедленного вывода английских войск из России. Наконец, в программе отстаивалось право народов Ирландии и Индии на независимость.

Если в 1910 г. лейбористы получили 400 тыс. голосов, то в 1918 г. - почти 2400 тыс.; таков был один из результатов огромного сдвига во взглядах и настроениях английского рабочего класса. В новом парламенте лейбористская фракция в составе 60 человек заняла положение официальной «оппозиции его величества». Некоалиционные либералы (сторонники Леквита), тоже находившиеся в оппозиции, получили всего 26 мест. Прочное большинство завоевала коалиция, искусно сыгравшая на недавней победе и на не слишком конкретных лозунгах Ллойд-Джорджа: «Сделаем Англию страной, достойной ее героев» и «Немцы заплатят за все» (т. е. за обещанные социальные реформы).

Буржуазии нужен был Ллойд-Джордж, уже неоднократно доказавший свое демагогическое мастерство, и именно Ллойд-Джордж сформировал в январе 1919 г. новый коалиционный кабинет (1919-1922). Пост военного министра занял У. Черчилль, а министра иностранных дел - лорд Керзон. Вместе с премьер-министром и Бонар Лоу они составили ту господствующую группировку, которая взяла на себя нелегкую функцию спасения английского империализма.

Период революционного натиска английского рабочего класса совпал с годами послевоенного оживления экономики. Этим облегчалось выдвижение таких чисто экономических требований, как повышение зарплаты, улучшение условий труда и т. д. По этим вопросам буржуазии нетрудно было согласиться на уступки, поскольку доходы в условиях кратковременного промышленного подъема быстро росли. Но рабочий класс шел значительно дальше традиционных тред-юнионистских лозунгов. Идеи национализации ряда отраслей промышленности, хотя бы и капиталистическим государством, субъективно воспринимались рабочими как лозунги социалистического характера.

Одновременно центральное место в борьбе рабочего класса занимала защита молодой Советской республики. В начавшейся исторической борьбе двух систем английский рабочий класс стал на сторону первой страны социализма. В таких условиях даже чисто экономическая стачка вливалась в общий поток антикапиталистической борьбы пролетариата.

В стачках 1919 г. участвовало больше рабочих, чем когда-либо раньше, - 2600 тыс. человек; даже полуторамиллионный пик 1912 г. был превзойден. В 1920 г. бастовало около 2 млн. рабочих. Уже одни эти цифры говорят о невиданных масштабах борьбы рабочего класса.

Антисоветская интервенция рассматривалась правящими кругами Англии как решающее средство для сохранения капиталистической системы. Уже в марте 1918 г. английский десант высадился в Мурманске. Английские войска присоединились к японским интервентам на Дальнем Востоке. По окончании

мировой войны английские интервенты заняли Закавказье и создали марионеточные буржуазно-националистические правительства в Грузии, Армении, Азербайджане. Вместе с американскими и французскими правящими кругами правительство Ллойд-Джорджа - Черчилля снабжало оружием, деньгами, снаряжением армии Деникина и Колчака. И вот вся эта политика ставилась под удар, и не только из-за успехов Красной Армии, но и в связи с усилившейся борьбой английского народа против интервенции.

Нетрудно понять, как напуганы были правящие круги, когда в такой обстановке Федерация углекопов Великобритании от имени более чем миллиона своих членов потребовала в ультимативной форме национализации шахт и введения рабочего контроля, а также повышения зарплаты и установления 7-часового рабочего дня. В противном случае углекопы намеревались начать всеобщую стачку. А ведь углекопы входили в тройственный союз, и весьма вероятно, что их поддерживали бы железнодорожники и транспортники. О какой интервенции могла бы идти речь, если бы замерли железные дороги и флот и прекратилась бы добыча угля?!

Положение было столь серьезным, что Ллойд-Джордж срочно прибыл из Парижа. Он предложил создать комиссию из шести представителей шахтовладельцев и стольких же углекопов при нейтральном председателе - судье Сэнки. При этом правительство обещало действовать в соответствии с рекомендациями комиссии.

Рядовые рабочие не поверили Ллойд-Джорджу, но вожди Федерации углекопов приняли его предложение и тем спасли английскую буржуазию от страшной опасности. 26 марта 1919 г. конференция шахтеров решила отложить стачку до окончания работы комиссии Сэнки, однако в тот же день она приняла резолюцию, требующую немедленного прекращения интервенции. В противном случае конференция решила прибегнуть к всеобщей стачке.

В пользу политической стачки высказались мощные союзы железнодорожников, текстильщиков и других отрядов рабочего класса, эту идею отстаивали на митингах левые деятели рабочего движения. Газета БСП «Колл» оказалась права, когда еще в январе 1919 г. писала: «Английский рабочий класс не допустит, чтобы его использовали для разгрома социалистической республики».

В июле 1919 г. тред-юнион текстильщиков создал в Манчестере комитет «Руки прочь от России!», впоследствии преобразованный в общенациональный комитет под тем же названием. Митинги и демонстрации против интервенции усилились. 25 июля тройственный союз, не дожидаясь действий руководства Парламентского комитета конгресса тред-юнионов, решил провести среди углекопов, железнодорожников и транспортников голосование по вопросу о стачке. Ни у кого не было сомнения в том, каков будет результат голосования. Поэтому Черчилль поспешил сделать заявление о том, что вывод английских войск подходит к концу. Это была капитуляция правительства перед английским рабочим классом.

Некоторый реванш правительство взяло, отказавшись выполнить рекомендации комиссии Сэнки. Комиссия высказалась в пользу

национализации, но Ллойд-Джордж, вопреки данному весной обещанию, заявил, что на это не пойдет. Правда, другие рекомендации - о повышении зарплаты и установлении 7-часового рабочего дня в шахтах - были выполнены. Но в целом это было поражением шахтеров, ответственность за которое падала на лидеров.

Революционный подъем продолжался, и это заставило Ллойд-Джорджа занять более гибкую позицию по отношению к Советской России. Первым из глав правительств Антанты он решил установить контакт с Советским правительством (в ноябре 1919 г.) и настоял на отмене экономической блокады Советской России (в январе 1920 г.) Однако Черчилль и Керзон еще раз попытались сокрушить Советскую власть военными средствами, на этот раз - используя армии белополяков и Врангеля.

К тому моменту когда борьба достигла критической точки, в Англии была уже сформирована Коммунистическая партия.

Создание Коммунистической партии было подготовлено всей историей борьбы течений в английском рабочем движении. Но только победа Октябрьской революции помогла левому крылу английских марксистов преодолеть теоретические блуждания, неясность целей и методов борьбы.

В 1919 г. под руководством Ленина был основан Коммунистический Интернационал, и вопрос о присоединении к нему сразу стал перед всеми, кто уже в основном пришел к коммунистическому мировоззрению. Британская социалистическая партия приняла решение о выходе из II Интернационала и о присоединении к Коминтерну.

Большие споры вызвал вопрос о том, должна ли Коммунистическая партия войти в состав лейбористской партии на правах коллективного членства. «Левые» элементы, систематически разоблачая лейбористских лидеров, вскрывая буржуазный характер их политики, считали, что коммунисты лишь скомпрометируют себя в глазах революционных рабочих, войдя в такую партию.

В сущности, ошибки английских «левых» сводились к сектантству, к отказу от использования тех средств борьбы, которые теснее связали бы партию с массами. Если в английском рабочем движении в целом главным злом по-прежнему был правый оппортунизм, то внутри формирующейся Коммунистической партии главной опасностью в то время стал «левый» оппортунизм.

Огромную помощь молодому коммунистическому движению в Англии оказал Ленин. В письмах, личных беседах, в выступлениях на II конгрессе Коминтерна (19 июля - 2 августа 1920 г.) Ленин терпеливо и убедительно разъяснял английским товарищам принципы коммунистической стратегии и тактики.

На II Конгрессе Коминтерна У. Галлахер выступил еще против вступления в лейбористскую партию. Прошло не более полугода, и лучшие шоп-стюарды района Клайда, включая У. Галлахера, присоединились к Компартии на объединенном съезде в Лидсе (январь, 1921). Спустя два месяца в Компартию вступило ушедшее из НРП революционное крыло во главе с Р. Палм Даттом.

Как до учредительного съезда, так и после него коммунисты играли выдающуюся роль в борьбе против антисоветской интервенции.

Пока вооруженная Антантой польская армия одерживала временные успехи и даже заняла Киев, рабочие выступили против поставок оружия буржуазно-помещичьей Польше. В одном из доков Ист-Эйда в мае 1920 г. стало известно, что идет погрузка оружия для Польши. Гарри Поллит, который возглавлял тогда шоп-стюардов района Темзы, призвал докеров прекратить погрузку, и рабочие отказались продолжать работу.

Вскоре Красная Армия перешла в наступление и приближалась к Варшаве. В это время в Лондоне находилась советская дипломатическая миссия. Керзон 3 августа «заменял переговоры» ультимативным требованием приостановить наступление Красной Армии, угрожая в противном случае войной. Только решительные действия английских рабочих могли сорвать замыслы Черчилля, Керзона, Ллойд-Джорджа. Уже 6 августа прошли сотни митингов, причем рабочие требовали политической стачки.

Если бы в этой обстановке правые лидеры не изменили тактики, они были бы отброшены в сторону движением. Но политический опыт, которым в полной мере владела английская буржуазия, был воспринят и ее «рабочими лейтенантами». Они правильно поняли ситуацию и уже на следующий день сформировали Совет действия из представителей парламентской фракции, исполкома и Парламентского комитета. Все они были крайними оппортунистами. Но не они вели массы, а массовое движение вело их. Вот почему они пригрозили всеобщей политической стачкой.

Уже 10 августа Ллойд-Джордж поспешил заявить в парламенте, что правительство не намерено посылать войска в Россию.

В эти августовские дни 1920 г. революционный подъем в Англии достиг высшей точки. Рабочий класс одной только угрозой политической стачки добился победы над правительством. Начали складываться органы, которые противопоставляли себя государственному аппарату.

Убедившись в том, что реформистские лидеры не допустят перерастания революционного подъема в революцию, буржуазия стала готовиться к контр наступлению. В октябре 1920 г. правительство провело в парламенте закон о чрезвычайных полномочиях. В случае массовых стачек правительство получало право использовать войска и вводить полицейские меры неконституционного характера.

31 марта 1921 г. правительство прекратило контроль над угольной промышленностью. Рабочие отказались принять предложенные шахтовладельцами условия (включавшие значительное сокращение зарплаты), и 1 апреля начался локаут. Не только железнодорожники и транспортники, которые по условиям тройственного союза обязаны были поддерживать шахтеров, но и рабочие других профессий требовали от лидеров объявить стачку солидарности. Но руководители Федерации транспортников Роберт Уильямс и Эрнст Бевин и лидер союза железнодорожников Джемс Томас не допустили всеобщей стачки.

День, когда было принято это предательское решение, - 15 апреля 1921 г. -

английские рабочие называли «Черной пятницей». Вполне реальные возможности массовой, а может быть и всеобщей, стачки не были использованы. Углекопы до конца июня продолжали бастовать, но в конце концов вынуждены были выйти на работу, ничего не добившись.

Как и следовало ожидать, после этого снижение зарплаты и ухудшение условий труда затронуло почти все категории рабочих. В течение двух лет рабочий класс потерял в зарплате больше, чем выиграл за годы революционного подъема.

В эти тяжелые годы, когда лидеры тред-юнионов, не желая новых массовых конфликтов, убеждали рабочих смириться с будто бы неизбежным (из-за кризиса) снижением зарплаты, молодая Компартия поддерживала в массах боевой дух. Выдвинув лозунг «Не отступать!», коммунисты настаивали на сопротивлении всем попыткам снижения зарплаты. 70 коммунистов были арестованы за то, что они агитировали за всеобщую стачку в апреле 1921 г., после «Черной пятницы». Постепенно в профсоюзах при участии, а иногда и под руководством коммунистов складывались левые, по-боевому настроенные группы. Это революционное меньшинство впоследствии организовало мощное движение в рамках тред-юнионов. По инициативе коммунистов в 1921 г. было создано Национальное движение безработных всех отраслей промышленности, также сыгравшее немалую роль в борьбе рабочего класса на следующем этапе истории Англии. Во время революционного подъема в самой Англии начался кризис Британской колониальной империи. Границы Британской империи после войны расширились, но господство английских колонизаторов пошатнулось.

Под непосредственным влиянием Октябрьской революции с весны 1918 г. в промышленных центрах Индии началась волна стачек, которая продолжалась до 1922 г. Летом 1919 г. в борьбу включились и крестьяне многих провинций.

Если в Индии английским колонизаторам все-таки удалось подавить антиимпериалистическое движение, то в соседнем Афганистане английскому господству уже в эти годы пришел конец. В феврале 1919 г. эмир Аманнула-хан провозгласил независимость Афганистана. В марте Советское правительство заявило об официальном признании Афганистана независимой страной и установило с ним дипломатические отношения. Англия пыталась сохранить свой контроль над Афганистаном, сломив силой его стремление к независимости. Выставив против небольшого государства 300-тысячную армию, Англия в мае 1919 г. развязала войну. Английские самолеты подвергли бомбардировке Кабул. Афганская армия героически сражалась, но военное превосходство было явно на стороне англичан. Тем не менее английское правительство уже через месяц согласилось на перемирие и признало независимость Афганистана, что было связано в значительной степени с обстановкой в самой Англии.

С мощным подъемом национально-освободительного движения пришлось столкнуться правителям империи и в Египте. Удерживать свою власть только при помощи военной силы Англия больше не имела возможности. Ллойд-Джордж решил формально отказаться от протектората. Об этом было

объявлено в феврале 1922 г. Хотя англичане не собирались уходить из Египта, все же это была уступка, вырванная египетским народом.

Жестокое поражение потерпела английская колониальная политика в Турции. Значительная часть турецкой территории была оккупирована, правительство выполняло все приказы победителей. Только национально-освободительная война турецкого народа могла избавить страну от раздела и превращения в колонию западного, прежде всего - английского империализма. Во главе народного движения стала национальная буржуазия, руководимая генералом Мустафой Кемалем. Для разгрома революционной армии Антанта использовала греческую армию, вооруженную главным образом Англией.

На помощь турецкому народу пришло Советское правительство. В марте 1921 г. был заключен Договор о дружбе и братстве между РСФСР и Турцией. Летом 1922 г. турецкие войска прорвали греческий фронт и вскоре одержали победу.

Начавшийся кризис Британской империи проявился и в Ирландии. Жестокое подавление восстания 1916 г. лишь временно задержало развитие освободительной борьбы ирландского народа. Уже в октябре 1917 г. возродилась партия шинфейнеров во главе с участником недавнего восстания де-Валера, который находился в тюрьме. На парламентских выборах в декабре 1918 г. республиканцы шинфейнеры получили 73 мандата.

Избранные в парламент шинфейнеры отказались выехать в Лондон. В январе 1919 г., собравшись в Дублине, они объявили себя «Ирландской Ассамблеей» - высшим органом Ирландской республики. По всей стране начали создаваться новые органы государственного управления, не подчинявшиеся английской администрации. Столкновения между органами Республики и английскими властями вскоре вылились в партизанскую войну. В Ирландию были введены войска. В январе 1920 г. в Ирландии было объявлено осадное положение. Война велась англичанами с невероятными жестокостями. Кроме регулярных войск в ней участвовали наемные банды, набранные из уголовных и деклассированных элементов.

Политика правительства в Ирландии вызвала решительный протест со стороны английского рабочего класса и мирового общественного мнения. В июле 1921 г. английское правительство вынуждено было пойти на перемирие, а в декабре 1921 г. был подписан договор. Английское колониальное господство в Ирландии потерпело крах, но победа ирландского народа была лишь частичной. По договору учреждалось «Ирландское свободное государство» на нравах доминиона. Но, во-первых, под контролем Англии оставалась внешняя политика Ирландии; на ее территории сохранялись английские базы. Во-вторых, шесть северных графств - наиболее развитых в экономическом отношении - не вошли в состав «Свободного государства».

Испытав все военные средства борьбы против Советской России, Ллойд-Джордж пришел к выводу, что надо попытаться воздействовать на нее другими средствами. Он - как и многие государственные деятели Англии - рассчитывал на то, что развитие торговли будет способствовать оживлению капиталистических элементов в России и приведет к реставрации капитализма.

Но какие бы надежды ни связывали правящие круги Англии с восстановлением торговых отношений, факт остается фактом: они вынуждены были пойти на заключение торгового соглашения с Советской Россией, которое и было подписано в марте 1921 г. Подписание этого договора было крупной победой советской дипломатии, положившей начало урегулированию дипломатических отношений с крупнейшими капиталистическими странами. Это был важный шаг на пути к мирному сосуществованию государств с различным общественным строем.

Перегруппировка политических сил

По мере того как проходила непосредственная опасность революционного взрыва, английская буржуазия все чаще склонялась к мысли, что Ллойд-Джордж зашел слишком далеко по пути уступок, что, может быть, тактика прямого подавления революционных сил позволила бы выйти из кризиса с меньшими потерями.

Лидер консервативной партии Бонар Лоу и его ближайший сотрудник Стэнли Болдуин, один из основателей Федерации британской промышленности, настаивали на разрыве коалиции с Ллойд-Джорджем. Это означало, что крупная буржуазия, к которой они принадлежали, решила порвать с либерализмом. 19 октября 1922 г. консервативные депутаты после бурной дискуссии большинством голосов поддержали Бонар Лоу и Болдуина. Тем самым они свалили правительство Ллойд-Джорджа. Поскольку консерваторы после выборов 1918 г. составляли в парламенте большинство, Бонар Лоу сформировал чисто консервативный кабинет.

Проведенные вскоре выборы обеспечили консерваторам прочное положение: они получили 344 места, в то время как прочие партии и группировки - 275 мест. Консерватизм буржуазии в условиях общего кризиса капитализма настолько усилился, что за период от первой до второй мировой войны консервативная партия фактически находилась у власти (включая коалиции, в которых она преобладала) 18 лет, и только три года - в оппозиции.

Если выборы 1922 г. принесли победу консерваторам, то это отнюдь не означало, что в массах избирателей произошел сдвиг вправо. Часть либеральных голосов ушла к консерваторам, но в то же время значительно возросло количество голосов, отданных за лейбористскую партию: в 1918 г. она получила 2,2 млн. голосов, а в 1922 - 4,2 млн. Лейбористская фракция парламента состояла теперь из 142 человек и была самой крупной партией оппозиции. Избраны были и те лидеры НРП во главе с Макдональдом, которые провалились в 1918 г.

Лейбористская партия отныне занимала в английской двухпартийной системе место, раньше принадлежавшее либералам. Макдональд и большинство фракции больше всего заботились о том, чтобы убедить буржуазию в своей респектабельности, доказать свою способность управлять буржуазным государством не хуже консерваторов. Лейбористские депутаты посещали приемы при дворе, проводили «уик-энды» в поместьях знати и

утрачивали в этих светских забавах остатки боевых настроений, с которыми некоторые из них пришли в палату.

Имея такую прирученную «оппозицию», Бонар Лоу и Болдуин могли дать волю своим антисоветским устремлениям. Обострить до предела отношения с Советским Союзом, прервать налаживающиеся торговые связи, подготовить почву для новой интервенции - таков был курс консервативного кабинета. 8 мая 1923 г. Керзон, используя мелкие осложнения в советско-английских отношениях, вызванные провокационными действиями английских агентов, предъявил Советскому правительству наглый ультиматум, невыполнение которого должно было привести к разрыву договора 1921 г. Так было сказано в самом ультиматуме, но на деле конфликт мог окончиться серьезными последствиями.

Однако попытка возродить «политику силы», развязать новую интервенцию встретила не только должный отпор со стороны советского народа, но и возмущение английского рабочего класса и протест мировой общественности. Английский рабочий класс оставался верен своим интернационалистским традициям. По всей стране началось движение в защиту Советского Союза. Компартия призвала к созданию «Советов действия», и кое-где они начали образовываться.

Даже часть буржуазии выступила против ультиматума - одни из боязни народного выступления, другие - не желая терять выгодные торговые сделки с Советским Союзом. Широко задуманная провокация провалилась.

Выждав несколько месяцев, правительство Болдуина решило объявить о своих протекционистских планах. Это был рискованный шаг. Правительство имело прочное большинство, правомочное управлять страной еще четыре года, а новые выборы всегда чреваты неожиданностями. Менять же экономическую политику, не получив большинства именно под протекционистскими лозунгами, значило бы нарушить данные ранее обещания.

6 декабря 1923 г. состоялись выборы, которые дали необычный для английской парламентской практики результат. Ни одна партия не получила большинства. Консерваторы получили 259 мест; либералы, выступившие единым фронтом в защиту фритредерства, - 155; лейбористы - 191. Правительство при таких условиях могло быть сформировано на основе коалиции, либо - если оно будет однопартийным - при поддержке еще одной фракции.

Так сложились условия для формирования лейбористского правительства. Трезво мыслящие буржуазные политики не видели в этом ничего опасного: ведь лейбористы будут держаться голосами либералов и от них будет зависеть существование кабинета. Если левое крыло партии, опираясь на массы, заставит Макдональда пойти «слишком далеко», всегда можно будет проголосовать вместе с консерваторами и свалить правительство. В конечном счете эта точка зрения взяла верх, и 23 января 1924 г. Макдональд сформировал первое лейбористское правительство (январь-ноябрь 1924 г.)

Право-лейбористская верхушка пришла к власти в очень сложной экономической и политической обстановке. К этому времени

капиталистическая система, оправившись от тяжелых ударов в годы революционного подъема, вступила в полосу частичной и временной стабилизации. Зона капитализма сократилась, но на суженном плацдарме капиталистический строй выстоял. Кончился и послевоенный экономический кризис; начался подъем экономики, сопровождавшийся в некоторых странах значительным ростом производства. Но Англия, в сущности, даже этой непрочной стабилизации не переживала.

Сравнительно быстро развивались новые отрасли промышленности - электротехническая, автомобильная, химическая, авиационная. Предприниматели лишь частично размещали соответствующие заводы в традиционно промышленных районах. Благодаря техническому прогрессу стал возможен переход от паровой энергетики к электрической; поэтому уже не было смысла строить предприятия вблизи угольных бассейнов.

В юго-восточных и южных, преимущественно аграрных районах, земля была значительно дешевле, и уже одно это обстоятельство способствовало размещению новых предприятий в этой зоне. Кроме того, существенное значение имела близость к Лондону, где сбывалась часть новой продукции, и к лондонскому порту. Наконец, предпринимателей привлекало и слабое развитие в этих южных районах тред-юнионов и других организаций рабочего класса, отсутствие здесь давних традиций классовой борьбы.

В связи с этим в 20-е годы началось изменение географии британской промышленности, быстрое развитие новых экономических районов и упадок некоторых старых районов. Эта тенденция усилилась в 20-30-х годах в связи с созданием общебританской высоковольтной системы. К началу нового экономического кризиса (1929) английская промышленность пришла, только восстановив довоенный уровень производства. При этом основные отрасли промышленности - угольная, судостроительная, металлургическая - не достигали и этого уровня. Слишком непрочным и кратковременным было и ослабление классовой борьбы. Ни одна крупная капиталистическая страна не знала в годы стабилизации таких острых классовых конфликтов, как Англия.

Взяв власть в этой обстановке, подлинно рабочее правительство могло бы в корне изменить положение страны. Только социалистическое переустройство общества способно было не только обеспечить английскому народу ликвидацию безработицы, повышение уровня жизни, удовлетворение материальных и культурных потребностей, но и вывести английскую экономику из хронического застоя, восстановить позиции Англии как первоклассной промышленной державы.

Но первое лейбористское правительство было бесконечно далеко не только от социализма, но и от прогрессивных социальных реформ. В состав кабинета Макдональд ввел крайне правых партийных и тред-юнионистских лидеров. Оставив себе портфель министра иностранных дел, он поручил министерство финансов своему ближайшему сотруднику по руководству НРП Филлиппу Сноудену, министерство внутренних дел - Артуру Гендерсону, министерство торговли - Сиднею Веббу. Министром по делам колоний стал Д. Томас - главный виновник «Черной пятницы». Макдональд, Сноуден, Гендерсон не

устаивали повторять, что они представляют всю нацию, а не рабочий класс. Исходя из этой доктрины, лейбористское правительство занимало враждебную позицию по отношению к стачкам, а однажды даже пригрозило, что использует антирабочий закон 1920 г. о чрезвычайных полномочиях.

Единственной сколько-нибудь значительной реформой, проведенной лейбористским правительством, был Закон о жилищном строительстве, подготовленный левым лейбористом Джоном Уитли. Этот закон действительно способствовал расширению жилищного строительства за счет местных налогов, а также увеличения государственных субсидий. В то же время «пацифист» Макдональд увеличил ассигнования на военно-воздушные силы и продолжал начатое консерваторами строительство крейсеров.

В области внешней политики, которой руководил лично Макдональд, лейбористское правительство столь же ревностно защищало интересы буржуазии, как и в политике внутренней. Центральным вопросом европейской политики был вопрос о положении в Германии. Со времени заключения Версальского договора официальное отношение к нему лейбористской партии было резко отрицательным. В предвыборных манифестах 1922 и 1923 гг. лейбористы обещали пересмотреть условия Версальского мира, в частности отменить взимание репараций с Германии. Но, придя к власти, лейбористские лидеры отбросили свои декларации в пользу демократического мира. Единственной их заботой было укрепление позиций британского империализма в Европе, ослабление чрезмерно усиливавшейся (с точки зрения английских интересов) Франции. На Лондонской конференции 1924 г. Макдональд поддержал предложенный американцами «план Дауэса», согласно которому Германии предоставлялись кредиты для технического перевооружения ее промышленности. Предполагалось, что это даст возможность Германии бесперерывно платить репарации, а Англия и другие страны за этот счет будут выплачивать военные долги Америке. Таким образом, лейбористы действовали в соответствии со старым лозунгом Ллойд-Джорджа «Немцы заплатят за все!», хотя в 1918 г. они его решительно осуждали.

Кредиты Германии предоставляли преимущественно американские и английские банкиры. Для финансовых воротил это было выгодным помещением капитала. Но в то же время это означало дальнейший отплыт капиталов за границу - капиталов, столь необходимых для модернизации самой английской промышленности. В политическом отношении «план Дауэса» был рассчитан на привлечение Германии к антисоветскому блоку западных держав. Восстановление военно-промышленного потенциала Германии создавало предпосылки для использования ее впоследствии в качестве ударной силы международного империализма в борьбе против Советского Союза.

Только в одном пункте лейбористское правительство выполнило свои предвыборные обещания - это был вопрос об установлении нормальных дипломатических отношений с Советским Союзом. Макдональд слишком хорошо знал, как относится рабочий класс к этой проблеме. Правительство могло тормозить этот важнейший акт, но полностью отбросить требование масс было не в его силах. 2 февраля 1924 г. дипломатические отношения между

Англией и СССР были установлены.

Больше четырех месяцев тянулись переговоры об урегулировании спорных вопросов между двумя странами. Попытки английской дипломатии вмешаться во внутренние дела Советского Союза были решительно отвергнуты. В начале августа переговоры зашли в тупик, так как английская сторона, превыше всего ставившая интересы магнатов Сити, требовала безоговорочного признания всех материальных претензий бывших собственников национализированных предприятий. Только решительное вмешательство рабочего класса (кое-где начались политические стачки) заставило Макдональда снять эти требования, и 8 августа Общий договор и Торговый договор были подписаны.

Большие успехи сделало организованное под руководством коммунистов Движение меньшинства. На состоявшейся в августе 1924 г. национальной конференции, представлявшей 200 тысяч по-боевому настроенных рабочих из различных профсоюзов, ведущая роль коммунистов была продемонстрирована как при выборе руководящих органов, так и при утверждении программы действий. Том Манн - член Коммунистической партии, ветеран рабочего движения, руководитель стачки докеров 1889 г. и многих стачек 1910-1914 гг., был избран председателем Движения меньшинства, а Гарри Поллит - секретарем. Программа движения не носила непосредственно социалистического характера, но это была программа нового наступления рабочего класса на капитал. Речь шла о повышении зарплаты, установлении 44-часовой рабочей недели, отмене антирабочего закона 1920 г. Движение меньшинства требовало, чтобы тред-юнионы контролировали правительство, заставили его изменить политику.

Все это сказалось на решениях конгресса тред-юнионов, состоявшегося в сентябре 1924 г. в Гулле. В то время как «рабочее» правительство всячески тормозило развитие отношений с Советским Союзом, английский рабочий класс решил установить непосредственные контакты с советскими рабочими. На конгрессе присутствовала советская профсоюзная делегация; по решению конгресса ответная делегация вскоре должна была выехать в Москву.

Чем активнее становились левые силы, тем больше крепла решимость буржуазных партий свалить лейбористское правительство. Сделать это было не трудно, поскольку консерваторы и либералы вместе обладали прочным большинством в палате общин.

На следующий день после того как парламент вынес вотум недоверия правительству, Макдональд назначил новые выборы на 29 октября. Лейбористы вели избирательную кампанию очень вяло. Оправдываясь перед избирателями, они пытались доказать, что не выполнили своих обещаний из-за того, что не имели парламентского большинства. Была пущена в ход формула - «мы были в правительстве, но не у власти».

Проблема отношений с Советским Союзом стояла в центре избирательной кампании. Консерваторы запугивали избирателей «большевистской опасностью», твердя, что лейбористы - «скрытые большевики», подчиняющиеся «приказам из Москвы».

Накануне выборов они сфабриковали фальшивку, рассчитанную на то,

чтобы подтвердить свои «обвинения», вызвать панику среди избирателей. Чья-то рука подбросила редакции консервативной газеты «Дейли мейл» и министерству иностранных дел «письмо Коминтерна», которое будто бы было направлено из Москвы английским коммунистам. В этом подложном документе содержалась инструкция о подготовке к захвату власти, о пропаганде идей ленинизма в Англии и т. д. Хотя Макдональд стоял во главе министерства иностранных дел, он не разоблачил фальшивку; более того, МИД направило ноту протеста советскому посольству, придав этим видимость достоверности подложному документу. В результате нерешительности Макдональда, который уже после выборов дал понять советскому поверенному в делах, что он считает письмо подложным, в день выборов мелкобуржуазные избиратели отдали голоса консерваторам. Они получили 7,4 млн. голосов - на 2 млн. больше, чем в 1923 г. Но это не были голоса, отнятые у лейбористов. Либералы потеряли больше миллиона голосов - они перешли к консерваторам, равно как и голоса тех избирателей, которые в прошлом не использовали свое избирательное право. Лейбористы же выиграли более миллиона голосов, получив 5,5 млн.

Распределение мест в парламенте отнюдь не соответствовало количеству собранных голосов. Консерваторы получили 413 мандатов, лейбористы - 151, либералы - 40. Партия крайней империалистической реакции располагала сильным большинством, и это наложило печать на всю внутреннюю и внешнюю политику нового правительства.

Всеобщая стачка

Кабинет Болдуина (1924-1929) состоял из самых непримиримых тори, врагов социального прогресса. Завершив свой давно подготовлявшийся переход к консерваторам, У. Черчилль занял пост министра финансов. Портфель министра иностранных дел Болдуин предоставил Остину Чемберлену.

Стремясь укрепить мировые позиции Великобритании, в частности - ее пошатнувшееся положение в качестве мирового финансового центра, правительство занялось подготовкой финансовой реформы. Фунт стерлингов, считавшийся до войны прочнейшей из валют, в результате инфляции периода войны котировался значительно ниже, чем в довоенные годы. В апреле 1925 г. Черчилль (в качестве министра финансов) провел восстановление золотого стандарта. Фунт стерлингов отныне, как и до войны, соответствовал 4,86 американского доллара. В результате финансовой реформы цена на английские товары на мировых рынках повысилась. Английский экспортер, имевший возможность раньше продавать свои товары значительно дешевле (получив около 4 долларов, он тем самым получал фунт стерлингов), теперь должен был потребовать уже 4,86 доллара. Конкуренентоспособность английских товаров понизилась, что создало новые затруднения для промышленности.

Конечно, консервативный кабинет не намеревался ущемлять интересы магнатов промышленности. Вынужденные заботиться о снижении себестоимости продукции, они - при поддержке правительства - перешли в

новое наступление на рабочий класс. «Экономя» на зарплате, промышленники намерены были провести модернизацию предприятий. Выражая их планы, Болдуин говорил, что «все рабочие нашей страны должны согласиться на снижение заработной платы для того, чтобы помочь поставить промышленность на ноги».

Наступление буржуазии, как и в 1921 г., началось с решения снизить заработную плату угольщикам, самому боевому отряду рабочего класса. Шахтовладельцы ультимативно потребовали согласия угольщиков на снижение зарплаты и возвращения к системе коллективных соглашений по районам, а не в общенациональном масштабе. Это были все те же вопросы, которые и в начале 1921 г. привели к конфликту. Срок ультиматума истекал 31 июля 1925 г.; в случае отказа рабочих шахтовладельцы намеревались объявить локаут. Однако рабочему классу удалось на этот раз отбить атаку. Для этого не потребовалось даже объявлять всеобщую стачку или хотя бы угрожать ею. Генсовет совместно с исполкомами союзов транспортников и железнодорожников принял решение наложить эмбарго на импорт угля. Практически это означало, что, если начнется локаут, английским предпринимателям не удастся провезти уголь из других стран - ни моряки, ни железнодорожники не станут его грузить и доставлять на заводы. А так как почти все предприятия в той или иной степени зависели от поставок угля, вскоре вся промышленность была бы парализована.

Правящим кругам Англии, не ожидавшим такого единодушия рабочего класса (они надеялись изолировать шахтеров, памятуя о «Черной пятнице»), ничего не оставалось, как отступить. Сами шахтовладельцы не желали и в этих условиях платить зарплату в прежнем объеме. Но правительство, лучше видевшее глубину надвигающейся опасности, решило предоставить шахтовладельцам субсидию, т. е. попросту оплатить из государственных средств разницу между зарплатой, которую горняки получали в то время, и тем уровнем, который намеревались установить шахтовладельцы. Об этом решении было объявлено в пятницу, 31 июля, и рабочие тотчас назвали этот день «Красной пятницей».

Коммунистическая партия сразу же после «Красной пятницы» предупредила рабочий класс об опасности. Действительно, правительственная субсидия шахтовладельцам устанавливалась на девять месяцев, и, следовательно, 30 апреля 1926 г. конфликт должен был разгореться с новой силой. Летом 1925 г. буржуазия была не готова принять бой и отступила, но лишь для того, чтобы лучше подготовиться, используя свои деньги, прессу, агентуру внутри рабочего движения и - прежде всего - всю мощь буржуазного государства.

Не дожидаясь решающих дней, правительство арестовало за «подстрекательство к мятежу» 12 руководящих деятелей Компартии, и суд приговорил их к тюремному заключению - одних к годичному, других - к шестимесячному. В этой судебной расправе сказался страх буржуазии перед растущим авторитетом Компартии, ее влиянием в Движении меньшинства, которое в то время насчитывало в своих рядах около миллиона рабочих, в том

числе - немало углекопов.

Вожди Конгресса тред-юнионов отказывались прислушаться к предостережениям коммунистов и взяться за серьезную подготовку к стачке не потому, что они не видели приготовлений правительства и буржуазии. Просто профсоюзные боссы не хотели массовой и тем более всеобщей стачки. Руководитель Генсовета Уолтер Ситрин, такие лидеры, как Томас и Бевин, видели свою задачу в том, чтобы избежать открытого конфликта, добиться компромисса или даже слегка замаскированной капитуляции шахтеров.

Предприниматели и правительство, однако, не хотели компромисса; им нужна была победа, способная отбросить рабочее движение назад, и, главное, скомпрометировать саму идею всеобщей стачки, уже почти столетие бродившую в умах рабочих. 30 апреля 1926 г. правительство ввело чрезвычайное положение (на основе закона 1920 г.). Война была объявлена, и Генсовет, даже после этого продолжавший унизительные попытки к примирению, все-таки вынужден был взять на себя руководство всеобщей стачкой. Углекопы не вышли на работу уже 1 мая, а 4 мая началась первая (и единственная) в истории Англии всеобщая стачка.

Несмотря на то, что для подготовки стачки почти ничего не было сделано, она проходила в высшей степени организованно. Для миллионов рабочих это были великие дни, доказавшие силу пролетарской солидарности. По решению Генсовета стачка расширялась постепенно, охватывая все новые и новые отрасли промышленности, и не было случая, чтобы рабочие не выполнили указаний о прекращении работы. Наоборот, они торопили руководство, требуя охвата стачкой всех отрядов рабочего класса. На местах руководство стачкой было возложено на советы тред-юнионов либо на специально созданные Советы действия. Эти органы брали на себя и некоторые функции государственной власти, поскольку только их распоряжения выполнялись массами.

В руках Генсовета в эти дни была огромная власть. Хотя правительство двинуло в наиболее беспокойные районы войска, по стране шли аресты, фашисты провоцировали столкновения - судьба страны во многом зависела в эти дни именно от штаба стачки - Генсовета. Не использовать этот революционный энтузиазм, который проявила огромная армия пролетариата, для решающего удара по реакции могли только предатели, более всего на свете боявшиеся подлинной победы рабочего класса.

Коммунистическая партия в дни стачки убеждала рабочий класс идти вперед, свалить консервативное правительство. Но Ситрин, Томас, Бевин и, конечно, Макдональд оставались конституционалистами, и любое революционное действие отвергали безоговорочно. Логика борьбы начинала выводить стачку из чисто экономических рамок. Лидеры видели, что они не смогут долго контролировать движение, и это усиливало их желание как можно скорее прекратить борьбу. За спиной бастующих они вступили в переговоры с правительством и готовили капитуляцию. Ссылаясь на то, что накануне стачки все тред-юнионы согласились подчиняться решениям Генсовета, они, не считаясь с возражениями углекопов, заявили правительству о прекращении

стачки. 12 мая всеобщая стачка формально была прекращена, хотя, вопреки указаниям Генсовета, во многих местах рабочие еще несколько дней не выходили на работу.

Только исполком Федерации углекопов не отдал распоряжения о прекращении стачки. Почти 7 месяцев преданные лидерами Конгресса тред-юнионов горняки продолжали борьбу в одиночестве. Только моральная и материальная поддержка со стороны рабочего класса Советского Союза и других стран дала им возможность так долго вести эту героическую борьбу. Советские рабочие собрали 11,5 млн. рублей по золотому курсу (свыше 1 млн. ф. ст.). Генсовет не пожелал принять эту братскую помощь, ссылаясь на то, что это приведет к обвинению в большевизме, но углекопы с благодарностью приняли ее. Лишенные поддержки со стороны Генсовета и английских тред-юнионов, углекопы, в конце концов, вынуждены были выйти на работу (30 ноября 1926 г.) на условиях, выдвинутых предпринимателями.

Срыв всеобщей стачки правыми лидерами тред-юнионов и лейбористской партии развязал руки буржуазии. Наступила пора жестокой реакции. Ряд тред-юнионов без боя принял снижение зарплаты, в том числе - железнодорожники.

Уже летом 1926 г. парламентским актом рабочий день шахтеров был увеличен с семи до восьми часов. В июле 1927 г. парламент принял крайне реакционный закон о промышленных конфликтах и тред-юнионах. Всеобщие стачки были объявлены незаконными.

Столь же реакционный характер приобрела и внешняя политика консервативного кабинета. Борясь за сохранение колониальных позиций Англии, правительство Болдуина еще в 1925 г. попыталось силой оружия помешать национально-освободительной борьбе китайского народа. Расстрелом мирной демонстрации в Шанхае (30 мая 1925 г.) Англия вызвала огромное возмущение китайского народа, поддержанного прогрессивными силами во всем мире. Особенно усилились зверства англичан в Китае после срыва всеобщей стачки, когда можно было временно не считаться с протестами рабочего класса. Тем не менее, английские рабочие создали комитеты «Руки прочь от Китая!» и внесли свой вклад в срыв интервенционистских планов английского правительства.

Главную внешнеполитическую задачу консервативный кабинет видел в подготовке новой интервенции против Советского Союза. Используя избитое обвинение Советского Союза в «антибританской пропаганде», не брезгая при этом самыми низкопробными фальшивками, реакционная пресса старалась возбудить антисоветскую и антикоммунистическую истерию. Английская агентура в различных странах устраивала антисоветские провокации. В апреле 1927 г. она организовала нападение на советское посольство в Пекине, а 12 мая - на торговое представительство в Лондоне. Одновременно подверглось нападению англо-советское акционерное общество «Аркос». Нарушая не только условия англо-советского договора 1921 г., обеспечивавшие дипломатическую неприкосновенность советскому торговому представителю, но и общепринятые нормы международного права, полиция захватила документы, хранившиеся в сейфах. Хотя в них не удалось обнаружить каких-

либо свидетельств вмешательства во внутренние дела Англии, 27 мая 1927 г. консервативный кабинет объявил о разрыве дипломатических отношений с СССР.

Консервативные лидеры рассчитывали, что вслед за Англией по этому пути пойдут и другие державы, а это приведет к дипломатической изоляции Советского Союза. Однако твердая позиция Советского правительства, которое не поддавалось на провокации, сорвала эти замыслы О. Чемберлена и Черчилля. Другие империалистические страны не решились идти на новые авантюры и предпочли использовать обстановку для укрепления торговых отношений с Советским Союзом, получить те заказы, которые потеряла вследствие своей агрессивной политики Англия. Провал авантюристической политики Болдуина - Чемберлена ослабил престиж английской дипломатии и консервативного кабинета. Как заявил Ллойд-Джордж, разрыв дипломатических отношений с СССР был «монументальным примером политического слабоумия».

Английская культура 20-х годов

Испытав в годы революционного подъема панический страх за свои капиталы и привилегии, английские капиталисты прониклись ненавистью к демократическим институтам. Чем слабее становились мировые позиции Англии, тем больше чувство надменного островного «превосходства» охватывало мистера Форсайта - это прекрасно показал Голсуорси в последних книгах своей «Саги». Тревога за колонии усиливала расизм. Боязнь народа, «толпы», освободительных бурь эпохи порождала стремление замкнуться в своей среде, уйти от неразрешимых (для буржуа) социальных проблем в область интимных переживаний, религии, иррационализма. В конечном счете, именно этот пессимизм обреченного историей класса лежал в основе циничных и антигуманистических тенденций, характерных для модернистского искусства 20-х годов и последующего периода.

Почти полностью утрачивалось национальное своеобразие английской живописи, растворявшейся в общеевропейском, космополитическом декадансе. На первый взгляд в картинах и росписях С. Спенсера (1891-1959) было нечто общее с орнаментом из средневековой миниатюры или с работами прерафаэлитов. Но это лишь внешнее подобие. Хаотическое нагромождение деформированных образов, по существу, не имело ничего общего с плодами народной фантазии, запечатленными в миниатюрах. В эти же годы начал завоевывать известность скульптор Г. Мур (р. 1898), создатель деформированных фигур - скорее человекоподобных, чем человеческих.

Деформация человеческого тела в живописи и скульптуре так же направлена на развенчание человека, как и изображение нарочито алогичных и отвратительных поступков и эмоций в нашумевшем романе Джемса Джойса «Улисс» (1922). В этом произведении есть элементы сатиры на буржуазное общество, но пошлость, лицемерие, мещанская имитация мыслей и чувств предстают перед читателем не как социально обусловленные явления, а как

черты, будто бы извечно присущие человеку. Принадлежа к школе «потока сознания», Джойс утрирует хаотичность мысли; точно так же художники-сюрреалисты, создавая абсурдные сочетания предметов, навязывали зрителю представление о хаотичности мира вообще. Известный писатель-реалист Ричард Олдингтон (1892-1962) имел все основания сказать, что «Улисс» Джойса - «чудовищная клевета на человечество».

Между тем «Улисс» стал знаменем модернистского искусства. Его подняла на щит «психологическая школа», считавшая единственной задачей искусства проникновение в глубины подсознательного. Кредо этой школы сформулировала Вирджиния Вульф - одаренная писательница, отдавшая, однако, свой талант внесоциальному, внеисторическому и потому бесперспективному психоанализу: «Давайте чертить узоры, которые оставляют в нашем сознании мимолетные впечатления и даже незначительные события, какими бы бессвязными и неясными они не представлялись». Антигуманизм Джойса, Вульф и других писателей этого направления сочетался с антидемократизмом. Он выражался в крайней усложненности формы, а следовательно - в расчете на узкий круг читателей, на интеллектуальную элиту.

Эта антидемократическая тенденция едва ли не наиболее ярко проявилась в стихах и публицистике Томаса Элиота, одного из вождей идеологической реакции. В поэме «Бесплодная земля» (1922) он сталкивает реальных людей современности с героями мифов и литературы. Калейдоскоп имен, которые не известны даже читателю, прошедшему классическую школу Итона и Оксфорда, разноязычные цитаты, исторические и литературные намеки, понятные лишь крайне узкому кругу «высоколобых», - все это выражает презрение к читателю, к «необразованной демократии». «Бесплодная земля» - поэма ужаса перед гибелью цивилизации, ожидания катастрофы. При всей туманной символике поэмы нетрудно разглядеть, откуда пришли к автору его пессимистические прогнозы. Не столь уж туманен образ «орд в остроконечных шлемах, кишаших на бескрайних равнинах»! Октябрьская революция, революционный подъем в Англии и во всем мире - вот что порождает ощущение надвигающегося краха буржуазной цивилизации,

В 20-е годы широкое распространение получила «массовая культура»; декадентское искусство и литература с их модернистскими течениями были отличным орудием для интеллектуального и политического разоружения интеллигенции, но для такого же воздействия на миллионы трудящихся требовались иные средства - развлекательное чтение детективного или эротического характера, неглубокие, но захватывающие зрелища, джазовая музыка. Одурманить сознание, развлечь, не дать человеку задуматься-такова социальная функция «массовой культуры», искусно насаждаемой «коммерческими» издательствами, театрами, газетными и журнальными империями. Огромную роль в комплексе идеологически отравляющих средств играло молодое киноискусство. В то время как его выдающиеся художественные возможности были доказаны гениальными фильмами Чаплина и Эйзенштейна, на английских экранах преобладали развлекательные фильмы голливудского происхождения.

В борьбе с реакционной, унижающей человека буржуазной культурой и эрзацами культуры, производимыми для массового потребления, росла и крепла подлинно народная демократическая культура. Выдающиеся писатели-реалисты старшего поколения Гарди, Шоу, Голсуорси, Уэллс остались верны реалистической традиции и продолжали развивать ее в новых условиях. В этот период Голсуорси пишет последние романы «Саги о Форсайтах» и три романа, составившие цикл «Современная комедия». Тем самым было завершено главное дело его жизни - создана художественная история деградации английской буржуазии.

Сколь бы сложны и противоречивы ни были идейные и художественные искания Г. Уэллса, он все же решительно выступил против политической реакции. Вместе с Гарди и Шоу он вступил в международную организацию прогрессивной интеллигенции «Клартэ», которая боролась против антисоветской интервенции. Во время известного визита в Советскую Россию (1920) он многого не понял, и это отразилось на страницах книги «Россия во мгле». Но здесь же честный писатель заявил: «Большевики морально выше всего того, что до сих пор с ними боролось».

Наибольшую идейную эволюцию в эти годы проделал Шоу: социалистическое строительство в СССР и общий кризис мирового капитализма углубили его сомнения в «фабианском социализме». В противовес модернистской аполитичности и асоциальности Шоу именно в эти годы переходит к собственно политической сатире, шаржу, гротеску. Беспощадному разоблачению подвергаются высшие слои политической иерархии - лидеры партий, министры и стоящие за их спиной подлинные хозяева - монополисты. В политической «экстраваганце» - «Тележке с яблоками» - перед судом сатирика оказывается сама буржуазная демократия.

Несколько необычным для Шоу был созданный им в пьесе «Святая Иоанна» образ Жанны Д'Арк, Отбрасывая мистические наслоения в трактовке «чудес» Жанны, Шоу создает героический народный характер, обаятельный, чистый. Безоговорочно признавая право народа на национально-освободительную, справедливую войну, Шоу остается сатириком в изображении предателей родины. Жанна написана как героиня народной трагедии, одерживающая духовную победу над врагами. Конечно, для Шоу важна полемика не столько с другими трактовками образа Жанны, сколько с декадентским представлением о ничтожности человека. Вот она - крупная личность, сказал Шоу своей пьесой; личность, обладающая силой, мудростью, поэтическим мировосприятием, свойственным народу. Недаром пьеса эта сразу же вошла в репертуар театров, придерживавшихся реалистического метода. В 1924 г. Жанну сыграла известная актриса Сибилла Торндайк. В 1929 г. в театре «Олд Вик» 25-летний актер Джон Гилгуд впервые сыграл Гамлета, причем, по свидетельству современников, вложил в этот образ все метания «потерянного поколения». Актер незаурядного дарования, обладавший великолепной техникой, Гилгуд впоследствии сыграл множество шекспировских ролей и - в качестве режиссера - поставил немало спектаклей.

Театры обращаются не только к Шекспиру, но и к другим классикам

английской и мировой драматургии. Тяга передовых режиссеров и актеров к реализму, к глубокому воплощению «диалектики души» усилила интерес к русской драматургии, особенно - к Чехову. В Англии издаются труды К. С. Станиславского, его «систему» тщательно изучают и осваивают мастера английской сцены. Хотя модернистские веяния затронули некоторых деятелей английского театра, в целом он в этот период сделал шаг к углублению художественного анализа действительности.

В течение 20-х годов в рамках демократической культуры росли элементы культуры социалистической. Но особенно велик был взлет прогрессивной культуры в следующем десятилетии.

Предвоенное десятилетие

После непродолжительного периода относительной стабилизации капитализма мировая капиталистическая система вступила в 1929 г. в полосу глубочайшего экономического кризиса. Выбравшись из кризиса в 1933 г., капиталистическая экономика долго находилась в состоянии депрессии, за которой (в нарушение обычного цикла капиталистического производства) последовал в 1937 г. новый кризис. Только предвоенная гонка вооружений и начало второй мировой войны изменили экономическую ситуацию.

Обострившаяся в условиях мирового кризиса конкуренция на мировых рынках особенно больно ударила по старым отраслям английской промышленности: производство угля упало на 20%, стали и чугуна - примерно вдвое, а судостроительной промышленности - на 90%. В результате в этих отраслях возникла чудовищная безработица, составившая соответственно 34, 48 и 62% от общего числа застрахованных рабочих.

Именно те районы, которые исторически сложились как центры промышленности с огромной концентрацией рабочего класса, были более всего поражены кризисом. Зарождавшаяся еще в 20-е годы проблема «районов депрессии» превратилась теперь в одну из острейших национальных проблем. В угольных районах Уэльса, например, безработные составляли 37,5%. К числу районов депрессии относились также районы Клайда (судостроение), Ланкашира (текстильная промышленность). Предприниматели закрывали шахты, заводы, верфи, фабрики, и начался массовый отлив населения; некоторые города и рабочие поселки фактически обезлюдели.

В начале экономического кризиса у власти находилось второе лейбористское правительство (1929 - 1931). В ходе парламентских выборов 1929 г. лейбористы впервые получили больше мандатов, чем консерваторы, - 287 против 260, по все еще не располагали абсолютным большинством; 59 мест принадлежало либералам.

Исход выборов вполне устраивал партийную верхушку, так как отсутствие абсолютного большинства она использовала, как и в 1924 г., для «оправдания» своей антисоциалистической политики.

Только в вопросе о восстановлении дипломатических отношений с Советским Союзом лейбористское правительство действовало в соответствии

со своим предвыборным лозунгом да и то лишь под постоянным нажимом снизу. 3 октября 1929 г. протокол о восстановлении дипломатических отношений с СССР был подписан.

Восстановление отношений с СССР подняло престиж лейбористского кабинета, но его внутренняя политика вызвала недовольство, поскольку при поддержке «рабочего» правительства и правых профсоюзных лидеров была снижена зарплата текстильщикам Ланкашира, железнодорожникам, шерстяникам, углекопам, строителям и рабочим других специальностей. За годы кризиса рабочий класс Англии потерял в результате снижения заработной платы 62 млн. ф. ст.

Потери были бы еще большими, если бы решительное сопротивление масс не вынуждало время от времени предпринимателей отказываться от своих планов. Наиболее значительные стачки провели шерстяники Йоркшира (1930), углекопы Южного Уэльса (1931), ткачи Ланкашира (1931). Однако сам факт пребывания у власти лейбористского правительства тормозил нарастание классовой борьбы, порождал иллюзии о вмешательстве «сверху» в пользу рабочего класса. В действительности же буржуазия при поддержке Макдональда пыталась выйти из кризиса за счет «экономии» на пособиях по безработице и зарплате низших государственных служащих. Комиссия во главе с банкиром Л. Мэем рекомендовала сократить государственные расходы на 96 млн. ф. ст.

Коммунистическая партия и Национальное движение безработных требовали коренного улучшения социального обеспечения, которое действительно гарантировало бы прожиточный минимум. Этот лозунг получил массовую поддержку. От митингов протеста, обращенных к депутатам и министрам, Национальное движение безработных перешло к более эффективным методам борьбы. Организованный им голодный поход на Лондон привлек внимание всей страны. Из далекого Эдинбурга, из Плимута, Нортумберленда и других промышленных районов безработные двинулись к столице, чтобы вручить правительству свои требования. 30 апреля 1930 г. колонны безработных прибыли в Лондон, где их встретили 50 тыс. лондонских рабочих. Первого мая в Гайд-парке состоялся массовый митинг, а затем еще в течение недели митинги и демонстрации меньшего масштаба проходили на площадях столицы.

Вскоре после голодного похода КПВ совместно с Движением меньшинства разработала Рабочую Хартию - программу защиты интересов трудящихся, как работающих, так и безработных. Само название этого документа (как и то, что он состоял из шести пунктов) вызывало в памяти славные дни чартизма. Кампания в защиту Хартии проходила во многих промышленных районах, а в апреле 1931 г. в Лондоне состоялся национальный конвент Рабочей Хартии.

В таких условиях лидеры лейбористской партии вынуждены были маневрировать. Формально осуждая рекомендации комиссии Мэя, они вступили в тайный сговор с руководством консервативной и либеральной партий, с тем чтобы в блоке с ними провести «экономия». Решающий момент наступил в августе 1931 г. Макдональд, Сноудеп, Томас высказались за

принятие рекомендаций Мэя, хотя и с некоторыми изменениями. Но другие министры во главе с Гендерсоном, опираясь на поддержку Генсовета Конгресса тред-юнионов, не согласились на снижение пособий по безработице (на 10%). Тогда Макдональд подал в отставку и на следующий день фактически сформировал коалиционный кабинет, в который вошли и консерваторы (Болдуин, Невиль Чемберлен), и либералы.

Поскольку новое правительство получило название «национального», небольшая группа, возглавляемая Макдональдом и Сноуденом, присвоила себе наименование «национал-лейбористов». Она имела ничтожную опору в парламенте, так что Рамзей Макдональд - один из создателей «рабочей партии», «социалист» и пацифист, стал премьер-министром торийского кабинета.

Во втором национальном правительстве (1931 - 1935) Макдональд стал уже вовсе игрушкой в руках консерваторов. Проведенные в октябре 1931 г. выборы принесли «национал-лейбористам» всего 13 мест в парламенте, а консерваторам - 471. В любой момент они могли сместить Макдональда, но до поры до времени предпочитали действовать его руками. Лейбористы во главе с Геидерсоном, хотя и получили 6,5 млн. голосов, имели в новом парламенте лишь 54 места: предательство группы Макдональда - Сноудена, несмотря на то что они были исключены из лейбористской партии, все-таки ослабило ее влияние на избирателей.

Вместе с консерваторами Макдональд продолжал политику реакции и наступления на жизненный уровень рабочего класса. Уже в 1931 г. была снижена зарплата учителям, солдатам, матросам, пособия по безработице сокращены в среднем на 10%, причем они выплачивались только в течение 26 недель. В сентябре 1931 г. правительство решило снизить жалование военным морякам - это была составная часть политики «экономии» за счет трудящихся. В ответ на это матросы Атлантического флота, находившегося в гавани Ниверггордон, восстали и, изолировав офицеров, отказались выполнить приказ командования о выходе в море. Сам премьер-министр прибыл в Инверггордон и пытался уговорить матросов подчиниться приказу. Но моряки держались стойко, и правительство поспешило восстановить прежнее жалование.

Массовые демонстрации безработных, сопровождавшиеся настоящими боями с полицией, прошли осенью 1931 г. в Глазго, Манчестере, Ливерпуле и других промышленных центрах.

Особенно усилились массовые выступления осенью 1932 г. Почти ежедневно в том или ином городе происходили сражения демонстрантов с полицией, причем нередко невооруженные рабочие добивались победы. В течение трех дней (16-18 сентября) в Биркепхеде шли почти непрерывные бои рабочих с полицией, применявшей самые жестокие методы. И все же рабочие выстояли и вырвали у местных властей существенные уступки. Не менее ожесточенными были столкновения в столице Северной Ирландии - Белфасте - в октябре: власти даже вызвали войска и бронемашину. Но и здесь борьба закончилась победой рабочих. Одновременно с этими событиями происходила всеобщая стачка ткачей Ланкашира. Преданные лидерами рабочие потерпели поражение, но все же заставили хозяев провести меньшее снижение зарплаты,

чем первоначально планировалось (8% вместо 12%). На Лондон тем временем со всех сторон двигались колонны участников голодного похода. 30 октября они вместе со 150 тысячами лондонских рабочих провели митинг на Трафальгарской площади. 1 ноября делегация безработных должна была вручить парламенту петицию, но район Вестминстера был блокирован полицейскими кордонами. До ночи на улицах столицы продолжались схватки между рабочими и полицией.

Таковы были кульминационные месяцы подъема рабочего движения. В последующие годы борьба продолжалась. Голодный поход в январе 1934 г. встретил поддержку многих профсоюзных организаций, местных советов тред-юнионов и даже части буржуазии, напуганной размахом движения. Если в 1932 г. уступки удавалось вырывать только у местных властей, то теперь вынуждено было уступить и правительство. Сокращение пособий, которое было введено в 1931 г., теперь было отменено.

Рабочий класс Англии решительно выступил также против фашизма. Бывший лейбористский министр, миллионер Освальд Мосли создал Британский союз фашистов, построенный во многом по образцу гитлеровской партии. Бывшие офицеры, деклассированные элементы, штрейкбрехеры, окруженные ненавистью рабочих, разоряющиеся мелкие буржуа вступали в штурмовые отряды; крупные промышленники финансировали их, а правительство и полиция фактически взяли под защиту эти банды чернорубашечников.

7 июня 1934 г. фашисты устроили 15-тысячный митинг в лондонском зале Олимпия. Пришедших на митинг антифашистов чернорубашечники зверски избивали лишь только они открывали рот, чтобы бросить реплику Мосли. В тот же день состоялась массовая антифашистская демонстрация. 9 сентября чернорубашечники собрались на митинг в Гайд-парке, но в их жалком собрании участвовало всего 2,5 тыс. человек, в то время как антифашистская демонстрация рабочих собрала около 150 тыс. Только полицейская охрана из 7 тыс. человек спасла фашистов от народного гнева. Благодаря энергичным действиям рабочих фашизм в Англии не приобрел сколько-нибудь широкой базы и уже накануне войны почти сошел со сцены.

Активная и во многом успешная борьба против реакции во всех ее проявлениях не могла не сказаться на положении организаций рабочего класса. В 30-х годах значительно вырос авторитет Коммунистической партии Великобритании. Хотя она не стала массовой партией, в течение бурного 1932 г. ее ряды удвоились и составляли к концу года 5600 человек.

Сложные процессы проходили в этот период внутри лейбористской партии. Участие в схватках с буржуазией усиливало боевые настроения среди ее рядовых членов. Левые группировки в профсоюзах, входивших в лейбористскую партию, многие местные организации партии, в особенности Независимая рабочая партия (НРП) требовали коренного изменения партийной политики. Не поднимаясь до марксистско-ленинского понимания общественных явлений, левые лейбористы, однако, настаивали на том, чтобы партия проводила боевую, наступательную политику.

Убедившись в том, что изменить политику лейбористской партии в данный момент не удастся, НРП в 1932 г. покинула ряды той самой партии, ядром которой она была в пору конституирования. Часть членов НРП не одобрили решения о выходе из лейбористской партии, так как считали своей главной задачей борьбу за изменение характера и политики лейборизма, а для этого целесообразно было продолжать работу внутри лейбористского движения. Оставшись в лейбористской партии и организационно порвав с НРП, эта группа, вместе с левыми деятелями из других организаций, создала в 1932 г. Социалистическую лигу, которая была признана коллективным членом лейбористской партии.

Хотя Социалистическая лига не была массовой организацией (ее численность никогда не превышала 3000 членов), она сыграла значительную роль в лево-лейбористском движении. Это была первая оформленная организация левых лейбористов, их теоретический штаб.

Лига развернула агитацию в низовых лейбористских организациях, в особенности в связи с тем, что специальная комиссия исполкома готовила новую программу партии. Гендерсон, сменивший его в 1932 г. на посту лидера партии Дж. Лэнсбери и другие представители руководства вынуждены были учесть, что пропаганда Социалистической лиги падает на хорошо подготовленную почву. В программу «За социализм и мир» они сочли целесообразным включить перечень тех отраслей промышленности, которые подлежат национализации. Это был известный шаг вперед, поскольку в список вошли не только угледобыча, транспорт, банки, но и машиностроение, судостроение, химическая, текстильная промышленность.

Официальная программа категорически отвергла внепарламентские методы борьбы и, в особенности, необходимость диктатуры для подавления эксплуататорских классов. «Мы осуждаем диктатуру как таковую», - говорил один из представителей нового поколения лидеров Герберт Моррисон.

Когда КПВ в марте 1933 г. предложила всем рабочим организациям Англии создать единый фронт борьбы против международного фашизма и внутренней реакции, только НРП дала положительный ответ. Коммунисты повели борьбу за единый фронт снизу. Несмотря на раскольническую тактику лейбористского и профсоюзного руководства, идея единого фронта завоевывала все больше сторонников в массах рядовых рабочих и вообще в демократических слоях общества, включая интеллигенцию.

Широкий размах в этот период приобрело Рабочее театральное движение. Самодеятельные группы существовали и раньше, но в течение 1930-1931 гг. они были объединены под руководством отдела агитации и пропаганды. Скетчи и небольшие пьесы писали, как правило, сами рабочие. Выступления проводились на массовых митингах, в помещениях местных профсоюзных организаций, в рабочих клубах. Это были агитационные спектакли, не отличавшиеся ни литературными достоинствами, ни исполнительской культурой, но актуальность репертуара, искренность и революционная страстность актеров-любителей обеспечивали их успех.

Усилившаяся работа КПВ в области культуры приносила немалые плоды.

В 1934 г. британская секция Международного объединения пролетарских писателей начала издавать свой ежемесячник «Лефт Ревью». Одновременно делаются первые шаги по объединению прогрессивных художников: возникает британская секция «Международной ассоциации художников».

Коммунистам удалось получить в свое распоряжение дом, в котором жил в Лондоне Маркс, и основать «Дом Маркса», а при нем - мемориальную библиотеку по истории рабочего движения и по социальным проблемам (1933). Здесь сложился один из важнейших центров марксистских исследований и пропаганды марксизма-ленинизма. Издательство Лоуренса приступило к широкой публикации на английском языке трудов Маркса, Энгельса, Ленина.

Важный вклад в развитие марксистских исследований внес в эти годы видный деятель английской демократической и социалистической культуры Ральф Фокс (1900-1937). Партийный агитатор и публицист, марксистский историк и литературовед, Фокс был человеком исключительной работоспособности. Еще в 20-е годы он, посетив Советский Союз, выпустил две книги, направленные против клеветнических измышлений буржуазной печати. Из исторических работ Фокса особое значение в те годы имела трехтомная «Классовая борьба в Британии в эпоху империализма» (1932-1933). Перу Фокса принадлежит также ярко написанная биография В. И. Ленина, книга о колониальной политике английского империализма, статьи на политические и литературные темы в коммунистической печати.

В книге «Роман и народ» (1937) Фокс дает бой не только модернистской эстетике, но и буржуазной фальсификации истории английской литературы. Он показывает ее прогрессивные традиции, ее здоровую реалистическую основу, хотя кое-где и отдает дань вульгарному социологизму.

В 1936 г. издательство Лоуренса объединилось с прогрессивным издательством Уишарта. Тем самым была создана солидная издательская база для публикации трудов основоположников марксизма-ленинизма. Это дало возможность выпустить 20-томное собрание сочинений В. И. Ленина. Издательство «Лоуренс и Уишарт» печатало также переводы произведений советских писателей - Горького, Шолохова, Фадеева, Н. Островского, Леонова; здесь же издавались теоретические труды и художественные произведения прогрессивных английских ученых и писателей.

Начали развеиваться некоторые предубеждения, вызванные незнакомством интеллигенции с марксистским учением, и уже одно это способствовало сближению честных интеллигентов с учеными и деятелями культуры марксистского направления. К середине 30-х годов начал складываться своеобразный народный фронт в области культуры.

Прогрессивные сдвиги в рабочем движении и в духовной жизни страны происходили в условиях реакционной внутренней и внешней политики «национального правительства». «Экономия» за счет трудящихся не могла вывести страну из кризиса и обеспечить стабильность английской валюты. Золотой стандарт фунта, установленный в 1925 г. Черчиллем, пришлось отменить (20 сентября 1931 г.).

Значение фунта как мировой валюты удалось сохранить благодаря

созданию стерлингового блока - группы стран, которые по-прежнему фиксировали курсы своих валют в соответствии с курсом фунта стерлингов. В стерлинговый блок вошли страны, в той или иной степени зависимые от Англии, - Португалия, Греция, Финляндия, Скандинавские страны, некоторые страны Латинской Америки. Почти половина мирового товарооборота продолжала обслуживаться стерлинговой валютой, что, конечно, приносило немалые выгоды лондонским банкирам. Отмена золотого стандарта оказалась выгодной для промышленников, которые получили возможность продавать свои товары дешевле, требуя, например, вместо доллара 80 центов и все же получая прежнюю цену в фунтах. Благодаря этому еще в ходе кризиса английский экспорт начал довольно быстро расти.

Решительный поворот произошел и в области внешней экономической политики. Старый спор между фритредерами и протекционистами был решен самой жизнью: без пошлинных барьеров английская промышленность не способна была выдержать иностранную конкуренцию. В 1932 г. парламент принял закон, установивший пошлину в 10% на ввозимые в Англию товары.

Вскоре принципы протекционизма были распространены на всю Британскую империю. В июле - августе 1932 г. состоялась Оттавская конференция, в которой приняли участие Англия и все доминионы. На конференцию доминионы пришли, располагая полной юридической независимостью. Еще в 1931 г. английский парламент принял так называемый Вестминстерский статут, согласно которому английские законы могли распространяться на доминионы только с их согласия, а законы, принятые в доминионах, отныне не утверждались английским парламентом. В Оттаве было решено, что почти весь импорт из доминионов в Англию будет производиться без оплаты пошлин, а в тех случаях, когда пошлина все же устанавливалась, она должна была быть предпочтительной, т. е. ниже, чем для любой другой страны. Взамен доминионы тоже устанавливали для Англии предпочтительные тарифы. Иначе говоря, весь рынок Британской империи был огражден от иностранных, прежде всего американских конкурентов «имперскими преференциями» - предпочтительными тарифами.

В годы мирового экономического кризиса началось обострение международных противоречий, которое после долгих и сложных перипетий привело ко второй мировой войне. Правящие круги Англии, как и империалисты других стран, вынашивали планы антисоветской войны, которая сплотила бы силы мировой реакции и дала бы возможность разрешить противоречия за счет СССР.

Именно антисоветские цели преследовала, прежде всего, и политика национального правительства по отношению к Германии. План использования Германии в качестве ударной силы мирового империализма, направленной против СССР, начал приобретать особенно реальные очертания после прихода к власти Гитлера (январь, 1933). Надежда направить германскую агрессию на Восток была так велика, что английская дипломатия делала все от нее зависящее, чтобы освободить Германию от всех ограничений, зафиксированных в Версальском договоре 1919 г. Отвергая неоднократные

советские предложения о создании системы коллективной безопасности в Европе, английское министерство иностранных дел дало понять Гитлеру, что Англия одобрит одностороннее нарушение ограничений. Опираясь на эту поддержку, Германия в марте 1935 г. объявила о создании военной авиации и введении всеобщей воинской повинности (и то и другое было запрещено Версальским договором).

Угроза войны и фашистской реакции нарастала. В июне 1935 г. национальное правительство, готовясь к выборам, провело некоторые изменения в своем составе. Макдональд, сыгравший уже свою позорную роль премьера-марионетки, больше не нужен был консерваторам. Их лидер Болдуин, который и раньше фактически управлял кабинетом, стал главой правительства. Сохранивший пост министра финансов Невиль Чемберлен (1869 - 1940) усилил свое влияние в кабинете, возглавив в нем сторонников политики «умиротворения» агрессоров, т. е. фактического блока с ними против Советского Союза. Пост министра иностранных дел получил Сэмюэль Хор - прогермански настроенный представитель крайне правого крыла консерваторов.

Но формируя кабинет, Болдуин вынужден был несколько сбалансировать представленные в нем группировки консерваторов. Он не мог вовсе игнорировать настроения широких слоев английского народа. «Плебисцит мира», проведенный как раз в это время некоторыми пацифистскими организациями при поддержке лейбористов, показал, что свыше 10 млн. англичан высказались за коллективную безопасность, а около 7 млн. из них - за применение военных санкций против агрессора (всего в плебисците участвовало 11,5 млн. человек). В связи с этим Болдуин назначил на пост министра по делам Лиги Наций (фактически второго министра иностранных дел) Антони Идена. Принадлежа к группе «молодых консерваторов», которая еще в 20-е годы настаивала на более гибкой политике партии, Идеи и в вопросах внешней политики расходился с Чемберленом, Хором и другими сторонниками «умиротворения» агрессоров. Он видел, какая опасность для мировых позиций британского империализма кроется в растущей мощи фашистских государств, и выступал за принцип коллективной безопасности. Престиж Идена возрос после его успешного визита в Москву весной 1935 г.

Консервативная партия предпочла провести избирательную кампанию в ноябре 1935 г. не под лозунгом «умиротворения» агрессоров, а под популярным лозунгом коллективной безопасности. Тем самым было выбито важнейшее оружие из рук лейбористской партии. Позиции консерваторов усиливались также благодаря тому, что к этому времени Англия вышла из полосы кризиса. Лейбористская партия получила всего 154 места, а консерваторы - 387 мест. Однако соотношение голосов, отданных за две главные партии, было не столь трагичным для лейбористов. Они собрали 8,3 против 10,5 млн., отданных консерваторам. Свыше восьми миллионов человек - такова была сила, которую можно было призвать к активным массовым действиям вне парламента! Но ни о чем подобном правые лидеры и не помышляли.

Теперь у власти стояло консервативное правительство, имевшее прочное

большинство. В мае 1937 г. Чемберлен возглавил правительство (1937-1940). С этого времени начались наиболее позорные страницы политики «умиротворения», которые поставили Англию на грань катастрофы. Фанатическая ненависть к коммунизму, к Советскому Союзу лишала руководителей правительства способности к трезвому политическому расчету.

На консервативные кабинеты Болдуина и Чемберлена падает главная историческая ответственность за то, что фашистская агрессия не была остановлена коллективными действиями великих держав, как это многократно предлагал Советский Союз. Еще весной 1935 г. английские джингоисты дали понять Муссолини, что не будут препятствовать его планам захвата Абиссинии. Когда же осенью итало-абиссинская война началась, Англия (вместе с Францией) сорвала применение действенных санкций против агрессора, хотя и поддержала соответствующее решение Лиги Наций.

Серьезному испытанию подверглась английская внешняя политика в марте 1936 г., когда Гитлер открыто нарушил положение Версальского договора и последующих соглашений, запрещающее Германии иметь войска и возводить укрепления в 50-километровой зоне к востоку от Рейна. Весьма еще слабая в военном отношении Германия пошла на риск и ввела войска в демилитаризованную зону именно потому, что надеялась на пассивность английских правящих кругов. Недаром «Таймс» высказалась за «взаимопонимание с Германией» и за предоставление ей «свободы рук» на Рейне. А ведь еще в 1934 г. Болдуин сформулировал внешнеполитическую доктрину - «Граница Англии - на Рейне!». Тем не менее Болдуин и Идеи, ставший министром иностранных дел, формально осудив нарушение Версальского договора, решительно уклонились от применения санкций к Германии и даже оказывали давление на Францию в духе «умиротворения».

Безнаказанность все больше развязывала руки фашистским державам, и летом 1936 г. они предприняли давно подготовлявшуюся агрессию в Испании. Консервативные лидеры при поддержке лейбористской верхушки не только не пришли на помощь законному правительству Испании, но фактически помогали Гитлеру, Муссолини и Франко.

На земле Испании развернулось первое прямое международное столкновение сил демократии с фашизмом. Прогрессивные организации всего мира выступили в защиту испанского народа; мужественные и стойкие антифашисты из разных стран направились в Испанию, чтобы с оружием в руках вступить в схватку с фашизмом. Не остался в стороне от этого движения и английский народ, причем борьба передовых рабочих в защиту демократии в Испании способствовала усилению тенденции к единству.

Еще в конце 1935 г. КПВ, подчеркнув, что необходимо объединить отряды рабочего движения для «борьбы против национального правительства, против фашизма и империалистической войны», поставила вопрос о приеме компартии в лейбористскую партию. Однако исполком лейбористской партии отверг предложение коммунистов. Массы, отдававшие себе отчет в величайшей опасности, нависшей над человечеством, по-иному отнеслись к делу единства. Такие коллективные члены лейбористской партии, как Федерация углекопов

Великобритании, союз паровозных машинистов и другие тред-юнионы, а также Социалистическая лига и множество местных отделений партии, высказались за прием КПВ.

Массовое движение в защиту испанского народа шло вопреки политике лейбористского руководства. КПВ стала инициатором создания комитетов помощи Испании, в которых наряду с коммунистами работали рядовые члены тред-юнионов, лейбористы, а также немало представителей интеллигенции и прогрессивно настроенных кругов буржуазии. В интернациональные бригады направилось 1500 англичан, половина из них - коммунисты.

Многогранная антифашистская и антивоенная деятельность компартии поднимала ее авторитет в массах, помогала преодолевать антикоммунистические предрассудки. За предвоенные годы состав партии утроился, в 1939 г. в ее рядах было 18 тыс. человек. В комитетах помощи Испании складывалось подлинное единство действий. Совместно с НРП и Социалистической лигой КПВ начала в январе 1937 г. кампанию единства. Был издан совместный Манифест единства, содержащий развернутый перечень требований: 40-часовая рабочая неделя, оплачиваемые отпуска, повышение зарплаты и пенсий и т. д.; главное внимание было уделено борьбе с фашизмом и военной опасностью, для достижения этих целей необходимо свалить консервативное правительство и добиться «создания лейбористского правительства в качестве шага на пути к власти рабочего класса». Под этими лозунгами было проведено множество митингов, на которых с одной трибуны выступали коммунисты Гарри Поллит, Палм Датт, Уильям Галлахер (избранный в 1935 г. в парламент), лидеры НРП Джеймс Мэкстон и Феннер Брокуэй, представители Социалистической лиги Стаффорд Криппс, Гарольд Ласки и др.

Полевение масс и борьба за единство создали новый мощный стимул для развития демократической культуры. Сама жизнь властно врывается и в обывательский мирок мелких буржуа и омещанившейся части рабочих, и в эстетскую «башню из слоновой кости», которую воздвигали для себя некоторые интеллигенты из «потерянного поколения». Бомбы, падавшие на города Испании, не могли сбросить со счетов даже те, кто склонен был закрывать глаза на надвигающуюся катастрофу. Речь шла о спасении жизни детей, о национальном достоинстве, о праве на свободную мысль. Мучительные вопросы вставали перед миллионами людей. В газетах их теперь интересовала уже не судебная и светская хроника, не футбол и скачки, а телеграммы из Мадрида, заявления государственных деятелей, речи, произнесенные на митингах единства. Щекочущие нервы детективные романы утратили привлекательность - нервы и без них были напряжены до предела. Нужны были книги, способные помочь разобраться в событиях, выработать свою точку зрения на быстро меняющийся мир.

Этим и объясняется феноменальный успех Клуба левой книги, основанного в мае 1936 г. Члены Клуба ежемесячно получали по одной книге (в дешевом издании стоимостью 2 шил. 6 пенсов), а также «Бюллетень левой книги». В конце 1937 г. Клуб насчитывал уже 50 тыс. членов, проживавших не

только в больших городах, но и в самых глухих уголках страны, а нередко и в доминионах и колониях. Тематика книг была весьма разнообразна: народный фронт во Франции, положение в фашистской Италии, развитие капитализма от его формирования до 30-х годов XIX в., перспективы лейбористской партии, Парижская Коммуна, история Октябрьской революции, «руководство к марксизму», учебник марксистской философии... Среди авторов были и коммунисты (Э. Бэрнс, Д. Голлан и др.), и антифашисты, придерживавшиеся иных взглядов.

Очень скоро Клуб из издательского предприятия превратился в широко разветвленную культурную организацию. На местах члены Клуба организовали свыше 700 кружков. Здесь обсуждались книги последнего месяца, статьи «Бюллетеня левой книги» (где, кстати, систематически печатались обзоры «СССР месяц за месяцем»). Некоторые кружки стали центрами антифашистской агитации на местах.

В Клубе левой книги были созданы секции театра, кино, музыки, привлекавшие талантливых самодеятельных исполнителей. В контакте с Клубом работало, например, Британское рабочее хоровое общество, основателем и президентом которого был известный композитор Аллан Буш (р. 1900). Преодолев некоторые модернистские увлечения, которых он не избежал в 20-е годы, Буш стал убежденным сторонником реалистического музыкального искусства. Этому в немалой степени способствовали его коммунистические убеждения: Буш вступил в ряды КПВ. Он много писал для рабочих самодеятельных хоров и выступал в качестве музыкального критика, теоретика и пропагандиста достижений советской музыкальной культуры.

Театральная секция Клуба левой книги была создана для руководства многочисленными любительскими коллективами рабочего театра. В то же время она играла роль связующего звена с клубом «Юнити-тиэтр».

Рабочие и прогрессивно настроенные интеллигенты, продолжая традиции рабочего театрального движения начала 30-х годов, решили создать театр профессионального типа, но принципиально отличающийся от увеселительных театров Вест-Энда. Свыше 2 тыс. человек вступили в клуб, чтобы поддерживать новый, подлинно народный театр. Спектакли «Юнити» захватывали зрителей.

«Юнити» внес в английскую театральную жизнь нечто качественно новое, не отрываясь, однако, от лучших традиций национального искусства. Новым было сознательное служение театрального коллектива делу освобождения трудящихся. Даже те театральные деятели, мировоззрение которых не выходило за рамки абстрактного гуманизма, испытали в той или иной степени влияние демократического подъема. Рядом с Гамлетом Гилгуда в «Олд Вик» появился Гамлет Лоренса Оливье (р. 1907) -едва ли не наиболее известного английского актера современности. Дебютировав еще в 1922 г., Оливье добился впервые крупного успеха именно в этой роли, сыгранной в 1937 г. Его Гамлет - не рефлектирующий бесхребетный интеллигент, полный сомнений и не склонный к действию (как он обычно трактовался актерами-декадентами), наоборот, - это мужественный и цельный человек, человек действия. Цельность

и действенность - вот что в высшей степени соответствовало идеалам лучшей части английского общества в те годы.

В этом театре партнершей Оливье была молодая, лишь недавно дебютировавшая актриса Вивьен Ли (1913-1967); по уверению некоторых критиков, благодаря ее исполнению акценты в театре сместились и трагедия Гамлета и Офелии стала трагедией Офелии и Гамлета. Вивьен Ли вскоре заняла прочное место в английском театре и в киноискусстве. Созданные ею образы нравственно чистых, любящих женщин пронизаны гуманистическим оптимизмом, верой в добрые начала, господствующие в человеке,-- тем самым они противостоят декадентскому презрению к человеку.

Общественный подъем 30-х годов сказался и на судьбах английского кино. Наряду с бесчисленными фильмами-однодневками (по количеству производимых фильмов Англия в 1937 г. занимала второе место в мире) появилось несколько значительных фильмов. Венгерский эмигрант А. Корда, не ставя перед собой высоких идейно-художественных целей, основал в Англии студию «Лондон-филмз» и попытался бороться с Голливудом, создавая «голливудские» постановочные фильмы. Они действительно означали шаг вперед для английского кино, но лишь в техническом отношении. Первый фильм, поставленный А. Корда в Англии, - «Частная жизнь Генриха VIII» имел огромный коммерческий успех благодаря пышности постановки; но история безжалостно извращалась в нем, становясь лишь фоном для весьма произвольного изображения интимной жизни короля. Все же одно обстоятельство придало фильму и чисто художественную ценность - блестящее исполнение главной роли замечательным актером Чарлзом Лоутоном.

Актер-гуманист, сыгравший к тому времени немало ролей из классического репертуара (главным образом русского - он играл Осипа в «Ревизоре», Епиходова в «Вишневом саде», Соленого в «Трех сестрах»), Лоутон видел в своем герое не монарха, а просто человека эпохи Возрождения, любящего жизнь в ее самых непосредственных, «земных» радостях.

Серьезный след в истории английского кино оставил режиссер Антони Асквит, сын бывшего лидера либеральной партии и премьер-министра. Асквит стремился к проблемному реалистическому искусству. В 1938 г., будучи уже зрелым мастером, он выпустил фильм «Пигмалион» по известной пьесе Бернарда Шоу, получивший высокую оценку великого драматурга.

К экранизации добротного литературного материала обратился в конце 30-х годов и режиссер Кэрол Рид. Он поставил фильм по талантливому и - с точки зрения глубины социального анализа - наиболее сильному роману Арчибальда Кронина «Звезды смотрят вниз» (1935). В основе романа (и фильма) - острый социальный конфликт, прямое столкновение углекопов с предпринимателями.

Исторический оптимизм, уверенность в конечной победе рабочего класса были свойственны социальным романам, вышедшим из-под пера тех писателей, которые идейно (а некоторые и организационно) пришли к коммунизму, - Льюиса Гиббона, Джона Саммерфилда и др. На страницах их романов впервые в английской литературе появились образы коммунистов.

Усиление прогрессивных тенденций в английской культуре, существенный

сдвиг влево в настроениях творческой интеллигенции был очевиден для многих современников. Этот процесс попытался проанализировать прогрессивный писатель и общественный деятель Джэк Линдсей (р. 1900). В конце 20-х годов он выступил со статьями, направленными против модернистского искусства.

Участвуя в антифашистской борьбе, Линдсей написал в эти годы стихи, рассчитанные на массовую декламацию. Театр «Юнити» включил в свой репертуар две его поэмы - «На страже Испании» и «Кто такие англичане». Выпущенный в 1938 г. новый исторический роман «1649. История одного года» посвящен эпохе английской буржуазной революции. Четкое понимание расстановки классовых сил, сосредоточение внимания на революционном народе, удачные образы левеллеров и диггеров определили успех этого романа. Вместе с английскими историками-марксистами Линдсей этим произведением включился в борьбу за возрождение прогрессивных традиций английского народа.

Несмотря на то, что роспуск Социалистической лиги ослабил кампанию единства, борьба КПВ за единый и народный фронт привлекла к антифашистскому движению все новые и новые силы. Не только в массах рабочего класса, но и в буржуазной среде росло возмущение политикой умиротворения агрессоров. В то время английская и мировая общественность не знала еще, как далеко зашло правительство Чемберлена по пути сговора с гитлеровской Германией. Только из документов, опубликованных после войны, стало известно, например, что уже в ноябре 1937 г. Англия предоставила Гитлеру свободу рук в Восточной Европе, выразив согласие на захват Германией Австрии и Чехословакии и удовлетворение германских претензий в Польше. Это было сделано во время визита лорда Галифакса - правой руки Чемберлена - в Берлин. Галифакс заявил Гитлеру от имени своего правительства, что «Германия по праву может считаться бастионом Запада против большевизма», и выразил убеждение в необходимости «изменений европейского порядка».

Тот факт, что для столь ответственных переговоров был направлен не министр иностранных дел Идеи, а член правительства, не имевший прямого отношения к внешнеполитическим вопросам, отражал обострение борьбы внутри правящего лагеря. Чемберлен все больше отстранял Идена от дел, действовал через его голову. Разногласия обострились настолько, что Иден в феврале 1938 г. демонстративно подал в отставку. Чемберлена это вполне устраивало. Хотя Иден отнюдь не вел последовательной борьбы против политики умиротворения, все же Чемберлену удобнее было проводить этот курс, имея на посту министра иностранных дел Галифакса. Это произошло в чрезвычайно напряженный период европейской политики, когда Гитлер готовился захватить Австрию. В начале марта английский посол в Берлине еще раз заверил Гитлера и только что назначенного министра иностранных дел Риббентропа в том, что Англия ничего не имеет против захвата Австрии. Когда спустя несколько дней Риббентроп прибыл в Лондон, он получил дополнительные гарантии непосредственно от Чемберлена. 12 марта германские войска вступили в Австрию. Уже на следующий день Риббентроп

говорил по телефону Герингу: «Мои впечатления от обоих - Галифакса и Чемберлена - превосходны».

Но «впечатления» передовой английской общественности были совсем иного характера. Международный разбой, которому покровительствовали Чемберлен и Галифакс, ставил под угрозу безопасность Англии и мир в Европе. Тщательно скрывая от народа свою прямую ответственность за поглощение Австрии гитлеровской Германией, Чемберлен лицемерно «осудил» действия Германии. Английская общественность отдавала себе отчет в том, что фашистскую агрессию можно остановить только теми средствами, которые были изложены в советской Ноте протеста и в заявлении наркома иностранных дел М. М. Литвинова, - созданием системы коллективной безопасности. Но правительство Чемберлена - Галифакса не желало даже рассматривать советские предложения.

В таких условиях добиться изменения английской политики можно было лишь свергнув правительство Чемберлена. 19 марта 1938 г. КПВ обратилась к рабочему классу с призывом массовыми действиями добиться отставки правительства. Для этого, подчеркивалось в обращении, необходимо «единство рабочего класса, демократии и сил, борющихся за мир». Это был призыв к созданию Народного фронта. С аналогичным предложением выступила одна из самых массовых организаций - Кооперативная партия. Идею альянса мира поддержали некоторые крупные профсоюзы, 120 местных организаций лейбористской партии, пацифистские общества и другие левые силы. В агитацию включились также кружки Клуба левой книги. Четыре члена исполкома лейбористской партии во главе с Криппсом выступили за Народный фронт и потребовали, чтобы партия повела борьбу за свержение правительства, не дожидаясь новых выборов. Если бы лейбористские лидеры приняли это предложение, история Англии могла бы пойти по иному пути.

Только благодаря фактической поддержке со стороны лейбористского руководства Чемберлен и Галифакс могли продолжать губительную политику натравливания Германии на СССР. Видя, что Германия быстро усиливается, сторонники «умиротворения» усматривали теперь в советско-германской войне путь как к разгрому социалистического государства, так и к истощению сил самой Германии в этой войне.

В течение весны и лета 1938 г. международная обстановка продолжала обостряться. Очередной жертвой германской агрессии была Чехословакия. Чехословацкий народ и правительство намеревались оказать решительное сопротивление агрессору, опираясь на пакты о взаимной помощи с Советским Союзом и Францией. Нападение Германии на Чехословакию могло положить начало европейской войне, в которой Германию ожидало бы неминуемое и быстрое поражение. Поэтому Гитлер согласился на предложение Лондона о посредничестве, которое, как было всем ясно, будет лишь формой давления на Чехословакию.

Подготовка очередной капитуляции перед Гитлером вызвала такую волну протестов, что даже исполком лейбористской партии и Генсовет Конгресса тред-юнионов вынуждены были официально заявить о несогласии с политикой

правительства. Эттли выразил резкий протест против планов расчленения Чехословакии. Но эти справедливые декларации остались пустыми фразами - они не были подкреплены решительными действиями.

Давно подготавливавшееся предательство свершилось на совещании глав правительств Германии, Италии, Англии и Франции в Мюнхене 28-30 сентября 1938 г. Хотя Советское правительство заявило о готовности выполнить свои обязательства и прийти на помощь жертве агрессии, буржуазное правительство Чехословакии предпочло подчиниться мюнхенскому диктату.

Большинство консервативной прессы и консервативных членов парламента одобрили мюнхенский сговор. Против него проголосовали лейбористы, вынужденные учитывать реакцию рабочего класса на капитуляцию перед фашизмом. Небольшая либеральная фракция также предпочла голосовать против, чтобы не разделять с консерваторами исторической ответственности. Группа консерваторов во главе с Черчиллем воздержались от голосования. Все это, однако, не могло спасти положения; и либералы, и Эттли, и Черчилль лишь спасали свой престиж, прекрасно понимая, что у Чемберлена есть прочное большинство.

Прошло всего 11 месяцев, и тот же Чемберлен, который декларировал «вечный мир», вынужден был объявить войну Германии. Это был период крайне напряженный как в международных отношениях, так и во внутривнутриполитической жизни Англии. Коммунистическая партия продолжала свои усилия по созданию широкого фронта демократических сил. Лейбористские группы поддерживали агитацию в этом направлении. Развернутый меморандум в пользу Народного фронта опубликовал Криппс, действуя вопреки указаниям исполкома. За это он был исключен из партии, а вслед за ним Э. Бевин и другие видные левые лейбористы. Сами же лидеры партии, формально осудив мюнхенское предательство, строили расчеты исключительно на парламентских комбинациях. В частности, одно время вынашивались планы союза с группой Черчилля - Идена и раскола в консервативной партии. Хотя лично Черчилль склонен был пойти на этот маневр, переговоры закончились ничем. Таким образом, политика лейбористских лидеров и после Мюнхена обеспечивала Чемберлену возможность придерживаться того же «мюнхенского» курса.

Даже в марте 1939 г., когда Германия, в нарушение Мюнхенского соглашения, заняла Чехословакию, Чемберлен попытался отстаивать принципы Мюнхена. Однако полностью удержаться на этой позиции, ничего не предпринимая для защиты интересов и престижа Англии, было уже невозможно. Все больше оснований было полагать, что Гитлер предпочтет начать большую войну не нападением на СССР, а агрессией против Франции и Англии.

В таких условиях правительство Чемберлена, сохраняя в качестве главного направления своей политики все тот же план провоцирования советско-германской войны, все же решило принять некоторые меры для укрепления военной мощи Англии и ее резко пошатнувшегося международного влияния. В течение 30-х годов вопрос об оснащении английских вооруженных сил

современным оружием (или, как тогда говорили, о перевооружении) неоднократно рассматривался правительством и парламентом. Первые шаги в этом направлении были сделаны в 1934-1935 гг., когда были отпущены ассигнования на строительство новых самолетов. Программа перевооружения осуществлялась крайне медленно, поскольку правящие круги не рассчитывали использовать оружие в войне с фашизмом; оно нужно было лишь для того, чтобы облегчить сговор с агрессорами. Резко увеличились расходы на вооружение в 1938 г.; весной 1939 г. последовало удвоение ассигнований; в апреле была введена всеобщая воинская повинность; никогда еще в истории Англии такой закон не принимался в мирное время.

В сфере дипломатии также были предприняты маневры. Поскольку следующими объектами фашистской агрессии были намечены Польша, Румыния и Греция, правительство Чемберлена предоставило этим странам английские гарантии, т. е. объявило, что придет им на помощь в случае агрессии. Этот жест не произвел сильного впечатления ни на Гитлера и Муссолини, ни на те страны, над которыми нависла угроза вторжения. В самом деле, после Мюнхена и особенно после захвата Гитлером всей Чехословакии доверие к английским гарантиям было сильно поколеблено. Кроме того, было ясно, что реальную помощь Польше Англия могла бы оказать лишь в союзе с СССР. Желание придать большую весомость политике гарантий было одной из причин решения Чемберлена вступить в переговоры с Советским Союзом. Вторая причина заключалась в том, что английское общественное мнение широким фронтом - от рабочих организаций до Черчилля и Ллойд-Джорджа - требовало коллективной безопасности на базе союза с СССР. Выборочный опрос общественного мнения показал, что это требование поддерживало 92 % опрошенных.

Уже 18 марта английская дипломатия провела первый зондаж в Москве, явно намереваясь связать Советский Союз обязательством о помощи западным соседям, в то же время не связывая себя никакими обязательствами. Иначе говоря, Чемберлен рассчитывал втянуть СССР в войну с Германией один на один, в крайне неблагоприятных условиях. Но советская дипломатия, стоя на страже мира, отвергла одностороннее английское предложение и в свою очередь выдвинула четкую и ясную программу борьбы с агрессором. СССР предлагал заключить военный союз с Англией и Францией; договаривающиеся стороны должны были прийти на помощь друг другу в случае агрессии, а также оказать помощь любому государству, находящемуся у советской границы от Черного до Балтийского моря. Переговоры на базе советских предложений могли бы привести к созданию прочного барьера фашистской агрессии, а в случае войны - к быстрому разгрому противника. Но Англия (и под ее решающим влиянием - Франция) не пожелала такого соглашения. Ведя переговоры лишь для успокоения общественного мнения, всячески затягивая их, поручая их второстепенным чиновникам и генералам, правительство Чемберлена руководствовалось не трезвым политическим расчетом, а классовой ненавистью к социалистическому государству.

На всем протяжении показательных переговоров в Москве (апрель - август 1939

г.) английское правительство использовало различные официальные и неофициальные каналы для ведения переговоров (на этот раз - с самыми серьезными намерениями) с Гитлером. Англия предлагала Германии раздел сфер влияния, в том числе за счет Советского Союза.

Советская дипломатия проявила самую высокую выдержку и терпение, добиваясь успеха переговоров. Но когда все возможности были исчерпаны, когда не оставалось уже ни малейшего шанса на заключение договора с Англией и Францией, Советский Союз одним смелым ударом разрубил узел, который в течение многих лет пыталась стянуть па горле социалистического государства империалистическая дипломатия. Советское правительство приняло предложение Германии заключить пакт о ненападении, и 23 августа в Москве этот документ был подписан. Тем самым была устранена величайшая опасность войны с блоком фашистских стран, за спиной которых неминуемо оказались бы западные державы во главе с США и Англией.

Поражение дипломатии Чемберлена было столь сокрушительным, что стало началом конца его политической карьеры. Чемберлен и Галифакс планировали спровоцировать войну между Советским Союзом и Германией при нейтралитете Англии. События же обернулись таким образом, что Советский Союз получил возможность еще почти два года готовиться к защите своих рубежей, в то время как Англия и Франция оказались в состоянии войны с Германией уже в сентябре 1939 г. Начался новый период истории - период второй мировой войны.

Глава 8

АНГЛИЯ НА ВТОРОМ ЭТАПЕ ОБЩЕГО КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА

Англия в годы второй мировой войны

Вторая мировая война была для Англии, как и для большинства стран мира, великим историческим испытанием. В смертельной схватке с фашизмом испытывалось все - позиции классов и партий, жизнеспособность идеологий и политических доктрин, экономические структуры, сами социальные системы.

Война 1939-1945 гг. проходила в неизмеримо более сложной обстановке, чем первая мировая война. Субъективно правящие круги Англии стремились в этой войне лишь к победе над опасным конкурентом, к расширению своих мировых позиций. Но все же это была война против фашистских государств, против самой чудовищной реакции, которую когда-либо породил капитализм. Противоречие между освободительными целями и чисто империалистическими замыслами правящих кругов Англии, которое объективно породилось самим фактом войны с фашизмом, сказывалось на всем протяжении войны.

В течение первого года военных действий явно преобладали реакционные маневры правящей верхушки, а с лета 1941 г., когда начал складываться боевой союз между СССР, Англией и США, война со стороны Англии окончательно приобрела антифашистский освободительный характер.

Когда гитлеровские войска вторглись в Польшу (1 сентября 1939 г.),

Чемберлен все еще не решался объявить войну, несмотря на данные в марте гарантии и на пакт о взаимной помощи, заключенный с Польшей 24 августа 1939 г. Народные массы были так возмущены бездействием правительства, что даже руководство лейбористской партии решительно потребовало немедленного объявления войны. В результате нажима вне палаты и внутри ее Чемберлен 3 сентября объявил войну. Вслед за тем войну объявили доминионы - Австралия, Новая Зеландия, Канада и Южно-Африканский Союз. Чемберлену удалось «умиротворить» оппозицию в рядах собственной партии, предоставив портфель морского министра У. Черчиллю, а министра по делам доминионов - А. Идену.

Мюнхенцы, располагавшие в правительстве огромным большинством, и после объявления войны Германии по-прежнему мечтали о фактическом союзе с ней против СССР. В жертву этим планам была принесена Польша, которой Англия никакой реальной помощи не оказала. Началась «странная война»: Англия и Франция не предпринимали почти никаких операций ни на суше, ни в воздухе; только на море произошло несколько сражений, не отразившихся на соотношении сил: подготовка к будущим боям с Германией шла крайне медленно. Кое-какие военные меры все-таки принимались - как для перестраховки, так и для успокоения общественного мнения. Не спеша военные руководители проводили мобилизацию и перебрасывали экспедиционные войска во Францию; увеличивалось производство вооружений; расширялись закупки оружия в США, где был пересмотрен «закон о нейтралитете», началась эвакуация женщин и детей из больших городов. Но по сравнению с бешеным темпом подготовки германских армий к операциям на Западе все эти меры были весьма незначительны.

Вскоре наступило возмездие. 9 апреля 1940 г. германские войска оккупировали Данию и начали оккупацию Норвегии. Это поражение было плодом не только мюнхенской политики в довоенное время, но и политики Чемберлена в период «странной войны». А ведь война уже утратила свой «странный» характер. Оставлять власть в руках людей, абсолютно провалившихся и в дни мира, и в дни войны, уже было невозможно.

Настроения в стране нашли отклик и в парламенте. 7-8 мая 1940 г. произошел давно назревавший взрыв. Лейбористы, либералы и даже часть консерваторов обрушились на правительство, требуя его отставки. Л. Эмери, обращаясь к Чемберлену, повторил слова, которые некогда произнес Кромвель: «Во имя бога, уходите!» Ллойд-Джордж заявил, что лучшим вкладом премьер-министра в дело победы было бы, «если бы он пожертвовал тем постом, который занимает сейчас».

10 мая Чемберлен подал в отставку. Тактика лейбористов, однако, привела к тому, что власть фактически осталась в руках консерваторов, хотя новый кабинет был коалиционным. Во главе правительства стал Уинстон Черчилль. Клемент Эттли занял пост его заместителя. В новом кабинете осталось немало мюнхенцев, в том числе сам Чемберлен и Галифакс. Но соотношение сил между ними и сторонниками решительного сопротивления агрессору теперь изменилось в сторону последних.

В то самое время, когда Черчилль подбирал министров для своего правительства, гитлеровские войска начали гигантское наступление на Западном фронте. Вторгшись в нейтральные Бельгию, Голландию и Люксембург, германская армия рвалась к побережью и к границам Франции. Голландская армия капитулировала уже 14 мая. В тот же день немцы прорвали фронт у Седана и за пять дней, пройдя через весь север Франции, вышли к Атлантическому океану. Тем самым они отрезали французские войска, которые вели бои в Бельгии, от Центральной и Южной Франции. Над Бельгией и над самой Францией нависла угроза поражения.

Английское командование, нарушая разработанный объединенным штабом союзников план окружения прорвавшейся к морю немецкой группировки, внезапно приказало своим войскам отступить к портам для эвакуации в Англию. Не только французскими патриотами, но и некоторыми английскими офицерами и солдатами это решение было воспринято как предательство. Тем не менее операция по выводу английских и некоторых французских соединений на Британские острова сопровождалась давно невиданным патриотическим подъемом в Англии. Массы не разбирались в тонкостях стратегии; они знали, что по ту сторону Ла-Манша, в районе Дюнкерка, могут погибнуть или попасть в плен сотни тысяч «наших парней», и бросились на помощь. В операции использовались самые разнообразные плавучие средства - от крупных судов торгового флота до прогулочных яхт и рыбацких шхун. Героизм простых людей, проявленный в дни эвакуации (26 мая - 4 июня 1940 г.), не подлежит сомнению, но это не дает оснований трактовать поражение английского экспедиционного корпуса как победу, а именно такую легенду о Дюнкерке создают многие английские мемуаристы и историки.

Начавшееся 5 июня новое мощное наступление германских армий завершилось капитуляцией Франции. Англия лишилась союзника, приобретя за это время еще одного противника: 10 июня в войну вступила фашистская Италия. За все время второй мировой войны Англия не переживала более напряженного и опасного периода, чем лето и начало осени 1940 г. В непосредственной близости от Британских островов появились германские морские базы и аэродромы.

Дюнкерк положил начало новому этапу антифашистского подъема. Необходимость отпора агрессору английский рабочий класс понимал и до войны, и на ее ранней стадии, когда правительство Чемберлена еще искало пути примирения с Гитлером. Выдвинутый КПВ лозунг - «Мюнхенцы должны уйти!» - был подхвачен массовыми организациями рабочего класса. Хотя тяготы войны обрушились именно на рабочий класс (12-часовой рабочий день при 7-дневной рабочей неделе, падение реальной зарплаты и пр.), он и не помышлял о «мире без победы». Благодаря трудовому энтузиазму рабочих быстро росло военное производство: уже к июлю 1940 г. оно более чем удвоилось по сравнению с сентябрем 1939 г.

В порядке подготовки к вторжению, а также для психологического давления Гитлер приказал усилить бомбардировки английских городов. Массированные налеты германской авиации начались в августе 1940 г. и

принесли огромный ущерб Лондону, Бирмингему, Ливерпулю, Глазго. 15 ноября 500 германских бомбардировщиков разрушили значительную часть небольшого города Ковентри. Несмотря на мужественное сопротивление английской истребительной авиации, превосходство в воздухе на этом этапе войны было явно на стороне Германии. Но психологический эффект воздушной «битвы за Англию» был прямо противоположен тому, на что рассчитывали в Берлине. Ненависть к фашистам, убивавшим женщин и детей, лишь усиливала волю английского народа к сопротивлению.

Нависшая над свободой и самим существованием нации опасность, естественно, вызывала высокий накал гражданских чувств, драматизм исторических битв порождал жажду подлинного искусства. Ведущие актеры английской сцены - Джон Гилгуд, Лоренс Оливье, Сибилла Торндайк и другие - нашли дорогу к такому зрителю, с которым им раньше не приходилось встречаться. По собственной инициативе и по заданию созданного в начале 1940 г. «Совета искусств Великобритании» они с небольшими, но художественно полноценными труппами разъезжали по промышленным городам и шахтерским поселкам, где никогда не видели настоящего театра. И вот перед людьми, духовные запросы которых еще недавно пытались удовлетворить низкопробными эстрадными ревью, выступила Сибилла Торндайк в ролях Медеи и леди Макбет...

Особенно активен был театр «Юнити», который не прекращал работы даже в дни самых жестоких бомбардировок. В 1941 г. театр поставил новую пьесу Шона О'Кейси «Звезда становится красной» - пьесу, по определению автора, «о завтрашнем или послезавтрашнем дне». Тема пьесы - будущее восстание рабочего класса, прямое столкновение коммунистов с фашистами. Созвучное всему духу театра «Юнити» произведение первоклассного драматурга позволило создать спектакль, ставший событием в театральной жизни столицы.

В целом, однако, английская драматургия, как и проза периода войны, не удовлетворяла потребностей зрителей и читателей в произведениях, насыщенных пафосом антифашистской борьбы, ставящих острейшие социальные и этические проблемы современности. Тем более велик был интерес к советской литературе. Произведения М. Шолохова, А. Толстого, И. Эренбурга, К. Симонова широко переводились и печатались в Англии на втором этапе войны, когда сложилась антигитлеровская коалиция. «Юнити» поставил пьесу К. Симонова «Русские люди», а в других театрах участвовали постановки пьес из русского классического репертуара.

Реакция не прочь была придать патриотическому подъему националистический характер. Обращаясь к истории, буржуазные идеологи выдвигали на первый план такие события, в которых проявлялись чисто военные традиции. Пусть народ сравнивает борьбу с Гитлером и борьбу с Наполеоном - при всей бессмысленности этой аналогии между ситуациями начала XIX в. и 40-х годов XX в. было некоторое внешнее сходство! Идущая война рассматривалась как очередная схватка с претендентом на европейскую гегемонию, а не как борьба с фашистской реакцией. В сущности, именно так и

смотрели на войну в верхах буржуазии.

Это понял прославленный еще в 30-х годах кинорежиссер и продюсер А. Корда. Обосновавшись в Голливуде, он задумал поставить фильм об адмирале Нельсоне - национальном герое, победителе в Трафальгарском сражении. Впрочем, это был весьма своеобразный Нельсон - рыцарь без страха и упрека, очень мало похожий на исторического Нельсона. Еще менее соответствовал исторической правде образ Эммы Гамильтон - международной разведчицы и интриганки, превращенной сценаристом в любящую и добродетельную женщину, преданную Нельсону, а еще больше - родине. Так возник псевдоисторический боевик Корды «Леди Гамильтон», имевший колоссальный успех. В то время зрителя привлекала неглубокая переключка с современными событиями. Сыграла роль, разумеется, и сентиментальная любовная линия, выдвинутая на первый план. Но главное достоинство этого неглубокого фильма определялось именами исполнителей главных ролей - Лоренса Оливье и Вивьен Ли.

Полевение масс, выразившееся в нарастании антифашистских требований, в борьбе против пережитков мюнхенской политики, в росте влияния коммунистов, вызывало в правящих кругах Англии немалое беспокойство. Чрезвычайное законодательство, проведенное правительством Черчилля, было использовано не только для организации отпора Германии, но и для наступления на рабочий класс, ограничения его прав. Лейбористский министр Эрнст Бевин издал предписание 1305, фактически сводившее к нулю право на стачку. В профсоюзах продолжались гонения на коммунистов.

Вопреки этим мерам борьба английского народа против внутренней реакции продолжалась. По инициативе левых профсоюзных и лейбористских деятелей, а также видных представителей левой интеллигенции, в том числе коммунистов, 12 января 1941 г. в Лондоне собрался Народный конвент. Делегаты конвента представляли 1200 тыс. трудящихся. Главным лозунгом было «создание народного правительства, действительно представляющего рабочий класс». Конвент требовал проведения последовательной демократической политики внутри страны и в колониях, а также установления дружественных отношений с Советским Союзом. Правительство ответило на эти решения новыми репрессиями. 21 января 1941 г. по приказу министра внутренних дел Герберта Моррисона была закрыта газета «Дейли Уоркер».

В самые тяжелые дни, сразу после Дюнкерка, Черчилль заявил в парламенте, что Англия будет продолжать борьбу «до тех пор, пока в положенное провидением время Новый Свет, со всей своей силой и мощью, не выступит ради спасения и освобождения Старого». Действительно, в сентябре 1940 г. было заключено специальное соглашение, по которому США передавали Англии 50 старых эсминцев, необходимых для конвоирования военных и продовольственных грузов. Взамен Англия предоставила США право создавать морские и воздушные базы на ряде принадлежавших Англии островов: американские империалисты, используя ситуацию, укрепляли свои позиции за счет Англии. И марта 1941 г. сторонникам Рузвельта удалось провести в конгрессе США закон, по которому американские поставки

предоставлялись Англии в аренду, или займы (ленд-лиз).

Широко используя ресурсы доминионов и колоний, Англия добилась создания значительных вооруженных сил, которые вели операции в Африке и в других районах. Кампания в Африке (против Италии) шла с переменным успехом, но к весне 1941 г. англичанам удалось не только выбить итальянцев из своих колоний, но и захватить ряд итальянских колоний и вытеснить итальянцев из Эфиопии. Только в Северной Африке, куда Гитлер бросил в помощь итальянцам армию генерала Роммеля, английские войска отступили, северо-западная часть Египта была занята противником.

Но как бы значительны не были колониальные проблемы с точки зрения империалистических интересов Англии и ее противников, африканские фронты, как и фронт на Ближнем Востоке, имели второстепенное значение. В Европе же Германия продолжала усиливаться. Завершая подготовку к нападению на СССР, Гитлер подчинил себе Румынию, Болгарию, Югославию, Грецию. Теперь его план заключался в том, чтобы добиться мира на Западе и избежать войны на два фронта. С этой целью в Англию был направлен заместитель Гитлера по руководству нацистской партией Р. Гесс. Состоя в переписке с видными мюнхенцами, он исподволь подготовил свой тайный визит к самой реакционной группе английских политиков, надеясь, что они помогут убедить правительство в той или иной форме включиться в антисоветский поход. Нельзя забывать, что у власти находился тот самый парламент, который проголосовал за Мюнхен. Но наглые предложения Гесса, требовавшего мира на базе свободы рук для Германии в Европе (взамен на свободу рук Англии... в Британской империи), были отвергнуты. Английский народ после Дюнкерка и «битвы за Англию» никому не позволил бы пойти на эту позорную сделку, да и само правительство хорошо понимало, что в случае поражения СССР Англия не выстоит перед еще более усилившимся фашистским блоком.

Нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. положило начало новому этапу второй мировой войны. С этого дня вплоть до окончательного поражения Германии центр мировой истории находился на советско-германском фронте; именно там решался исход войны и определялись судьбы человечества.

С начала Отечественной войны положение Англии круто изменилось. Огромная гитлеровская военная машина двигалась на Восток, встречая героическое сопротивление, и непосредственная опасность вторжения германских армий на Британские острова уже не висела над Англией. Резко сократились и воздушные налеты. Но главное - Англия была теперь не одинока в войне против Германии; у нее появился союзник, принявший на себя главную тяжесть борьбы с общим врагом. Оставаясь непримиримым врагом социализма, Черчилль счел выгодным избрать путь сотрудничества с Советским Союзом.

Уже 22 июня 1941 г. Черчилль сделал заявление о готовности оказать «России и русскому народу, всю ту помощь, на которую мы способны». Иначе говоря, английское правительство пошло на союз с СССР, который и был оформлен соглашением, подписанным в Москве 12 июля 1941 г. Так было

положено начало антигитлеровской коалиции.

Английский рабочий класс шел на большие жертвы для увеличения выпуска военной продукции, в особенности в тех случаях, когда выполнялись советские заказы. Настроения масс влияли и на профсоюзную верхушку. Даже лидеры конгресса тред-юнионов вынуждены были пойти на установление тесных связей с советскими профсоюзами.

В широких кругах английского народа необычайно возрос интерес к жизни в Советском Союзе и тем социальным условиям, которые воспитали в советских людях массовый героизм, стойкость, самоотверженность. Вместе с тем усилился интерес к русской и советской культуре, к истории России. Нарасхват раскупались изданные в Англии книги русских и советских писателей. «Войну и мир» читали во всех слоях общества - от рабочего или клерка, урывавшего свободную минуту, до миссис Черчилль.

С первых же дней существования англо-советского союза Советское правительство поставило перед кабинетом Черчилля вопрос о создании второго фронта в Европе. Высадка крупного английского десанта во Франции, Бельгии, Голландии оттянула бы с советско-германского фронта несколько десятков дивизий. Это было бы действительно эффективной помощью Красной Армии в самый трудный период войны. Правящие круги Англии предпочитали под любым предлогом уклоняться от этой операции, перекадывая всю тяжесть войны на плечи советского народа.

Вопрос о втором фронте не только занял центральное место во взаимоотношениях между членами антигитлеровской коалиции, но стал и предметом острой внутривластной борьбы в АНГЛИИ. Коммунисты, левые лейбористы, часть либералов и даже некоторые консерваторы открыто выступили с требованием создания второго фронта в Европе. Однако правительство Черчилля, верное давней традиции - воевать чужими руками, в течение трех лет не выполняло важнейшего союзнического долга.

Более эффективным оказалось давление демократических сил по вопросу о снабжении Советского Союза вооружением. Англия, а вслед за ней США согласились предоставить оружие на основе ленд-лиза и обеспечивать конвоирование транспортных судов силами английского и американского флота. В сентябре - октябре 1941 г. в Москве состоялось совещание представителей трех держав, на котором были определены масштабы поставок самолетов, танков и другого вооружения, а также стратегического сырья. При этом английский и американский представители согласились удовлетворить требование советской стороны лишь на 50%, а по некоторым заявкам - даже на 10%. Впоследствии поставки возросли, но все же помощь вооружением была значительно ниже потребностей Красной Армии и возможностей промышленности Англии и, особенно, США.

Военная экономика была поставлена под государственный контроль, что привело к резкому скачку в развитии государственно-монополистического капитализма. Созданные для руководства различными отраслями экономики министерства - авиационной промышленности, топлива и энергетики, продовольствия, снабжения и т. д. - стали новыми связующими звеньями между

государством и монополиями. Государственный контроль над экономикой сыграл положительную роль в военных усилиях Англии, но в то же время он был использован монополистами, которые либо лично возглавили новые ведомства, либо направили туда своих служащих. Сковывая в известной мере произвол отдельных монополий, эта система обеспечивала интересы монополистического капитала в целом.

За годы войны английская промышленность выпустила 130 тыс. самолетов, 25 тыс. танков и множество других типов вооружения и снаряжения. Доминионы и Индия производили 10% всего вооружения, имевшегося в распоряжении имперских вооруженных сил. Еще большую роль играли доминионы и колонии в мобилизации людских ресурсов. Из 9,5 млн. человек, находившихся под командованием английских генералов и адмиралов в период войны, свыше 4 млн. входили в индийские, австралийские, канадские, новозеландские и южноафриканские дивизии.

Из приведенных данных видно, какими огромными возможностями обладала Англия в период войны и сколь незначительную часть их она использовала для помощи советскому союзнику. И все же сама логика совместной борьбы с противником, усилия советской внешней политики, давление со стороны английского народа приводили к укреплению антигитлеровской коалиции.

Новый этап в развитии англо-советского союза и всей антигитлеровской коалиции наступил в конце 1941 г. Победа советских вооруженных сил в Московской битве необычайно подняла международный престиж Советского Союза. На позиции Англии и США существенное влияние оказало также нападение на них империалистической Японии (7 декабря 1941 г.) и начало войны на Тихом океане. Теперь, когда появился новый фронт, заинтересованность Англии и США в союзе с СССР еще больше возросла.

Нападение Японии на США привело к дальнейшему оформлению англо-американского блока. Теперь, когда США стали воюющей державой, причем не только с Японией, но и с Германией и Италией, стало возможным конкретное согласование военно-стратегических планов. Вопрос этот рассматривался на Вашингтонской конференции, которая продолжалась около месяца - с 22 декабря 1941 г. по 14 января 1942 г. Англия и США договорились о создании Объединенного комитета начальников штабов обеих стран.

Советско-английские переговоры продолжались, и в мае 1942 г. Англия взяла на себя обязательство, которое было сформулировано в коммюнике следующим образом: «Достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.». Аналогичная формулировка имела и в коммюнике о советско-американских переговорах. Если заявление о втором фронте не приобрело практического значения, так как он не был открыт не только в 1942 г. но и в 1943 г., то действительно выдающееся значение имело заключение англо-советского «Договора о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны».

Однако сразу же после заключения договора и торжественного

обязательства об открытии второго фронта Черчилль стал подготавливать отказ от плана вторжения в Европу. Вместо высадки во Франции англо-американские штабы договорились о подготовке вторжения в Северную Африку. Речь шла об овладении Марокко, Алжиром, Тунисом, а в перспективе - всем бассейном Средиземного моря. Помимо того, что эта операция могла быть представлена общественности как «второй фронт», она устраивала Англию и потому, что укрепляла ее позиции на важнейших имперских коммуникациях.

Для того чтобы успокоить английское общественное мнение и создать впечатление, будто Советский Союз не возражает против стратегии западных держав, Черчилль в августе 1942 г. отправился в Москву. Он пытался доказать советским руководителям, что операция в Северной Африке будет иметь существенное значение для разгрома Гитлера. При этом от имени Англии и США было дано обещание открыть второй фронт в 1943 г. Более всего Черчилль хотел убедиться в том, что Советский Союз будет продолжать войну при любых обстоятельствах. Недаром в телеграмме, посланной из Москвы военному кабинету, он счел нужным подчеркнуть: «На протяжении всех переговоров не было ни одного, даже самого легкого намека на то, что они могут прекратить войну». А раз так, то, по логике Черчилля, можно было продолжать наращивать военную мощь и вести операции на важных для английского империализма, но третьестепенных для общего хода войны фронтах.

С весны 1941 г., когда итало-германские войска вторглись в Египет, в Африке не было сколько-нибудь значительных операций. В мае 1942 г. армия генерала Роммеля перешла в наступление и в июне вытеснила англичан из Ливии. 21 июня 1942 г. пал Тобрук - последний опорный пункт в Ливии, прикрывавший подступы к Египту. Преследуя быстро отступающих англичан, армия Роммеля вторглась в Египет и рвалась к Суэцкому каналу. Только на оборонительном рубеже к югу от Эль-Аламейна английским войскам удалось остановить противника - всего в 100 км от Каира. Под непосредственной угрозой оказался Суэцкий канал. Роммелю не удалось в эти дни развить успех и полностью изгнать англичан из Египта только потому, что на советско-германском фронте уже развернулась гигантская битва и Гитлер не мог подбросить в Африку даже тех сравнительно незначительных подкреплений, которые могли бы решить дело.

Получив передышку, английское командование усилило свои войска в Египте, полностью обеспечило их вооружением и снаряжением, а также реорганизовало управление. Все части были сведены в 8-ю армию под командованием генерала Монтгомери. Одновременно завершилась подготовка к высадке англо-американского десанта в Северо-Западной Африке. Начав 23 октября наступление в районе Эль-Аламейна, англичане уже 13 ноября вновь заняли Тобрук. В течение следующих месяцев, как раз в тот период, когда Красная Армия, окружив 300-тысячную армию Паулюса, вела наступательные бои, английские войска полностью оккупировали Ливию и подошли (февраль 1943) к границе Туниса.

Успешные операции в Северо-Восточной Африке сопровождались

активными действиями в Марокко и Алжире. 8 ноября шесть американских и одна английская дивизия высадились одновременно в портах Алжир, Оран и Касабланка и повели наступление на восток. Пытаясь удержать свои позиции в Африке, немцы срочно перебросили из Италии несколько дивизий в Тунис, и уже в декабре 1942 г. им удалось остановить наступление с Запада. Англо-американское командование располагало огромным превосходством сил, но оно предпочитало основательно подготовить решающий удар; это вновь дало возможность Гитлеру перебросить дивизии на советско-германский фронт. Лишь в марте - апреле 1943 г. развернулись крупные бои в Тунисе. 8-я английская армия - с востока, американские дивизии - с юга и запада прорвали оборону итало-германских войск, заняли в начале мая города Тунис и Бизерту, имевшие огромное стратегическое значение, и 13 мая приняли капитуляцию 250-тысячной армии противника.

Великая победа под Сталинградом, положившая начало коренному перелому в ходе войны, создавала великолепные предпосылки для нанесения решающих ударов по общему врагу. Летнее и осеннее наступления Красной Армии в 1943 г., а затем и выход к государственной границе окончательно закрепили перелом в войне и создали совершенно новую ситуацию. Победа в Сталинградской битве дала мощный толчок подъему движения Сопротивления в оккупированных странах, и это вызывало немалое беспокойство английской и мировой реакции. В ходе Сопротивления народы боролись не только против захватчиков. В массах зрело понимание того, что после войны не должно быть возврата к старым реакционным режимам, несущим ответственность за национальные катастрофы во Франции, в Польше, в Югославии и ряде других стран. Необычайно возрос авторитет коммунистических партий, которые выступали в ходе войны как самоотверженные борцы за общенациональные интересы народов своих стран.

Эта новая ситуация существенно повлияла на отношения внутри антигитлеровской коалиции, и в частности на политику английского правительства. Черчиллю и его советникам стало ясно, что советские вооруженные силы достаточно могущественны для того, чтобы добиться полной победы в войне и освободить Европу без всякого участия Англии и США. Кроме того, Запад был заинтересован в помощи Советского Союза для разгрома империалистической Японии.

На многочисленных совещаниях английских и американских государственных деятелей, дипломатов и генералов, проходивших в течение 1943 г., вопрос о втором фронте по-прежнему занимал центральное место. Лицемерно уверяя советскую сторону, что открытие второго фронта произойдет в 1943 г., Черчилль и его американские коллеги решили перенести эту операцию на 1944 г. В таких условиях состоялась Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Англии (октябрь 1943), а спустя месяц - Тегеранская конференция глав правительств - И. В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля. Здесь под влиянием твердой позиции СССР было принято согласованное решение о вторжении англо-американских войск во Францию в мае 1944 г.

Ведя подготовку к вторжению во Францию, англо-американские войска в то же время продолжали операции на Средиземном море. Поражения гитлеровцев на советско-германском фронте, где была разгромлена и 8-я итальянская армия, нарастание внутреннего кризиса в Италии, господство англо-американского флота на Средиземном море делали сравнительно легким захват о. Сицилия.

Дальнейшее наступление союзников в Италии происходило при абсолютном их превосходстве, особенно на море и в воздухе. Мощные удары, которые наносила Красная Армия зимой и весной 1944 г., отвлекали все новые и новые дивизии противника. Немало войск пришлось Гитлеру бросить против партизанских армий и соединений, которые действовали в оккупированных странах. Тем не менее весной 1944 г. англо-американские войска крайне медленно продвигались вперед. Только к концу мая им удалось вытеснить противника из Центральной Италии. 4 июня союзники без боя вступили в оставленный немецким командованием Рим.

А через два дня, 6 июня 1944 г., открылся, наконец, второй фронт в Европе. Английское и американское командование отлично подготовило эту сложную операцию, а давно рвавшиеся в бой с фашистами солдаты союзных армий проявили стойкость и мужество. Англия и США смогли великолепно вооружить и обучить свои армии исключительно благодаря тому, что в течение трех лет Советский Союз ценой величайшего напряжения сил и неслыханных жертв выдерживал всю тяжесть войны.

В составе войск вторжения было 20 американских дивизий, 14 английских, 3 канадские и по одной - французской и польской. Союзники располагали абсолютным превосходством в военно-морских силах. Главнокомандующим экспедиционными силами был назначен американский генерал Д. Эйзенхауэр, командующим сухопутными силами - английский генерал Б. Монтгомери. Флотом и авиацией командовали также англичане.

Союзникам удалось создать плацдарм между Шербуром и Гавром. К концу июня на медленно расширявшемся плацдарме было сосредоточено уже около миллиона солдат и офицеров. Германское командование перебросило в этот район дивизии из других районов Франции, Бельгии, Голландии, но не посмело снять войска с советско-германского фронта: как раз в это время развернулось наступление советских армий в Карелии и в Белоруссии. Продвижение экспедиционных войск по территории Франции обеспечивалось действиями боевых отрядов французского Сопротивления, которые не только дезорганизовывали фашистские тылы, но и собственными силами освобождали города и целые департаменты. Восставшие парижане к 24 августа собственными силами освободили столицу Франции. К осени вся Франция, Бельгия и часть Голландии были почти полностью освобождены от противника. Англо-американские войска вышли к границе Германии.

В декабре 1944 г. гитлеровское командование предприняло наступление в Арденнах, где ему удалось скрыто сосредоточить большие силы. На сравнительно узком фронте немцы бросили в бой 25 из 39 дивизий, имевшихся в их распоряжении на Западном фронте. Прорвав оборону союзников, они к

началу января продвинулись на 90 км, стремясь отрезать северную группировку союзных армий. Здесь находились английские войска, и над ними нависла угроза «второго Дюнкерка». Подброшенные Эйзенхауэром подкрепления замедлили немецкое наступление, но отбросить прорвавшиеся армии им не удалось. 6 января 1945 г. Черчилль обратился к Советскому правительству с просьбой предпринять «крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте», так как на «Западе идут очень тяжелые бои». Красная Армия, в кровопролитных боях осенью 1944 г. принеся освобождение народам Болгарии, Румынии, Югославии, Венгрии, готовилась к новому наступлению, но оно планировалось несколько позже. Однако учитывая положение союзников, Ставка Верховного Главнокомандования ускорила подготовку, и 12 января Советские Вооруженные Силы перешли в наступление на огромном фронте от Дуная до Балтийского моря. Это резко улучшило положение англо-американских войск, которым удалось к концу января вынудить немцев отступить. В этой обстановке потребовалась новая встреча глав правительств для решения неотложных военных вопросов и особенно - ставших актуальными послевоенных проблем.

В Берлине уже вполне отдавали себе отчет в том, что война проиграна. Единственная надежда, которая оставалась у Гитлера, была связана с планами сепаратного мира на Западе.

Состоявшаяся 4-11 февраля 1945 г. Ялтинская конференция глав правительств СССР, США и Англии убедительно продемонстрировала всю беспочвенность гитлеровских расчетов. Черчилль давно уже строил планы послевоенного окружения Советского Союза новым «санитарным кордоном», планировал восстановление Германии как потенциального союзника в борьбе против СССР, приказывал своим войскам подавлять демократические силы на континенте, но пойти на открытый сговор с гитлеровским режимом не позволил бы ни Черчиллю, ни любому другому государственному деятелю английский рабочий класс, весь английский народ. Западные делегации не могли также не считаться с реальным соотношением сил в Европе, а также с той ролью, которую предстояло сыграть Советскому Союзу в разгроме японского империализма.

Война на Тихом океане приближалась к решающей стадии. В течение ее первых месяцев Япония благодаря внезапности нападения и медленному развертыванию англо-американских сил добилась господства в западной части Тихого океана и в Индийском океане. Уничтожив вероломным ударом основные силы американской тихоокеанской эскадры в гавани Пирл-Харбор (Гавайские острова) и потопив английский линкор «Принц Уэльский», японцы захватили важнейшие американские владения на Тихом океане, включая Филиппины, и одновременно обрушились на английские базы и колонии. Вскоре пали важнейшие опорные пункты британского империализма на Дальнем Востоке - Гонконг и Сингапур. Почти полностью в руках противника оказались Малайя и Бирма. Выйдя на границы Индии, Япония поставила под угрозу эту «жемчужину Британской короны». Поэтому английское командование сосредоточило в северо-восточной части Индии большую группу

войск под командованием адмирала Л. Моунтбеттена. Свыше двух лет она бездействовала, и только летом 1944 г., когда военно-политическое положение Японии сильно пошатнулось вследствие близящегося краха германского фашизма и успехов американских вооруженных сил на Тихом океане, Моунтбеттен вторгся в Бирму и к весне 1945 г. очистил ее от японских войск.

Помимо согласованных решений о завершающих операциях в европейской войне и в войне с Японией, Ялтинская конференция приняла развернутую программу уничтожения «германского милитаризма и нацизма»; это была подлинно демократическая программа, соответствующая интересам всех народов мира, в том числе германского народа.

Защита независимости освобожденных народов Европы и их права «создать демократические учреждения по их собственному выбору» была объявлена одной из целей трех держав. Только огромная мощь и авторитет Советского Союза, только могучий подъем демократических сил во всем мире могли заставить империалистические правительства Англии и США подписаться под документами, закрепляющими справедливый, освободительный характер войны.

На завершающем этапе войны в Европе, как и на всех ее этапах, основные удары по противнику наносили Советские Вооруженные Силы. Ломая сопротивление гитлеровских войск, советские войска вышли на последний рубеж перед штурмом Берлина. В этих условиях наступление англо-американских войск не было связано с большими трудностями, тем более что Гитлер сознательно открывал фронт на Западе, все еще надеясь, что на территории Германии произойдет столкновение между СССР и западными державами. Англо-американские войска, начав наступление 8 февраля 1945 г., лишь в конце марта форсировали Рейн. Наступление сопровождалось массированными воздушными налетами на германские города.

2 мая советскими войсками был взят Берлин, а 8 мая Германия капитулировала. Это была великая историческая победа народов над фашизмом, в которой решающую роль сыграл Советский Союз.

Победа Советского Союза подорвала силы мировой реакции, уничтожила ее ударный отряд, разбила ее главную ставку. В антифашистском Сопротивлении в странах Европы и Азии складывалось единство рабочего класса и демократических сил. Коммунистические и рабочие партии выросли в могущественную силу, накопили огромный опыт и звали народы к коренным социальным и политическим преобразованиям. В странах Центральной и Юго-Восточной Европы, освобожденной Советскими Вооруженными Силами, уже начинались народно-демократические революции. Кризис мировой системы капитализма вступил во второй этап, и сквозь все разнообразие процессов, проходивших в различных странах, уже проглядывали контуры будущей мировой системы социализма.

Английский народ не испытал в годы войны ужасов германской оккупации, но и на его долю выпали немалые тяготы. Классовая борьба в Англии не приобрела такой остроты, как в странах континента. Сколь бы коварны не были планы английской реакции, какое бы возмущение не

вызывала неоправданная пассивность английского командования, - все же Англия воевала в составе антигитлеровской коалиции и английская буржуазия не скомпрометировала себя в глазах народа прямым сотрудничеством с фашизмом, как это имело место в странах континента. Но серьезный сдвиг в расстановке классовых и политических сил произошел и в Англии.

На всем протяжении войны английский рабочий класс оказывал давление на правительство, требуя укрепления сотрудничества с Советским Союзом и эффективных операций против фашистских государств. Внося крупный вклад в победу над главными центрами реакции во всемирном масштабе, передовые рабочие Англии не забывали и о своей, внутренней, реакции.

Не удивительно, что в этой обстановке резко возрос авторитет КПВ. К концу 1942 г. в партии состояло 60 тыс. человек - в 3 с лишним раза больше, чем накануне войны. Усилились позиции партии в тред-юнионах. Коммунистов нередко избирали в исполкомы профсоюзов, секретарями местных организаций. На конгрессе тред-юнионов 1944 г. видный деятель профсоюзного движения коммунист А. Папуорс был избран в состав Генсовета.

Массы рабочего класса вынудили правительство отменить запрещение органа КПВ - газеты «Дейли уоркер»; в августе 1942 г. возобновился выход этой популярной в массах газеты.

Внутри лейбористской партии обострилась борьба течений, усилилось ее левое крыло. Антикоммунисты из партийного руководства потерпели поражение. Зато они взяли реванш при обсуждении старого вопроса о приеме КПВ в лейбористскую партию. Дважды КПВ обращалась с соответствующей просьбой, причем в 1943 г. ее поддержали такие массовые организации, как Федерация углекопов Великобритании, Союз строителей и др. Но чем влиятельнее становилась КПВ, тем больше право-лейбористские лидеры боялись той роли, которую она могла бы сыграть в лейбористской партии, - роли идеологического руководителя и центра притяжения всех левых сил. Исполком поэтому отверг предложение коммунистов и тем самым еще раз нанес ущерб делу единства рабочего класса.

Наиболее остро стояли во внутрипартийной борьбе вопросы программного характера. Какие социальные сдвиги должна принести победа в антифашистской войне? Какие задачи должна ставить перед собой партия, именующая себя социалистической? Какой план преобразований предложить избирателям, когда война будет закончена? По всем этим проблемам позиции право-лейбористского руководства и левого крыла партии расходились во все годы войны, но в особенности - на ее последнем этапе.

Дело усложнялось тем, что и в верхах буржуазной политической иерархии немало задумывались над сложными вопросами, связанными с переходом от войны к миру. Главная мысль, которую консервативные лидеры хотели внушить массам, заключалась в том, что будто бы в Англии не нужны социальные перемены даже в узких рамках лейбористского «социализма». Само правительство намерено провести «реконструкцию», которая будто бы удовлетворит все слои общества. Для изучения проблем реконструкции еще в 1941 г. был создан комитет во главе с лейбористским министром А. Гринвудом;

это назначение должно было придать планам реконструкции двухпартийный, коалиционный характер. В 1943 г. правительство Черчилля приняло «план Бевериджа» - либерального реформатора, предложившего радикально перестроить всю систему социального обеспечения. Этот план не затрагивал основ капиталистической системы, но он мог лечь в основу действительно прогрессивной реформы. Не случайно КПВ и другие прогрессивные силы высказались за осуществление «плана Бевериджа». Прогрессивный характер носили принятый в 1944 г. закон о народном образовании и некоторые другие меры.

Исполком лейбористской партии со своей стороны тоже выдвигал различные проекты реконструкции. Его планы предполагали сохранение того государственного контроля над экономикой, который сложился во время войны. Правые лейбористы не намеревались включать в свою программу послевоенной реконструкции национализацию промышленности - это программное положение, фигурирующее с 1918 г. в уставе партии. Когда в декабре 1944 г. исполком представил партийной конференции развернутую резолюцию, понятие «обобществление средств производства», либо «национализация», в ней отсутствовало. Речь шла только о «контроле над экономикой». Иначе говоря, лейбористские лидеры вновь становились на защиту капиталистической системы.

В Англии, подходившей к концу войны в лагере победителей, не было непосредственно революционной ситуации. Но здесь сложились объективные предпосылки для проведения таких коренных преобразований, которые могли бы подорвать всевластие монополий. Учитывая это, Коммунистическая партия приняла на своем XVII съезде в октябре 1944 г. программу «Победа, мир, безопасность», в которой наряду с задачами в области внешней политики указывались пути социального прогресса: национализация ведущих отраслей экономики и участие рабочего класса в управлении ими. Массы рабочего класса, профсоюзы, в которых было велико влияние коммунистов, добились включения требования национализации в решения конгресса тред-юнионов 1944 г. Опираясь на эту массовую поддержку, левые лейбористы на партийной конференции повели борьбу против резолюции исполкома. Им удалось провести поправку о «передаче в общественную собственность земли, крупных строительных компаний, тяжелой промышленности и всех банков, транспорта и всей топливной и энергетической промышленности».

Лейбористская верхушка потерпела поражение и в атмосфере подъема демократических сил в Англии и во всем мире не посмела полностью игнорировать волю масс. На конференции в апреле 1945 г., когда дело уже шло к парламентским выборам, была принята предложенная исполкомом программа «Лицом к будущему». После общих деклараций о социалистическом характере партии избирателям обещалась национализация тех отраслей промышленности, которые «созрели для передачи в общественную собственность».

После победы над Германией, 18 мая 1945 г., Черчилль предложил лейбористам сохранить коалицию хотя бы до победы над Японией, но протесты масс сорвали этот план. Теперь уже Черчилль предпочитал торопиться с

проведением выборов, рассчитывая использовать свою популярность военного лидера.

В ходе избирательной кампании лейбористы всячески подчеркивали «социалистический» характер своей программы, и это производило немалое впечатление на массы, искренне стремившиеся к социализму. Народ не желал возврата к прошлому, к реакционному правительству консерваторов. Личная популярность Черчилля все еще была очень велика, но, как образно пишет его английский биограф, на вооружении у консерваторов в избирательной кампании «кроме фотокарточки Черчилля» ничего не было.

Выборы состоялись 5 июля и принесли жестокое поражение консервативной партии. Она потеряла около половины мест в парламенте; теперь у нее было всего 209 мандатов, в то время как лейбористы получили абсолютное и прочное большинство; у них было 393 места - на 146 мест больше, чем у всех остальных партий, вместе взятых. 2 места получили коммунисты - У. Галлахер и Ф. Пирэтин.

Результаты выборов ошеломили самих лейбористских лидеров не меньше, чем консерваторов. Если учесть, что избирательная кампания лейбористов проводилась под «социалистическими» лозунгами, итоги голосования можно было рассматривать как решительный приговор капиталистической системе, вынесенный большинством английского народа. Теперь правые лейбористы видели свою задачу в том, чтобы постепенно - реальными и мнимыми уступками, псевдосоциалистическими реформами, пропагандой антикоммунизма и т. д. - изменить общественное настроение, спасти капитализм, подавить левые силы.

Лидер партии Клемент Эттли, став главой правительства, назначил своим заместителем Герберта Моррисона, министром иностранных дел - Эрнста Бевина, на другие посты - столь же известных правых политиков. Буржуазная пресса приветствовала новый состав правительства - он служил надежной гарантией сохранения буржуазного господства.

Первые шаги новому кабинету пришлось сделать в области внешней политики. С 17 июля по 2 августа проходила конференция глав правительств СССР, США и Англии в Потсдаме. Хотя конференция началась после выборов в Англии, подсчет голосов не был еще закончен. Английскую делегацию возглавлял Черчилль, предусмотрительно пригласивший с собой Эттли как потенциального премьер-министра в случае поражения консерваторов на выборах. На два дня - 26-27 июля - конференция сделала перерыв, так как именно в эти дни проходила смена кабинета в Лондоне. Уехавший в свою столицу Черчилль больше не вернулся в Потсдам; главой делегации стал Эттли.

Как Черчилль и Идеи, так и Эттли и Бевин в контакте с американской делегацией попытались использовать Потсдамскую конференцию для подрыва позиций Советского Союза в Европе, а также для вмешательства во внутренние дела стран Центральной и Юго-Восточной Европы, чтобы сорвать процесс демократических преобразований в этих странах.

Английские и американские делегаты в Потсдаме были окрылены первым успешным испытанием атомной бомбы, которое было проведено в США за

день до открытия конференции. Черчилль даже заявил, что бомба поможет «выправить соотношение сил с Россией». Но первые же попытки замаскированного шантажа были решительно пресечены советской делегацией. Принятые в Потсдаме решения в целом соответствовали задачам демократического решения послевоенных проблем. В духе ялтинских решений были разработаны подробные постановления об управлении Германией, о подготовке к заключению мирных договоров с ее бывшими сателлитами, о статусе Берлина, о суде над главными военными преступниками. Советская делегация отвергла попытки Англии и США вмешаться во внутренние дела Болгарии и Румынии. Советский Союз подтвердил свое намерение вступить в войну против Японии. В этих условиях для окончательной победы над Японией вовсе не было нужды в применении атомной бомбы. Тем не менее, 6 августа по приказу президента США Г. Трумэна была сброшена атомная бомба на Хиросиму, а 9 августа - на Нагасаки. Расчет американских империалистов был прост: запугать народы оружием невиданной силы, подготовить почву для «атомной дипломатии» по отношению к Советскому Союзу, сделать шаг в сторону завоевания мирового господства США. Хотя в производстве атомной бомбы участвовали и английские ученые, появление нового оружия еще больше поставило Англию в зависимость от США.

Однако Япония, несмотря на гибель почти 250 тыс. человек, не собиралась капитулировать. Только мощный удар Советской Армии по японским вооруженным силам в Маньчжурии (по Квантунской армии) и их полный разгром вынудил Японию капитулировать. 2 сентября 1945 г. окончилась вторая мировая война. Как и другие страны, Англия вступила в новую полосу своей истории.

Послевоенная Англия

Начавшийся в годы войны второй этап общего кризиса мировой системы капитализма затронул все стороны жизни капиталистического мира - экономику, политику, духовную жизнь общества. Поражение самых реакционных отрядов империализма, рост военно-экономического могущества и престижа Советского Союза, победы народно-демократических революций в ряде стран Европы и Азии и в связи с этим - сужение сферы капитализма, резко возросшее влияние коммунистических партий в странах, оставшихся в системе капитализма, начинающийся крах колониальной системы империализма - таковы были исторические сдвиги, с которыми не могли не считаться правящие круги стран Запада.

«Это не та Европа, за которую мы боролись», - с горечью признал Черчилль вскоре после войны. Он мог бы добавить - «не то теперь положение Англии, к которому мы стремились».

Людские потери Англии были сравнительно невелики - всего 300 тыс. человек убитыми и пропавшими без вести. Это в четыре раза меньше, чем в 1914-1918 гг. Более значительны были материальные потери Англии: война обошлась ей в 25 млрд. ф. ст., не считая убытков от бомбардировок,

потопленных судов и т. д. Резко сократился экспорт английских товаров, доходы от капиталовложений за границей тоже упали, а поскольку структура английского хозяйства требовала постоянного импорта сырья и продовольствия, возник хронический дефицит платежного баланса. Неожиданный удар экономическому положению Англии нанесли США, заявив еще до окончания войны с Японией о прекращении поставок по ленд-лизу; теперь за все, что поступало из США, надо было платить наличными.

Со всеми этими проблемами и пришлось столкнуться третьему лейбористскому правительству (1945-1950). Если бы правительство Эттли - Моррисона - Бевина было действительно социалистическим, как оно любило себя именовать, или хотя бы последовательно демократическим, разрешение экономических и других проблем не представляло бы особых трудностей. Все-таки Англия была высокоразвитой индустриальной страной, сравнительно мало пострадавшей за годы войны, с огромными капиталами, находившимися в распоряжении монополий. В одном только 1946 г. они получили свыше 1,5 млрд. ф. ст. прибыли, в то время как весь дефицит платежного баланса в том же году составил 370 млн. ф. ст. Стоило лишь решиться посягнуть на собственность крупнейшей буржуазии, и экономические трудности были бы разрешены.

Но право-лейбористские министры, столкнувшись с финансовыми затруднениями, обратились к американскому правительству с просьбой о займе и получили его, но на условиях, ущемлявших суверенитет Англии. Еще больше возросла финансовая зависимость от США в связи с принятием американской «помощи» по «плану Маршалла». Когда летом 1947 г. государственный секретарь США выдвинул свой план предоставления кредитов странам Европы для восстановления их экономики, главным организатором всей связанной с этим системы стал лейбористский министр иностранных дел Бевин.

В первые годы после войны именно лейбористское руководство, нарушая свои предвыборные обещания, проводило «твердый курс» по отношению к Советскому Союзу. Эттли и Бевин пытались вместе с правительством США оказывать нажим на Советское правительство, поддерживали реакционные партии в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, создали и распространяли миф об «агрессивности» Советского Союза, об угрозе, будто бы идущей с Востока. Они шли по тому пути, который предложил Черчилль в речи, произнесенной в Фултоне (США) в марте 1946 г. Это был путь «холодной войны», обострения международных отношений, вмешательства во внутренние дела социалистических стран. Англия предоставила свою территорию для американских военно-воздушных баз, став, таким образом, гигантским американским авианосцем. Самолеты США должны были в случае войны наносить с английской территории удары по СССР.

В то же время Бевин пытался обеспечить Англии «солдат на континенте»; Англия должна была стать во главе военного блока европейских капиталистических держав. В марте 1948 г. был создан Западный Союз в составе Англии, Франции, Бельгии, Голландии и Люксембурга. Но вскоре стало ясно, что только при участии США агрессивный блок стран Запада обретет

значительную военную мощь. Бевин взял на себя инициативу создания Североатлантического союза (НАТО).

Вступив в Западный Союз и в НАТО, Англия нарушила статью англо-советского договора 1942 г., запрещающую договаривающимся сторонам входить в агрессивные блоки, направленные против союзника. В заявлении МИД СССР о создании НАТО говорилось: «Североатлантический договор не имеет ничего общего с целями самообороны... Наоборот, этот договор имеет явно агрессивный характер и направлен против СССР».

«Социалистические» декларации партийных лидеров были лишь данью настроениям масс, с которыми в атмосфере подъема демократических сил приходилось считаться больше, чем когда-либо.

Национализация угольной, газовой, электроэнергетической промышленности, транспорта, средств связи и Английского банка не только не принесла бывшим собственникам материального ущерба, но даже была им выгодна. Компенсация за национализированную собственность превосходила ее действительную стоимость.

Капиталистический характер национализации проявился и в том, что рабочий класс был полностью устранен от участия в управлении национализированными предприятиями. Ведомства, создававшиеся для руководства угольной и другими отраслями, состояли преимущественно из бывших владельцев, крупных чиновников, старых управляющих и представителей профсоюзной бюрократии. Во главе Угольного управления оказался бывший директор одного из угольных трестов лорд Хайнден, во главе Управления электроэнергетической промышленности - Ситрин, многолетний секретарь Генсовета тред-юнионов, получивший теперь титул лорда.

Не защита интересов рабочего класса, не борьба за социальную справедливость, а перестройка капиталистической промышленности с целью повышения ее конкурентоспособности (и притом за счет рабочего класса) - таков основной смысл капиталистической национализации. Экономически она была выгодна буржуазии и поэтому не встретила сколько-нибудь серьезного сопротивления со стороны консерваторов.

Реальный конфликт между правительством и оппозицией возник лишь по поводу национализации металлургической промышленности. Стальные магнаты, несмотря на техническую отсталость английской металлургии, получали высокие доходы, используя выгодную конъюнктуру: разоренной Европе нужен был металл для восстановления промышленности, а начавшаяся «холодная война» обеспечивала военные заказы. Для стальных монополий выгодна была национализация угля и транспорта, так как сырье и перевозки удешевлялись, но свои предприятия они желали оставить за собой.

Закон о частичной национализации металлургии, принятый в 1949 г., был единственным актом, который прошел вопреки действительной, а не показной оппозиции консерваторов и палаты лордов. При этом правительство согласилось начать практическую реализацию закона лишь в 1951 г.; тем самым консерваторам давался шанс в случае победы на приближавшихся выборах пересмотреть закон до его осуществления. Лидеры оппозиции заявили,

что, придя к власти, они так и поступят. Программа национализации, провозглашенная в 1945 г., была в основном выполнена уже к началу 1948 г. Всего было национализировано 20% английской промышленности.

На первых порах национализация, которая в сознании масс ассоциировалась с социалистическим строем, породила у рабочего класса немало иллюзий и способствовала ослаблению классовой борьбы. Многим казалось, что осуществляется старый лозунг социалистов - «обобществление средств производства». В шахтерских поселках праздновали «передачу шахт народу», а железнодорожники писали мелом на вагонах: «Теперь это наше!» А ведь именно угольщики и железнодорожники были наиболее боевыми отрядами рабочего класса. Их прежде всего и стремились разоружить, примирить с существующим строем лейбористские лидеры. Нельзя сказать, что это им полностью удалось. В стачках этого периода рабочие национализированных отраслей по-прежнему играли ведущую роль, сталкиваясь теперь уже не с отдельным капиталистом, а непосредственно с буржуазным государством. Но все же национализация воспрепятствовала намечавшемуся подъему рабочего движения, ослабила накал классовой борьбы.

Этой же цели служили и социальные реформы третьего лейбористского правительства. Важнейшие из них были заимствованы из «плана Бевериджа», т. е. в годы войны были одобрены и консерваторами. Новая система социального страхования, введенная законом 1948 г., устанавливала право на получение пенсий по старости, пособий по беременности, болезни, безработице, в связи с несчастным случаем на производстве и др. Примерно 35% сумм, необходимых на покрытие этих расходов, поступало в виде систематических взносов самих трудящихся; 33% вносили предприниматели, а остальное покрывалось за счет государственного бюджета, т. е. в конечном счете, за счет налоговых поступлений. Государство брало на себя также расходы по Национальной системе здравоохранения, введенной законом 1946 г. Закон устанавливал бесплатное медицинское обслуживание. Законы о страховании и здравоохранении явились крупным социальным завоеванием рабочего класса; они весьма несовершенны, их практическое осуществление - тем более: крайне медленно строились больницы, органы социального обеспечения старались ограничить круг пенсионеров, размер пенсий не обеспечивал прожиточного минимума, рост цен ставил лиц, получавших пособие, на грань полной нищеты. И все же, как отмечено в программе компартии «Путь Британии к социализму», «благодаря силе рабочего движения и его организованной борьбе социальное обслуживание по сравнению с довоенным временем значительно улучшилось».

Спасая английский капитализм социальными реформами и социальной демагогией, лейбористская верхушка одновременно сложными маневрами пыталась сохранить имперские позиции британских империалистов. Победа народов в антифашистской войне способствовала невиданному подъему национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах, в частности - в английских колониях. В борьбе с японскими захватчиками народы Бирмы, Малайи и других колоний создали массовые национально-освободительные армии. Люди научились владеть оружием,

подчиняться революционной дисциплине; выдвинулись популярные народные вожди. В Индии, территория которой не была оккупирована японскими захватчиками, была создана регулярная армия, использовавшаяся на различных фронтах в составе вооруженных сил Британской империи. После разгрома японского империализма азиатские колонии Англии потребовали предоставления независимости. Земля горела под ногами колонизаторов. Стачки, крестьянские волнения, восстание военных моряков в Индии, всеобщая политическая стачка в Бирме, решительные выступления народов других колоний вынудили правящие круги Англии отступить, и этот шаг легче было сделать «социалистическому» правительству, чем консерваторам. В 1947 г. правительство Эттли пошло на предоставление статуса доминиона Индии, из которой был выделен мусульманский доминион Пакистан, и Цейлону. Бирма была признана независимым государством. Примерно в это время вместо ненавистного народам термина «Империя» было введено в оборот понятие «Британское содружество наций».

В то же время правительство Эттли отказалось пойти на соглашение с руководителями освободительного движения в Малайе и в 1948 г. развязало там бесперспективную колониальную войну. Оно также цепко держалось за африканские владения, надеясь получить здесь компенсацию за утрату господства над азиатскими колониями. Тем не менее, лейбористские идеологи и политики записали себе в актив «освобождение колоний», как будто оно было результатом их доброй воли.

Вообще к 1948 г. лейбористская верхушка склонна была уже перейти к подведению итогов всей правительственной деятельности. Национализация, социальные реформы, «мирный» уход из ряда колоний - все это выдавалось за «социалистическую политику». Теперь Англия, - уверяли верхи партии, - не капиталистическая страна, а «государство всеобщего благоденствия». Не отказываясь в принципе от дальнейшей национализации, правые лейбористы выдвинули теорию «смешанной экономики», согласно которой социализм будто бы представляет собой сочетание государственной и частной собственности на средства производства. Это, по их представлению, и есть «демократический социализм», обеспечивающий «свободу частного предпринимательства», т. е. капиталистической эксплуатации в различных формах. Правые лейбористы, как и социал-демократы на континенте, объявили «демократический социализм» «третьим путем», чем-то средним между «американским капитализмом и "коммунизмом"». Практический вывод из этой концепции сводился к тому, что период коренных преобразований закончился и можно почить на лаврах.

Главный лозунг, с которым лейбористская верхушка обращалась к массам, сводился теперь к призыву производить больше, не требуя повышения зарплаты. Между тем налоги росли, еще быстрее росли цены, и положение рабочего класса стало ухудшаться. Министр финансов С. Криппс, в 30-годы возглавлявший левых лейбористов и давно уже перешедший в лагерь крайне правых, выдвинул программу «урезок», т. е. экономии на социальных расходах, на личном потреблении трудящихся. Так родилась политика «замораживания»

зарплаты, что в условиях роста цен означало неизбежное снижение уровня жизни. Такими мерами правительство пыталось вырваться из жесткого финансового кризиса. Но они не спасли английскую валюту, и в сентябре 1949 г. была проведена девальвация фунта стерлингов. Вместо 4,03 долл. он теперь котировался в 2,8 долл. (снижение на 30,5%), а это означало новое повышение цен. В это же время резко усилились военные расходы.

На этой почве начал намечаться поворот в отношении масс рабочего класса к лейбористскому правительству. Становилось все более очевидным, что правые лейбористы нарушили наказ избирателей: вместо сотрудничества с Советским Союзом - «холодная война», вместо наступления на монополии - защита их интересов, вместо социалистических преобразований - социальные реформы. Но даже и это единственное крупное завоевание оказалось теперь под угрозой: гонка вооружений поглощала те средства, которые можно было бы использовать для строительства школ, больниц, жилых домов.

Предвидя новое ослабление популярности правительства в связи с предстоящим резким увеличением военных расходов, Эттли и его коллеги решили досрочно провести выборы. В ходе избирательной кампании они больше подчеркивали свои «заслуги» в прошлом, чем давали обещание на будущее. Исходя из концепции «смешанной экономики», они не намеревались продолжать национализацию и делали упор на необходимости паузы в реформах.

Этим и объясняется значительное ослабление партии в парламенте - вместо 389 лейбористы получили 315 мест. Консерваторы резко улучшили свои позиции - 297 мест по сравнению с 209 в старом парламенте. Если же учесть и мелкие партии, то лейбористы имели чистое большинство всего в 6 мест. В атмосфере «холодной войны» и антикоммунистической истерии КПВ, собрав около 100 тыс. голосов, потеряла парламентские места.

Четвертое лейбористское правительство продержалось меньше двух лет (1950-1951) и не провело за это время ни одной существенной реформы. По принятому ранее закону проводилась национализация части металлургических предприятий - этим дело и ограничилось. Зато гонка вооружений нарастала, особенно после того, как летом 1950 г. Англия поддержала американскую агрессию против Корейской Народно-Демократической Республики.

Если в конце 40-х годов разочарование масс в «социалистическом» правительстве только начиналось, то в период корейской войны оно охватило широкие круги профсоюзных активистов и нашло выражение в борьбе за коренные изменения во внутренней и внешней политике. Все больше профсоюзных организаций стало поддерживать движение сторонников мира, к которому примкнули и некоторые лево-лейбористские члены парламента и публицисты, а также местные организации лейбористской партии. Стокгольмское воззвание о запрещении атомного оружия подписали свыше 1,3 млн. англичан, а парламенту оно было представлено левым лейбористом С. Силверменом.

Когда правительство Эттли, увеличивая ассигнования на перевооружение, решило изыскать средства за счет введения платы за некоторые виды

медицинского обслуживания, т. е. сделало шаг назад, министр правительства Эттли Э. Бивен, а вслед за ним еще два министра (включая Г. Вильсона) подали в отставку (апрель, 1951). И ранее примыкавший к левым, Бивен чутко уловил настроение масс. Действительно, его демонстративный уход из правительства принес ему массовую поддержку. Лево-лейбористское движение, не приобретя четких организованных форм, все же объединилось теперь вокруг Бивена, хотя массы шли значительно дальше этого левого лидера.

В этой атмосфере правительство еще раз решилось на досрочные выборы. В октябре 1951 г. они принесли победу консерваторам, которые получили 321 место против 295, полученных лейбористами. С этого времени вплоть до 1964 г. у власти находились консервативные кабинеты. Бесславный конец 6-летнего пребывания у власти правых лейбористов отражал глубокий кризис их идеологии и политики. Им нечего было предложить народу, нечем было вызвать энтузиазм, хоть чем-то напоминающий атмосферу 1945 г.

«Весна, которую предали» - это название романа Д. Линдсея (1953) непосредственно относится к весне 1947 г., когда лейбористская верхушка открыто повернула руль государственного управления вправо. Но предана была правыми лейбористами вообще весна послевоенных надежд народа, огромной жажды социальных перемен, готовности бороться за новый уклад жизни.

Убеждая массы в том, что от них требуется лишь производственная активность, а социальный прогресс направляется сверху, лейбористская верхушка загоняла миллионы людей в узкий мирок личных и семейных интересов, подавляла политическую и интеллектуальную активность народа, его тягу к высоким духовным ценностям. Направляя волны народного недовольства и социалистических устремлений рабочего класса в узкое русло реформ, пытаясь утолить жажду всеобщего обновления меркантильным подсчетом шиллингов и пенсов, правые лейбористы нанесли огромный ущерб духовному развитию нации.

Видимо, лейбористские лидеры стояли значительно ближе к философии культуры Т. Элиота, чем к демократическому взгляду на проблемы культуры и просвещения. Именно в эти годы Элиот выступил с серией книг и статей по теории культуры, в которых идея «элиты» сочеталась с отрицанием права масс на приближение к культурным ценностям: «Существенное условие сохранения качества культуры меньшинства - сохранять ее и впредь культурой меньшинства». На этой доктрине, в сущности, была основана вся система среднего и высшего образования в Англии, и правые лейбористы ничего не пожелали в ней менять. По-прежнему доступ в университеты для рабочей молодежи был практически закрыт. Лейбористы обещали повысить школьный возраст до 16 лет, но установили обязательное и бесплатное обучение детей до 15 лет, как было указано в законе 1944 г. Почти ничего не было сделано для подготовки учителей и очень мало - для строительства школ.

Более всего соответствовало «элитной» концепции Элиота отсутствие единой системы образования. Лейбористы не запретили «публичные», т. е. закрытые частные школы типа Итона, где за высокую плату обучались дети верхов общества - будущие руководители и крупные чиновники ведомств,

дипломаты, политики, директора промышленных компаний и т. д.

Да и в государственных школах не было равенства возможностей: существовала дифференциация, создавшая, с одной стороны, нечто вроде «второго эшелона» будущей элиты (административные работники среднего звена, менеджеры, научные работники, техническая и творческая интеллигенция), с другой - массу исполнителей - людей физического и низших звеньев умственного труда. После начальной школы 11-летние дети подвергались тестовым испытаниям, результаты которых во многом предопределяли будущий социальный статус испытуемого. В зависимости от исхода испытаний он попадал либо в грамматическую, либо в техническую, либо в так называемую среднюю современную школу. Первые две разновидности средней школы открывали прямую дорогу в высшую школу, в то время как «современная» школа была фактически тупиковой: поступить в университет после ее окончания можно было только пройдя 6-й класс (двухгодичный).

В основе системы тестовых испытаний лежала доктрина врожденной и неизменной одаренности, которая к 11 годам будто бы полностью проявляется. Детям, не выдержавшим испытаний, незачем забивать голову тонкостями гуманитарных либо естественных наук, с них хватит тех прикладных знаний, которые дает «современная» школа. И консервативно настроенная часть педагогов, и право-лейбористские деятели просвещения игнорировали тот очевидный факт, что дети буржуазии и интеллигенции, как правило, выдерживали испытания, а дети из рабочих семей попадали в «современную» школу. И дело тут, конечно, не во врожденной одаренности, а в социальных условиях, в наличии либо отсутствии в семье возможностей для развития способностей ребенка, в уровне образования родителей.

Прогрессивная педагогическая общественность давно уже выступила против этой системы, но правительство Эттли полностью сохранило ее. Порожденное социальным неравенством, неравенство в области образования оставалось одним из эффективных путей сохранения господства буржуазии. Однако потребности английской промышленности и растущего в условиях государственно-монополистического капитализма государственного аппарата вынудили как лейбористов, так и консерваторов несколько приоткрыть двери университетов для молодежи из социальных низов. Для нуждающихся студентов были введены государственные стипендии; мелкобуржуазная, а частично и рабочая молодежь стала появляться в стенах «краснокирпичных» университетов (новых, построенных в XIX в. из кирпича) и даже в Оксфорде (построенном из камня). Провинциальная «краснокирпичная» интеллигенция сыграла вскоре немалую роль в демократизации духовной жизни Англии.

Вообще же лейбористское правительство крайне неохотно шло навстречу требованиям народа и передовой интеллигенции в области культуры. Под давлением прогрессивной общественности оно в 1949 г. провело закон о создании национального (государственного) театра, чего с начала века добивались выдающиеся актеры, режиссеры, драматурги. Однако практически к созданию национального театра при кабинете Эттли даже не приступали.

Между тем английские театры находились после войны в крайне тяжелом положении: многие здания были разрушены, из-за постоянной нехватки средств актеры вынуждены были мало репетировать, многие уходили работать в кино.

Английские издательства, театр, кино все больше отступали под натиском американской идеологической экспансии. Комиксы американского происхождения захватывали книжный рынок, американские пьесы развлекательного характера заполнили сцену, а на экране английские фильмы становились редкостью. Единственной мерой, которую все же приняло правительство для спасения британской кинопромышленности, было создание национальной кинокорпорации для финансирования английских киностудий и продюсеров. Но эта мера была слишком робкой, так как никаких ограничений на ввоз и демонстрацию американских фильмов она не предусматривала. Американизация английской культуры, подмена философских, моральных и эстетических ценностей пошлыми поделками убивали мысль, развращали зрителей, портили вкусы.

Компартия Великобритании, выражая стремления демократических слоев общества, возглавила борьбу против грозившего стране упадка культуры, против ее американизации, утраты национальной самобытности. XIX съезд партии (1947) принял решение «поддержать великое культурное пробуждение масс». При исполкоме КПВ были созданы секции историков, писателей, художников, артистов, архитекторов, музыкантов. Продолжая начатую еще в 30-х годах работу по марксистскому переосмыслению исторического прошлого Англии, по восстановлению революционных традиций народа, историки-марксисты создали ряд работ по истории английской буржуазной революции XVII в., рабочего движения и др.

Теоретическая работа позволила провести конференции на темы: «Американская угроза британской культуре», «Культурное наследие Британии», принять участие в дискуссиях с прогрессивными деятелями культуры, не стоящими на марксистских позициях. Тем самым КПВ вносила значительный вклад в развитие демократической культуры и элементов социалистической культуры.

Огромное значение для борьбы КПВ за единство рабочего класса и демократических сил имела разработка проекта новой программы «Путь Британии к социализму» (1951), в которой подчеркивалось, что демократические институты, включая парламент, завоеваны многовековой борьбой народа и будут использованы при переходе к социализму. В программе обосновывалась возможность мирного перехода к социализму «путем превращения капиталистической демократии, в подлинно народную демократию».

Демократический подъем периода войны, борьба за мир в конце 40-х годов, борьба компартии и всех прогрессивных сил за демократическую национальную культуру стали той почвой, на которой развитие прогрессивных тенденций в культуре продолжалось даже в тяжелые годы «холодной войны».

Композитор Б. Бриттен закончил в 1945 г. работу над оперой «Питер Граймс», которая была поставлена на лондонской сцене и прочно вошла в

репертуар английских театров; с успехом она прошла и в ряде других стран. Создание первой со времен Перселла английской репертуарной оперы было большим творческим подвигом композитора, важным шагом к развитию английской музыкальной культуры.

К оперному жанру обратился и А. Буш. Сюжетом оперы «Уот Тайлер» (1953) стала крестьянская война, в чем проявился интерес Буша к революционному прошлому и стремление восстановить его в памяти английского народа. Как коммунист и художник, тесно связанный с массовым музыкальным движением, Буш этой талантливой оперой откликнулся на призыв КПВ «вернуть народу его революционные традиции».

Особенно много работал в этом направлении писатель-коммунист Д. Линдсей. Его книги о Диккенсе и Мередите и роман «Люди сорок восьмого года» (1948) целиком посвящены проблеме традиций. Сюжет романа позволяет Линдсею, показав революционные потрясения 1848 г. в общеевропейском масштабе, поставить в центр повествования чартистское движение.

Борьба за восстановление прогрессивных национальных исторических и культурных традиций приобрела особое значение в связи с тем, что в процессе подчинения Англии американскому империализму и создания западных блоков реакционные идеологи широко пропагандировали идею отказа от национальной самобытности, космополитическое пренебрежение к исторически сложившейся национальной культуре. В этих условиях антиамериканский и антикосмополитический характер приобретало каждое подлинно национальное произведение искусства: экранизация «Гамлета» Л. Оливье (1948), фильмы Д. Лина по Диккенсу - «Большие ожидания» и «Оливер Твист». Продолжали пропагандировать английскую классику Шекспировский мемориальный театр и «Олд Вик».

Особое место в театральном искусстве занимали подлинно народные театры - «Юнити» и «Уоркшоп».

В обстановке глубокого кризиса буржуазной культуры прогрессивные ученые, писатели, композиторы, театральные деятели спасали честь английской национальной культуры.

Вместе с тем в духовной жизни Великобритании именно на рубеже 40-50-х годов стало заметным качественно новое явление, наложившее заметный отпечаток на культурную, а частично и политическую атмосферу последующих десятилетий: стихийная тенденция к разрыву с прошлым, к пересмотру господствующих моральных и эстетических догм, несколько анархический бунт против истеблишмента. Вначале это было лишь трудно уловимое общественное настроение, охватившее только некоторые слои молодежи, но к середине 50-х годов оно уже нашло выражение в самых различных сферах духовного творчества, в первую очередь в архитектуре. Этому способствовало оживление градостроительных поисков, вызванных разрушениями периода войны, острейшим жилищным кризисом, элементами плановых начал при строительстве городов-спутников и застройке целых районов. Среди архитекторов было немало людей, увлеченных новыми возможностями приложения своих сил - не для индивидуальных заказчиков, а для

муниципальных органов. Появились смелые градостроительные проекты, шли жаркие споры о характере будущих городов, и собственно архитектурная проблематика переплеталась с социальными, моральными, педагогическими и иными проблемами. В этой творческой атмосфере зародилось течение «нового брутализма», занявшее значительное место в английской и мировой архитектуре 50- 60-х годов.

Название течения, как это часто бывает, носит почти случайный характер. Видный архитектурный критик Р. Бэнем, пустивший его в оборот, писал: «Брутализм пытается... вытащить грубую поэзию из власти беспорядочных и могучих сил, которые сейчас действуют». Отсюда и название «брутальный», т. е. грубый. В чисто техническом плане «грубость» заключалась в том, что архитекторы этого направления отказались от штукатурки, красок в интерьере, стремясь к открытому выявлению материалов.

В 1949 г. в конкурсе проектов строительства средней школы в Хантэнтоне (графство Норфолк) победили Элисон и Питер Смитсоны - наиболее активные теоретики и практики брутализма. Построенная по их проекту школа считается первым реализованным бруталистским сооружением, «декларацией брутализма во плоти» (1954). Основой здания служит выявленный стальной каркас, перекрытия сделаны из бетонных плит, нарочито грубо обработанных, стены с открытой электропроводкой и т. д.

Психологической основой такого технического (и эстетического) решения было неприятие молодежью фальши буржуазного общества с его стремлением скрыть свои пороки под маской благопристойности. Смитсоны сами принадлежали к бунтующим интеллектуалам. «Мы живем в городах, построенных кретинами», - таково отнюдь не самое «бруталистское» из их заявлений.

Но помимо этого бунтарского пафоса и нередко плодотворного использования и «эстетизирования» новых и простых материалов, было в брутализме еще нечто, быть может, более важное, хотя и никак не связанное семантически со словом «брутальность». Смитсоны, их коллеги и ученики задумывались над архитектурой отдельного здания, квартала, района, города не только с технической и эстетической точек зрения. Дом для них - среда обитания человека (несколько позже появилось и понятие «хабитат»), и ее надо создать с таким расчетом, чтобы она способствовала развитию связей между людьми, не только бытовых и деловых, но и чисто человеческих контактов. Эти гуманистические стремления, поиски борьбы с разобщенностью людей в современном большом городе были воплощены в проекте жилого комплекса в районе Лондона Голден-Лейн в 1952 г. Проект, впрочем, не был принят: тогда идея показалась слишком смелой. Лишь через 10 лет эти принципы, разработанные применительно к району Парк-Хилл в Шеффилде архитекторами Д. Линном и А. Смитом, удалось реализовать.

В специфической форме, в рамках своей профессиональной деятельности, архитекторы-бруталисты оказались первыми, ранними выразителями настроений той английской трудящейся молодежи, которая вскоре в полный голос заявила о себе в литературе, театре, киноискусстве. Контраст между

надеждами на новую Англию, новые взаимоотношения между «низами» и «верхами», новый образ жизни и реальностью «общества благосостояния» воспринимался молодежью тем более болезненно, что лейбористская пропаганда продолжала твердить о «новой Англии» и тем самым напоминала о несбывшихся надеждах. Да и консерваторы научились повторять слова об «обществе благоденствия» и клясться в своей приверженности делу мира.

Многое действительно изменилось! Произошло огосударствление важных отраслей индустрии, социальные реформы несколько улучшили жизнь трудящихся. Все это было положительно встречено рабочими старших поколений, помнившими «голодные тридцатые», но молодежь воспринимала существующее положение как некую социально-культурную действительность, которая ее никак не устраивала: сохранились жесткие социальные перегородки, снобизм выпускников Итона и Дерби, господство буржуазного общественного мнения, весь ненавистный истэблишмент. С полным основанием можно было применить к Англии 50-х годов давнее изречение: чем больше все меняется, тем больше все остается по-старому. А формирование после выборов 1951 г. нового кабинета Черчилля (1951-1955) с Иденом в качестве министра иностранных дел показало, что никакого расчета с империалистическим прошлым не произошло.

Возвращение к власти консервативной партии, прямо и непосредственно выражающей волю и интересы монополистического капитала, свидетельствовало о дальнейшем сдвиге вправо, который начало еще в 1947 г. лейбористское правительство.

Из тяжелого финансового положения страны, вызванного прежде всего растущими расходами на вооружение, Черчилль пробовал выйти путем «экономии» на социальных расходах и на импорте сырья и продовольствия. В сущности, и в этом он шел лишь по стопам лейбористских предшественников. Реальная зарплата все еще была ниже довоенной, а сокращение импорта продовольствия сказывалось на положении рабочей семьи.

Лишь к концу деятельности кабинета Черчилля жизненный уровень несколько поднялся, достиг довоенной нормы, а у некоторых категорий рабочих даже превысил ее. Частично это объясняется ростом, хотя и медленным, промышленного производства, а также упорными выступлениями против предпринимателей и правительства: крупные общенациональные стачки провели в 1953 г. машиностроители, в 1954 г. - докеры.

Внутри консервативной партии нарастали трения. Непримирымый антисоветский курс Черчилля, его нежелание считаться с мнением коллег - все это вызывало недовольство партийной верхушки, которая считала, что новые времена требуют и новой тактики и новых людей. В апреле 1955 г. Черчилля вынудили уйти в отставку, передав пост премьер-министра А. Идену, которого пресса именовала «прогрессивным консерватором». Он и возглавил избирательную кампанию в мае 1955 г., принесшую консерваторам более прочное большинство в парламенте: они получили 345 мест против 277 лейбористов и 8 либералов.

Однако никакого «обновления» политики консервативной партии не

последовало. Идеи не был столь скомпрометирован непримиримым антикоммунизмом, как его предшественник, но это был политик все той же старой торийской школы, верный и опытный защитник интересов британского империализма. Не случайно он, по свидетельству близких к премьеру людей, не принимал ни одного серьезного решения без неофициального совещания с Черчиллем. Используя благоприятное соотношение сил в парламенте и фактическую поддержку со стороны право-лейбористского руководства во главе с Х. Гейтскеллом (который в 1955 г. сменил Эттли на посту лидера партии), правительство Идена усилило наступление на рабочий класс.

Уже через несколько дней после выборов правительству пришлось столкнуться с мощной стачкой паровозных машинистов и кочегаров, продолжавшейся с 29 мая по 15 июня 1955 г. Почти все железные дороги Англии были парализованы. Идеи объявил чрезвычайное положение, но и эта мера не сорвала стачки. Рабочие добились повышения зарплаты. Стачка показала, что рабочий класс активизируется, что его не удалось полностью увлечь разговорами о «государстве всеобщего благоденствия» и излюбленными утверждениями консерваторов, что «вы никогда не жили так хорошо, как теперь». Рост цен продолжался, и стачки оказались единственным средством для того, чтобы остановить падение уровня жизни.

Правительство Идена, отстаивая принцип «экономии» для усиления экономических и военных позиций Англии, резко осудило как стачку на железных дорогах, так и вообще требование рабочих о приведении зарплаты в соответствие с растущими ценами. В этом оно получило полную поддержку со стороны правых лейбористов, один из которых прямо заявил: «Мы все рассматриваем стачки во второй половине XX в. как анахронизм». На этой же позиции стояли и руководители Конгресса тред-юнионов. В таких условиях правительству казалось сравнительно нетрудным провести новый закон, который запретил бы стачки или резко ограничил возможность бастовать; такой закон был вскоре разработан, но среди широких масс членов профсоюзов намерение правительства вызвало мощный протест. Конгресс тред-юнионов 1956 г. под давлением снизу принял резолюцию в поддержку борьбы рабочих за повышение заработной платы, и в последующие годы это решение повторялось во все более категоричной форме. Идеи считал благоразумным отказаться от своих планов. Обострение стачечной борьбы и провал намерений правительства прямым насилием отнять у рабочих право на стачку послужили переломным моментом в отношениях между трудом и капиталом.

Вынужденное в период избирательной кампании обещать массам поворот во внешней политике, отказ от холодной войны правительство Идена в 1955 - начале 1956 г. сделало несколько демонстративных шагов, создававших видимость выполнения этого обязательства. Английское правительство не могло не считаться с тем, что в эти годы резко усилилась борьба СССР за мир и безопасность народов. Летом 1955 г. состоялось Женевское совещание глав правительств великих держав, в котором принял участие и Идеи. Однако именно Англия оказалась одной из тех империалистических держав, которые сорвали начавшуюся разрядку напряженности и поставили человечество под

угрозу новой мировой войны.

Кризис колониальной системы особенно болезненно сказался на Англии, как крупнейшей колониальной державе. Сдавая под натиском освободительной борьбы народов одну позицию за другой, английское правительство еще в 1954 г. вынуждено было вывести войска из зоны Суэцкого канала. Но интересы английских миллионеров, держателей акций компании Суэцкого канала, были для правительства консерваторов выше интересов дела мира. Когда в 1956 г. президент Египта Насер объявил о национализации Суэцкого канала, правительство Идена, а также правительство Франции выступили с угрозами в адрес Египта. Лидер лейбористов Гейтскелл в этот период почти безоговорочно поддерживал Идена. Но агрессивные планы вызвали решительный отпор рабочего класса. Под давлением рядовых членов профсоюзов Генеральный совет Конгресса тред-юнионов не занял столь открытой империалистической позиции, как лидеры лейбористской партии. В его резолюциях, правда, осуждались действия египетского правительства, но в то же время признавались «суверенные права Египта». Один из крайне правых профсоюзных лидеров, учитывая настроение масс, говорил в те дни: «Мы заявляем правительству, что, если оно втянет страну в ненужную войну, вся нация поднимется в глубоком, непримиримом, ожесточенном гневе, какого еще никогда не знали».

Для такого прогноза были все основания: обострение классовой борьбы в связи с попыткой ограничить право на стачку, явное нежелание масс поддерживать неоколониалистскую политику консерваторов, а тем более воевать за нее, наконец, нарастание бунтарских настроений в среде мелкобуржуазной и интеллигентской молодежи. Если в конце пребывания у власти лейбористской верхушки эти настроения лишь зарождались, то через пять лет они охватили достаточно широкие круги и получили выход в сферу «высокой культуры».

Выдающийся театральный и кинокритик Кеннет Тайней - сам плоть от плоти духовно бунтующей молодежи 50-х годов - объяснял истоки ее недовольства отчаянием многих молодых англичан, чье детство и юность были изуродованы войной и кризисом, мужавших во время правления лейбористов и обнаруживших к моменту «выхода в жизнь», что классовый строй все еще непонятно почему достаточно крепок. Люди этого поколения «достигли совершеннолетия ко времени изобретения атомной бомбы». Могли ли они чтить «существующую ныне цивилизацию», если в любой момент она могла превратиться в «цивилизацию, когда-то существовавшую»? И они действительно не чтит ее, нередко отвергая не только мораль и образ жизни «выкормленных Итоном консерваторов», но и подлинные ценности культуры. «Уж эта мне вечная игривость паршивого Моцарта, - восклицает Джим Диксон-герой романа Кингсли Эмиса «Счастливчик Джим» (1953). Этот «счастливчик» - преподаватель «краснокирпичного» университета, человек демократического происхождения, не желающий подчиняться фальшивому этикету и «правилам игры» и берущий сомнительный реванш в виде эпатирования буржуазной публики, гримас за спиной (!) ненавистных университетских профессоров и

шутовских выходок. Роман воскрешает лучшие традиции «английского юмора»; смешные «эмисовские» ситуации, в которых оказывается герой, как и своеобразная логика (или алогичность) его поступков, забавляют читателя.

Но Джим Диксон не просто забавен. Его фрондерство при всей бесперспективности, непоследовательности, при всем приспособленчестве героя, нашедшего тихую пристань в объятиях богатой невесты, - все же выражает социальный протест и убедительный разрыв с установками истеблишмента: им можно подчиниться, но их нельзя принять, в них нельзя верить.

Созданием образа Джима Диксона К. Эмис положил начало целой галерее образов английской реалистической литературы.

Молодой интеллигент из низов, которому дали образование, но не приняли в среду «высоколобых», мечущийся и презирующий респектабельность старших, бунтарь, ненавидящий истеблишмент, но не способный на целеустремленную борьбу с ним, - таков излюбленный герой литературы, театра, кино, созданный талантливыми молодыми деятелями литературы и искусства, которых современники называли «сердитыми» или «рассерженными», или «разгневанными» молодыми людьми. Определение это принадлежит некоему рекламному агенту, который сказал о Джоне Осборне, авторе нашумевшей пьесы «Оглянись во гневе», что он «сердитый молодой человек».

Герой пьесы Джимми Портер, как до него Джим Диксон, ополчился на все принципы и ценности буржуазного общества, а заодно и на принципы и ценности вообще, каковы бы они не были. Его бесит этот лицемерный мир - и его церковь, и его пресса, но точно так же - и те люди, которые борются с этим миром. Джимми Портер, как и другие герои «рассерженных», отнюдь не склонен бежать от общественных проблем своего времени в узкий семейный мирок, или искать в любви, в дружбе спасение и убежище от несовершенств этого мира, как это было свойственно «потерянному поколению» 20-х годов. Нет, он глубоко боится судьбами своей страны, человечества, своего поколения, и ему непонятна, а временами и ненавистна жена Элисон, способная быть по-английски спокойной и сдержанной, в то время как все в мире мерзко - и политика, и брак, и любовь.

Но гневные монологи Джимми (а вся пьеса в значительной степени сведена к его монологам) - человека с университетским дипломом, вынужденного торговать в кондитерском ларьке, направлены против всего, что его окружает, о чем он думает, что знает. Мишень настолько велика, что прицельная стрельба становится бессмысленной, и Джимми даже не задумывается над тем, где же в этой мишени «яблочко». Однако Осборн открыл в своем герое не только безоговорочное и всеобщее отрицание, нигилистическое низвержение всех богов. Джимми тем, собственно, и интересен как тип молодого англичанина из мелкобуржуазной среды 50-х годов, что он «гневаётся» и на себя самого, и страдает - глубоко и искренне - от того, что гнев его бессилён. «Люди нашего поколения не способны умирать за хорошее дело» - таково его убеждение. «Высоких и прекрасных идеалов больше не существует» - таков его горький диагноз. «Мы погибнем во имя

ничто» - таков его прогноз.

Успех пьесы Осборна был настолько бурным, что даже превзошел популярность «Счастливого Джима» - бестселлера середины 50-х годов. Она была поставлена в мае 1956 г. в театре «Ройял-Корт», а затем обошла почти все театры. Выразившая одну из существенных тенденций общественного настроения пьеса «Оглянись во гневе» положила начало перелому в английском театре, повороту к актуальным темам современности.

Обладая великолепной реалистической актерской школой, английский театр, за исключением «Юнити», «Уоркшоп» и мелких полусамодельных трупп, избегал жгучих проблем современности, и только в классическом репертуаре талантливые актеры находили возможность говорить со зрителем о том, что его действительно волновало. Так, выдающийся актер Пол Скофилд сыграл в 1955 г. Гамлета, придав этому герою, при всей простоте и человечности трактовки, столько горечи и гнева, что во многом предвосхитил драму «рассерженных» молодых людей. Современный же репертуар состоял из пьес, в которые, по остроумному выражению Тайнена, можно было попасть лишь обладая доходом свыше трех тысяч фунтов, либо будучи убитым в доме того, кто таким доходом обладает.

Живое слово мыслящего современника, пусть истеричного и лишенного четких идеалов, но болеющего болями своей эпохи, нужно было и зрителям, и актерам, и режиссерам. Не случайно передовые (и преимущественно молодые) режиссеры театра и кино увидели в пьесе Осборна и вообще в драматургии «рассерженных» симптом обновления искусства. Еще в 1954 г. передовые режиссеры создали группу «Свободное кино», выступившую против коммерческого кинопроизводства. Полудокументальные фильмы, фиксирующие жизнь рядовых английских тружеников, принесли им известность и международное признание. Самый влиятельный из режиссеров «Свободного кино» Линдзи Андерсон получил «Гран при» на Венецианском фестивале за фильм «Каждый день, кроме рождества» (о лондонском рынке Ковент-Гарден). К этой же группе принадлежал Тони Ричардсон, одновременно входивший в театральную труппу «Инглиш стейдж К°». Он и поставил «Оглянись во гневе», а затем и фильм по этой пьесе. Его сотрудничество с Осборном в театре «Ройял-Корт» положило начало тому, что некоторые критики назвали «второй театральной революцией», подразумевая, что первую произвел Б. Шоу, на рубеже веков. На несколько лет английский театр действительно вновь приобрел высокое гражданское звучание. В середине 1950-х годов он выразил настроения «рассерженной» молодежи более ярко и убедительно, чем другие искусства. Правительство Идена могло бы понять, что эту молодежь не удастся увлечь колониальной авантюрой твердолобых тори предшествующих эпох. Могло бы - но не поняло.

Вместе с Францией и Израилем Англия 30 октября 1956 г. начала военные действия против Египта. В этой войне колонизаторы не только боролись за свои капиталы, национализированные Египтом, но и рассчитывали повернуть вспять ход истории, остановить силой оружия распад колониальной системы. План военного разгрома Египта разрабатывался реакционерами всех мастей.

Варварская бомбардировка англичанами Порт-Саида, захват этого важного стратегического пункта интервентами создали серьезную опасность для независимости Египта и для всего национально-освободительного движения. Египетский народ героически защищал завоевания революции. В самой Англии развернулось широкое народное движение против войны. Коммунистическая партия, левые круги в профсоюзах и лейбористской партии, передовая интеллигенция сразу резко и решительно осудили войну.

Волна митингов, сборы подписей под петициями в парламент прокатились по всей стране. Даже лейбористское руководство вынуждено было примкнуть к движению, хотя оно и постаралось придать ему сугубо мирный характер. Гейтскелл теперь изменил политику, заявив, что лейбористская партия будет бороться против войны «всеми имеющимися в ее распоряжении конституционными средствами». Как отметил один из вождей Коммунистической партии Великобритании Палм Датт, «впервые в истории Великобритании парламентская оппозиция воспротивилась войне, развязанной британскими империалистами». Так обнаружилось три просчета Идена и его франко-израильских союзников: народ Египта оказал гораздо более мощное сопротивление, чем они ожидали, и английский народ решительно выступил против войны, причем оставалось неясным, долго ли смогут лейбористские лидеры удерживать протест в «конституционных» рамках.

Решающую роль сыграл третий просчет Идена - его беспочвенная надежда на то, что Советский Союз не вмешается в конфликт. Советское правительство 5 ноября 1956 г. недвусмысленно предупредило агрессоров, что если они не прекратят военных действий, СССР придет на помощь Египту своими вооруженными силами. На следующий день после предупреждения Советского правительства Англия прекратила военные действия в Египте.

Возмущение в Англии бессмысленной, кровавой и дорогостоящей авантурой (она обошлась в 100 млн. ф. ст.), резко ослабившей международный престиж страны, могло смести консервативное правительство, если бы лидеры лейбористов не оказали ему поддержки. Дело ограничилось лишь тем, что Идеи в конце ноября «заболел», а в январе в 1957 г. ушел в отставку. Государственный деятель, свыше 20 лет бывший в первых рядах консервативной партии, покинул политическую арену полным банкротом. Во главе кабинета стал Гарольд Макмиллан, слывший «умеренным консерватором».

Провал суэцкой авантюры убедительнее, чем все предшествующие поражения английского империализма, показал, что времена колониального господства безвозвратно канули в прошлое. Кризис английского империализма вступил в новую стадию, и это произошло как раз в то время, когда наступил новый, третий этап общего кризиса мировой капиталистической системы.

Глава 9

АНГЛИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Резкое изменение соотношения сил на мировой арене в пользу мировой системы социализма и крайнее обострение внутренних противоречий капиталистического строя привели к наступлению нового, третьего этапа кризиса капитализма.

Создание развитого социалистического общества в Советском Союзе, бурный рост экономики и культуры всех стран социалистического содружества, прогресс науки, усиление оборонной мощи стран Варшавского Договора и престижа социалистической внешней политики превратили мировую систему социализма в решающий фактор мирового развития. Мощная волна освободительного движения народов Азии, Африки, Латинской Америки смела политическое господство империалистических держав над бывшими колониями.

Значительный сдвиг произошел в международном рабочем и демократическом движении, рухнули фашистские режимы в Португалии, Испании, Греции.

Экономическое положение Великобритании, ее политическая и культурная жизнь претерпели заметные изменения, особенно начиная с середины 50-х годов. Провал попытки удержать или восстановить свое положение как метрополии гигантской империи (пусть даже под более уместным во второй половине XX в. названием «Содружества наций»!) стал тем рубежом, который отделяет Англию послевоенную от Англии современной.

В начале XX в. Джозеф Чемберлен риторически спрашивал участников митинга, собравшегося в честь его 70-летия: «Представляете ли вы себе Британию без империи? Можно ли это себе представить?» Вплоть до суэцкой авантюры Идена и он сам, вместе с Черчиллем и другими «хранителями империи» из числа лидеров консервативной партии, и «рядовые империалисты» не желали представить себе этого. Однако после бурных ноябрьских дней 1956 г. им пришлось смириться с неизбежным и начать приспосабливаться к жизни в «Британии без империи», к тому, что все специфические преимущества, которыми обладал английский капитализм в середине XIX в., теперь окончательно утрачены: сначала, к концу XIX в., - промышленная монополия, затем, ко второй половине XX в., - монополия колониальная.

История Англии последних десятилетий - это в значительной степени история попыток приспособления английской буржуазии к условиям, при которых главным источником прибылей становится развитие производства в самой Великобритании. Правда, в настоящее время правящие круги используют неоколониалистские методы извлечения прибылей из бывших колоний и получают определенные выгоды от остатков созданных в минувшие века позиций в Азии и Африке, но отставание по темпам развития от других капиталистических государств особенно болезненно воспринималось английской буржуазией. Прирост промышленной продукции Великобритании за два десятилетия (с 1950 до 1969 гг.) составил около 70%, в то время, как во Франции - 156, в ФРГ - 256, в Италии - 319, а в Японии - свыше 1000%. Англия была оттеснена за это время ФРГ и Японией на 4-е место в капиталистическом мире по уровню промышленного производства.

Особенно тревожным было и остается то обстоятельство, что даже небольшой прирост промышленной продукции шел не столько за счет технического прогресса, сколько за счет строительства новых предприятий и, главное, - усиления эксплуатации рабочих. В Англии только 23% прироста было достигнуто в результате технического перевооружения, а в ФРГ - 50, в Японии - 52, во Франции и в США - 62 %.

Перестраивать экономику страны в соответствии с новыми условиями было необходимо, тем более, что этого потребовала и бурно развернувшаяся в 50-е и последующие годы научно-техническая революция. Однако пути этой перестройки могли идти по-разному. Интересам подавляющего большинства английского народа и национальным интересам в целом соответствовал бы путь, который отстаивала КПВ - путь социалистического переустройства общества и создания плановой социалистической экономики. С большей или меньшей последовательностью демократический путь отстаивали и левые элементы в профсоюзном движении и в лейбористской партии. Демократический путь разрешения стоящих перед страной экономических проблем заключался в том, чтобы изыскивать средства на техническое перевооружение за счет резкого сокращения военных расходов, столь же решительного расширения торговли с социалистическими странами и - главное - за счет монополий, а не трудящихся.

Вопрос о путях приспособления к новым условиям и в первую очередь о том, за чей счет английская промышленность сможет стать конкурентоспособной стал стержневым в классовой борьбе последних десятилетий. Политики и идеологи буржуазии утверждают, что отставание Великобритании и все ее беды объясняются будто бы слишком высоким уровнем жизни масс, непомерными требованиями рабочего класса. Отсюда взятый монополиями и всей политической элитой (как консервативной, так и лейбористской) курс на «замораживание» зарплаты рабочих, что в условиях роста цен означало снижение реальной зарплаты. Федерация предпринимателей машиностроения, например, еще в 1956 г. приняла решение сопротивляться требованиям рабочих о повышении зарплаты. В ответ на это свыше миллиона рабочих судостроительной и машиностроительной отраслей в марте - апреле 1957 г. забастовали. Это была очень важная для всего рабочего класса стачка (крупнейшая со времени Всеобщей стачки 1926 г.), вынудившая предпринимателей отступить от своего категорического решения и пойти на частичные уступки. Размах стачки испугал буржуазное общественное мнение, и само консервативное правительство посоветовало капиталистам пойти на компромисс. Весной 1962 г. машиностроителям достаточно было провести однодневную стачку с участием 1,5 млн. рабочих, чтобы добиться частичной победы. Точно так же поступили спустя месяц и судостроители, а в октябре 1962 г. - железнодорожники. Кроме рабочих этих отраслей промышленности в стачках активно участвовали печатники, водители автобусов, углекопы и другие отряды рабочего класса.

Внутри английских профсоюзов усилилось прогрессивное движение цеховых старост (шоп-стюардов). Эти избираемые непосредственно в цеху

рабочие руководители тесно связаны с массой рабочего класса; их жизнь, борьба, интересы, быт, образ жизни ничем не отличаются от жизни миллионов товарищей, и в этом великая сила движения шоп-стюардов. Их нередко выбирают и на конференции профсоюзов, где они, как правило, составляют левое крыло. Среди шоп-стюардов немало коммунистов, которые ведут повседневную работу в массах. Большинство цеховых старост, конечно, не являются коммунистами, но они придерживаются боевой тактики, обычно поддерживают и организуют стачки, дают отпор правым лидерам. Разоблачая реформизм и соглашательство тред-юнионистских руководителей, Джон Голлан, избранный в 1956 г. генеральным секретарем КПВ (в связи с отставкой Г. Поллита по возрасту) говорил: «Цеховые старосты сделали для профсоюзного движения столько, сколько никогда не сделают его лидеры».

Усиление левых, боевых настроений в массах членов профсоюзов не замедлило сказаться на положении в лейбористской партии. Праволейбористские лидеры во главе с Гейтскеллом уже с начала 50-х годов повели атаку на принятый в 1918 г. 4-й пункт устава партии, в котором целью партии объявлена «национализация всех средств производства, распределения и обмена». Хотя правое руководство никогда не вкладывало в этот лозунг подлинно социалистического содержания, трактуя национализацию лишь как принудительный и постепенный выкуп предприятий у владельцев, тем не менее даже в таком сугубо реформистском варианте он перестал их устраивать. Группа «новых мыслителей» стремилась полностью пересмотреть программу и тактику партии с таким расчетом, чтобы лишить ее каких бы то ни было элементов социализма и классовой пролетарской политики. Они прямо заявили, что партия должна стать «партией прогресса», обычной левобуржуазной партией, никак не связанной своей историей, ролью в ней рабочего класса. Такая постановка вопроса органически связана с популярным в праволейбористских кругах утверждением, заимствованным из буржуазной социологии, будто современный капитализм перестал быть капитализмом, рабочий класс - рабочим классом и все общество вскоре растворится в едином среднем классе.

Поражение лейбористской партии на выборах 1951 и 1955 гг. правые лейбористы использовали для атаки на пункт 4-й. Они заявляли, будто бы избиратели отвернулись от лейбористов, потому что не хотят национализации, а следовательно, в интересах возвращения к власти надо приспособиться к настроениям масс. В действительности причина поражений заключалась как раз в обратном: в том, что лейбористская партия не проводила подлинно социалистической политики. Часть избирателей разочаровалась в лейбористах, которые претендовали лишь на то, что они будут лучше управлять капиталистической Англией, чем консерваторы. Но если речь идет лишь об управлении капитализмом, не лучше ли голосовать за консерваторов, имеющих неизмеримо больший политический опыт?

В 1957 г. лейбористское руководство опубликовало программный документ «Промышленность и общество», в котором заявило, что лейбористская партия не намерена «вмешиваться в управление какой-либо

фирмы, которая хорошо работает».

Коммунистическая партия оценила этот документ как свидетельство дальнейшего сдвига лейбористского руководства вправо. Возмущение охватило широкие круги рядовых членов лейбористской партии, которое и выразили левые лейбористы. Даже некоторые вожди крупных тред-юнионов, учитывая настроения членов своих союзов, резко выступили против новых программных установок. Секретарь союза железнодорожников Джон Кэмпбелл призвал влить в лейбористскую политику по вопросу о национализации «красную кровь социалистических убеждений». В начале 1958 г. была создана левая группа «За победу социализма», развернувшая энергичную кампанию за поворот партии влево, к социалистическим принципам и защите насущных интересов народа. Тем не менее вплоть до 1959 г. принципы, изложенные в «Промышленности и обществе», считались официальной программной установкой партии.

Правительство Макмиллана решило досрочно провести выборы в октябре 1959 г. Кризисная конъюнктура, сложившаяся в 1958 г., осталась позади, производство медленно, но неуклонно росло из месяца в месяц; кроме того, консерваторы могли использовать и внешнеполитические маневры. В начале 1959 г. Макмиллан посетил Москву и вел переговоры с Советским правительством о подготовке нового совещания на высшем уровне. Этот шаг встретил поддержку английской общественности.

Лейбористы пришли на выборы с манифестом, в котором заявили: «У нас нет планов дальнейшей национализации». На этот раз они получили всего 258 мест, а консерваторы - 365, хотя число голосов, отданных за обе партии, было почти равным.

Кризис в лейбористской партии достиг своего кульминационного пункта. Правые прямо заявили, что причиной поражения является пункт 4-й устава, и требовали его отмены. Общественную собственность, заявил Гейтскелл, нельзя считать «основным принципом и целью социализма». На партийной конференции левые лейбористы дали решительный отпор лидеру партии. Руководитель крупнейшего профсоюза Англии - союза транспортных и неквалифицированных рабочих - Ф. Казенс противопоставил формуле Гейтскелла следующее утверждение: «Мы можем иметь национализацию без социализма, но мы не можем иметь социализма без национализации». На профсоюзных конференциях принимались резолюции, отвергавшие любую попытку исключить социалистический принцип национализации из программы. Очень показательны, что если в прошлом главные силы левых лейбористов сосредоточивались в местных организациях партии и в социалистических группах, то теперь именно в массовых организациях рабочего класса - профсоюзах, главном костяке лейбористской партии, левые получили серьезную поддержку. Это объясняется ростом левых сил в тред-юнионах, активной работой коммунистов в массах, деятельностью шоп-стюардов.

В таких условиях замысел правых провалился еще до очередной конференции партии, на которой должен был обсуждаться этот вопрос. Исполком лейбористской партии не решился даже поднять вопрос об исключении пункта 4-го из устава. Это была несомненная победа левых сил,

хотя лидеры искусным маневром протащили на конференции 1960 г. в Скарборо специальную декларацию Гейтскелла, в которой в замаскированной форме проводились антисоциалистические взгляды. Но все же эти положения не вошли в качестве уставных принципов в основные партийные документы. Устав остался прежним. Более того, конференция приняла специальную резолюцию, в которой исполкому предписывалось подготовить следующую избирательную кампанию, «основываясь на социалистической программе». Как отмечал Дж. Голлан, решения конференции 1960 г. «не оставили никаких сомнений в глубоком и страстном стремлении рабочего движения к построению социалистической Британии». Конечно, после поражения в Скарборо правые лидеры не разоружились и на следующих конференциях им удавалось проводить реакционные решения; однако посягнуть на пункт 4-й с тех пор уже никто не осмеливался.

Со времен провала суэцкой авантюры широкие круги английского народа стали гораздо больше, чем раньше, задумываться над проблемами внешней политики Англии. Правительство Макмиллана еще дальше повело Англию по пути подчинения внешней политике американского империализма. В феврале 1958 г. было объявлено о соглашении с США о размещении в Англии американских ракетных баз. Это решение вызвало протест сторонников мира.

Начало всенародной борьбе против американских баз положила Коммунистическая партия, которая в конце 1957 - начале 1958 г. провела кампанию митингов и демонстраций по всей стране. Эта кампания привлекала внимание к той опасности, которой подвергают Англию ее империалистические правительства, превращая страну в «американский авианосец» и ракетную базу.

В феврале 1958 г. известный ученый лорд Бертран Рассел вместе с группой видных общественных деятелей создал новую организацию - «Движение за ядерное разоружение». Эта организация выдвинула прогрессивный лозунг одностороннего ядерного разоружения Англии. В апреле 1958 г. был проведен первый Ольдерманстонский поход - к центру ядерных исследований. С тех пор эти походы стали традиционными и собирают десятки тысяч участников.

На той же конференции лейбористской партии в Скарборо, где партийное руководство потерпело поражение по вопросу о национализации, левые силы добились крупных успехов и по вопросам внешней политики. Ряд резолюций, принятых конференцией вопреки сопротивлению руководства, призывал к международному соглашению о разоружении.

Обнаружившееся в эти годы стремление миллионов английских рабочих и демократических слоев населения к запрещению ядерного оружия, несомненно, учитывалось английским правительством, когда оно в 1963 г. приняло предложение Советского Союза и пошло на заключение договора о частичном отказе от испытаний ядерного оружия.

Этот шаг, с удовлетворением принятый прогрессивной общественностью всего мира, представлял собой, однако, лишь вынужденную уступку. В целом же правительство Макмиллана, игнорируя столь явно выраженную волю народа, с начала 60-х годов все больше подчинялось американскому давлению.

Выдвинутый США план создания «многосторонних ядерных сил» НАТО, согласно которому западногерманским реваншистам обеспечивался доступ к атомному оружию, получил полную поддержку Англии.

В то же время консервативное правительство подчеркивало необходимость создания «независимой ядерной силы». Столкнувшись с трудностями в области средств доставки ядерных боеголовок, оно обратилось к США с просьбой о продаже ракет типа «Скайболт». Однако несмотря на то, что Англия уже израсходовала на этот давний проект около миллиарда ф. ст., США настояли на другом варианте вооружения Англии «независимым» ядерным оружием. Во время встречи в Нассау (Багамские острова) Макмиллана с президентом Кеннеди в декабре 1962 г. английский премьер принял американский план: Англия получает ракеты «Поларис», для которых должна сама строить подводные лодки и производить боеголовки. Это означало новое увеличение военных расходов и - что особенно важно - фактически лишало Англию «независимой ядерной силы». Какая же она «независимая», если целиком зависит от американских поставок?!

Оба эти аспекта политики в области «обороны» вызвали возмущение широких масс английских трудящихся. Учитывая это, а также решения партийной конференции 1960 г. об одностороннем атомном разоружении, лейбористская оппозиция тоже выступила с критикой правительственного курса. В пользу одностороннего ядерного разоружения, хотя и в туманных выражениях, высказалось лейбористское руководство и в манифесте, подготовленном к избирательной кампании 1964 г. В этом же документе осуждался допуск ФРГ к ядерному оружию.

Немало споров вызывал также вопрос о вступлении Англии в «Общий рынок». Еще в 1957 г. США выдвинули это предложение, рассчитывая, что Англия станет их «тройным конем» в этой таможенной группировке европейских государств. В то время Англия решительно отвергла это предложение. Но уже в 1961 г. правительство Макмиллана начало переговоры со странами «Общего рынка» о присоединении к этому экономическому блоку. В этом решении сказались как американский нажим, так и надежда крупнейших монополий Англии на то, что они, выдержав конкуренцию континентальных фирм, приобретут выгодный и быстрорастущий европейский рынок. Главное же заключалось в стремлении укрепить НАТО и его экономическую базу.

Английскому народу этот план нес лишь новые лишения и трудности, так как беспощадный ввоз товаров с континента неизбежно привел бы к наступлению предпринимателей на рабочих, снижению зарплаты, безработице: конкурировать английские монополии собирались прежде всего за счет «экономии» на зарплате. Поэтому КПВ и ряд профсоюзов решительно выступили против вступления в «Общий рынок».

Отрицательно отнеслась к вступлению в «Общий рынок» и верхушка лейбористской партии, хотя ее беспокоило не ущемление интересов английского народа, а то, что при этом игнорируются интересы стран «Содружества наций». Беспощадная торговля со странами «Общего рынка» срывала всю систему имперских преференций и могла подорвать узы, все еще

связывающие Англию с ее бывшими колониями и доминионами. Конференция лейбористской партии выдвинула в 1962 г. ряд жестких условий вступления в «Общий рынок», явно неприемлемых для этой группировки.

Соппротивление широких масс народа и части буржуазии (особенно той, которая была больше заинтересована в рынках Содружества, чем континента Европы) сорвали планы Макмиллана, а отказ правительства Франции пойти на какие-либо уступки во время переговоров Англии с «Общим рынком» довершил дело. Макмиллан вынужден был прервать переговоры. Провал этой попытки еще больше подорвал и позиции консервативной партии, и личный престиж премьер-министра.

Дальнейшее подчинение Великобритании американскому диктату, упорное нежелание не только торийской реакции, но и право-лейбористской верхушки пойти на коренной поворот во внутренней и внешней политике, наконец, все более очевидное несоответствие темпов развития английской промышленности требованиям времени - все это создавало почву для развития оппозиционных настроений «разгневанной» молодежи и связанных с ними явлений духовной культуры. Рост левых сил в лейбористской партии, массовые выступления против превращения Англии в «американский авианосец», ольдерманстонские походы активизировали творческую энергию деятелей демократического искусства. Органическую связь между атмосферой общественного подъема и ростом демократических тенденций в культуре улавливали уже в то время сами участники этого единого процесса. Говоря о «политическом и духовном протесте, зародившемся во время суэцкой авантюры», кинокритик П. Хаустон писала, что «этот протест нашел свое практическое воплощение в борьбе за ядерное разоружение... свою жизнь в искусстве - на подмостках «Ройал-Корт» и «Уоркшоп».

Вслед за «Счастливым Джимом» К. Элиса и «Оглянись во гневе» Д. Осборна появились новые романы и пьесы, написанные, как правило, молодыми людьми из общественных «низов», хорошо знавшими свою среду и талантливо выразившими ее настроения. 19-летняя театральная билетерша из Манчестера Шейла Делани пришла в театр и кинематографию с пьесой «Вкус меда», которую поставила Джоан Литтлвуд в «Уоркшоп», а затем множество английских и зарубежных театров. Тони Ричардсон сделал фильм, ставший важной вехой в английском киноискусстве.

Судьба шестнадцатилетней школьницы Джо, лишенной нормального семейного очага, вынужденной жить с разбитной мещанкой-матерью, постоянно меняющей любовников, - это и судьба поколения, недовольного миром, уготованным ему отцами, но способного лишь на одинокий бунт. Маленькая Джо жаждет вырваться из отвратительного мира своей матери, но это ей не удастся. Метания Джо развертываются на фоне серых кварталов индустриального города, грязных пустырей, дешевых ярмарочных балаганов. Эти почти документальные кадры усиливают драматический накал фильма. Такова реальная среда, в которой живут герои, но Джо тяготеет не ею, она могла бы быть счастлива и в этом тусклом окружении задымленных домов и захламленных дворов - лишь бы согреться чьим-то искренним теплом. Именно

это сумела сыграть девятнадцатилетняя дебютантка (ровесница автора пьесы!) Рита Ташингем, выбранная Ричардсоном из двух тысяч претенденток на роль Джо. Угрюмость, злость, раздражительность, даже жестокость сочетаются в ее исполнении с глубоко скрытой нежностью, тягой к душевной раскованности, к преодолению отчуждения.

Р. Ташингем сразу стала одной из звезд английского экрана, на котором, наряду с актерами старшего поколения с давно устоявшейся репутацией, появилась целая генерация талантов, выдвинувшихся в «рассерженных» фильмах и спектаклях. У Ричардсона начал сниматься и виднейший из актеров этого направления (и поколения) Элберт Финни. «Звездой» он стал, сыграв главную роль в фильме К. Рейша «В субботу вечером, в воскресенье утром» по роману А. Силлитоу. Молодой рабочий парень Артур Ситон - отнюдь не передовой и сознательный представитель своего класса. Его кредо: «Урвать бы кусок - и дело с концом. Все равно кругом одна пропаганда». Озорство, граничащее с хулиганством, нарушение всяких запретов, связь с замужней женщиной Брендой и последующая женитьба на безразличной герою девушке (но сулящая домашний уют в тихом коттедже) - все это могло бы создать впечатление духовной пустоты и душевной нищеты, если бы не талантливая интерпретация образа Ситона, выношенная и реализованная Финни в соответствии с замыслом автора и режиссера.

«Рассерженность» Финни выразилась прежде всего в том, что он решительно отвергает, по его выражению, «мелкобуржуазный стиль игры» при воплощении образа рабочего на сцене и на экране. Актеры, говорил Финни, «все время демонстрируют, как он груб, некультурен, какое он животное, и хотят убедить в этом публику. Но ведь это неправда...» Ведь даже буржуазная пресса признавала, что в радио и телепередачах преобладает «карикатура на рабочий класс». Борьба с «неправдой», с лакировкой жизни «верхов» и карикатурным изображением «низов» были лейтмотивом творчества режиссеров и актеров английской «новой волны» начала 60-х годов.

Стремясь глубже понять своего героя и среду, в которой он живет, Финни поработал за токарным станком, общался с рабочей молодежью. Его Ситон обаятелен, полон жизненных сил, он обладает непосредственностью чувств, и его бунт - конечно, пустой, индивидуалистический, бесперспективный - все-таки бунт против серости и мещанской узости бытия, бунт жизни против «нежизни». Тем трагичнее воспринимается капитуляция Ситона, его бегство от беременной Бренды, которую он, оказывается (и это очень тонко показывает актер), неожиданно для себя и зрителя полюбил, хотя их отношения начинались как пошлая связь.

Продолжая лучшие традиции английского реалистического театра и кино «рассерженные» обогатили английское и мировое искусство. Не случайно выдающиеся актеры старшего поколения поддержали новое направление. Лоренс Оливье сыграл во второй пьесе Осборна «Паяц» (или «Комедиант»), а затем и в фильме Ричардсона по этой пьесе главную роль. «Это был первый реверанс со стороны истеблишмента, который означал, что «сердитые» добились официального признания», - писал К. Тайней. Другое дело, что

многие из «сердитых» довольно скоро перестали «сердиться» и, подобно Артуру Ситону и Джимми Портеру, капитулировали перед тем миром, который их столь основательно «разгневал». «Нет смысла биться головой о стену», - заявил Осборн, и это прозвучало похоронным звоном по всему «движению». И дело не только в том, что, как писала коммунистическая газета, некоторым оказалось «трудно устоять против сладкого запаха успеха и роста текущего счета в банке, и они заходят в тихую пристань прирученного бунта». Главное - сам бунт был лишен четкого адреса, и эта идеологическая инфантильность несла в себе зародыш будущей капитуляции.

То же общественное настроение, которое породило движение «рассерженных» в литературе, театре, киноискусстве, лежало в основе своеобразной «музыкальной революции» 50-60-х годов. «Новая музыка» - рок и биг-бит - родилась не в среде профессиональных музыкантов, а в самой гуще бунтарски настроенной молодежи. И музыка - с ее форсированной ритмической основой, с относительной легкостью освоения основного инструмента - гитары, и танец - без запрограммированных «па», с подчинением только ритму, с индивидуальной и коллективной импровизацией, создавали ощущение внутренней свободы, раскованности, поведенческого нонконформизма. Битники 50-х и хиппи 60-х годов представляли собой различные течения, с различной, если не противоположной, идейно-психологической основой. Лозунг битников - «Спеши жить, ты еще успеешь стать красивым трупом». Их пессимизм порождала «перспектива» атомной катастрофы, неверие в разум человечества, в силы, способные спасти мир. Хиппи - оптимисты, верящие в то, что любовь, дружба, добро, пацифизм спасут человечество; для этого надо лишь отвергнуть ценности и культуру капиталистического общества. Но и те, и другие бежали от истеблишмента в свою музыку и свой, соответствующий ей стиль жизни.

Парень с гитарой, окруженный группкой товарищей-слушателей и соисполнителей, а нередко и соавторов музыки и текста, непосредственно выражал систему ценностей и идеалы широких кругов демократической молодежи. И вполне закономерно многие песни становились песнями протеста и борьбы.

Если движение «рассерженных» - собственно английское явление, порожденное именно специфическими условиями английской действительности, то «битломания» - явление, свойственное всему капиталистическому миру. Но группа «Битлз» все-таки не случайно возникла в Англии. В начале 60-х годов в Великобритании было около 300 бит-групп, и ливерпульские рабочие парни Джон Леннон, Пол Маккартни, Джордж Харрисон и Ринго Стар выделялись своим подчеркнуто демократическим стилем поведения, простотой, вызовом, который они бросали буржуазной морали и респектабельности. Они пели о любви, о свободе человеческих чувств, но спустя несколько лет - и против войны во Вьетнаме, и вообще против американской и английской военщины.

Для битлзов, как и для некоторых других бит-групп, характерно широкое использование английских, шотландских, а иногда и восточных народно-

песенных ладов, что обогащало их музыку и помогало сохранить связь с демократической музыкальной традицией. Вообще параллельно с развитием рок-музыки в 60-е годы резко возрос интерес к народной песне. В городах Великобритании возникло более 500 клубов народной песни, в «пабах» проводились вечера народной музыки, а фестивали народной песни и музыки проходили в крупнейших концертных залах Лондона. Демократическая основа этого движения очевидна. В отличие от конца XIX в., когда С. Шарп и его последователи спасали от забвения преимущественно старинную деревенскую песню, музыкальное движение 60-х годов было ориентировано главным образом на городской фольклор, на песни рабочего класса. Запись и исполнение старых песен способствовали и созданию новых песен, в том числе - песен протеста, которые, однако, чаще всего исполнялись в ритмах биг-бита.

Поднявшись из самодеятельности до уровня профессионального искусства, биг-бит противопоставил себя слащавой эстрадной музыке и примитивной сентиментальности популярной радио и телепесни. Но на эстраде биг-бит утратил свою простоту; ему потребовались электрогитары и усилители, чтобы окружать публику «полным звуком», выключить ее из всего обыденного, повседневного, объединить людей звуком, ритмом, подчинить экстатическому воздействию бит-группы.

Неслыханный успех битлзов, сцены массового психоза во время американского турне, а также огромные гонорары, сделавшие

1 «Beetles» - жуки, этому названию соответствовали сценические костюмы членов группы. Но они решили писать это слово *beatles*, т. е. производить его от *beat* - бить, колотить.

их за два года миллионерами, во многом извратили первоначально демократическое содержание их искусства. Буржуазная машина развлечений и средств массовой информации стремилась перемолоть биг-бит в золотой ступе, выхолостить его первоначально демократическое содержание и выдвинуть на первый план иррациональные, «демонические» мотивы, будящие в слушателях полуживотные инстинкты. Как ни сопротивлялась, например, бит-группа «Роллинг стоунз» давлению хозяев «массовой культуры», к концу 60-х годов она была полностью поглощена безыдейной поп-культурой. Один из членов этой группы Мак Джеггер, правда, говорил: «Самое главное - это не дать подчинить себя этим благопристойным английским буржуа», но противопоставить им «Роллинг стоунз» могли только непристойности, грубую чувственность, экстатическую экспрессию, а это вполне устраивало верхушку английской социальной пирамиды. Да и битлзам самой королевой были вручены высшие британские ордена, конечно, не за протест против истэблишмента. Рок и биг-бит становились постепенно «респектабельными», и сама королева Елизавета, как сообщала «большая пресса», с увлечением танцевала рок-н-ролл на одном из балов во дворце. Предприимчивые церковники использовали в Манчестере рок даже во время богослужения. «Новая музыка» вошла в быт и «низов», и «верхов», утратила свою бунтарскую окраску и способность выражать оппозиционные настроения.

Но сами эти настроения остались, и в начале 60-х годов они были

направлены как против торийской реакции, так и против Х. Гейтскелла и других антисоциалистических лидеров лейбористской партии. В 1963 г. произошла смена руководства в обеих основных партиях. Популярность лидера консерваторов Г. Макмиллана упала, по мнению левой прессы, так же низко, как в 1940 г. - престиж Н. Чемберлена. Помимо провала попыток вступления в «Общий рынок» положение Макмиллана осложнилось в результате сенсационных разоблачений глубокого морального разложения верхов общества, в том числе - некоторых консервативных министров. Отставка наиболее скомпрометированного министра Профьюмо не спасла положения. Уйти должен был сам премьер. Лидером партии и премьер-министром стал лорд А. Хьюм, который, впрочем, отказался от своего места в палате лордов, чтобы продемонстрировать «демократизацию» консервативной партии. Под именем А. Дуглас-Хьюма он повел партию к новым выборам.

В лейбористской партии смена лидера произошла вследствие смерти Х. Гейтскелла. В атмосфере усиления левого крыла партии члены лейбористской фракции предпочли кандидатуре Д. Брауна, известного своими правыми взглядами, Гарольда Вильсона, который занимал центристскую позицию. Г. Вильсон, бывший преподаватель экономических дисциплин в Оксфорде, считавшийся специалистом именно по экономическим вопросам, энергично критиковал и план вступления в «Общий рынок», и чрезмерные военные расходы, и неспособность консерваторов разрешить проблему платежного баланса, и застой в промышленности. На партийной конференции 1963 г. был представлен разработанный под его руководством документ «Лейбористское движение и научная революция». Нельзя надеяться, говорил лидер партии, что автоматизация минует Англию: «Луддитам не место в социалистической партии». Вся пропаганда лейбористов накануне выборов сводилась к внушению того, что они сумеют лучше, чем консерваторы, управлять капиталистической Англией. Лейбористы обещали ряд прогрессивных мер (экономия на военных расходах, национализация сталелитейной промышленности, повышение пенсий, улучшение медицинского обслуживания и образования и др.), но не пожелали сделать вызов могуществу «большого бизнеса», на чем настаивали коммунисты.

Половинчатый и непоследовательный характер предвыборной программы лейбористов и был главной причиной того, что партия не получила на выборах в октябре 1964 г. прироста голосов по сравнению с 1959 г., хотя и выиграла 55 мандатов. В результате лейбористы получили 317 мест против 303 консерваторов и 9 либералов. Это было ничтожное большинство в пять депутатов, которое вскоре упало (вследствие неудачи на дополнительных выборах) до двух. Тем не менее это все же была победа, давшая возможность партии вернуться к власти после 13 лет пребывания в оппозиции. Новые выборы, проведенные в марте 1966 г., обеспечили лейбористам прочное большинство в 97 членов парламента.

Лейбористский кабинет пришел к власти в очень сложной обстановке. Дело не только в том, что он располагал ничтожным большинством. Вильсон с самого начала дал понять, что он не намерен с этим считаться и будет

проводить свою линию так же твердо, «как если бы у него было большинство голосов в 40 или 400 членов парламента». Шаткость правительства даже приносила руководству некоторое преимущество, так как левые круги в партии (и в самом правительстве) воздерживались от открытой критики правительства, боясь свалить его и вернуть к власти тори. Сложность определялась прежде всего тяжелым наследием 13-летнего правления консерваторов. В частности, уже в первый день пребывания на Даунинг-стрит, 10, Вильсон и его коллеги узнали, что дефицит платежного баланса составляет 800 млн. ф. ст. А ведь были еще и срочные обязательства, вытекавшие из предвыборных обещаний: повышение пенсий и прочие социальные мероприятия. Где взять деньги для этого?

Необходимо было принимать срочные меры. Хотя Вильсон ввел в кабинет несколько левых лейбористов, в частности лидера профсоюза транспортных и неквалифицированных рабочих Ф. Казенса, ключевые посты принадлежали крайне правым. Учредив новое «Министерство экономики» и поставив во главе него своего недавнего соперника в борьбе за лидерство - Д. Брауна, премьер тем самым отдал одно из решающих ведомств в руки крайнего антисоциалистического крыла партии. Второй по значению пост в государстве - министра финансов получил представитель того же направления Дж. Каллагэн. При таком составе правительства ни о каких решениях наступательного-по отношению к монополиям - характера не могло быть и речи.

Наоборот, все теоретические и программные установки Вильсона сводились, по существу, к более быстрому и рациональному развитию государственно-монополистического капитализма. Не отрицая необходимости дальнейшей национализации некоторых отраслей (в частности - сталелитейной промышленности, которая была денационализирована консерваторами), Вильсон видел путь к преодолению хронического отставания английской экономики в тесном сотрудничестве между правительством, монополиями и тред-юнионами. Резко повысить роль государства в планировании и руководстве экономикой, содействовать научно-техническому прогрессу, модернизировать промышленность, перераспределить национальные ресурсы - таковы главные направления экономических планов, которые намерено было осуществить лейбористское правительство. Речь шла в конечном счете о помощи монополиям, а не о борьбе с ними, и эту помощь должен был оказать, по замыслу Вильсона, помимо правительства, рабочий класс. Еще в 1963 г. он заявил, что в результате такой политики будет достигнуто всеобщее изобилие, которое, по его мнению, и есть социализм: «Мы заново определяем и заново конкретизируем наше понимание социализма в соответствии с условиями и требованиями научной революции». Таким образом, научно-техническая революция провозглашалась магистральным путем к социализму, независимо от того, в чьих руках находятся средства производства и какому классу принадлежит власть.

В 1965 г. парламентом был принят «Пятилетний национальный экономический план», разработанный под руководством Вильсона и Брауна. Намечалось к 1970 г. обеспечить рост производства на 25%. Уже в 1966 г.

предполагалось ликвидировать кризис платежного баланса, а к 1970 г. иметь даже активный баланс примерно в 250 млн. ф. ст.

В этом плане намечались некоторые позитивные меры, рассчитанные на оздоровление экономики, но в то же время ему были присущи все коренные слабости лейбористской экономической политики: главный расчет основывался не на дальнейшей национализации, а на развитии монополий. Кроме того, план не предусматривал коренного сокращения военных расходов, без чего немыслимо было решить экономические проблемы Англии. Уже в этих пороках были заложены предпосылки для быстрого и катастрофического провала «Национального плана». Разработка плана представляла собой действительно нечто новое в действиях лейбористов по сравнению с консерваторами. Но пути его осуществления не только не содержали ничего специфического для «рабочей» партии, но были, по существу, антирабочими.

В начале своего правления (весной 1965 г.) лейбористский кабинет провел некоторые прогрессивные социальные законы: были увеличены пенсии по старости, отменены некоторые виды оплаты за медицинское обслуживание и т. д. Важное социальное и культурное значение имел циркуляр о создании так называемых объединенных школ - средних школ, занимающих промежуточное положение между грамматическими и тупиковыми «современными». Объединенные школы принимали учеников без тестовых испытаний (как средние «современные» школы) и в то же время не являлись тупиковыми: они открывали путь к высшему образованию, как грамматические и технические школы. Уже к концу 60-х годов почти половина подростков соответствующего возраста обучались в объединенных школах. Эта реформа в принципе соответствовала требованиям демократизации системы образования, которые давно выдвигались рабочими организациями и передовыми учителями. Правительство Вильсона шло на уступки этим требованиям тем охотней, что без повышения качества образования молодого поколения нельзя было рассчитывать на успех в модернизации промышленности.

Консерваторы встретили эту реформу в штыки, усмотрев в ней угрозу традиционным привилегиям господствующих классов. В действительности даже спустя полтора десятилетия «интеллектуальные сливки» микрорайона все-таки собирала грамматическая школа. Кроме того, дифференциация проникла и внутрь объединенной школы, где возникли отделения, потоки, профили, сводящиеся к академическому (элитарному) направлению подготовки и к неакадемическому, рассчитанному на массы будущих исполнителей, хотя и хорошо образованных. Но в целом по характеру обучения объединенные школы все больше сближались с грамматическими, что приводило к росту общей культуры молодежи, к расширению контингента потребителей «высокой культуры».

В этом можно усмотреть одну из причин того, что английские театр и киноискусство успешно выдерживали конкуренцию телевидения. В 50-е и в первой половине 60-х годов посещение кино падало год от года, но затем начался обратный процесс. Конечно, в основе его лежали и такие факторы, как стремление зрителей к коллективному восприятию музыки, драматического

представления, фильма, - стремление, отражающее сугубо демократические, коллективистские черты социальной психологии масс. Но немалую роль сыграла и ориентация наиболее творческой части деятелей театра и кино на создание подлинно реалистических спектаклей и фильмов, порождающих у зрителей глубокие чувства и раздумья, несущих им подлинное эстетическое наслаждение.

В 1963 г. был, наконец, открыт Национальный (т. е. государственный) театр, решение о строительстве которого было принято еще в 1949 г. Впрочем, здание было построено лишь к 1976 г., и театр начал работу в несколько перестроенном старом здании «Олд Вик». Но главное - это был театр с постоянной труппой (первоначально всего в 50 человек), с постоянным художественным руководителем в лице режиссерской коллегии, возглавляемой Лоренсом Оливье (с 1975 г. - Питером Холлом, который прежде руководил Королевским шекспировским театром), с прогрессивно настроенным литературным консультантом Кеннетом Тайненом, который в течение многих лет участвовал в борьбе за создание Национального театра. Одну из важнейших задач нового театра он сформулировал так: «Заполнить пробел в нашем репертуаре, постепенно познакомить зрителя со всеми пьесами, которые составляют плоть и кровь репертуаров других стран. Без них наши драматурги так и окаменеют в своей островной ограниченности».

Разумеется, стержнем репертуара оставались пьесы Шекспира, тем более, что в 1964 г. отмечалось 400-летие со дня рождения великого драматурга. В день открытия Национального театра Л. Оливье поставил «Гамлета», а в 1964 г. впервые сыграл Отелло. В его трактовке Отелло - не «голубой» герой, невинный, доверчивый, лишенный недостатков, а самовлюбленный, ослепленный гордыней и даже плохо скрываемым чувством расового превосходства. Его трагедия - не просто трагедия обманутого доверия, она порождена эгоцентризмом Отелло, его властью, пренебрежительным отношением к другим людям, включая, может быть, и Дездемону; бешенство мавра в последних сценах вызвано тем, что его - сильного, стоящего на голову выше других, обманули мелкие людишки. Отелло - во многом жертва собственных пороков, и не будь их - не случилось бы непоправимое. Человек сам ответственен за свои поступки, какие бы обстоятельства ни толкнули его на них. Новаторская и достаточно сложная трактовка образа и всей трагедии пересматривают традицию, усиливая гуманистическое звучание спектакля.

Еще более смело обошелся с традицией выдающийся режиссер Питер Брук в спектаклях, поставленных в Королевском шекспировском театре в Стратфорде-на-Эвоне. Брук - и практик, и теоретик театра. Он - автор курсов лекций о современном театре, которые читал в ряде университетов, трактата «Пустое пространство», и он же поставил свыше 80 спектаклей, не говоря уже о фильмах и телеспектаклях. Сделать театр необходимым элементом общественной жизни («как при Шекспире»!) - такова задача, которую П. Брук пытался решить и своими теоретическими изысканиями, и, главное, своим сугубо современным подходом к драматургическому материалу. Он призывал не вернуться к Шекспиру, а добиться шекспировского уровня мысли и чувства.

С этих позиций Брук поставил «Короля Лира» со своим другом и единомышленником Полом Скофилдом в главной роли. Впоследствии на основе этого спектакля был сделан фильм. Лир в трактовке Брука и Скофилда - не несправедливо обиженный величественный старец, а свихнувшийся старый деспот, мучающий всех окружающих. Не «хороший Лир» и «плохие дочери», а люди с достоинствами и пороками, которых театр как бы отказывается судить, но зато он судит жестокий и аморальный мир, в котором возможны такие трагедии. И судит он не далекое прошлое, для Брука вся история человечества - «настоящее»; таков масштаб его мышления.

Видимо, творческие поиски и художественные открытия лучших английских театров импонировали той части публики, эстетические потребности которой уже невозможно удовлетворить ни примитивной поп-музыкой, ни модернистскими экспериментами.

В самом деле, несмотря на высокие цены билетов, в сезон 1972/73 гг. Королевский шекспировский театр сделал рекордные сборы как в Стратфорде, так и в своем лондонском филиале. Это косвенно было связано, как уже говорилось, с политикой лейбористов, направленной на некоторую «интеллектуализацию» общественной атмосферы (в частности на улучшение системы среднего образования). Но ограниченность правительственных мер вызвала новое обострение классовой борьбы и новую волну «молодежного бунта», участникам которого даже лучшие достижения демократического искусства казались слишком «респектабельными».

Лейбористское правительство пошло значительно дальше консерваторов в наступлении на рабочий класс. Была провозглашена «политика доходов», т. е. политика ограничения потребления. Правительство выступило против стачек и локаутов, аргументируя это тем, что они «подрывают конкурентоспособность и развитие всех потенциальных возможностей экономики». Вместо стачек - испытанного средства борьбы рабочего класса против предпринимателей - лейбористская верхушка предлагала наладить сотрудничество тред-юнионов, предпринимателей и правительства на основе следующего принципа: зарплата и прибыли не должны расти быстрее, чем растет вся экономика страны. Такая постановка вопроса молчаливо предполагала, что сложившееся в то время распределение доходов между предпринимателями и рабочими - справедливо, и рабочий класс может претендовать на улучшение условий жизни лишь в связи с ростом производства. Кроме того, хотя формально говорилось об ограничении зарплаты и прибылей, на деле контролю подвергалась только зарплата; прибыли и цены на товары практически контролировались весьма слабо.

Правые лидеры профсоюзов согласились принять «политику доходов», по массы и левые силы в профсоюзах сразу усмотрели в этой политике посягательство на права рабочего класса, на его уровень жизни, на давно завоеванное право на стачку.

В этих условиях английские коммунисты, представляя самые передовые и классово зрелые элементы рабочего класса, усилили свое воздействие на массы. КПВ на протяжении современного периода истории Англии систематически разрабатывала программные требования для всех левых сил, стараясь

объединить их для совместной борьбы против империалистической внешней политики обеих правящих партий и за прогрессивную внутреннюю политику. Подчеркивая в многочисленных документах, что «в конечном счете единственным ответом на все проблемы Англии» является социализм, компартия в то же время выдвигала такие требования, которые могли объединить все левые силы: резкое сокращение военных расходов, отказ от империалистической политики «к востоку от Суэца», широкое сотрудничество с Советским Союзом и другими странами социализма, отмена «политики доходов», усиление государственного контроля над монополиями, повышение зарплаты, особенно низкооплачиваемым рабочим, защита профсоюзных прав.

Справившись с особыми трудностями, возникшими в 1957-1958 гг. в связи с антикоммунистическим походом реакции и появлением ревизионистских шатаний у некоторой части партийной интеллигенции, КПВ в 1958 г. уточнила и приняла программу «Путь Британии к социализму». На XXX съезде партии в 1967 г. эта программа под названием «Британский путь к социализму» была уточнена в соответствии с теми изменениями, которые произошли в мире за истекшее десятилетие.

В 1966 г. (с 25 апреля) коммунистическая ежедневная газета «Дейли уоркер» была переименована в «Морнинг стар» («Утренняя звезда») и увеличена в объеме. Это дало возможность публиковать больше материалов по вопросам профсоюзной работы, а также по проблемам искусства, литературы, спорта.

Повседневная разъяснительная работа коммунистов, их дискуссии с другими левыми течениями в рабочем движении, выдвижение компартией четкой программы действий плодотворно сказывались на расстановке сил в рабочем движении. Многие лозунги и требования, впервые выдвинутые КПВ, подхватывались движением сторонников мира, левыми лейбористами и левыми группами в тред-юнионах.

Во второй половине 60-х годов рабочий класс сумел нанести поражение промонополистической политике правительства в ее главном звене - «политике доходов». Установленная правительством норма повышения зарплаты не должна была превышать 3,5% в год, что было значительно ниже роста цен. Поскольку руководство БКТ и большинства союзов склонно было поддержать курс Вильсона, массы ответили на новое наступление буржуазии, проводимое при поддержке «своего» правительства, волной «диких», т. е. не санкционированных руководством, стачек. Нередко лидеры в ходе стачки соглашались признать ее «законной»; вместе с тем давление снизу вынуждало их объявлять и «официальные» стачки.

С 16 мая по 1 июля 1966 г. бастовали моряки, потребовавшие повысить зарплату на 17%. Это настолько противоречило «политике доходов», что Вильсон решил вмешаться самым энергичным образом, чтобы продемонстрировать решимость правительства сломить сопротивление официально объявленному курсу. Было введено чрезвычайное положение, на моряков обрушились обвинения в нелояльности, буржуазная пресса и лидеры БКТ заговорили о «коммунистическом заговоре». И тем не менее стачка

закончилась компромиссом, означавшим, по существу, принципиальную победу рабочих: зарплата была повышена на 5%, т. е. правительственная «норма» была превзойдена.

Атмосфера острой конфронтации между правительством, буржуазией, правыми тред-юнионистскими лидерами - с одной стороны, и массами, шоп-стюардами, КПВ, левыми лейбористами - с другой, привела к размежеванию и в верхах лейбористской партии. Казалось бы, после мартовских выборов 1966 г., обладая абсолютным большинством в парламенте, Вильсон мог не бояться срыва своей экономической политики, тем более, что ее поддерживали и монополии, и консервативная партия. Однако более 150 членов лейбористской фракции осудили тактику правительства во время стачки. Через несколько дней после ее окончания член правительства Ф. Казенс подал в отставку. Конфликт усилился в связи с тем, что Вильсон решил ввести еще более жесткие меры - не ограничение роста зарплаты, а ее «замораживание», причем уже не по добровольному соглашению между БКТ, монополиями и правительством, а по закону. В законопроекте «О ценах и доходах» речь шла и о замораживании цен, но правительство не решилось принять жесткие меры по отношению к промышленникам и торговцам, так что цены продолжали расти. Стачки же фактически запрещались: правительственные органы должны были решать, справедливо ли требование рабочих и может ли им быть разрешена стачка. Казенс назвал билль «в корне порочным». «Это неправильный подход, - писал он в заявлении об отставке, - противоречащий философии, на которой зиждется наша партия».

Вернувшись на свой пост секретаря самого массового профсоюза страны, Казенс повел борьбу против законопроекта и вообще против антинародной политики правительства. Он стал теперь центром притяжения левых сил в профсоюзном движении и в лейбористской партии. Стоит лишь ознакомиться с программой действий, которую он предложил, чтобы убедиться, что она во многом совпадала с конкретными требованиями, которые давно отстаивали коммунисты. Вместе с группой левых лейбористских членов парламента (54 человека) он внес в парламент предложение: «ввести систему строгого контроля над импортом; усилить контроль над заграничными капиталовложениями, решительно сократить военные расходы, в частности обязательства Англии «к Востоку от Суэца», и расширить государственный сектор в основных отраслях промышленности».

На конгрессе тред-юнионов 1966 г. правая верхушка добилась одобрения закона о ценах и доходах ничтожным большинством в 344 тыс. голосов. Свыше 4 млн. голосов было подано против. Но это была уже последняя «победа» сторонников Вильсона. В крупнейших профсоюзах нарастало возмущение этой политикой. Весной 1967 г. второй по численности тред-юнион в стране - Объединенный профсоюз машиностроителей, вопреки позиции председателя У. Каррона, потребовал специальной резолюцией отменить закон о ценах и доходах. Внутренняя борьба в этом профсоюзе завершилась победой левых сил, которые добились осенью 1967 г. избрания на пост председателя Хью Скэнлона - представителя прогрессивного направления в тред-юнионах. Таким образом,

два крупнейших профсоюза, объединявшие почти 2,5 млн. рабочих заняли позиции на левом крыле профсоюзного и лейбористского движения.

Борьба нарастала. Если в 1967 г. бастовало 734 тыс. рабочих, то в 1968-2258 тыс. Даже в национализированных отраслях, где само правительство принимало решение о размерах зарплаты, оно вынуждено было отступить под натиском бастующих рабочих. Зарплата была повышена на 5-7% некоторым категориям железнодорожников и связистов.

Теперь уже и руководство БКТ вынуждено было изменить отношение к «политике доходов». В 1968 г. происходил 100-й («юбилейный») конгресс тред-юнионов. Здесь резолюция против этой политики прошла подавляющим большинством.

Последняя попытка Вильсона помешать рабочему классу отстаивать свои права путем стачки была предпринята в 1969 г. Билль был назван примирительно - «Вместо раздоров», но содержание его сводилось к «примирению» за счет рабочих. Вводилась сложная процедура предварительного разбирательства претензий рабочих, обязательного тайного голосования членов союза по вопросу - бастовать или нет, наконец, устанавливались большие штрафы за нарушение этих правил.

Около 100 парламентариев-лейбористов высказались против билля. Из 21 члена исполкома лейбористской партии 16 проголосовали против нового ограничения права на стачку. Забастовки продолжались, и рабочие фордовских заводов в Англии добились прибавки зарплаты на 7-10%. Буржуазный журнал «Экономист» оценил этот результат как равносильный «публичным похоронам политики доходов». Под лозунгом провала билля прошли забастовки 1 мая 1969 г. А в июне чрезвычайный конгресс тред-юнионов почти единогласно проголосовал против тех статей билля, которые ограничивали свободу стачек.

В конце 1969 г. правительство Вильсона наконец капитулировало. Рабочий класс отстоял право на стачку, отбил поддержанное правительством наступление монополий; билль «Вместо раздоров» так и не был введен в действие.

В эти же годы правительству пришлось столкнуться с подъемом молодежного, в основном студенческого, движения. Причиной выступлений молодежи было отсутствие политических и гражданских прав, безработица и низкая зарплата, устаревшая система высшего образования, затруднявшая доступ в университеты рабочей молодежи, трудность устройства на работу по окончании высшей школы, полное устранение студентов от участия в управлении университетами. Движение не приобрело в Англии такого размаха, как в США и на континенте Европы, но все же вынудило лейбористское руководство пойти на избирательную реформу - снизить возрастной ценз с 21 до 18 лет. Прогрессивная избирательная реформа несколько ослабила накал борьбы, но справиться с недовольством молодежи правительству так и не удалось.

Вообще лейбористам многое не удалось: например, выполнить «Национальный план», протащить билль «Вместо раздоров», добиться вступления Великобритании в «Общий рынок». Несмотря на то, что при

консерваторах лейбористы выступали против этого плана, уже в 1965 г. правительство заявило о своем желании присоединиться к «Общему рынку», хотя и на более выгодных условиях, чем те, на которые соглашался Макмиллан. В соответствии с «Национальным планом» и ориентацией на НТР Вильсон рассчитывал, что необходимость выдерживать «свободную» конкуренцию со странами континента будет способствовать большей активности монополий в области технического перевооружения, использования достижений науки. Это решение вызвало вновь резкое противодействие рабочего класса и части лейбористских лидеров, включая некоторых министров. Во время дебатов в парламенте (май 1967 г.) и в кулуарах Вильсон пытался «выкручивать руки» противникам «Общего рынка». Он заявил, что все несогласные могут подать в отставку. Тем не менее 35 лейбористов, включая Казенса, проголосовали против вступления в ЕЭС, а 50 - воздержались. Но вопрос временно был снят, так как Франция опять, как и в 1963 г., наложила вето на присоединение Англии к «Общему рынку».

Во внешней политике правительство Вильсона в основном продолжало курс консерваторов и придерживалось принципа континуитета. По-прежнему оно игнорировало существование ГДР, не признавало границ по Одру и Нейсе и поддерживало агрессию США во Вьетнаме. Однако в отношениях с Советским Союзом в первые годы пребывания лейбористов у власти наметились некоторые положительные сдвиги. Имели место полезные контакты между государственными деятелями обеих стран.

К концу 60-х годов отношения между Великобританией и СССР ухудшились в результате активного участия правительства Вильсона в развязанной международным империализмом антисоветской кампании. Это, разумеется, ослабило позиции лейбористской партии во время выборов летом 1970 г. Вильсон, как, впрочем, и почти все «футурологи», независимо от партийных симпатий, считал, что влияние партии на избирателей вполне обеспечивало ей победу на выборах. Стараясь воспользоваться моментом относительно благоприятной экономической конъюнктуры активного торгового баланса (что так редко бывает в Англии), некоторого временного ослабления стачечной борьбы в результате вынужденного отказа от «политики доходов», Вильсон назначил новые выборы. Он не учел при этом, насколько глубокое недоверие в рядах рабочих избирателей вызвала его промонополистическая политика.

Немалый ущерб престижу правительства принесла его политика в Северной Ирландии. Именно при лейбористском кабинете было положено начало современному этапу кровавого подавления движения за гражданские права, охватившего всю массу католического населения в североирландских графствах. Составляя меньшинство, эти коренные жители Северной Ирландии на протяжении многих десятилетий подвергаются дискриминации по религиозному и частично - расовому признаку. Они проживают в бедных районах городов, своеобразных гетто, выполняют самую низкооплачиваемую работу, отстранены от политической и культурной жизни. Их терроризируют вооруженные отряды «Ордена оранжистов» - полувоенной протестантской

организации.

В 1967 г. была создана Североирландская ассоциация борьбы за гражданские права, видевшая свою задачу в распространении на Северную Ирландию буржуазно-демократических прав и свобод, давно завоеванных английским народом. Навязанные оранжистами вооруженные столкновения были использованы правительством Вильсона как повод для введения в Белфаст - столицу Северной Ирландии - английских войск. Хотя было объявлено, что их задача - остановить кровопролитие и навести порядок, в действительности сложился своеобразный оккупационный режим, при котором на католическое население обрушились уже не только бомбы протестантских террористов, но и репрессии со стороны правительственных войск. Неспособность правительства найти демократическое решение проблемы Ольстера породила недовольство как в самой Северной Ирландии, так и в Великобритании.

Итоги шестилетнего пребывания у власти лейбористского кабинета были таковы, что избиратели на выборах 1970 г. отдали предпочтение консерваторам, хотя их программные установки не давали основания надеяться на какие-либо положительные сдвиги.

Во главе консервативной партии с 1965 г. стоял Эдвард Хит - несколько необычная фигура в торийской элите, давно, правда, включавшей не только аристократов, но и крупных финансистов и промышленников, связанных со старой знатью матримониальными узами. Это тот «магический итонский круг» (круг людей, учившихся в привилегированных закрытых школах), в который сыну строительного подрядчика Хиту не было доступа, пока Оксфорд, участие в войне, постепенное продвижение в парламенте не выдвинули его в число влиятельных партийных деятелей. Потерпевшие поражение на выборах 1964 г. консерваторы, составлявшие оппозицию, пытались выработать курс, альтернативный политике лейбористов. При всем разнообразии выдвинутых в этот период доктрин, они все сводились к резкому ограничению государственного вмешательства в экономику, к большей или меньшей «свободе предпринимательства». С этим лозунгом они и пришли на выборы.

В предвыборном манифесте «Лучшее будущее» говорилось о необходимости устранить «излишнее» вмешательство государства, ликвидировать некоторые созданные Вильсоном органы, развязать частную инициативу. По существу, монополии стремились ликвидировать лишь те ограничения, которые хоть в какой-то мере затрагивали их коммерческие операции. По отношению же к рабочему классу они, наоборот, придерживались курса на жесткое государственное регулирование, на запрещение стачек.

Уже в октябре 1970 г. был опубликован законопроект «Об отношениях в промышленности», а в августе 1971 г. он был принят парламентом. Это был сугубо классовый закон, направленный против профсоюзов и права на стачку. Профсоюзам предписывалось регистрироваться в органах надзора; те руководители профсоюзов, которые отказывались от регистрации, не считались «законными» представителями рабочих и не имели права объявлять стачку под страхом штрафа и тюремного заключения. Запрещались стачки солидарности,

политические, а также все «дикие» стачки.

В период между опубликованием законопроекта и принятием закона рабочий класс однодневными забастовками и массовыми демонстрациями добивался провала билля. 12 января и 1 мая 1971 г. бастовало по 2 млн. рабочих. Чрезвычайный съезд БКТ в марте 1971 г. рассматривал даже вопрос о всеобщей политической стачке, для того чтобы заставить правительство консерваторов уйти в отставку. Большинство все же пошло за умеренными лидерами Генсовета, рекомендовавшими поэтапное сопротивление: отказ от регистрации, помощь рабочим, бастующим против отдельных статей закона, и т. д. Но 4 млн. человек - почти половина организованных рабочих - подали через своих представителей голоса в пользу всеобщей стачки!

Когда закон был принят, борьба развернулась с новой силой и невиданным упорством. Съезд БКТ осенью 1971 г. потребовал отмены закона, а конференция лейбористской партии поддержала требование отмены закона после прихода к власти лейбористского правительства (1974). Между тем массовое стачечное движение продолжалось; в 1971 г. было потеряно 13,5 млн. рабочих дней, а в 1972 г. - 24 млн. В январе - феврале 1972 г. бастовали углекопы всех бассейнов страны. Правительство вынуждено было пойти на принципиальные уступки и повысить зарплату рабочим этой государственной отрасли на 25%. Вслед за ними 14% надбавки добились железнодорожники. Эти, как и другие стачки, показали неэффективность закона «Об отношениях в промышленности».

Особое место в стачечных выступлениях английских рабочих заняли события на верфях Верхнего Клайда. Предприниматели летом 1971 г. решили, ссылаясь на нерентабельность, закрыть верфи, а это означало, что тысячи людей лишатся работы. На одной из верфей комитет шоп-стюардов предложил продолжать работу, «окупировать» предприятие.

Организовав производство, рабочие доказали, что могут справиться без менеджеров фирмы и сделать предприятие рентабельным. Больше года продолжалась «оккупация», и за это время выросла производительность труда, затем верфь в полном порядке была передана новым владельцам - американской компании.

Эти события происходили в условиях развертывающегося во всем капиталистическом мире глубокого экономического кризиса первой половины 70-х годов.

Кризисные явления в полной мере проявились и в Великобритании. Правительство Хита рассчитывало поправить дело вступлением в «Общий рынок». По существу, продолжая политику Макмиллана и Вильсона, он вновь повел переговоры с континентальными державами, и в январе 1973 г. Англия стала членом Европейского экономического сообщества. Как и предупреждала КПВ, это привело к тяжелым последствиям для рабочего класса и вообще трудящихся. Прежде всего возросла безработица, так как усилился вывоз капитала из Англии в страны «Общего рынка». Если до вступления в эту группировку английские инвестиции на континенте составляли менее 100 млн. ф. ст. в год, то в 1973 г. они уже превысили 500 млн. Кроме того, стали быстро

расти цены на продовольствие, так как нарушились традиционные связи с поставщиками относительно дешевых продуктов питания - Канадой, Австралией, Новой Зеландией. Наконец, теперь монополии, стремясь выдержать конкуренцию западногерманских, французских, бельгийских фирм за счет рабочего класса, были особенно заинтересованы в «замораживании» зарплаты.

Классовая борьба, политическая напряженность в стране усиливались и в связи с политикой правительства Хита в Северной Ирландии. В 1973 г. был распущен североирландский парламент и установлено так называемое прямое управление из Лондона. Кровавый террор, нарушение прав человека, пытки заключенных, бесчинства английской военщины порождали ответные меры ирландских экстремистов. На улицах Лондона и других английских городов стали рваться бомбы. При входе в столичные библиотеки и музеи полиция вынуждена была осматривать портфели и даже дамские сумочки - нет ли там пластиковых бомб! Демократическая общественность была возмущена зверствами в Северной Ирландии и неспособностью правительства найти мирное и демократическое решение проблемы.

Твердолобой внутренней политике консерваторов соответствовала и их внешняя политика. В начале 70-х годов человечество вступило в полосу разрядки международной напряженности. Программа мира, выдвинутая XXIV съездом КПСС, встретила поддержку демократических сил во всем мире. В международных отношениях стали преобладать тенденции к реалистической политике. В обстановке нормализации отношений Советского Союза с США, Францией, ФРГ Англия оставалась единственным форпостом «холодной войны». Конечно, правительство Хита понимало, как много оно от этого проигрывает. В декабре 1973 г. министр иностранных дел А. Дуглас-Хьюм (бывший премьер-министр) посетил Советский Союз и имел полезные беседы с советским руководством. Но это было сделано с большим опозданием, да и нового этапа в советско-английских отношениях переговоры не открыли.

Все это создавало почву для недовольства широких слоев населения, и выражалось оно не только в массовых стачках, но и в «духовном климате» первой половины 70-х годов. Популярность приобрела песенка одного из бывших битлзов Пола Маккартни «Верните Ирландию ирландцам!». Песни протеста писал и Джон Леннон. Вместе с тем они отмежевались от ультралевых элементов в молодежном движении, которые в своей ненависти к истэблшменту готовы были (не без влияния «культурной революции» в Китае) пойти на уничтожение подлинных ценностей культуры. Ультралевые смыкались в циничном отрицании моральных норм и высоких нравственных ценностей с крайне реакционными направлениями в философии, психологии, искусстве.

Стереть грань между нормальным и ненормальным, моральным и аморальным, любовью и порнографией - таков, видимо, замысел пьесы бывшего «рассерженного» Д. Осборна «Чувство отрешенности», поставленной в 1972 г. Пьеса сводится к чтению актрисой порнографических отрывков, в которые вкраплены возвышенные строки английских поэтов о любви.

Проповедь анархической «свободы» проникла и в сферу педагогики, где прогрессивная в целом идея максимального расширения самостоятельности школьника доводится до абсурдного тезиса об «абсолютной свободе» ребенка в выборе занятий и даже до концепции «общества без школы».

Своеобразное проявление этой же тенденции наметилось и в области градостроительства. Поскольку проектный замысел новых городов, созданных в 50-60-х годах, все равно впоследствии нарушился, не лучше ли положиться на «естественный» ход образования и развития населенных пунктов? На этот вопрос некоторые архитекторы 70-х годов отвечали утвердительно, противопоставляя «хаос» - «порядку» явно в пользу хаоса (без кавычек). А ведь родоначальник «современной» архитектуры Ле-Корбюзье называл «дорогой людей» - порядок, а хаос - «дорогой ослов».

Нетрудно уловить в различных вариантах пропаганды свободы и хаоса нечто общее с лозунгами тори, направленными против планирования (или «чрезмерного» планирования, как они предпочитают говорить) экономики, на прославление «свободной игры» и «частной инициативы». Вместе с тем поборники свободы и хаоса нередко субъективно бесконечно далеки от консервативной партии с ее антидемократизмом, элитарностью, реакционной внутренней и внешней политикой. Выражая в специфической форме протест против реакции и всей системы ценностей господствующего класса, они в то же время выражают и хаотичность сознания, отсутствие идеологической ясности у немалой части рабочей и студенческой молодежи.

Бывает и так, что более или менее четкий социально-политический идеал не находит адекватного художественного выражения и в какой-то мере тонет в волнах модернистского видения мира. В 1971 г. перед зданием нового «Шоу тизэтра» была сооружена выполненная по специальному заказу муниципальных властей скульптура Жанны Д'Арк - в честь героини французского народа и любимой героини Б. Шоу. Скульптура представляет собой сугубо условное сооружение, реалистическую основу которого не может разгадать даже квалифицированный зритель. Купол из перфорированной стали в определенном ритме меняет цвета - зеленый (поля Франции), голубой (небо, откуда пришло видение Жанны) и красный. Уже символическое значение зеленого и голубого не так просто уловить: можно также предположить, что красный - это кровь Жанны. Но автор скульптуры Кейт Грант объясняет, что красный цвет символизирует и кровь детей Вьетнама, сожженных «во имя христианской Америки», и героев Коммуны (как раз 100 лет прошло), и мужество Анджелы Дэвис! Как может об этом догадаться зритель? А ведь Грант очень хочет, чтобы его поняли: «Моя ответственность как художника, - говорит он, -- неотделима от моей ответственности как гражданина и социалиста».

Чувство ответственности за судьбу страны, ее народа и культуры характерно для новейшего направления в театральном искусстве. Оно возникло на рубеже 60-70-х годов и получило название «театр окраины» (fringe). Фриндж - это передвижной театр, в нем играют как профессиональные, так и самодеятельные актеры, сознательно несущие народу идеи передового искусства. Один из таких театров называется «7 : 84 Тизэтр компани». 7 : 84 -

это просто выписка из статистического справочника, согласно которой 7% населения владеют 84% национального богатства. Вот эту ситуацию театр рассматривает как главную черту современного английского общества.

Не все театры фринджа столь открыто ведут борьбу против буржуазного господства. Есть и такие, которые наивно надеются изменить общество средствами «революционной эстетики». Но наибольший успех имеют театральные коллективы, непосредственно отражающие острейшие конфликты современности. На фестивале в Эдинбурге с триумфом прошел спектакль, посвященный борьбе и победе рабочих верфей Верхнего Клайда. В известной мере этому успеху способствовал рост национального самосознания шотландского народа, характерный для общественных настроений 70-х годов, как, впрочем, и соответствующее движение в Уэльсе. Речь идет о праве шотландской и уэльской (валлийской) наций на самоопределение в рамках Великобритании.

В Шотландии движением руководит буржуазная Шотландская национальная партия, искусно использующая недовольство масс в условиях хронического кризиса британского империализма. Выражая справедливые национальные чаяния шотландцев, эта партия, однако, приобрела националистический характер. Она стремится подменить социальные проблемы национальными и расколоть рабочий класс Великобритании по национальному признаку.

Возникновение и развитие националистических партий Шотландии и Уэльса еще более осложнило политическую обстановку в стране, тем более, что позиции двух основных партий в парламенте все чаще оказывались почти равными. И все же ни проблемы «деволюттизма» (т. е. самоопределения Шотландии и Уэльса), ни вопрос о Северной Ирландии, ни даже отношения с ЕЭС не занимали такого места в политической жизни, как конфронтация между консервативным правительством и рабочим классом.

Осенью 1973 г. начала действовать новая фаза «антиинфляционной» политики Хита. Специально созданное управление по зарплате должно было в каждом случае принимать решение - разрешить ли предпринимателям под нажимом рабочих повысить зарплату. Была создана и комиссия по ценам, но это не помешало им подняться в 1973 г. на 15%.

В ноябре 1973 г. Национальный союз горняков потребовал повышения зарплаты вопреки «политике доходов», а также провел частичную забастовку, выразившуюся в отказе работать сверхурочно. Это не было еще прямым нарушением закона «Об отношениях в промышленности», но правительство не без оснований увидело в позиции горняков угрозу политике консерваторов. Пытаясь во что бы то ни стало отстоять «твердый курс» и нанести поражение шахтерам, правительство Хита применило меры провокационного и авантюрного характера. Было объявлено, что из-за недостатка угля электростанции не могут обеспечить энергией заводы, и значительная часть их была переведена на 3-дневную рабочую неделю, - в остальное время ток на предприятия не поступал. Это означало, что рабочие теряли часть зарплаты, потребитель не получал заказанной продукции, вообще стране грозили

экономический хаос и крах - и все из-за эгоистичных людей - шахтеров, предъявляющих непомерные требования, ставящих себя в особое положение, пользующихся обстановкой энергетического кризиса и т. д. Именно так трактовали ситуацию министры, консервативная пресса, комментаторы Би-би-си. Это была попытка изолировать углекопов, натравить на них обывателя и вызвать даже у рабочих других профессий чувство неприязни.

Понимая, что торийское правительство боится уступкой углекопам создать прецедент, которым воспользуются другие отряды рабочего класса, БКТ в январе 1974 г. заявил, что речь идет только об улучшении тяжелого положения людей, работающих под землей, т. е. реформистские вожди тред-юнионов, по существу, обещали поддержать замораживание зарплаты всем рабочим, кроме горняков. Но правительство не желало отступать: оно было уверено в победе. Более того, Хит решил использовать ситуацию для проведения досрочных выборов, которые, по его расчетам, должны были дать консерваторам «мандат» на следующие 5 лет.

События развивались весьма драматично. 23 января исполком Национального союза горняков принял решение о всеобщей стачке. 7 февраля Хит распустил парламент, а 10 февраля началась стачка. Избирательная кампания проводилась консерваторами под лозунгом «защиты порядка», борьбы против «тирании тред-юнионов» и, конечно, против «коммунистического заговора». Им удалось получить голоса части напуганных обывателей, но даже некоторые из них предпочли отдать голоса лейбористам в надежде на то, что они быстрее нормализуют обстановку.

Лейбористов решительно поддержали тред-юнионы. Вильсон сумел сделать выводы из своего поражения в 1970 г., когда антипрофсоюзный курс лишил партию их поддержки. Между лидерами лейбористской партии и Конгресса тред-юнионов установились тесные отношения, основанные на идее «социального контракта». Под этим термином понималось добровольное соглашение между тред-юнионами и правительством: профсоюзы готовы были отказаться от требований повышения зарплаты (хотя и с некоторыми исключениями), а будущее лейбористское правительство давало обязательство обеспечить контроль над ценами, расширить государственный сектор экономики, изменить налоговую систему в пользу трудящихся. Эта сделка между правым руководством БКТ и лейбористской партии предусматривала, таким образом, замену насильственных, законодательных ограничений роста зарплаты «добровольными» самоограничениями. По существу, политика Вильсона и курс Хита, с одной стороны, и идея «социального контракта» - с другой, отличались лишь по форме. Не случайно КПВ, левые элементы тред-юнионов, многие шоп-стюарды с самого начала отрицательно отнеслись к «социальному контракту», рассматривая его как разновидность классового сотрудничества и неоценимую помощь монополиям со стороны правых лидеров рабочего движения. Но все же рабочий класс, возмущенный драконовскими мерами закона «Об отношениях в промышленности» видел в перспективе формирования нового лейбористского правительства определенный шанс на отмену его и на более благоприятные условия для

дальнейшей борьбы с предпринимателями.

Февральские выборы 1974 г. принесли консерваторам поражение. Вину, разумеется, возложили на Хита, и его группировка оказалась в меньшинстве в 1975 г., когда решался вопрос о лидерстве. Главой тори стала представительница правого крыла партии Маргарет Тэтчер; впервые в истории Англии лидером оппозиции стала женщина, и притом именно в консервативной партии, хранительнице традиций. Под руководством Тэтчер торийская оппозиция повела борьбу против расширения национализации, развернула пропаганду против прогрессивных сдвигов в системе среднего образования. SOS! - вопят пропагандисты консервативной партии, - «Спасите наши школы!» (Save our schools!), т. е. традиционные грамматические школы (с тестовыми испытаниями) от поглощения «объединенной школой».

Лейбористская партия победила, однако ее перевес над консерваторами составил всего 5 мандатов (301 против 296). Поэтому в октябре были проведены новые выборы; теперь уже лейбористская партия получила 319 мест, т.е. обеспечила себе абсолютное большинство (635 мест в палате общин). Положение было бы более прочным, если бы не успехи Шотландской национальной партии, которая получила 11 мест, в основном за счет лейбористов.

Кабинет Вильсона в начале пребывания у власти провел некоторые меры прогрессивного характера. Был отменен «закон об отношениях в промышленности», повышена зарплата горнякам, восстановлена полная рабочая неделя на всех предприятиях, заморожена квартирная плата в домах, принадлежащих муниципальным властям. Был сделан важный шаг в развитии советско-английских отношений. Визит Г. Вильсона в Москву в 1975 г. особенно знаменателен тем, что была достигнута договоренность о консультациях между двумя державами по вопросам международных отношений.

Однако в целом политика лейбористского правительства ориентировалась по-прежнему на развитие экономики за счет рабочего класса и в интересах монополий. Летом 1975 г. был официально заключен «социальный контракт» сроком на два года, что привело к некоторому ослаблению стачечной борьбы, временной пассивности тред-юнионов и даже шоп-стюардов. Недаром предприниматели выражали удовлетворение «миром в промышленности», а «умеренная» группировка консерваторов во главе с Хитом высказалась в поддержку «социального контракта». Но, как и предвидела КПВ, «самоограничение» тред-юнионов привело к падению реальной зарплаты, так как рост цен оказался практически неограниченным. В значительной степени это было связано с пребыванием Великобритании в составе «Общего рынка»; цены, особенно на продовольствие, пришлось подтягивать к более высоким ценам, установленным в ЕЭС.

Г. Вильсон добился в ходе переговоров с правительствами стран «Общего рынка» незначительного улучшения условий английского членства в этой группировке и вынес вопрос о дальнейшем пребывании в ЕЭС на референдум, который состоялся 5 июня 1975 г. Это было новшеством в английской

конституционной практике. Референдумы никогда не проводились в Великобритании. Референдум принес победу сторонникам «Общего рынка», которые собрали 2/3 голосов избирателей, участвовавших в референдуме. Фактически в ходе подготовки к голосованию право-лейбористская верхушка действовала в коалиции с консервативной и либеральной партиями. Так создавалась атмосфера, благоприятная для «правоблоккистской» тактики правых лейбористов.

С уходом Г. Вильсона в отставку (по личным мотивам) в марте 1976 г. лидером партии и премьер-министром стал Дж. Каллагэн, всегда принадлежавший к правому крылу партии. Продолжая политику «социального контракта» он столкнулся с нарастающим сопротивлением масс «добровольному» отказу от борьбы за повышение заработной платы. Под их влиянием съезд БКТ в 1976 г. принял резолюцию, требующую возврата к свободному договорному регулированию зарплаты, т. е. по существу, зафиксировал провал «социального контракта». На этом же конгрессе, а затем и на партийной конференции прошла резолюция с требованием национализации банков и страховых компаний. Полевение сказалось и на результатах частичных выборов в парламент. Места теряли и консерваторы, и лейбористы, чья политика вызвала разочарование масс. К 1977 г. лейбористы имели уже 311 мест в палате общин (потеряли с осени 1974 г. 8 мандатов), а консерваторы - 282. Выигрывали же либералы и националистические партии Шотландии и Уэльса.

Лишившись абсолютного большинства, правительство Каллагэна стало действовать на двухпартийной основе, заключив пакт с либералами. Это была еще не коалиция, поскольку правительство оставалось однопартийным, но политика лейбористского кабинета уже оказалась в зависимости от позиции либеральной партии. О характере этого влияния маленькой буржуазной партии (13 депутатов летом 1977 г.) свидетельствует заявление Д. Стила, лидера либералов, сделанное вскоре после заключения пакта: «Руководители банков и страховых компаний теперь могут спать спокойно». Иначе говоря, за поддержку со стороны либералов правительству приходится платить дорогой ценой и прямо нарушать инструкции партийной конференции. Впрочем, такое положение вполне устраивает право-лейбористское руководство, так как облегчает блокирование прогрессивных резолюций и создает определенный противовес растущему влиянию левого крыла партии.

Падение престижа лейбористского правительства продолжалось, и весной 1979 г. оно оказалось вынужденным досрочно провести новые выборы, так как консерваторам удалось собрать большинство голосов в палате общин при голосовании вотума недоверия правительству. Выборы 3 мая принесли победу консерваторам, несмотря на то что их программа предусматривает наступление на права профсоюзов, денационализацию некоторых отраслей промышленности и сокращение социальных ассигнований. Премьер-министром впервые в истории Великобритании стала женщина - Маргарет Тэтчер. Она сможет опираться на прочное большинство - 339 мандатов; у лейбористов 268, остальные партии (либералы, шотландские националисты и др.) - 28. Однако

как показывает опыт последних десятилетий, рабочий класс Великобритании обладает достаточной мощностью, чтобы парализовать наступление господствующих классов. КПВ, во главе которой после отставки (по возрасту) Д. Голлана стоит бывший руководитель английского комсомола Г. Макленнан, призывает рабочий класс к сопротивлению единому фронту буржуазии и правых лейбористов, к преобразованию лейбористской партии в подлинно социалистическую партию, защищающую интересы народа, а не монополий. Судьба страны зависит в конечном счете от роста социалистической ориентации в массах трудящихся, от их готовности к борьбе и от степени их единства.